Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

А. АВДЕЕНКО

Горная весна

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В конце апреля 1952 года на рассвете из ворот филиала иностранной фирмы, основавшей еще в начале века в Будапеште концессионное предприятие, вышел мощный светлого цвета «Линкольн». Управлял им Джон Файн, инженер, генеральный секретарь филиала фирмы, азартный автомобильный гонщик. По совместительству Джон Файн был тайным резидентом разведывательного центра «Юг», ответственным за агентурное направление, именуемое в секретных докладах «Тисса». Под этим шифром скрывалась пограничная с Венгрией советская Закарпатская область: Верховина, все города и населенные пункты, лежащие на берегах Тиссы, Латорицы и других рек, важные мосты, электростанции, аэродромы, воинские части, железные дороги, связывающие через горные хребты Советский Союз с Чехословакией, Венгрией, Австрией, Югославией.

Джон Файн был в синем свитере. Рыжеволосая его голова была покрыта шлемом автомобильного гонщика. Несмотря на то, что Файн покидал Будапешт в субботу — в день, когда обычно выезжал на далекие прогулки,— он был не в праздничном настроении. Теперь Файн мчался на своем «Линкольне» не на озеро Балатон, не к устью

Тиссы, впадающей в пограничный с Югославией Дунай, не в знаменитый своими винами Токай. Он спешил на запад, в оккупированную Южную Германию. Там, в Баварском лесу, в старинном охотничьем замке, затерянном в горной глуши, Джона Файна ждал «Бизон» — начальник разведцентра «Юг», в систему которого входило закарпатское направление «Тисса».

Джона Файна вызвали шифрованной телеграммой. Над ним, как он догадывался, готовилась расправа за провал «Колумбуса» и за все, что было связано с этим скандальным делом, казавшимся когда-то таким верным. Рухнуло все, что так долго обдумывалось, на что потрачены огромные средства и усилия. А как хорошо проходила поначалу операция! Кларк-«Колумбус» удачно перебрался через границу. Потеря тех, кто его сопровождал, не в счет, она запланировалась. В первые же дни своей жизни в Яворе «Колумбус» должен был надежно, с помощью документов убитого Ивана Белограя, закрепиться на советской земле. Большие были надежды, но они не сбылись. Файн не получил в положенный срок сигнала, означающего, что Кларк развернул в Яворе свою деятельность. Никакого сигнала не приняла из Закарпатья тайная радиостанция филиала фирмы и в течение другой недели. Это был крайний срок, это уже означало катастрофу. Как и по чьей вине провалился Кларк, уцелели его помощники или тоже провалились,— все это пока не было известно Файну. Но факт остается фактом. «Колумбус», такой крупный, вышколенный разведчик, потерян. Успел ли он, прежде чем его арестовали, раздавить ампулу с ядом? А если его взяли живым, то сумеет ли он молчать? К сожалению, ему многое известно.

«Что же мне будет за провал «Колумбуса?» — размышлял Джон Файн.— Если не подоспеет крепкая помощь, дадут по шее, выставят из разведки».

Автострада еще не просохла после ночного дождя, дорога была скользкой, опасной. Но Файн гнал и гнал машину, не сбавляя скорости ни на мостах, ни на спусках, ни даже на поворотах. Слева и справа тянулась бескрайная степь — вековая земля венгерских пастухов. Далеко, на юго-востоке синела тяжелая, словно дождевая туча, громада Трансильванских Альп. Впереди с севера надвигались предгорья Белых Карпат.

После трех часов бешеной гонки Файн подъехал к чехословацкой границе и впервые выключил мотор. Откинувшись на спинку сиденья, он отдыхал, пока проверяли документы и осматривали багаж и машину. Полчаса спустя он въехал в столицу Словакии — Братиславу. Позавтракав в первом подвернувшемся под руку кафе, он погнал машину вдоль Дуная по автостраде Братислава — Вена. В полдень он был в Верхней Австрии, в городе Линце, пересек австро-германскую границу и по горной дороге направился в Баварский лес, в отдаленный замок, на расправу к руководителю разведцентра «Юг» — недоступному генералу Артуру Крапсу.

Щебеночное шоссе, пробитое по склонам горного хребта, все круче и круче поднималось кверху, все чаще петляло. Вечерело. Над зубчатыми горами взошла круглая яркая луна. Воздух становился прозрачнее и прохладнее. Над дорогой одна за другой вырастали мшистые скалы. Наконец за очередным поворотом лучи автомобильных фар уперлись в высокую ограду, сложенную из циклопических камней и полускрытую

вьющимися растениями. Джон Файн несколько раз переключил свет и остановился перед глухими железными воротами, на которых была прикреплена черная дощечка с золотыми буквами: «Высшая школа звероводства Баварии». На световой и звуковой сигналы из сторожевой будки выскочил вооруженный привратник в зеленой полувоенной форме.

— Кто? В чем дело? — спросил он по-немецки с солдатской суровостью.

— Подойдите поближе,— вполголоса, тоже по-немецки, откликнулся Файн.

Привратник осторожно, не снимая рук с автомата, подошел к машине. Файн назвал пароль и нетерпеливо приказал:

— Открывай! Живо!

— Яволь! — Часовой приложил руку к козырьку фуражки, побежал к воротам.

Медленно раздвинулись стальные створки, прозвенел электрический звонок, оповещающий сторожевые посты о том, что на территорию замка вступает гость.

Мягко урча мотором, «Линкольн» прошел по зеленому туннелю, под вековыми пихтами, и неожиданно выскочил на огромную, залитую лунным светом альпийскую лужайку. За дальней границей лужайки возвышался мрачный замок. Стены его были сложены из каменных глыб, потемневших от времени и увитых кое-где плющом. Островерхая черепичная крыша, когда-то малиновая, стала мшисто-пепельной.

Сыростью подземелья повеяло на Джона Файна. Он надел пиджак, снял шлем и направился в замок.

По гранитным ступеням лестницы парадного входа спускался человек в охотничьей куртке,

в зеленой шляпе с пером, пышноусый и пучеглазый. Подойдя к приезжему, он почтительно, с угодливой улыбкой сказал по-английски с сильным немецким акцентом:

— Сэр? Шеф назначил вам свидание не в офисе, а в русской биллиардной. Прошу следовать за мной.

Человек с пышными усами проводил Файна в замок боковым, черным входом. Деликатно постучав костяшками пальцев в дубовую филенку высокой резной двери, немец почтительно замер прислушиваясь.

— Да, да. Входите!

Служитель распахнул дверь и молча исчез. Джон Файн перешагнул порог и очутился в так называемой «русской биллиардной» — огромной угловой комнате, обшитой дубовой панелью, с окнами, выходящими в парк. Деревянная Диана, богиня охоты, подвешенная на толстых цепях к темным потолочным балкам, держала в руках большой светлого дерева обруч, в который по всей его окружности были ввинчены электрические лампочки, льющие на зеленое сукно биллиардного стола матовый свет. На всех четырех стенах висели чучела медвежьих и волчьих голов, оленьи рога. Под ними стояли шкафы с книгами в кожаных переплетах, с бутылками и набором стаканов, рюмок, бокалов, с биллиардными киями и шарами. Бросался в глаза особый шкаф, известный обитателям и частым посетителям замка как «шкаф скорой помощи». В нем хранилось все необходимое «Бизону» для того, чтобы он не скончался скоропостижно, чтобы его износившиеся сердце, мозг, легкие, желудок и почки работали более или менее нормально: кислородный ингалятор, резиновые подушки, наполненные ки-

слородом, склянки с нитроглицерином, со всякого рода аппетитными, слабительными и снотворными жидкостями, патентованные ампулы, таблетки, порошки...

В дальнем углу биллиардной пламенел огромный, похожий на грот камин. Огонь отражался на резном и полированном дереве кресла — излюбленном месте отдыха Артура Крапса. Кресло было пусто.

Шеф играл в биллиард без партнера. Он с недавних пор любил выигрывать только у себя и проигрывать только себе. Как ни тяжко было на душе у Джона Файна, он все-таки с любопытством уставился на «Бизона», недоступного для глаз простого смертного. В последние годы «Бизон» вел затворнический образ жизни. Свою резиденцию он покидал лишь в тех редких случаях, когда его вызывало начальство с докладами или за особо важными указаниями. Артур Крапс забыл те дни и годы, когда жил так же, как миллионы людей. Все, что ни делал он теперь, окружалось строжайшей тайной.

Крапс не был ни приказчиком Уолл-стрита, ни рьяным чинодралом генштаба. Он сам был крупнейшим капиталистом, миллионером, облаченным в генеральский мундир. Крапс имел сталелитейные и деревообделочные заводы, он состоял в правлениях богатейших компаний «Одежда» и «Обувь», являлся совладельцем банков в Бразилии, Перу, на Аляске, в Анкаре. Было что делать «Бизону» на собственных предприятиях, однако он предпочел удалиться от бизнесменства. Заводами, банками и компаниями управляли, умножая капитал, особо доверенные лица Крапса, а сам он всецело отдался Европейскому разведывательному управлению, этому важнейшему фор-

посту космополитов-миллионеров. Здесь, на переднем крае борьбы с коммунизмом, «Бизон» действовал, не щадя ни сил, ни времени.

Его коллеги, облаченные в официальные мундиры, выступая против свободолюбивых стран, свою ненависть к нашему образу жизни прикрывали фиговыми листками, оглушительно били в барабаны «западной демократии», трубили в громогласные трубы так называемого «свободного мира». «Бизон» не нуждался в этой маскировке. Его слова никогда не расходились с делом. Он делал то, о чем говорил, говорил о том, что делал.

«Бизон» был одним из тех людей, которые подготовили законопроект, выпрашивающий у законодательных органов неисчислимые суммы денег и право на самую широкую и самую подлую тайную войну против Советского Союза и его друзей. У него была одна цель, одна задача — любыми, самыми коварными способами подрывать нашу мощь, ослаблять нас всюду, где только можно, чтобы обеспечить условия военного разгрома, нашей полной капитуляции перед мировым империализмом.

Все усилия «Бизона» и его тайной армии направлялись на то, чтобы, проникнув на советскую землю, наносить нам удары в самые жизненные места: взрывать мосты и плотины, поджигать заводы и фабрики, пускать под откос поезда, добывать секретные документы, распространять провокационные слухи и клеветать на честных людей.

«Бизон» имел в своем, почти безотчетном, ведении сотни тысяч долларов, фунтов, франков, марок, лир, песо, его секретные донесения читались в банковских офисах и разведштабах. В силу «Бизона», в его планы верили все, кто ненавидел

нашу страну, кто тайно и явно готовил войну против нас.

«Бизон», разумеется, не родился ни генералом, ни миллионером, ни начальником разведцентра «Юг». Начинал он свою деятельность с малого. Когда был помоложе, ему долгое время не везло. Пять лет носил он лейтенантские погоны, десять лет ходил в звании старшего лейтенанта. Но все эти годы затянувшейся служебной летаргии, как определил их сам Крапс, его не оставляла мысль быстро, одним рывком, продвинуться по крутой служебной лестнице. Следующий чин после старшего лейтенанта его уже не прельщал: стоило столько лет ждать, терпеть, выслуживаться, чтобы получить капитанские погоны! Нет, он мечтал только о генеральских звездах. Капитан, майор, полковник — на всех этих промежуточных инстанциях надо задержаться как можно меньше. Скорее, скорее в генералы! Но как это сделать старшему лейтенанту, сыну небогатого фермера из неурожайных прерий, не обеспеченному деньгами, солидными связями и не обладающему выдающейся внешностью? Таланты? Да, по мнению Артура Крапса, у него их было более чем достаточно. Он обладал редчайшей памятью: прочитав страницу какой-либо книги, закрывал ее и, глядя в потолок, повторял всю, от первой до последней строки, дословно. Побыв в какой-либо комнате несколько минут, фотографировал глазами все находящиеся в ней предметы. Ничего не упускал, даже названия духов, стоящих на туалетном столике. Никто во всем военном колледже, где Крапс был инструктором, не умел так ловко подделывать подписи своих товарищей. Никто лучше его не играл в бридж. На чемпионатах «неуязвимых брехунов», то есть людей, умеющих врать

так, что их нельзя уличить, он часто бывал первым призером. Однако если бы не счастливый случай, то и поныне не быть ему генералом. Однажды за карточной игрой Артур Крапс встретился с вельможным полковником, командированным в военное училище, куда к тому времени перевели Крапса. Богатый, молодой, всю жизнь преуспевающий полковник играл в бридж неважно, но азартно, не боясь рисковать крупными суммами. Артур Крапс, прихлебывая виски и рассказывая анекдоты, за один вечер обыграл высокого гостя. Обыграл так легко и весело, что тот даже не огорчился. Наоборот, в конце игры, когда в карманах не оставалось уже ни одной медяшки, полковник хлопнул по столу ладонью и засмеялся:

— Благодарю за науку, Крапс! Здорово это у вас получается. И обладая такими данными, вы до сих пор не генерал?

Артур Крапс, набивая чужими деньгами бумажник, сказал как бы шутя:

— Я передам вам свой секрет, а вы мне свой — как стать генералом. Хорошо?

— Идет! — подхватил полковник.

Этот шутливый разговор за картами, которому Артур Крапс в тот вечер не придал особого значения, имел большие последствия. В скором времени Крапса вызвали в столицу и он получил солидное назначение в тот самый отдел военного министерства, начальником которого был преуспевающий полковник, карточный знакомый Крапса. С тех пор и началось его бурное восхождение. Через три года Артур Крапс стал полковником, еще через два получил генеральские звезды и высокую должность. Потом он женился на миллионерше...

Внешне «Бизон» ничем не напоминал благородного американского быка. Начальник разведцентра «Юг» был низкого роста, коротконогий, веснушчатый толстяк. Биллиардный кий, который он держал, казался чуть ли не в два раза длиннее его. Жирные плечи обтягивала белая рубаха с засученными до локтей рукавами и толстая, ручной вязки фуфайка австралийской шерсти. Легкие эластичные помочи поддерживали узкие гладкосерые брюки. Если бы Джон Файн не знал «Бизона», он ни за что не сказал бы, что перед ним заправила тайных дел. Его можно было принять за корабельного повара, немца по национальности, а не за всемогущего генерала, чистокровного англо-сакса, предки которого прибыли в Америку на историческом корабле «Мэйфлауэр», доставившем из Англии первых переселенцев. Волосы Артура Крапса, мягкие, рыжеватые, с золотым отливом, чуть-чуть курчавились. Глаза маленькие. Веки почти без ресниц. Брови короткие, толстые, яркорыжие. «Бизон» обладал и голосом, совсем не похожим на грозный рев обитателя американских прерий. Тихий, намеренно приглушенный голос человека, страдающего одышкой.

— Хеллоу, Файн! — Шеф не без усилия поднял над головой короткую тяжелую руку, приветливо улыбнулся: — Хорошо ли доехали? Как самочувствие?

Джон Файн отлично понимал, что приветливость шефа, его дружелюбная улыбка означала лишь то, что он был притворщиком, не больше. Маска простоты и непринужденности, маска «равного среди равных» редко сходит с лица таких изощренных актеров, каким был «Бизон».

— Хеллоу, шеф! — откликнулся Файн.— Бла-

годарю. Доехал хорошо, а чувствую себя... чувствую, как вы понимаете и догадываетесь, чертовски плохо!

«Бизон» добродушно засмеялся и ударил кожаным наконечником кия по шару. Костяной шар покатился, мелькая черными цифрами, по зеленому сукну и, ударившись о другой шар, с треском влетел в лузу.

— Сыграем партию? — спросил шеф.

Файн ненавидел «русский биллиард», он устал, ему хотелось сидеть у камина, вытянув ноги к огню и закрыв глаза, наслаждаться египетской сигаретой. Но он благоразумно скрыл свои желания.

— С удовольствием, сэр! — поспешно сказал он.

Притворился и генерал Крапс. Появление цветущего Джона Файна в биллиардной не могло обрадовать «Бизона». Артур Крапс презирал этого сверхспортивного молодчика. Молодой разведчик своим видом как бы говорил Крапсу: «Вы большой босс, а я ваш подчиненный, но зато мой желудок действует безотказно, не в пример вашему. Вы, Крапс, упиваетесь властью, а я — своей буйной молодостью. Вы жуете свой диетический салат и лакаете простоквашу. Вас по ночам терзает бессонница. Ваша песенка спета, а я свою только начинаю. Ну, скажите по совести: кто же из нас счастливее?»

Артур Крапс не любил Файна еще и потому, что тот почти не чувствовал своей зависимости от него, не нуждался в его покровительстве, так как имел более высокого покровителя в центральном разведштабе.

На зеленом биллиардном сукне не осталось шаров. Партию выиграл «Бизон». Он положил

кий поперек стола и, вытирая руки влажной замшевой салфеткой, дружески улыбаясь, сказал:

— Спасибо, Файн, за упорное сопротивление.

Файн, в свою очередь, приятно улыбнулся, склонил голову:

— Благодарю за блестящую атаку, сэр.

— Ну, поговорим о «Колумбусе»,— сказал «Бизон», направляясь в угол биллиардной, где пылал камин.

Приступая к тому делу, которому была посвящена вся его жизнь, генерал преобразился. Маленькие тусклые глаза его заблестели, на дряблых щеках появился румянец, и в голосе прозвучала откровенная барская властность.

Устроившись в кресле правой щекой к огню, дымя вонючей сигарой, «Бизон» сказал:

— Докладывайте!

— Мой доклад, сэр, на этот раз будет очень коротким. Нам до сих пор, к сожалению, не удалось выяснить, что случилось с «Колумбусом».

«Бизон» с удивлением посмотрел на Файна и презрительно усмехнулся:

— Как это понимать? Вы, кажется, все еще не хотите верить в то, что операция «Колумбуса» провалена?

— Простите, сэр, я хотел только сказать, что мне не удалось выяснить причины провала операции «Колумбуса». Мы потеряли связь с Явором и поэтому ничего, решительно ничего не знаем. Есть основание предполагать, что провалился и Стефан Дзюба, наш резидент в Яворе.

— Как вы поддерживали с ним связь?

— С помощью проводника вагона из поезда Явор — Будапешт. Это через него мы получили документы Белограя, добытые нашим резидентом... Но проводника недавно перевели на другую линию, внутри страны.

— А рация? Имел ее яворский резидент?

— Да, имел, но пользовался ею лишь в тех случаях, когда нельзя было связаться со мной иным путем.

— Где хранился радиопередатчик?

— Дзюба имел абсолютно надежный тайник. В безлюдном горном лесу.

«Бизон» задумчиво посмотрел на огонь камина, погрел над ним руки.

— Так вы полагаете, — сказал он после паузы,— что вместе с Кларком провалились резидент Дзюба и агент Скибан?

— Да, сэр.

— А какие у вас основания для этого?

— Полное молчание Дзюбы. Потеряв возможность информировать меня через проводника поезда Явор — Будапешт, Дзюба должен был немедленно связаться со мной по радио. Он этого не сделал. Значит — провал!

— Не обязательно,— возразил «Бизон».— Вы, надеюсь, регулярно читаете «Закарпатскую правду»?

— Да, сэр.

— А почему номер от двадцать пятого апреля не прочитали?

— Еще не раздобыл. А что там?

«Бизон» потянулся к каминной мраморной доске, взял портфель, вытащил из него свежий номер «Закарпатской правды».

— Обратите внимание на заметку, напечатанную на четвертой странице, в отделе происшествий.

Нахмурившись, предчувствуя недоброе, Файн прочитал следующее:

«Недавно на горной дороге в Оленьем урочище свалилась в пропасть грузовая машина, принадлежащая яворской артели «Мебель». При катастрофе погибли председатель правления Дзюба и шофер Скибан. Районная автомобильная инспекция установила причины аварии. Дзюба, не имея водительских прав, отстранил от управления машиной Скибана и сел за руль. Находясь в нетрезвом состоянии, разгулявшийся администратор преступно использовал свою власть, что стоило жизни ему и шоферу, а правлению артели — машины».

Джон Файн вернул газету «Бизону», шумно вздохнул:

— Фу, отлегло от сердца! Признаться, я ожи-

дал худшего. Значит, Дзюба и Скибан не провалились вместе с Кларком. О, это резко меняет все мои предположения.

— Рано радуетесь, Файн,— поморщился «Бизон».— По-моему, не исключен все-таки провал и Дзюбы.

— А как же газетная хроника?

— Эту хронику могла сочинить советская контрразведка с целью ввести нас в заблуждение.

— Но «Закарпатскую правду» читаем не только мы с вами. В Оленьем урочище живут тысячи людей. Их не введешь в заблуждение. Нет, сэр, заметка наверняка соответствует действительности.

— Допустим, что это событие имело место. Но какова его истинная причина? В самом ли деле Дзюба был пьян? Не направил ли он грузовик в пропасть сознательно? Если так, то почему? Не потому ли, что почувствовал на шее петлю этого, как его...

— Зубавина,— подсказал Файн.

— Вот именно. Поняв безвыходность своего положения, он и покончил с собой.

— Опять невозможно, сэр.

— Почему?

Файн указал глазами на «Закарпатскую правду»:

— В этом случае газета не напечатала бы такой заметки.

— Все возможно, Файн. У советских разведчиков хорошая фантазия и много резервных, самых неожиданных приемов. Не будем забывать об этом... Дзюба мог напиться до безрассудного состояния?

— Нет. Он пил много, но умело.

— Вот видите! — обрадовался «Бизон».— Значит, версия газеты подозрительна.

Файн не согласился с шефом.

— Сэр, ничего подозрительного в этом нет. Дзюба мог отобрать руль у Скибана, мог перед этим изрядно выпить, мог нечаянно загнать машину в пропасть.

— Не верю! Что поделаешь, Файн, если нюх у меня такой, что любая ищейка позавидует! — «Бизон» любовно пощелкал себя по рыхлому, мясистому носу.— Чую: не так что-то, не по правде... Однако вернемся к «Колумбусу». Что вы сделали для выяснения его положения? Почему не послали в Явор специального человека?

— Мне казалось, что после случившегося я не имел права на такой риск. Я ждал ваших указаний.

— Какая запоздалая осторожность! — насмешливо воскликнул «Бизон».— Об этом надо было подумать еще тогда, когда затевали операцию.

Джон Файн с мягким упреком посмотрел на шефа:

— Кто же думал, что все так обернется! Дело казалось абсолютно верным.

— Не всем так казалось. Вспомните, почтенный Файн, мои сомнения и предупреждения. Вы пытались убедить меня, что они напрасны, беспочвенны.

«Бизон» бросил в камин недокуренную сигару и достал из коробки новую.

— А вообще не следовало посылать в Явор «Колумбуса». У вас там был опытный, многолетний резидент Дзюба с неплохими помощниками.

— Дзюба снабжал нас информацией. Группа «Колумбуса» предназначалась исключительно для диверсий на железной дороге.

— А разве Дзюба не мог бы заняться и этим? Разве вам не известно, что наибольшую ценность для нас представляют агенты из коренного населения?

— Я полагал, что Кларк как один из наших лучших разведчиков сможет в короткий срок добиться...

«Бизон» не дал Файну закончить фразу:

— Все ваши предположения оказались блефом азартного игрока! И как я, дурак, поддался тогда на ваши уговоры! Не прощу себе этого никогда! Засылка Кларка в Явор — ваш грубейший промах. Вы нарушили наше железное правило: вести всю черновую разведывательную и диверсионную работу не собственными руками. За это мы теперь дорого расплачиваемся. Потерять Кларка!.. Потерять Дзюбу!.. Не иметь с таким важным районом, как Закарпатье, никакой связи!.. Вы представляете, что это значит?

Джон Файн сдержанно, с видимостью достоинства кивнул головой.

— Нет, почтеннейший, вы ни черта не представляете! Закарпатье граничит с четырьмя государствами: Польшей, Венгрией, Румынией, Чехословакией. Закарпатье — сухопутные ворота на Балканы. Там, у Карпатских гор, в случае войны будут подготовлены трамплины для русских дивизий и корпусов. Значит, мы должны знать этот важнейший пограничный район русских: все линии железных дорог, их пропускную способность, автострады, шоссе, мосты, фактическую и возможную дислокацию войск. Все должны знать!

— Я понимаю. Именно в этом направлении я и действовал! — горячо подхватил Файн.— Сэр, ничего еще не потеряно! У нас есть возможность восстановить положение.

«Бизон» поднял на Файна глаза — маленькие, водянистые, полные злобной недоверчивости.

— Каким образом? Чем вы сейчас располагаете в Яворе?

— Тремя рядовыми агентами. Два из них — активно действующие. Третий — резервист, изредка выполнявший важные поручения Дзюбы.

При упоминании о Дзюбе «Бизон» изобразил на своем лице страдание:

— Такого человека потеряли! Тридцать лет работал! Со времен Бенджамина Паркера [1]. И все это благодаря вам, почтеннейший!

«Решил выставить меня из разведки»,— подумал Файн и приуныл.

— Как мог провалиться осторожный, умнейший Кларк? Кто его выдал? — продолжал с озлоблением «Бизон».— Пока всего этого не узнаем, мы не можем считать нашу яворскую агентуру в безопасности. Действовать надо чрезвычайно осторожно и только в двух направлениях: искать причину провала и вербовать новых агентов.

Файн повеселел: «Нет, все-таки, кажется, не выгонит».

— Я все это понимаю, сэр,— почтительно сказал он.— Я уже давно бы действовал, если бы у меня был резидент в Яворе. Предлагаю на ваше утверждение кандидатуру...

— Какое легальное положение у ваших яворских агентов? — перебил «Бизон».

— «Гомер» — слепой нищий, «Кармен» — жительница цыганской слободки, гадальщица, «Крест» — резервист, заведует...

---

[1] Полковник Бенджамин Паркер — руководитель американского разведцентра в Закарпатье в 1919 году.

— Вы сказали «Крест»? Крыж? Любомир Крыж?

— Да, сэр. Во времена Масарика Крыж был учителем немецкого, французского и русского языков. Теперь он продает книги в магазине Укркультторга, а также известен как мастер-любитель, резчик по дереву.

— Помню, помню! Знаю «Креста» лет двадцать, с тех пор, когда я еще был адъютантом военного атташе при правительстве Масарика. Между прочим, и свою кличку он получил лично от меня.

Джон Файн понял «Бизона» по-своему и угодливо подсказал:

— «Крест» — отличная замена Дзюбы. Сделаем его резидентом. Дадим ему...

«Бизон» пренебрежительно махнул на Файна рукой:

— Ваши люди сейчас не котируются. Я пошлю в Явор людей из своего резерва. Националистов-боевиков. Уроженцев Закарпатья. Ближайших соратников Бандеры. Помните Дубашевича и Хорунжего?

— Как же, отлично помню! Парни — первый сорт! Как они пойдут, по земле или по воздуху? Через меня или...

«Бизон» снова перебил Файна:

— Это уже не ваше дело, майор. Вам осталось сейчас только раздумывать над тем, что произошло в Яворе. На большее вы не имеете права. Смотрите сюда!

«Бизон» придвинул к себе легкий, на роликах, столик с крупномасштабной картой Яворского района, стопкой чистых листов бумаги и мраморным стаканом, полным цветных остро отточенных карандашей.

— В ночь на четвертое апреля Кларк должен был перебраться через границу верхом на проводнике Грабе, не оставив на пограничной земле своего следа. Так? — спросил «Бизон».

— Да, сэр.

— Как, по-вашему, удалось это Кларку?

— Разумеется. Мой человек наблюдал за переправой. Дублеры, перешедшие границу в ту же ночь, надолго отвлекли внимание пограничников от Кларка, прикрыли его на добрых три часа. За это время он успел выбраться на шоссе, где его ждала...

«Бизон» остановил Файна:

— Вы неисправимый оптимист. Почему вы так уверены, что Кларк не оставил на пограничной земле следов?

— Это же было его главной задачей. Когда мы с Кларком вырабатывали план перехода границы, мы оба считали, что успех будет обеспечен лишь в том случае, если Кларк не оставит своих следов ни на служебной полосе, ни на виноградниках. Нам важно было внушить пограничникам, что границу перешел один Граб и что его как важную персону прикрывали с фланга. И пограничники наверняка преследовали Граба как главного нарушителя. Они его, разумеется, схватили, но... он оказался мертв.

— План правильный. Я его знаю во всех деталях. А как он осуществился? Допустим, что Кларк перешел границу благополучно. На шоссе его и Граба поджидал грузовик Скибана. Так?

Файн кивнул головой.

— Сколько времени машина стояла на дороге? Вероятно, не менее двух часов, если не больше. Значит, на нее могли обратить внимание все, кто проезжал и проходил по этой дороге от восьми

до десяти вечера: пастухи, колхозники, путевой обходчик, живущий вот в этой будке, пограничный наряд, несущий службу в тылу заставы. Так? Конечно, так. Дальше. Кларк, явившись к этой героине с Золотой Звездой, недостаточно искусно разыграл роль влюбленного демобилизованного старшины Ивана Белограя. Дальше. Он мог внушить подозрение крупным выигрышем по прошлогодней облигации и приобретением автомобиля. Дальше. Он мог быть предан своим проводником Грабом, уличен, как подставное лицо, кем-нибудь из тех, кто лично знал Ивана Белограя. И, наконец, советская разведка могла опознать в Иване Белограе того младшего клерка, который служил в период войны в посольстве. Как видите, Файн, уязвимых мест в вашем «прекрасном» плане больше чем достаточно. «Колумбус» провалился, в этом не может быть никаких сомнений. Кстати, как вы думаете, хватило у него воли раздавить ампулу?

Файн пожал плечами:

— Сэр, мне не хочется даже думать о противном. Я уверен...

— Грош цена вашей уверенности после такого провала! — «Бизон» смерил своего собеседника с ног до головы презрительным взглядом.— Вы хоть понимаете, как низко упали теперь ваши резидентские акции?

Файн опустил голову, рассеянно глядя на тонкий рисунок навощенного паркета.

— Да, сэр,— наконец сказал он.

— Нет, не понимаете. Ваши акции упали так низко, что они уже вообще не котируются.— «Бизон» встал, взял щипцы и начал подкладывать в камин сухие, звонкие чурки. Атласная кора березы вспыхнула ярким пламенем.

Файн в это время думал: «Все кончено, пропал».

— Вы не поедете больше в Будапешт,— сказал «Бизон», возвратясь в свое кресло.— Вы скомпрометировали себя и как резидент потеряли для нас всякую ценность.

Притворяться дальше было бесполезно. Файн гордо вскинул подбородок, надменно спросил:

— Это ваше самоличное решение?

«Бизон» понял, за что цеплялся утопающий Файн, и насмешливо подхватил:

— Да, это мое решение. И оно уже утверждено там, наверху. Так что, дорогой майор, вам надеяться не на что. Ваши влиятельные друзья из главного штаба на этот раз оказались бессильными.

Файн молчал. Пятнистая желтизна выступила на его обветренном, густо загорелом лице. Губы, уши и кончик носа бывшего будапештского резидента стали бескровными, лишенными жизни. Глаза потухли. Он долго сидел молча и неподвижно, оглушенный приговором шефа. Распрощаться навсегда с разведкой! Со всесильной разведкой, которая так высоко вознесена, где так хорошо платят, где можно сделать такую блестящую карьеру! Нет, это было бы ужасно, это хуже смерти! Ему глубоко противны обыкновенные профессии, доступные всякому смертному. Он любит только одно: шпионаж. То, что делал он до сих пор, было счастливым уделом лишь избранных, благословенных свыше на особую, тайную жизнь. Изощренная хитрость, жестокость палача, высокое актерство, умение выуживать из людей ценнейшие секретные сведения, убивать и травить неугодных, поливать их грязью лжи и клеветы — вот его грозное оружие, так верно и долго

служившее ему. И теперь он вынужден бросить его, уйти от того, к чему призван, без чего не сможет жить. Мыслимое ли это дело?

«Бизон» спокойно сидел у камина и, дымя сигарой, терпеливо ждал, пока его подчиненный выпьет свою горькую чашу до дна.

— Сэр, неужели вот так, бесповоротно, и решена моя судьба? Разве я уже не могу принести вам никакой пользы? — глухим голосом спросил Файн.

— Этого я не утверждал,— ответил «Бизон» и поднялся.

Скрестив за спиной свои короткие, обросшие волосами руки, озабоченно морща лоб, он возбужденно зашагал по комнате. Ступни его ног, упрятанные в сафьяновые на толстой фетровой подошве ботинки, мягко, осторожно, по-кошачьи неслышно прикасались к ковровой дорожке. Обрубленная, безголовая тень его фигуры быстро скользила по светлому паркету. Наконец он остановился перед Файном и мягко, сочувственно сказал:

— Майор, у вас есть блестящий выход из создавшегося положения.

Файн вопросительно, с надеждой посмотрел на шефа.

— Да, именно блестящий выход,— повторил «Бизон».— Какой? Вы должны прорваться в Явор вместе с Дубашевичем и Хорунжим, надежно закрепиться там и в самый короткий срок сделать то, что не удалось Кларку и Дзюбе. Вы будете действовать по плану, выработанному лично мной, и под моим постоянным руководством.— «Бизон» усмехнулся: — Вы, конечно, удивлены: когда я успел выработать план? Давно, сразу же после того, как вы направили «Колумбуса»

в Явор. Я был уверен, что он провалится. Я добивался запрещения вашей операции, но... ваши влиятельные друзья настояли, потребовали, чтобы я вам не мешал. После провала Кларка я внес в свои планы существенные коррективы. Вот и все. Если согласны, приступим прямо к делу.

Файн понял, что еще не все потеряно. После некоторого раздумья он сказал:

— Я мог бы согласиться, если бы...— Файн остановился, поджал губы, настороженно прищурился.

— Договаривайте,— ласково поощрил его «Бизон».— Выкладывайте все начистоту.

Файн посмотрел на своего шефа в упор, холодно и вызывающе:

— Я не понимаю, почему вы посылаете меня именно в Явор и после всего, что там случилось? Из любви ко мне? Из особого доверия? Насколько мне известно, до сегодняшнего дня вы не испытывали ко мне ни того, ни другого. Чем же объяснить ваше решение?

«Бизон» рассмеялся — шумно, весело, от души. Смеясь, он раздумывал над своим ответом. Файну можно было сказать все, кроме правды. Эта правда, будь она высказана, прозвучала бы примерно так: «Дорогой мой! Вы живучее и умнее, чем я думал. За откровенность плачу откровенностью. Посылаю вас в Явор из самого простого расчета. Я уверен, что вы точно, аккуратно выполните все мои планы и инструкции. Другому человеку эта миссия не по плечу, а вам... вам сейчас море по колено. Сейчас, после провала Кларка, вы будете действовать архиосторожно и вместе с тем одержимо. Вы наплюете на любые опасности и умненько обойдете ловушки советских пограничников и контрразведки. И все от-

того, что вами будет двигать могучий стимул — желание искупить свою вину за провал Кларка».

«Бизон» никогда не бывал искренним с подчиненными. Отправляя своих агентов за границу, крупных и мелких, он всех убеждал одним и тем же универсальным, всегда верно действующим средством: деньгами, личной выгодой, хорошим бизнесом. К этому испытанному средству он прибегнул и теперь.

— Дорогой Файн,— сказал Крапс и дружески положил руку на плечо майора,— вы потеряны для нас как будапештский резидент, но не как разведчик. Посылаю вас в Явор потому, что только вы сможете выполнить мой план. Условия, правда, трудные, но игра стоит свеч.— «Бизон» достал из портфеля чековую книжку.— Я уже позаботился о вас, майор, и выписал на ваше имя такое крупное вознаграждение, какого еще никто не получал в нашем замке.— Он вырвал из книжки чек, бережно, словно чек был хрустальный, положил его на колени Файну.— Это королевский куш, мой мальчик. В ваши годы я не имел и тысячной доли такого гонорара. Но это еще не все. По возвращении из Явора вы получите звание полковника и орден. Одним словом, я предоставлю вам возможность отлично заработать.

Файн аккуратно свернул чек, положил его во внутренний карман пиджака, решительно сказал:

— Я согласен. Приступим к делу, сэр.

— Приступим.— «Бизон» положил перед Файном папку. На густосинем, почти черном фоне обложки белел небольшой квадратик картона с надписью: «Горная весна».— Посмотрите. В моем плане предусмотрено все, что вы должны сделать и как. Изучайте. А я пока отдохну.

Мурлыча себе под нос какую-то песенку, «Бизон» направился к столу, над которым раскачивалась на цепях деревянная Диана, несущая гирлянду электрических лампочек.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кларк как особо важный преступник после предварительного допроса в Яворе был отправлен в Москву. Дело его поручили полковнику Шатрову. Следствие было непродолжительным, так как Кларк, признав себя виновным, подробно рассказал о полученном им задании, а также сообщил кое-какие важные сведения о деятельности вражеской разведки на юге.

Оформив, как положено, дело Кларка для передачи его в военный трибунал, полковник Шатров апрельским рассветом вылетел в Закарпатье. Через пять часов самолет приземлился на западной окраине Ужгорода, на аэродроме, расположенном у самой чехословацкой границы, на правом берегу реки Уж. Было жаркое, по-настоящему весеннее утро. Плоские берега каменистого Ужа ярко зеленели первой травой. Вершина горы, покрытая лесом, поднималась к небу гигантским изумрудным шатром. Цвели сады. На той, зарубежной, стороне были в разгаре полевые работы. Крестьяне в черных жилетках поверх белых рубах и в стареньких шляпах пахали, боронили, сжигали кукурузные бодылья и корни подсолнухов.

На аэродроме полковника встретил Зубавин. Майор был одет по-весеннему: светлый габардиновый китель, фуражка, брюки навыпуск. И лицо его тоже весеннее — загорелое, обветренное.

— О, да у вас весна в разгаре! А у нас еще снежок и морозец! — веселым певучим баском проговорил полковник, как бы в оправдание того, что на его плечах была шинель.

Он разделся, перекинул шинель на руку и направился вслед за майором к машине.

— Прошу! — Зубавин распахнул правую переднюю дверцу «Победы».

— Вы без шофера?

— Как видите, товарищ полковник.

— Что, заболел?

— Да нет, просто так, люблю...

— Любите встречать начальство без свидетелей? — подхватил Шатров и улыбнулся.

— Да.

Зубавин расположился за рулем. Он завел мотор, выжал сцепление, включил первую скорость и внимательно, очень внимательно посмотрел на гостя:

— Куда прикажете, товарищ полковник: в областное управление или к нам, в Явор?

Шатров медлил с ответом. Чуть сощурившись, сдержанно усмехаясь, он молча разглядывал Зубавина. Светлорусые мягкие волосы майора выбивались из-под фуражки. Выражение его лица было озабоченным.

— Чем вы так взволнованы, товарищ майор?

— Я? Взволнован?

Зубавин засмеялся.

— От вас, видно, не скроешься, товарищ полковник. Да, признаюсь, ваш неожиданный приезд взволновал меня. Вы, конечно, по делу «Колумбуса»?

Шатров кивнул головой, и по его широкому, скуластому, с высоким лбом лицу резво и весело побежали лукавые и добрые морщинки.

По возрасту полковник годился Евгению Зубавину в отцы. Он действительно был отцом трех взрослых, давно женатых сыновей и дедом десяти внучат — мальчиков и девочек. В органах государственной безопасности Шатров начал работать еще в то время, когда босоногий веснушчатый Женька Зубавин гонял голубей. Зубавин тогда не думал и не гадал, как сложится его жизненная судьба, а Шатров уже обеими ногами твердо стоял на большой столбовой дороге жизни и хорошо знал, что и как ему надлежало делать.

Никита Самойлович Шатров, потомственный шахтер, родившийся и выросший на горловской шахте «Кочегарка», саночник и коногон, крепильщик и забойщик, имея от роду неполных 20 лет, по партийной мобилизации в первые же месяцы Советской власти был послан на борьбу с контрреволюцией. Он переступил порог ЧК, не зная, как надо бороться с врагами победившей, но еще не окрепшей революции. Однако в его сердце было то, чем не могли похвастаться самые изощренные, хорошо обученные воротилы буржуазных разведок,— богатырская сила завоевавшего свободу рабочего человека, великая вера в правоту дела, за которое, не щадя жизни, боролся раскрепощенный народ, ясность благородной цели и главное — любовь к таким же, как и он, простым труженикам. Он чувствовал себя хозяином новой, единственно справедливой жизни. И это чувство на первых порах было его главным оружием. Опыт разведчика накапливался постепенно, в процессе борьбы против агентуры контрреволюционной националистической Центральной рады, против белогвардейских лазутчиков, банд генерала Каледина, против вторгшихся на Украину полчищ кайзеровских оккупантов.

После открытой военной интервенции, закончившейся поражением, враги начали тайную атаку на молодое государство рабочих и крестьян. Чуть ли не все разведки мира засылали своих агентов в Донбасс, пытаясь разведать, как и где восстанавливаются и реконструируются заводы, какие шахты добывают уголь и какие еще строятся, какую сталь выплавляют мартеновские печи и куда она идет. Шатров искал и находил врагов — то под личиной иностранных инженеров, то среди немецких колонистов, то «бежавших от безработицы» эмигрантов. Разоблачал он и кулаков, подделавшихся под рабочих. Доля его труда была и в раскрытии вредительской «Промпартии», продавшейся иностранным державам, и в десятках и сотнях дел меньшего масштаба. На своем веку Шатров повидал много человеконенавистников всех мастей, изменников родины. Много раз заглядывал он в самые темные глубины их грязных, подлых, коварных душонок. И все же его глаза всегда оставались чистыми, а сердце светлым, умеющим любить, верить и надеяться. Всю свою энергию, весь свой ум он направлял на то, чтобы во-время и без ущерба для государства пресечь тайную деятельность врагов народа. И всегда он помнил, чувствовал, сознавал, что работает он на тяжелом, но благородном участке строительства новой жизни, является рядовым пролетарской армии, призванной утвердить на земле истинно человеческие отношения.

Жизненный путь Шатрова был известен Зубавину, он неоднократно встречался с полковником по служебным делам и успел достаточно хорошо оценить его способности в борьбе с вражеской агентурой. Оттого-то и волновался майор, оттого-то он и встревожился. Не зря... нет, не зря

приехал в Явор Шатров! Неужели дело «Колумбуса» приняло неожиданный поворот? А как будто все было предельно ясно, как будто он, Зубавин, сделал все, что надо. Конечно, в операции были и досадные промахи, непростительные просчеты — например, с арестом Кларка, но главное ведь сделано. Кларк разоблачен. Он же сознался. Пойманы с поличным его ближайшие сообщники Скибан и Грончак, убит в перестрелке парашютист, навсегда выведен из строя изворотливый резидент Дзюба. Что же еще?

— В Явор,— сказал Шатров.

Зубавин молча кивнул и развернул машину.

Проехали зеленый, оживленный воскресный Ужгород, миновали мост через реку и вырвались на простор закарпатской земли. Ужгородские лесистые высоты, крыло Карпатских гор, быстро удалялись. Впереди, куда только доставал глаз,— равнина, залитая шелковистым разливом озимых хлебов, и холмы, покрытые виноградниками. И все это лежит под высоким голубым небом и щедро освещено теплым весенним солнцем. Там и сям сбоку дороги, между ясным небом и зеленой землей, трепетали на своих крыльях-парашютах жаворонки. По обочине с рюкзаками за плечами мчались велосипедисты — юноши в белых и голубых рубашках, девушки с цветами, вплетенными в взлохмаченные ветром волосы. Над разогретым уже летним асфальтом струилось густое марево. Рубчатые шины «Победы» звонко гудели на отличной дороге.

Шатров снял со своей седой головы фуражку, бросил ее на заднее сиденье и, покосившись веселыми, озорными глазами на сосредоточенного Зубавина, звучно, со смаком, будто отведал чего-то

необыкновенно вкусного, ароматного, чуть-чуть хмельного, сказал:

— Весна!

Зубавин кивнул в ответ сдержанно, не отрывая взгляда от дороги.

— Да, весна! — с силой повторил Шатров.— Сколько уже этих весен перевидал я на своем веку, а всякий раз радуюсь новой, жду от нее какого-то великого подарка. А вы, майор?

— Я тоже, товарищ полковник.— Зубавин скупо улыбнулся.

— Не верю. Не весеннее у вас настроение.— Шатров опять — видимо, это было его привычкой — насмешливо прищурился.— Что, «Колумбус» не позволяет радоваться?

— Он, товарищ полковник!

— Это вы зря, Евгений Николаевич. «Колумбус» и у меня в печенках сидит, а я, видите, не унываю, нахожу время и весной насладиться. А как же иначе! Да если бы я каждый раз, когда в мои руки попадало сложное дело, унывал, то и жизни бы мне не видать! Все тридцать семь лет моей работы в органах меня допекал какой-нибудь «Колумбус». И все-таки я не забывал смотреть и на солнышко, цветочки нюхал, влюбился, женился, детей вырастил. Почти под каждое воскресенье мчался на какую-нибудь глухую речушку, рыбачил, варил уху, жег костер, выпивал чарку, пел песни... Вот так!..— Шатров вдруг откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и густым, сочным басом затянул:

Реве та й стогне Днипр широкий,
Сердитый витер завыва...

Оборвав песню, он открыл глаза и повернул к майору смеющееся, тронутое морщинами, доброе и умное лицо:

— Вот какие мы, старики, а вы...

— Значит дело «Колумбуса» оказалось более сложным,— возвращая полковника к прежнему разговору, серьезно сказал Зубавин.— А я-то думал, что все сложности остались позади, особенно после ареста Кларка и его признания.

— Далеко не все, Евгений Николаевич! — Шатров выпрямился, сел поудобнее. Лицо его стало строгим, а взгляд сосредоточенным.— Разве хозяева Кларка примирятся с тем, что он потерян? Разве шеф «Юга» оставит Закарпатье без своей резидентуры? Он наверняка уже принял самые энергичные меры, чтобы вернуть утраченные позиции и завоевать новые.

— Это я понимаю, товарищ полковник. В деле «Колумбуса» меня беспокоит в основном то, чего мы не додумали, упустили.

Машина мчалась по солнечному пустынному шоссе на полной скорости. Несмотря на то, что Зубавин вел с Шатровым важный разговор, он без труда, по давней привычке, автоматически справлялся со своими шоферскими обязанностями.

— Да, в деле «Колумбуса» у вас немало упущений,— говорил Шатров.— Этот мерзавец не должен был свалиться в пропасть. Вы, конечно, не знали, что Дзюба является резидентом, но разве это может служить оправданием? Мы с вами должны были в свое время узнать его истинное лицо. Преждевременная смерть Дзюбы — наша серьезная оплошность, промах номер один. Мы упустили возможность выявить всех агентов, которые работали на резидента. Скибан, конечно, не единственный помощник Дзюбы. И как мы ни будем трясти это дерево, на землю не упадет с него ни один плод. Рядовой

агент не мог знать, кто еще работает на резидента. Значит, остальные агенты гуляют на свободе, ждут нового хозяина.

Шатров говорил спокойно, как бы размышлял вслух. Ни в его взгляде, ни в выражении лица, ни в голосе не было и намека на свое превосходство. С майором Зубавиным разговаривал не начальник из центра, не учитель, экзаменующий ученика, а его соратник, имеющий больший опыт и располагающий более полными, чем Зубавин, данными.

— Ну, а какой второй наш промах? — спросил Шатров.

— Неудавшийся арест Кларка на Железнодорожной улице,— сказал Зубавин.

— Еще? Промах номер три?

— Мы не установили, через кого были пересланы за границу документы убитого Ивана Белограя.

— Эту вину вы берете на себя напрасно. Ведь Дзюба погиб прежде, чем мы поняли его роль.

— И эту тайну он унес с собой. Значит, кто-нибудь из яворских агентов может в любой день получить из своего разведцентра директиву выполнять функции резидента.

— Неужели Кларк не знал, как были пересланы ему документы Белограя?

— Клянется, что не знал, получил их из рук Джона Файна.

— Врет!

— Возможно. Ну, а еще какой же наш промах? — И, не дожидаясь ответа, Шатров сказал: — Орденскую ленточку с шифровкой, которую Кларк вручил машинисту Гойде, все-таки надо было послать сообщникам Кларка, предварительно подменив и написав на ней свое донесе-

ние: «Закрепился, мол, как предусмотрено. Приступил к работе...» и так далее. Взяли бы эту ленточку тиссаварские сообщники Кларка с надгробной плиты, и мы имели бы возможность однажды пополнить компанию «Колумбуса» еще каким-нибудь наймитом Джона Файна, узнать дальнейшие планы «руководителя закарпатского направления». В общем, недоделок много, товарищ Зубавин. Но...— Шатров неожиданно улыбнулся, и по его лицу, как и в первые минуты разговора, побежали веселые, добрые «отцовские» морщины,— несмотря на все это, ваши действия в основном одобрены. Что же касается недоделок, мы их ликвидируем сообща. Я приехал надолго. Буду здесь до тех пор, пока не завершим дело «Колумбуса» и не определим круг тех лиц, кто попытается осуществлять новый план Артура Крапса.

— Новый план Крапса? — Зубавин резко повернул голову к полковнику.

— Да, Евгений Николаевич. Наш супротивник ударился в яростную амбицию и решил хорошенько проучить нас. Артур Крапс собственноручно построил некий хитроумный план завоевания Явора своей агентурой и назвал его не больше не меньше, как «Горная весна».— Шатров засмеялся.— Он хоть и «Бизон», но разбирается, когда цветут цветочки, а когда желтеют и опадают листья.

— «Горная весна»?.. Что же это за план и когда его будут осуществлять?

— Многого хотите, майор! Скажите спасибо и за то, что вам стало известно. Ничего, решительно ничего мы не знаем больше... Что, генерал Громада дома?

— Был вчера в Яворе, а сегодня — не знаю.

— Если генерал дома, попросим его к себе и помудрствуем втроем. Ну, а теперь прибавьте скорость, Евгений Николаевич. Еще немного, еще! Вот так, хорошо.

Вечером на тихой Киевской улице, в просторном кабинете начальника райотдела МГБ, собрались генерал Громада, полковник Шатров и майор Зубавин. Они разместились за длинным, покрытым зеленым сукном столом. Чуть наклонившись в сторону начальника погранвойск, Шатров заговорил певучим своим баском:

— Товарищ генерал, у меня есть к вам ряд вопросов.

Громада вплотную придвинул к столу дубовое кресло, в котором с трудом помещалось его богатырское тело, сердито пососал жарко раскуренную трубку и, разогнав рукой табачный дым, внимательно взглянул на полковника.

— Не зафиксированы ли в последнее время случаи наблюдения за каким-либо участком границы? Я имею в виду агентов Крапса. Возможно, они уже занялись изучением местности, разведкой дорог и переправ?

— Нет, ничего такого не замечено.

— В последние дни, насколько мне известно, случаев перехода границы тоже не было? Полная тишина, мир и благодать?

— Да, пока тихо.

Бугристые надбровные дуги полковника Шатрова побагровели.

— Оперативная пауза. Затишье перед бурей. Согласны?

— Возможно.

— Выходит, нет решительно никаких призна-

ков того, что противник готовит крупную операцию?

— Да, никаких. Кстати, товарищ Шатров, вы можете еще что-нибудь сказать об этой новой затее Крапса — «Горная весна»?

— Я уже вам докладывал, товарищ генерал, нам известно только то, что такая операция готовится. А какими средствами, какими людьми она будет выполняться, каково ее направление, какова цель,— это пока неизвестно.

— А Кларк? Прощупывали вы его?

— Кларк исписал листов сто бумаги, но ни одной его строчке верить нельзя. Врет, конечно, строит правдоподобные прогнозы. Надеется заслужить прощение, оттянуть время, избежать военного трибунала.

— И ни за один из его «прогнозов» нельзя зацепиться?

Полковник Шатров на мгновение задумался.

— Есть одно, достойное внимания,— сказал он.— Кларк утверждает, что и эта новая операция будет осуществляться на территории яворского узла. Впрочем, в этом я и сам был уверен. Яворское направление для бизоновской разведки не случайное. Сколько будет существовать капиталистический мир, столько будет продолжаться и тайная атака на Явор. Согласны?

— Да,— ответил Громада.— Яворский участок мы усиленно охраняем. Бизоновцы не раз могли почувствовать это на собственной шкуре. И все же сомнительно, что именно теперь, после провала Кларка, они могут опять сунуться на яворском направлении.

— Вот-вот! — оживился Шатров.— Планируя свою операцию, Артур Крапс был уверен, что мы в ближайшее время не ждем прорыва на Явор.—

Шатров круто повернулся к Зубавину, который, наклонив голову, что-то усердно рисовал на большом листе бумаги.— А почему вы молчите, товарищ майор? Какое ваше мнение?

— Я согласен с вами, товарищ полковник, но «Бизон» может избрать и другое направление.

— Вот так мнение! Что-нибудь более определенное вы можете сказать?

— Не имею пока оснований.

— Хорошо. На чем же мы все-таки остановимся? Явор или какой-нибудь другой пункт?

Громада с шумом отодвинул кресло от стола, легко поднялся и, оставляя за собой густые облака табачного дыма, зашагал по кабинету, из угла в угол. Шатров и Зубавин молча ждали. Громада остановился перед картой Закарпатья, хлопнул ладонью по ее верхнему правому углу, решительно объявил:

— Я все-таки за Явор. Но мы будем ждать гостей и в другом месте.

— Итак, большинство за Явор,— объявил Шатров.— Пойдем дальше. Что же это за операция с таким пышным названием? С чего начнет Крапс свою «Горную весну»? Конечно, прежде всего он попытается восстановить яворский центр и своего резидента. Согласны?

Ни у Громады, ни у Зубавина не оказалось возражений.

— Итак, первый шаг Крапса — новый резидент взамен выбывшего из игры Дзюбы. Кто же он? Придет из-за кордона? Да, возможен и такой вариант. Но, скорее всего, Крапс назначит резидентом своего агента из числа тех, кто сохранился в Яворе.— Сказав это, Шатров посмотрел на майора Зубавина: — Как вы думаете, известно

Крапсу и его подручному Файну, при каких обстоятельствах провалился Кларк?

— Нет, это исключено,— ответил Зубавин.— С разведцентром имел связь только резидент. Он погиб. Если кто-нибудь из агентов Дзюбы и узнал о провале Кларка, то у него нет возможности сообщить об этом своим хозяевам. После ареста Кларка не зафиксировано ни одной попытки ухода за границу. В течение последних недель в нашем районе не зафиксирована также работа тайной радиостанции.

— А дипломатические каналы? Разве какой-нибудь легальный иностранец, проезжающий через Явор в Будапешт или Прагу, в Белград или Вену, в Рим или Афины, не мог изловчиться доставить «Бизону» шифровку, посланную особенно рьяным яворским агентом?

— Нет, не мог, товарищ полковник. Во-первых, такой рьяный агент рисковал бы и собой и дипломатом. Во-вторых, простой агент не знает, куда и кому посылать шифровку.

— Ему подскажут. Был бы агент, а подсказчик и адрес найдутся. Евгений Николаевич, имейте в виду: Крапс как можно дольше не должен знать, что случилось с «Колумбусом». Пошлите ему с благовидной оказией «уведомление» Кларка: опасаюсь, мол, провала, бежал в тыл, вглубь страны. Буду пробиваться к иранской границе. Ждите, мол, и прочее.

— Понял, товарищ полковник.

— Только не переусердствуйте. Я насчет Кларка. Не рассчитывайте на то, что это у вас большой козырь. Ограничьтесь только тем, что я посоветовал. Получится — хорошо, не получится — убытка не потерпим. Крапс — не дурак. Если он уже почуял, что «Колумбус» вышел в тираж,

то он исключил из игры все, что известно Кларку.

— Кстати, о Кларке. Неужели он не знает о том, что в Яворе существуют не только Дзюба и Скибан, но и другие агенты? — спросил Громада.

— Существенный вопрос, товарищ генерал. Во время следствия я потратил немало времени и усилий, чтобы прояснить его. К сожалению, ничего не добился. Кларк утверждает, что он знал о существовании в Яворе разветвленной агентуры, но не уточнил ее персонально, так как, мол, решил в целях самозащиты ограничиться Дзюбой и Скибаном. Надеясь исключительно на себя, на свою выучку, изворотливость и на документы Белограя, он действовал самостоятельно. Что ж, это правдоподобно.

Полковник Шатров перелистал записную книжку, в которую в течение всего совещания часто заглядывал.

— А что же дальше? Как именно будет развертываться операция «Горная весна»? — озабоченно спросил Шатров и нахмурился.— Не знаю. И не хочу, не имею права гадать на кофейной гуще. Разведцентр «Юг» и его шеф Крапс — достаточно прожженные разведчики, чтобы составить такой ребус, который мы не могли бы расшифровать умозрительно. Есть ли у нас какая-нибудь, хотя бы тончайшая ниточка, с помощью которой можно было бы попытаться размотать клубок «Горной весны»?

Майор Зубавин понял Шатрова.

— В Яворе,— сказал майор,— живет человек, которого мы подозреваем как агента. Его фамилия Батура. Игнат Степанович Батура. Одинокий старик. Полуслепой. Нищий. Стоит перед проте-

стантской церковью и на углу Кировской и Ужгородской, напротив Дома офицеров и штаба авиационного соединения.

— И давно он занимает свой пост у Дома офицеров?

— Месяца три.

— Имеет хороший доход?

— Порядочный. Почти все офицеры, проходящие мимо, бросают ему в шапку серебро.

— Какие же у вас основания подозревать Батуру?

— В прошлом Батура лет двадцать подряд жил в Америке, в Австралии. Работал в шахтах мастером. Там, говорят, во время пожара повредил себе глаза. Вернулся домой в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Мы установили, что у него на квартире бывал Дзюба.

— Все? — спросил Шатров.— А сама позиция Батуры на углу Кировской и Ужгородской, напротив Дома офицеров и штаба авиасоединения не вызвала у вас интереса?

— Интересовались и этим. С того места, где он стоит, не видно ни одного штабного окна.

— А может быть, что-нибудь другое видно? Или слышно? Проверьте! Если Батура — агент, то он не зря стоит напротив Дома офицеров и штаба летчиков. Но это попутно. Главное же не упустите момент, когда он наладит контакт через какого-нибудь связника с разведцентром «Юг». Выберите для наблюдения за Батурой хорошего работника, молодого, энергичного, смекалистого — одним словом, такого, на которого вы могли бы положиться, как на каменную гору. Есть у вас такой?

— Есть, товарищ полковник. Лейтенант Гойда.

— А, тот самый? — улыбнулся Шатров.— Вот

и хорошо! Гойда выполнит задачу.— Шатров посмотрел на часы.— Ну что ж, на этом сегодня и закончим. Соберемся еще раз завтра. Не возражаете, товарищ генерал?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На другой день майор Зубавин раньше обычного поднялся с постели и приступил к работе. Войдя к себе в кабинет, он снял телефонную трубку, набрал номер оперативного дежурного и приказал срочно вызвать лейтенанта Гойду.

Гойда? Василь Гойда? Тот самый, что разгадал сущность Кларка? Бывший пастушонок, извлекавший из своей дудки мелодии «Верховино, свитку ты наш», «Выходила на берег Катюша», «Каховку», «Интернационал»? Бывший партизанский разведчик, три года доставлявший в штаб Бати ценнейшие сведения о карательных эсэсовских полках, о количестве военных эшелонов, прошедших на Восточный фронт? Знаменитый на все Закарпатье машинист Василь Гойда? Да, это он. В органы государственной безопасности пришел кадровый рабочий, доброволец-разведчик, бескорыстный защитник интересов своего народа, умеющий ненавидеть врага и побеждать его в борьбе умом, хитростью, выдержкой, терпением, бесстрашием. Такого не подкупит самый изощренный враг, не обманет, не втянет в ловушку, не запугает, не соблазнит, не поселит в его чистое сердце неверие в честных людей.

Как же паровозный машинист Василь Гойда стал лейтенантом госбезопасности?

Вскоре после разоблачения Кларка, скрывавшегося под обликом демобилизованного Ивана

Белограя, Василя Гойду вызвали к майору Зубавину. Евгений Николаевич, как всегда, встретил его дружеской улыбкой, доброй, но в то же время чуть-чуть иронической, подзадоривающей.

— Ну, «дудошник», все свои штатские песни пропел?

Василь сразу понял, куда клонит его партизанский друг и командир, но решил выждать: не ошибся ли?

— На всю жизнь мне хватит штатских песен, Евгений Николаевич,— уклончиво сказал он.

— Пора тебе приниматься за военные, Вася! — Зубавин положил ладонь на плечо Гойды и сурово пропел вполголоса:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна:
Идет война народная,
Священная война...

Я и до сих пор этой песней, как в былое время, начинаю день. Пушки молчат, но тайная война, Вася, не прекращается ни на одно мгновение. Мы, разведчики, и сейчас воюем...

Василь засмеялся:

— Евгений Николаевич, переходите прямо к делу.

— Догадливый! Товарищ Гойда, предлагаю вам идти к нам на службу.

— А как же мой паровоз, Евгений Николаевич? Я так привык к нему, столько мы с ним радостей повидали!

— Вот и хорошо. Нам как раз и нужны такие люди, которые много хорошего повидали на своем рабочем месте. Ну, согласен?

— Что вы! Так вот, сразу?

— В нашем деле все так — решительно и быстро!

— Не все, конечно. И в вашем деле бывают малые скорости... Нет, Евгений Николаевич, я должен подумать, посоветоваться.

— Подумать, конечно, можно, а вот насчет совета... С кем же ты хочешь советоваться? Разве я не лучший твой советник в таком деле?

— Есть еще лучший, Евгений Николаевич. Райком партии. Я ведь собирался осенью в техникум поступить. Два года готовился, вы же знаете.

— Поступай, не возражаю. Хоть в институт. Время у тебя будет.

— Зачем же мне тогда железнодорожный техникум?

— Как — зачем? Чтобы стать специалистом.

— А!.. Значит, вы меня используете по железнодорожной линии?

— И по этой и по другой. Ты везде будешь на месте.

Василь откинулся на спинку дивана, задумался.

Зубавин смотрел на юношу, и его сердце наполнялось нежностью к этому красивому верховинцу, сыну лесоруба, храброму солдату и скромному труженику.

— А что скажет райком? — спросил Василь.

— Райком принял мое предложение.

Василь с серьезным удивлением посмотрел на Зубавина.

— Так почему же вы мне сразу не сказали?

Зубавин усмехнулся.

— Жду твоего слова. Согласен или не согласен?

Гойда вскочил, приложил руку к козырьку фуражки:

— Согласен, товарищ майор!

Через несколько дней он сдал паровоз и вместо

форменного обмундирования железнодорожника надел обыкновенный штатский костюм.

...Оперативный дежурный разыскал Гойду.

Он явился к Зубавину еще не совсем проснувшийся, с припухшими веками, с влажным после умыванья и не совсем ладно причесанным чубом, но с радостно-тревожным блеском в глазах.

— Товарищ майор, лейтенант Гойда прибыл по вашему приказанию! — доложил он глуховатым голосом.

Зубавин молча разложил на столе план Явора, острием карандаша прикоснулся к неширокой магистрали в северной части города:

— Какая это улица, товарищ лейтенант?

— Кировская,— с некоторым недоумением ответил Гойда.

— Ты часто здесь бываешь?

— Да, почти каждый день.

— Значит, хорошо знаешь ее?

— Да вроде бы неплохо...

— Чем же примечательна эта улица? Что тебе особенно запомнилось?

— Там живет мой лучший друг Олекса Сокач, машинист паровоза. На Кировской — прекрасный сквер и цветник, здание бывшего жандармского управления мадьярских фашистов, особняки удравших капиталистов...

— Еще?

— На Кировской Дом офицеров, штаб летчиков, Военторг...

— Все?

— По Кировской разрешается только одностороннее движение транспорта. Проезд грузовиков запрещен. Тротуар выложен каменными плитами. В солнечный день на Кировской особенно много детских колясок...— Не переводя дыхания,

Гойда продолжал: — На пересечении Кировской и Ужгородской, на углу, под каштаном стоит слепой старик с шапкой в руках.

— Слепой? — быстро спросил Зубавин.— С шапкой?

И по этому его вопросу, по интонации и выражению лица Василь Гойда понял, чем именно интересуется его друг и начальник.

— Полуслепой,— поправился Гойда.— В руках — шляпа. Он без поводыря приходит на Кировскую и самостоятельно уходит домой.

— Где он живет?

— В другом конце Явора. Кажется, на Горной улице.

— Все. Испытание закончено, товарищ лейтенант! У нас есть основания подозревать, что этот нищий, по фамилии Батура, служит вражеской разведке. Наше подозрение надо подкрепить неопровержимыми фактами. Это дело поручено вам, лейтенант Гойда. Наблюдайте за ним, изучайте, с кем и как он связан. От всех других обязанностей вас освобождаю. Отвечаете только за Батуру. Вопросы будут?

— Все ясно, товарищ майор.

— Так уж и все? Доложите, как будете действовать.

— На углу Кировской живет Олекса Сокач. Его квартира на втором этаже. Два ее окна находятся как раз...

— Все понятно.— Зубавин пожал руку лейтенанта.— О результатах докладывайте ежедневно.

— Слушаюсь.

Выйдя от Зубавина, Василь Гойда сразу же направился на Кировскую.

Он это сделал без всякого риска привлечь к себе внимание Батуры. Тот привык видеть его

здесь и отлично знает, что сюда его привлекает дружба с Олексой Сокачем.

Полуслепой старик со старенькой шляпой в руках стоял, как обычно, на углу, в тени уже облиствевшего каштана, опираясь сутулой спиной о его массивный ствол. Пепельно-седые волосы были аккуратно подстрижены, тщательно причесаны, щеки и подбородок выскоблены до синевы. Жилистую темную шею оттенял старомодный, твердый, чуть пожелтевший воротничок, повязанный галстуком. На плечах Батуры было черное, изрядно вытертое демисезонное пальто, из-под которого выглядывали отживающие свой век, с обтрепанным низом брюки. Грубые стоптанные башмаки завершали маскарад «интеллигентного» нищего.

Гойда поравнялся с Батурой. Старик молча выразительно пошевелил шляпой: подайте, мол, что можете. Василь порылся в кармане, достал серебро, бросил его в черную шляпу и прошел мимо. Раньше Василь не очень-то внимательно приглядывался к нищему. Сегодня старик показался ему особенным. Лишь две или три секунды Гойда позволил себе постоять перед полуслепым, но хорошо успел рассмотреть его. Узкий, плоский, словно костяной лоб обтягивала тонкая, без единой морщины, пергаментно-желтая кожа. На вдавленных висках проступали голубые жилки. Глаза прикрыты набухшими, безресничными веками. Нос сухой, хрящеватый, с глубоко вырезанными ноздрями. В углах бескровного, старчески запавшего рта темнели глубокие складки.

Василь Гойда завернул за угол и скрылся в ближайшем подъезде.

На втором этаже, перед дверью квартиры № 3, он лицом к лицу столкнулся с матерью Олексы

Сокача Анной Степановной, сухонькой, седоволосой, преждевременно состарившейся женщиной. В ее руках была большая корзина. Анна Степановна, повидимому, отправлялась на рынок или в магазин.

— Здравствуйте, тетя Аня!

— Здравствуй, Василько!

— Как ваше здоровье, тетя Аня?

— Спасибо! Скрыплю. А ты как поживаешь?

— А как поживает легинь? [1] — Гойда молодецки постучал в свою грудь кулаком.— Лучше всех!

— Не все легини поживают так счастливо, как ты...— Анна Степановна вздохнула, и в ее черных, глубоко запавших глазах появилось грустное выражение. Помолчала, перебирая тонкими сухими пальцами бахрому полушалка, накинутого на седые волосы.— Мой Олекса — тоже легинь, а живет, как несчастный вдовец, работает да хлеб жует, спит да читает. В кино перестал бывать, не гуляет. Даже смеяться разучился. Все думает, думает... Скажи хоть ты мне, Василь: что с ним случилось?

Гойда посмотрел на закрытую дверь:

— Дома Олекса?

— В командировке. Позавчера уехал во Львов. Новый паровоз получает!

— Что ж, тетя Аня, могу рассказать.— Гойда снова посмотрел на закрытую дверь.— Неудобно вот так, стоя на лестничной площадке, разговаривать. Может, в квартиру пригласите?

— Пойдем.

Анна Степановна открыла дверь, пропустила гостя вперед, бросила корзину и, сняв с головы полушалок, села на стул.

---

[1] Легинь — парубок, неженатый парень.

— Ну, рассказывай! Рассказывай, Василько,— попросила Анна Степановна.

Голос у нее был тихий, чуть глуховатый.

Гойда подошел к Анне Степановне, сел с ней рядом, бережно погладил ее густые белые волосы, собранные на затылке в тугую корону:

— Не беспокойтесь, тетя Аня. Все уладится.

— Рассказывай!

— Вы, конечно, знаете,— начал Гойда,— что Олекса и Терезия большие друзья?

Анна Степановна кивнула. Морщинистые ее губы поджались, а вокруг глаз резче обозначились морщины.

Гойда продолжал:

— Любят они друг друга, Олекса и Терезия. Я это хорошо знаю. Очень хорошо. Потому так и говорю. Потому и не верю разным слухам и сплетням.

— Если любит Олексу, почему выходит замуж за этого... демобилизованного гвардейца? Его машиной «Победа» прельстилась? Ордена ослепили?

— Что вы, тетя Аня! Терезия не из таких. Все это неправда. Выдумка. Терезия — хорошая, настоящая дивчина. Никто ей не нужен, кроме Олексы. Вернется он из Львова, сразу все уладится. Вот увидите. Не верьте никаким сплетням.

— Да как же мне не верить, когда Олекса поверил?!

— Дурак, своего счастья не чувствует... — Гойда взял легкую руку Анны Степановны.— Тетя Аня, все уладится, даю вам слово! Не беспокойтесь. И не будем больше говорить об этом... Вы куда собрались? В магазин? На базар? Идите, я подожду вас.— Он посмотрел на шкаф с книгами, на широкий удобный диван.— Почитаю, от-

дохну. Люблю я вашу квартиру, тетя Аня. Дневал и ночевал бы здесь, если бы позволили.

Суровое, опечаленное лицо Анны Степановны чуть посветлело.

— Хитрый ты, Василько, но... но меня не перехитришь. Что ты задумал? Зачем тебе понадобилась наша квартира? Говори прямо.

— Скажу! Для святого дела, тетя Аня. Больше ни о чем не спрашивайте. Идите!

Он помог Анне Степановне подняться, подал ей корзину, проводил к выходу.

— Если захочешь уйти, не забудь дверь захлопнуть,— сказала на прощанье Анна Степановна.

— Не забуду.

Вернувшись в комнату, окна которой выходили на Кировскую, он взял книгу и, заняв удобную позицию, стал наблюдать за «интеллигентным» нищим.

Почему именно здесь, на Кировской, напротив Дома офицеров и штаба летчиков, обосновался Батура? Этот вопрос Гойда решил выяснить прежде всех других.

Был теплый полдень запоздавшей капризной весны. На солнечной стороне играли дети. Тут же, на припеке, на удобных скамейках сидели их няни. В двери Дома офицеров беспрерывно входили и выходили военные.

Дети кричали, смеялись, шумно бегали по тротуару, перебрасывали друг другу большой резиновый мяч, пели песни, плакали, дрались, мирились — все это никак не интересовало старика, стоявшего под каштаном. Он ни разу и головы не повернул в ту сторону, где играли дети. Не обращал он внимания и на людей, идущих с рынка. Но когда мимо проходили офицеры-летчики, он

преображался: поворачивался к ним лицом, как подсолнух к солнцу, шляпа в его руках шевелилась, прилизанная голова на длинной жилистой шее как бы выдвигалась кверху, а ноги, обутые в грубые башмаки, нетерпеливо переступали на каменных плитах тротуара. Гойде казалось, что даже уши старика тянулись за офицерами. «Что с ним творится? — подумал Василь.— Ждет милостыню? Или вглядывается в лица офицеров, запоминает их, вслушивается в то, о чем они говорят?»

Батура покинул свое место под каштанами вскоре после того, как кончился обеденный перерыв и когда на улице уже не показывались офицеры.

Постукивая по каменным плитам железным наконечником посоха, старик пошел вниз по Кировской, потом свернул на Садовую, к центру города. Первая же «забегаловка», повстречавшаяся ему на пути, привлекла его внимание.

Через некоторое время вошел в закусочную и Василь Гойда. Он взял пачку сигарет, кружку пива, бутерброд и сел за столик, самый дальний от того, за которым расположился Батура.

Старик попросил буфетчика Якова налить двести граммов водки и сразу же, в один прием, не закусывая, выпил:

— Как, дядя Игнат, хороша водочка после трудов праведных? — спросил буфетчик.

Нищий скромно отмахнулся:

— Какие мои праведные труды, насмешник! Врагу своему не пожелаю заниматься таким промыслом. От круглого сиротства, от черной бедности решился на такое.

— Вот так бедняк! — засмеялся буфетчик.— Да

ты мое заведение купишь, если захочешь, со всеми его потрохами!

— Эх, ты, Яков, божья душа, кому завидуешь! — Старик сердито ударил себя по карману.— Бери мои капиталы, давай мне свои ясные очи и свои тридцать лет! Ну, хочешь поменяемся?

— Ладно уж, не хорохорься, кум! Насквозь я тебя вижу, душа любезная.— Буфетчик взял с прилавка неглубокую тарелку, поставил на стол перед стариком.— Выкладывай свой утренний улов да помалкивай, не прибедняйся.

Батура выгребал из кармана серебряную мелочь горсть за горстью. Тарелка наполнилась. Буфетчик подхватил ее, ловко и мягко бросил на весы.

— Два триста восемьдесят. Восемьдесят на усушку и утечку. Чистый вес — два триста. Получите взамен вашего благородного металла потрепанные бумажки.— Буфетчик, тоже хвативший добрую порцию горькой, положил в шляпу старика несколько десятирублевок и насмешливо погрозил ему пальцем: — Имей в виду, Игнат, я веду учет твоим доходам. Скоро миллионером станешь.

— Выдумывай, так тебе и поверили! — Батура подслеповатыми своими глазами окинул помещение закусочной.— Сегодня моим кормильцам жалованье выдавали, вот они и расщедрились. Завтра, может быть, и на хлеб не соберу.

Гойда допил пиво и решил, что дольше ему оставаться в закусочной нельзя. Он вышел на улицу, перебрался на другую сторону и зашел в аптеку, откуда хорошо была видна дверь закусочной.

Батура покинул пивную не скоро, в конце дня. Гойда ожидал, что подвыпивший старик пой-

дет домой. Нет, он твердой походкой, прокладывая себе путь посохом, направился по Садовой, свернул на Кировскую и, к удивлению Гойды, занял свой пост на углу, под шатровым каштаном.

После восемнадцати часов из многоэтажного дома штаба авиасоединения и прилегающих к нему зданий стали выходить офицеры, закончившие рабочий день. Все они, по одному и группами прошли мимо каштана, под которым стоял нищий. Серебро теперь лишь изредка падало в его черную шляпу, но он терпеливо стоял и ждал.

Через полчаса Батура исчез. Вернулся после семи, перед началом киносеанса в Доме офицеров. Поздно вечером он ушел с Кировской окончательно.

Гойда проводил Батуру домой и вернулся на Кировскую. Улица была безлюдна, плохо освещена. Василь поднял воротник пиджака, нахлобучил на лоб кепку и встал под каштаном. «Что он видит отсюда?» — размышлял Гойда.

На Ужгородской дробно и весело простучали каблуки женских туфель. Две девушки, в одинаковых шляпках, с одинаковыми косынками, овевая Гойду крепкими духами, выпорхнули из-за угла. Они так были увлечены разговором, что не заметили Гойду, и он невольно услышал их сердечные весенние тайны. Правда, тайны были небольшими, древними, из числа тех, какие сопровождают юность каждого человека: что он сказал ей и что она ответила ему, как он неожиданно поцеловал ее, и как она испугалась, хотела убежать, да не смогла, ноги не послушались.

Девушки, смеясь, скрылись в темном сквере.

Гойда вышел из-под каштана. Сегодня ему

здесь уже нечего было делать. Теперь он, кажется, понял, зачем Батура с утра до вечера стоял на углу Кировской и Ужгородской. Изо дня в день, из недели в неделю мимо него проходили офицеры, и старик, вслушиваясь в обрывки разговоров, мог выудить нужную ему информацию.

Гойда отправился на Киевскую, чтобы обо всем доложить Зубавину. Внимательно выслушав его, майор приказал продолжать наблюдение.

На другой день, ранним утром, Гойда опять явился на квартиру к своему другу. Анна Степановна встретила его лукавой усмешкой.

— Что, пришел делать святое дело? — Она кивнула на окно, выходившее на Кировскую.— Занимай свою позицию, мешать не буду.— Накинула на голову старенький теплый платок, взяла корзину и ушла.

Гойда распахнул створки окна, закурил и стал ждать появления Батуры. Ждал час, другой, а старик все не приходил. Неужели что-нибудь заметил, почувствовал?

В одиннадцатом часу хлопнула входная дверь. Вернулась Анна Степановна. Лицо ее было озабоченным, тревожным.

— Ну, как? — спросила она, тяжело дыша и вытирая с морщинистого лба пот.— Что ты высидел? Не здесь бы тебе надо быть. Твой Батура сегодня дежурит около мадьярской церкви.

— Мой Батура? Что вы, тетя Аня! — Гойда был смущен, растерян и не сумел этого скрыть.

— Ладно, не отнекивайся! Когда иностранец подал Батуре милостыню, я сразу поняла, зачем тебе понадобилась наша квартира.

— Какой иностранец? Какая милостыня?

Анна Степановна наглухо закрыла окно и,

схватив Гойду за руку. оттащила его вглубь комнаты:

— Слушай!..

Говорила она горячо, сбивчиво, опуская подробности, но Гойда ясно понял смысл того, что произошло.

Магазин, куда зашла Анна Степановна, расположен напротив главного входа протестантской церкви. Покупая продукты, Анна Степановна увидела через витринное стекло Батуру. Он стоял на каменных плитах паперти с черной шляпой в руках. Люди, проходя мимо старика, молча, не останавливаясь, бросали ему мелочь. И только один человек, незнакомый Анне Степановне, наверняка не здешний, не яворский, поравнявшись с Батурой, осмотрел его с ног до головы, пожал плечами, что-то сказал и прошел в церковь. Человек этот очень похож на иностранца — высокий, в светлом коротком пальто, в роговых очках. Анна Степановна невольно заинтересовалась им. Она вышла из магазина и направилась в церковь. Незнакомец, сняв шляпу и прислонившись к дверному косяку, с любопытством оглядывал прихожан и убранство храма. Пробыл он здесь недолго. Когда покинул церковь, Анна Степановна пошла за ним. Ей было интересно, остановится ли он еще раз около Батуры, скажет ли ему что-нибудь. Да, опять остановился. Порывшись в карманах, достал десятирублевку, бросил ее в шляпу Батуры и сказал: «Мало, но больше не могу». Кроме Батуры, около церкви стояли еще двое нищих. Им иностранец тоже дал по десяти рублей. После этого он вышел на улицу, где его ждала открытая машина, принадлежащая яворской гостинице «Интурист». Когда иностранец уехал, Анна Степановна сосредоточила свое вни-

мание на Батуре. Уверенный, что за ним никто не наблюдает, он достал полученную десятирублевку, бегло осмотрел ее и снова спрятал в карман.

Выслушав рассказ Анны Степановны, Гойда помчался к Зубавину. Через несколько минут он был на Киевской, у внутреннего подъезда яворского райотдела МГБ. Взбежал по крутой лестнице на второй этаж и, тяжело дыша, остановился перед глухой дверью начальника отдела. Отдышавшись, поправив кепку, постучал в дверь.

В кабинете, кроме Зубавина, были незнакомый Гойде полковник и генерал Громада, которого в Яворе знали все.

По выражению лица лейтенанта Зубавин понял, что Гойда явился с исключительно важным докладом.

— Есть новости? — спросил он.

— Да, товарищ майор. Разрешите доложить?

Зубавин повернулся к полковнику:

— Это он самый... Василий Петрович Гойда. Познакомьтесь.

— Очень рад. Точно такой, каким я и представлял его.— Полковник Шатров крепко пожал руку лейтенанту.

Генерал Громада приветливо кивнул Гойде. Подняв очки на лоб, близоруко щурясь, он с нетерпением ждал новостей.

Василь рассказал, что произошло на паперти протестантской церкви. Закончив доклад, он отступил к двери, выжидательно замер. Молчали все. Громада сердито дымил трубкой и задумчиво, запрокинув голову, смотрел в потолок. Шатров озабоченно утюжил ладонями свои поседевшие виски. Зубавин нетерпеливо поглядывал то на часы, то на план города Явора, разложенный

на столе. Все трое, повидимому, думали об одном и том же, решали одну и ту же задачу.

Первым нарушил молчание Зубавин.

— По-моему, это посол Крапса, связник,— объявил он.

— Да, похоже,— осторожно сказал генерал Громада.— А ваше мнение, товарищ полковник?

— Не знаю,— раздумчиво ответил Шатров.— Если этот иностранец — связник, то почему он так рискованно, среди бела дня, не боясь провалить себя и своего агента, пошел на встречу с Батурой?

— Почему же это рискованно, товарищ полковник? — возразил Зубавин.— Никакого риска. Ведь он уверен, что Батура вне наших подозрений. И потом, это так естественно для иностранца: заинтересоваться церковью, подать милостыню нищему. Нет, товарищ генерал, это связник. Я уверен, что вместе с милостыню он опустил в шляпу Батуры и директиву «Бизона». Она изложена тайнописью на десятирублевке.

— Да, пока похоже на то,— согласился Громада.

Шатров сомневался:

— Не знаю. Ваши предположения слишком... как это вам сказать...— он неожиданно улыбнулся,— дюже прямолинейные. Я привык рассуждать поосторожнее. Мне думается, что Крапс умеет действовать хитрее и вернее. Впрочем, чем черт не шутит... Может быть, вы и правы. Давайте проверим мои сомнения и вашу убежденность.

— Как? Что вы предлагаете? — Громада посмотрел на полковника Шатрова.

— Евгений Николаевич, могли бы вы под каким-либо очень благовидным предлогом, в самом

срочном порядке, через милицию задержать и обыскать этого нищего?

— Можно! Поехали, товарищ Гойда!

Игнат Батура и был тем самым агентом Джона Файна, который носил имя великого человека — «Гомер». Он выполнял только задания резидента Дзюбы и только перед ним отчитывался, не знал ни одного из агентов Дзюбы, и они его не знали. О том, что у Дзюбы тоже были начальники, он догадывался, конечно. Но понятия не имел, кто они и где находятся. Да он и не очень интересовался этим. Аккуратно снабжал Дзюбу собранной информацией, получал деньги — вот и все. Известие о гибели Дзюбы дошло до него в тот же день, когда в «Закарпатской правде», в отделе происшествий, напечатали заметку. «Гомер» не растерялся. Он понимал, что со смертью Дзюбы не кончилась его шпионская карьера. Был уверен, что рано или поздно к нему на угол Кировской и Ужгородской или на паперть протестантской церкви явится наследник Дзюбы и все начнется сначала.

И вот он появился. Его слова «Мало, но больше не могу» были условным сигналом. Бросая в шляпу Батуры десятирублевку, он успел произнести тем выразительным, недоступным для непосвященных шепотом, которому обучают в шпионских школах каждого разведчика: «Вы назначаетесь вместо «Старика». Инструкция на деньгах».

«Гомера» испугало такое возвышение. Он, Батура, резидент! Да мыслимое ли это дело? Не по его голове эта шапка. Он даже не знает толком, что именно должен делать резидент. Он умеет

хорошо делать только одно — подслушивать, о чем говорят проходящие мимо него офицеры. Готов и дальше так служить, но резидентом... Батура пощупал хрустящую десятирублевку: интересно все-таки, что там написано!

«Гомер» с трудом выстоял на своем посту положенное время. После церковной службы, поколебавшись, куда идти, домой или к Якову, он отправился на Садовую и очутился в излюбленной своей закусочной у Якова. Выпил он сегодня не больше, чем всегда, не охмелел, молча сидел в своем углу и все-таки нарвался на скандал. Двое подвыпивших парней прицепились к нему, раздразнили. Спор закончился дракой. Появился милиционер. Всех троих увели в милицию. Отобрали документы и, допросив, сделав внушение, чтобы не скандалили больше в общественном месте, освободили. К вечеру «Гомер» был дома. На Кировскую по случаю чрезвычайных событий он решил сегодня не ходить. Наглухо закрыв окно, принялся обрабатывать полученную директиву. (В свое время Дзюба обучил его простейшей тайнописи, кодированию и расшифровке.)

«С сегодняшнего дня,— гласил приказ, написанный на десятирублевке симпатическими чернилами,— вы должны выполнять функции погибшего «Старика». В ближайшее время связной доставит радиопередатчик и крупную сумму денег. Ждите помощника — «Пастуха». Обеспечьте нелегальный прием в надежной квартире. Пароль: «Дедушка, как пройти на Садовую улицу?» — «А вы что, не здешний?» — «Нет, я из Рахова». Сбор информации продолжайте. Энергично ищите опору среди местного населения, особенно среди закарпатцев, побывавших вместе с вами в Южной

Америке, в Австралии. С расходами не считайтесь. Более подробно указания передаст «Пастух».

Прочитав письмо, Батура тяжело вздохнул, почесал затылок, выругался.

— Дураки! Идиоты! За кого вы меня принимаете? Не мое это дело!

Заседание в кабинете майора Зубавина, прерванное в двенадцатом часу дня, возобновилось в четыре. Зубавин положил на стол перед генералом Громадой копию приказа, подписанного «Двадцать первым», то есть «Бизоном». Полковник Шатров прочитал его дважды.

— Да,— раздумчиво, смущенно сказал он,— ход неожиданный. Не думал и не гадал, что «Бизон» способен на такое. Что ж, давайте танцевать, как говорится, от этой печки, исходя из того факта, что Батура — резидент.

Кто же тот человек, который вручил «Гомеру» зашифрованный приказ разведцентра «Юг», как и откуда он прибыл в Явор и какую истинную цель преследует?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Венский экспресс прибыл в Явор, как всегда, ранним утром. На плоских крышах вагонов темнели большие сырые пятна, зеркальные стекла окон слезились, а на подножках чернела натасканная пассажирами грязь. Повидимому, там, откуда прибыл поезд, на берегах Дуная, в Вене и Будапеште, в венгерской степи Альфельд, шли проливные дожди.

Пока поезд высыхал под взошедшим солнцем,

пограничные наряды контрольно-пропускного пункта проверяли документы у прибывших пассажиров. Их сегодня было много: советские офицеры и солдаты — отпускники, служившие в группе оккупационных войск в Австрии, юноши и девушки, возвращающиеся в Москву из Рима, где происходили всемирные соревнования гимнастов, большая делегация венгров, следующая в Китай через Советский Союз, парламентские деятели, торговые представители разных стран, дипломаты, предпочитающие поезд самолету, и, наконец, просто путешественники, транзитные туристы. К числу последних принадлежал и Фрэнк Билд — высокий сухопарый пятидесятилетний здоровяк с тяжелыми роговыми очками на длинном костистом носу. Фрэнк Билд спокойно дымил сигаретой и скучающе поглядывал в окно, пока проверяли его документы. В течение всей этой процедуры он не сказал пограничникам ни «да», ни «нет», не посмотрел ни на одного из них. Они для него просто не существовали.

Исполнив все пограничные и таможенные формальности, Фрэнк Билд поднялся на третий этаж вокзала, где помещалась гостиница для заграничных путешественников, расположился в удобном номере, принял душ, побрился, переоделся. Свежий, с румянцем на впалых щеках, ни на кого не глядя и ничего не замечая, он прошел в ресторан. Ему подали яичницу с ветчиной, коньяк, сыр, кофе. Он ел и пил не спеша, не отрывая взгляда от тарелки. Расплачиваясь с официантом, он спросил по-английски, можно ли купить в Яворе англо-русский словарь. Официант знал по-английски только два слова: «не понимаю». Фрэнк Билд перешел на немецкий. Официант этот язык знал хорошо. Да, в Яворе есть замеча-

тельный магазин, где можно купить и англо-русский словарь и много других хороших книг. И находится он совсем недалеко, в двух минутах ходьбы от вокзала, на главной улице. Вон он, виден даже отсюда: две витрины, высокая дубовая дверь и над ней красная вывеска с большими буквами: «Книготорг».

Фрэнк Билд бросил рассеянный взгляд в окно, в ту сторону, где был книжный магазин, автоматически всунул сигарету в рот и медленно поднялся. Прежде чем уйти из ресторана, он задал еще один вопрос: где можно обменять иностранные деньги на советские? Официант дал иностранцу и эту справку.

Так же ни на кого не глядя, ничего не замечая, холодный и надменный, путешественник покинул ресторан, спустился вниз, пересек вестибюль и вышел на привокзальную площадь с ее молодым сквером, цветниками, зеленеющими газонами.

Обменный денежный пункт помещался тут же, на площади, в небольшом домике. Оставив там доллары и получив рубли, Фрэнк Билд направился к магазину с высокими дубовыми дверями и двумя витринами, заставленными книгами.

В большом помещении Книготорга на многочисленных полках стояло несколько тысяч книг.

— О! — воскликнул путешественник по-немецки.— Куда я попал? Ваш магазин чуть ли не Британская библиотека!

Человек в черном костюме, в белой свежей рубашке, повязанной скромным темным галстуком, приветливо поздоровавшись, сказал на хорошем немецком языке:

— Нам, конечно, далеко до Британской библиотеки. Но даже это количество книг имеет для

яворских трудящихся большее значение, чем миллионы томов Британской библиотеки для трудящихся Лондона.

— Вы не только продавец, но и агитатор! — улыбнулся Фрэнк Билд. Это была его первая улыбка с тех пор, как он попал на советскую землю.— Есть у вас англо-русский словарь последнего издания?

— Пожалуйста, прошу вас.— Человек в черном костюме достал с полки толстую книгу в темнокрасном переплете и положил ее перед покупателем.

— Да, это то, что мне требуется,— с удовлетворением сказал Фрэнк Билд.

Он опустил в объемистый карман своего макинтоша словарь, отсчитал положенное количество рублей, отнес их в кассу. Вручая продавцу чек, он пожал ему руку и сказал полушутя:

— Благодарю вас, господин агитатор.— И тут же произнес шепотом: — Привет от «Бизона».

«Бизон»?.. Человек, стоявший за прилавком, был потрясен. Сам Артур Крапс передает ему привет. Вспомнил наконец! Сколько лет молчал! «Бизон» был крестным Крыжа. Будучи помощником военного атташе в Праге, Артур Крапс завербовал его в свои агенты. Шестнадцать лет назад Крыж был рядовым агентом и теперь рядовой. А Крапс круто полез в гору. Говорят, он стал важной персоной, чуть ли не первым лицом в штабе заграничной разведки. Не зря он вспомнил о Крыже. Есть какая-то значительная причина.

Любомир Крыж в первые же годы после того, как Закарпатье воссоединилось с Советской Украиной, оказал немало ценных услуг своим хозяевам. Все добытые сведения он передавал рези-

денту Дзюбе, а тот пересылал их дальше. Крыж имел дело только с Дзюбой. Недавно ему стало известно из газеты, что Дзюба разбился в горах. Крыж был уверен, что резидент погиб не случайно: кому-то понадобилось, чтобы Дзюба разбился. В первые дни после гибели Крыж радовался неожиданно полученной свободе. Теперь ему нечего дрожать за свою жизнь — мертвый не выдаст. Но прошло несколько недель, и Крыж затосковал без Дзюбы, без его денег. Он привык за счет тайного заработка украшать свою жизнь. Не раз пожалел Крыж об утраченной статье дохода. И вот она опять замаячила перед ним в этом привете от «Бизона». Неужели только привет? Так мало? Нет, должно быть еще что-то.

Чуть побледнев, с капельками пота на аккуратно зачесанных седеющих висках, Любомир Крыж с надеждой и страхом смотрел в спину проезжего иностранца. Неужели он ничего больше не скажет ему?

Фрэнк Билд, перелистывая словарь, не спеша продвигался к выходу, не интересуясь переживаниями одного из доверенных ему агентов «Бизона». Он уже взялся за ручку двери, уже занес ногу, чтобы переступить порог магазина, и вдруг круто повернулся и пошел назад.

— Послушайте,— сказал он, бросая на прилавок словарь,— этот экземпляр имеет существенный брак: загнутые и плохо обрезанные страницы.

Извиняясь и растерянно суетясь, Крыж нашел другой экземпляр словаря, удовлетворивший привередливого покупателя.

Передавая бракованную книгу, Фрэнк шепнул: «Посмотрите 219». При этом он положил на прилавок лайковую перчатку, чем-то туго набитую,

и многозначительно указал на нее продавцу глазами. Тот в одно мгновение отправил «посылку» под прилавок. Покупатель стоял спиной к кассирше, закрывая собой продавца, и она ничего не могла увидеть.

— Вот теперь дело другое,— сказал Фрэнк Билд, пряча словарь в карман макинтоша.— До свидания.

Проходя мимо кассирши, он приподнял шляпу, поклонился ей...

Часом позже Фрэнк Билд, выполнявший функции связника разведцентра «Юг», встретился и со вторым агентом — «Гомером». И первое и второе задания «Бизона» он выполнил одинаково старательно, принимая все меры предосторожности и маскировки. Он не знал того, что первый агент назначался яворским резидентом всерьез, а второй лишь фиктивно, для отвода глаз советской разведки. В операции «Горная весна» сомнительный агент «Гомер» так и значился: приманка. Ничего другого от него и не ждали. Пусть привлечет на какое-то время к себе пристальное внимание советской разведки. Впоследствии органы государственной безопасности, наверно, поймут свою ошибку, но уже будет поздно: операция «Горная весна» будет завершена.

Так рассуждал «Бизон».

...Едва закрылась за иностранцем дверь «Книготорга», кассирша выбежала из своей стеклянной будочки и приступила к атаке Крыжа. Он охотно удовлетворил ее любопытство, но рассказал ей, разумеется, далеко не все то, о чем говорил с покупателем.

Кассирша снова скрылась в стеклянной будке. Выждав немного, Крыж достал англо-русский словарь, подмененный связником, аккуратно,

почти незаметно вырвал листок со страницей 219 и спрятал в карман.

Вечером, вернувшись домой, он задернул на окне плотную занавеску, выпотрошил содержимое перчатки, врученной ему посланцем «Бизона». Это были новенькие в крупных купюрах доллары. Крыж пересчитал их, спрятал. Потом он извлек из потайного места флакон с прозрачной жидкостью, бережно проявил то, что было начертано между строками страницы словаря. Расшифрованная Крыжем инструкция оказалась немногословной. Агенту № 2113, имеющему кличку «Крест», предписывалось в самом срочном порядке возобновить прерванную работу, но уже не в качестве рядового агента, каким он был раньше, а в качестве яворского резидента.

Тайное письмо заканчивалось следующими словами: «В ближайшее время к вам явится «Черногорец». Обеспечьте ему в вашем доме надежное убежище. Выполняйте все его указания. «Бизон».

Любомир Крыж еще и еще раз перечитывал инструкцию. Резидент! Столь значительное повышение взволновало его. Как это надо понимать? Почему его долго держали на задворках, почему теперь, когда меньше всего можно было рассчитывать на благосклонность «Бизона», он выдвигается в резиденты? Означает ли это, что его испытали, что нашли достойным такого доверия? Или на него пал выбор лишь потому, что нет сейчас в Яворе более подходящей кандидатуры? Любомир Крыж за время своего служения «Бизону» много раз удостоверился, что наивно ждать от хозяина высокой справедливости. Пока даешь ценные сведения, добытые с риском для жизни, ты нужен, получаешь деньги. Пока не попался, пока на твой след не стали советские разведчики,

пока ты безопасен для существования резидента, тебя оберегают и опекают твои тайные друзья. И они же отправят тебя на тот свет, если опростоволосишься. Значит, здраво рассуждая, повышение в резиденты — не знак особого доверия к нему, Крыжу, а необходимость, вызванная гибелью Дзюбы.

Как бы там ни было, «Крест» все-таки был рад, что объявился «Бизон», что снова в его карман потекут тысячи. Новое положение сулило ему большие выгоды. Еще бы, резидент! Крыж как старый агент, особо приближенный Дзюбы, отлично знал круг обязанностей резидента. Только один резидент точно знает, кому служит и где находятся его хозяева. Только он получает инструкции, пересланные через границу специальным связником или по радио. Резидент вербует агентов, инструктирует их и по своему усмотрению оплачивает их услуги. Резидент заботится о том, чтобы они не знали друг друга, жили скромно, не навлекая на себя излишнего внимания и не вызывая подозрений органов безопасности. Резидент убирает со своей дороги тех, кто становится опасным для его, резидента, существования. Он, резидент, «натаскивает» завербованных, обучает их всему тому, чему в свое время обучили его: выуживать у болтунов интересные сведения, подслушивать секреты, воровать плохо лежащие документы. В тайниках резидента хранятся оружие, сильно действующие яды, радиопередатчик, крупные суммы денег, симпатические чернила, набор инструментов и материалов, с помощью которых можно состряпать в случае надобности паспорт, служебное удостоверение. Резидент создает тайную квартиру — приют для тех, кто будет переброшен из-за границы, и для

тех, кого надо отправить назад, за кордон. Только резидент нацеливает своих агентов на тот или иной важный объект.

Наиболее трудная и опасная сторона «деятельности» резидента — вербовка агентуры. Провалишься на первом же человеке, если твой шеф в свое время не обучил тебя видеть слабости людей и не выковал из тебя «ловца человеческих душ». Атакуй избранных тобой наверняка, побеждай всякий раз. Полупобеда, неудавшаяся атака — твоя гибель.

Всю ночь Крыж мысленно привыкал к своему новому положению, всю ночь размышлял, рассчитывал, как, когда и с чего именно ему начинать.

Крыж прежде всего решил подвести прочный фундамент под свое резидентское существование. Он стал искать себе надежных помощников, способных принести существенную пользу «Бизону». Перебрав добрую сотню своих яворских знакомых, друзей и приятелей, новый резидент остановился пока на одной личности, широко известной коренным жителям Явора,— на Марте Стефановне Лысак.

Родилась Марта Стефановна на берегу Дуная, в Будапеште, в семье непоседливого коммерсанта. Раннее детство провела в одном из горных городов Северной Трансильвании. Училась в словацкой Братиславе. Замуж вышла за Юрия Лысака и родила ему сына Андрея в Яворе. Скитаясь на чужбине, подолгу общаясь с румынами и чехами, украинцами и немцами-колонистами, преимущественно торговцами, Марта Стефановна свободно говорила на их языках, усвоила их привычки, переняла вкусы. Появись она теперь в Румынии, ее легко приняли бы за румынку.

В Будапеште или Дебрецене она тоже не растерялась бы. Неплохо прижилась она и в Яворе.

Марту Стефановну хорошо знали в городе все модницы, кто не хотел стоять в очереди за дефицитной галантереей, китайским шелком, венгерской или болгарской овчиной, выделанной под замшу. Марта Стефановна была портнихой и, кроме того, могла посодействовать в любой купле и продаже. Она аккумулировала все городские новости и сплетни. Она же излучала их по всем направлениям.

Вот эту Марту Стефановну и решил Крыж в самый кратчайший срок сделать своим агентом. Жадность к деньгам, лживость, лицемерие, любовь к разноцветным тряпкам, привычка вкусно есть и сладко пить за чужой счет, привычка жить, подобно кукушке, в чужих гнездах: сегодня — в венгерском, завтра — в словацком, послезавтра — в немецком, изощренная ловкость спекулянта и авантюриста, готовность вцепиться в горло всякому, кто покушается на ее личное благополучие,— все это, давно присущее Марте Стефановне, облегчало трудную задачу Крыжа. Для того, чтобы сделать Марту Стефановну своим человеком, то есть заставить сознательно служить себе, а значит, «Бизону», резидент должен был сделать немного: подцепить ее какой-нибудь приманкой, насаженной на красивый с виду крючок.

В один из апрельских вечеров, закончив работу в книжном магазине, Любомир Васильевич Крыж отправился на Железнодорожную улицу, в самый ее конец, где жила Марта Стефановна. Как всегда, на нем были черный, тщательно отглаженный, без единого пятнышка костюм, безукоризненно белая рубашка, поношенная, но еще

приличная велюровая шляпа и ботинки на толстой подошве, сделанные еще в старое время из грубой кожи аргентинского буйвола, не боящиеся ни воды, ни снега, ни солнца. В правой руке Крыж держал небольшой увесистый чемоданчик. Он шел по той стороне улицы, где особенно густо распустили свои ветви деревья и кустарники. Благополучно, не вызывая внимания к своей особе, добрался в конец Железнодорожной, к кирпичному под красной крышей дому Марты Стефановны. Все его окна были наглухо закрыты ставнями, ни в одну щелку не пробивался свет. Крыж не смутился. Он подошел к калитке, надавил ее плечом. Заперта. Что же делать? Стучать в калитку не хочется — услышат соседи. Крыж перелез через штакетник, отгораживающий наружную, выходящую на улицу часть дома, и осторожно постучал в окно. Прошла минута, другая; никто не откликался. Крыж терпеливо ждал.

— Кто там? — послышался наконец вкрадчивый голос.

Он донесся не со стороны окна, а со двора.

Крыж обернулся. На черном фоне вечернего с редкими звездами неба, поверх глухого зубчатого забора он увидел чью-то черную, квадратную голову. Приглядевшись, узнал Марию, компаньонку и прислужницу Марты Стефановны, монашенку в недавнем прошлом: ее белое-белое, меловое лицо, ее темный полушалок, особым, монашеским образом наброшенный на голову. Она стояла по ту сторону забора на каком-то возвышении и пытливо рассматривала позднего гостя.

— Открывай, святая Мария, это я,— произнес вполголоса Крыж.

— Кто это?

— Тот, кто любит тебя.

— А, это вы? — Мария бесшумно пропала за забором.

Через мгновение калитка распахнулась, и на улицу выскочила легкая и черная, как тень, Мария.

— Добрый вечер, пан Любомир! Вы сегодня к той, кого любите, или к той, кого уважаете? — насмешливо спросила она.

— К обеим сразу. Дома Марта?

— Дома. Проходите.

— Одна или с заказчицами?

— Мы заказчиц только днем принимаем, а вечером больше заказчики к нам наведываются.— Мария засмеялась и убежала в темноту.

«Предупредить хозяйку»,— догадался Крыж. По знакомой тропке, выложенной ребристым кирпичом, он прошел двор, поднялся на деревянное с резными кружевами крылечко. Жмурясь от яркого света, Крыж открыл дверь в прихожую и лицом к лицу столкнулся с Мартой Стефановной.

Это была очень приметная женщина: крупная, дородная, смуглолицая, с густыми бровями и огромными цыганскими глазами. На ее иссиня-черноволосой голове возвышалось разноцветное сооружение из длинного куска шерстяной материи, именуемое здесь, в Закарпатье, тюрбаном. Рот ее был обильно накрашен. Червонные серьги с черными подвесками раскачивались в ушах. Пальцы на руках унизаны кольцами. Указательный и большой на правой руке были желтыми — признак любви к сигаретам. Яркое платье — крупные вишни на синем поле,— красные туфельки и прозрачные чулки с черной пяткой довершали ее наряд.

— Добрый вечер, Марта! — Крыж аккуратно поставил чемоданчик в угол прихожей, размерен-

ным шагом подошел к хозяйке и, неторопливо, нагнув голову, приложился холодными губами к тыльной стороне ее ладони.

— А, Любомир! — густым, почти мужским басом протянула хозяйка, не заметив холодной сдержанности гостя. Красный рот ее растянулся до ушей, выщипанные брови поползли на лоб, а тяжелые серьги с подвесками радужно засверкали и закачались, как маятники.— Мария, где наше старое вино? Доставай, живо! И ужин готовь.

Через полчаса Крыж, тщательно прикрыв грудь большой накрахмаленной салфеткой, сидел за столом напротив Марты Стефановны и с богатырским аппетитом уничтожал домашнюю колбасу, наперченное венгерское сало, ярославский сыр, яичницу, пил лучшее закарпатское вино и непринужденно беседовал с раскрасневшейся хозяйкой. На правах старого привилегированного друга, перед которым всегда, в любое время дня и ночи, двери ее дома оставались открытыми, он позволял себе время от времени прикладываться к руке Марты Стефановны, после чего спокойно продолжал ужинать.

Время приближалось к полуночи. Мария убрала со стола посуду и молча отправилась спать в свой дальний угол.

Покончив с едой, Крыж сосредоточил все внимание на вине: беспрестанно подливал в свой бокал и в бокал Марты Стефановны. Она не отказывалась, пила наравне с ним. Подготовив ее таким образом, Крыж решил приступить к делу.

— Марта, у меня есть для тебя большой-большой сюрприз,— объявил он.

— Вот как! — удивилась хозяйка: ее друг никогда до сих пор не припасал для нее никакого

сюрприза, ни большого, ни маленького.— Интересно, какой же?

Чуть покачиваясь, Крыж отправился в прихожую. Вернулся с чемоданчиком. Положив его на край стола, похлопал ладонью по крышке:

— Сколько дашь, Марта, за содержимое этого ящика?

— А что там? Книги?

— Нет. Три тысячи дашь? Ну, не глядя?

Марта Стефановна взъерошила волосы на голове своего ночного гостя, похлопала его по разгоряченной вином румяной щеке:

— Зачем тебе тысячи, Любомир? Детей у тебя нет, жены не имеешь, подруга тебе гроша медного не стоит. Складываешь деньги в чулок, да?

— Марта, последний раз спрашиваю: дашь три тысячи? Давай, пока не поздно. Когда открою чемодан, больше потребую.

— Да что там такое? — Марта Стефановна наконец серьезно, встревоженно посмотрела на фибровый неказистый чемодан. Любопытство ее разгорелось до предела.

— Ну, не глядя, по рукам! Или открыть?

— Не глядя! — объявила Марта Стефановна.

Она любила рисковать. Да и как не рискнуть, как не поставить три тысячи на Любомира Крыжа, на милого ее сердцу человека? Вот бы за кого ей выйти замуж! Дюжины три женихов протоптали к ее дому дорожку — всем отказала. А Любомира сама зазывала, сама в жены ему набивалась — не берет, гордыня. Пробовала хитрить: не хочешь, мол, жениться, так и не ходи, не мути душу. Не испугался, перестал ходить. Большого труда стоило вернуть его назад! Вернулся, но стал бывать на Железнодорожной все

реже и реже. Но зато каким он был желанным, дорогим гостем, когда появлялся.

Марта Стефановна выдвинула ящик комода, достала три денежные пачки, лежавшие под постельным бельем, бросила их на стол. Крыж аккуратно, обрез к обрезу, сложил тридцать сотенных бумажек и спрятал в карман пиджака.

— Да открывай же свой проклятый чемодан, не томи! — потребовала Марта Стефановна.

Маленьким ключиком, который висел у Крыжа на длинной цепочке, он не спеша отпер чемоданные замки. Взявшись за крышку, посмотрел на свою подругу:

— Марта, не боишься ослепнуть? Закрой глаза.

— Да ну же!..

Марта Стефановна с силой отбросила крышку чемодана и увидела новенькие, рассыпанные, как игральные карты, красивые бумажки с темносерым литографированным изображением пожилого, со старомодной прической и баками мужчины. Это были деньги. И не какие-нибудь, а те самые, которые Марта Стефановна считала настоящими, те самые, которых жаждала. Это были доллары. Они лежали в чемодане поверх плотно уложенных книг, сплошь покрывая их, так что денег казалось много, много, полон чемодан.

Затаив дыхание, не мигая, бледная, смотрела Марта Стефановна на этакое богатство и не верила своим глазам.

— Доллары? Сколько? — задыхаясь, прошептала она, переводя испуганно-восторженный взгляд на Крыжа.

— Настоящие, но не столько, сколько ты думаешь.— Крыж собрал деньги в пачку. Тасуя долларовые бумажки, как игральные карты, он

усмехнулся: — Видишь, не так уж много, но и не мало. Капитал! Бери да помни мою щедрость! Бери! И никому не говори, ни Марии, ни даже мне, где ты их спрячешь. Пусть лежат, ждут своего часа. На!

Марта Стефановна с нескрываемой радостью смотрела на чужие, заокеанские деньги, которые всунул в ее дрожащие руки Крыж. Они окрыляли ее. Они источали головокружительный аромат. Бумажные, они звенели для нее чистым золотом. Немые, бездушные, они напевали алчной душе Марты Стефановны нежнейшую песню. Невесомые, способные и тонуть и в огне гореть, они обещали стать для Марты Стефановны ноевым ковчегом, благополучно пронести ее через все жизненные невзгоды, через огонь и потоп новой войны, сквозь игольное ушко всех денежных реформ. Серенькие, скромные с виду, они обладали чудовищной силой: заглушали все страхи Марты Стефановны перед милицией, следователем и судом. Да, она сразу, как только увидела доллары, решила, что возьмет их. Нет, нет, она уже ни за что не расстанется с ними! Есть для них абсолютно надежное место: яма, вырытая в приусадебном винограднике. Они попадут в хорошую компанию своих заокеанских собратьев — пятидолларников, десятидолларников и даже четвертных. С каким трудом собрала Марта Стефановна на черной бирже в первые послевоенные годы все это долларовое богатство! И так легко попали в ее руки эти крыжовские доллары! Но разве от этого они ей будут менее дороги, чем другие? Нет! О родном своем сыне Андрее она будет думать меньше, чем об этих бумажках с портретом старомодного мужчины.

— Ну, чего же ты молчишь? Онемела от радо-

сти? — прихлебывая из бокала светлое вино, насмешливо спросил Крыж.

Марта Стефановна больше для порядка, чем по душевной потребности, сочла необходимым немного поломаться.

— Любомир, откуда у тебя доллары? — спросила она и с деланным страхом посмотрела на закрытые ставни.

— От старой жизни,— хладнокровно ответил он.

— Но ведь они совсем-совсем новые!

— Ну, значит, от новой жизни.

— Любомир, я серьезно спрашиваю.

Он встал, обошел стол, положил руки на плечо своей подруги, насмешливо прищурил один глаз:

— Марта, я тоже серьезно тебе говорю: бери и ничего не спрашивай.

— Да, но я...

— Марта, побойся бога! — повысил голос Крыж.— Вспомни, кто перед тобой стоит! Ведь я, прекрасная дама, вижу тебя насквозь. Мне давно известно, что ты скупала доллары, что их хранишь... как и я и все похожие на нас с тобой... Хранишь для того дня, когда... одним словом, тебе все понятно. Спрячь их подальше и знай, что я никогда бы не расстался с ними, если бы не нужда в рублях. Вот какая нужда! — сказал он, ударив себя ребром ладони по острому кадыку, выпиравшему из-за белоснежного воротника рубашки.— Бери и прячь! Ну, а теперь давай спать, Марточка. Сегодня изменяю своей многолетней привычке и остаюсь ночевать под крышей твоего дома. Покойной ночи!

Он на прощанье поцеловал руку хозяйке, широко зевнул, снял пиджак и, не торопясь, стал развязывать галстук.

Что оставалось делать Марте Стефановне? Она сочла, что ей выгоднее всего быть покорной. Она улыбнулась и добродушно упрекнула Крыжа:

— Какой ты скрытный, Любомир! Сколько лет дружим, и ты ни разу не проговорился, что имеешь такие ценности!

— «Ни разу»!.. В моем положении, дорогая, если хоть раз ошибешься, капут. Я о многом не имею права проговариваться. А ты, Марточка, всем хороша, но насчет языка...

— Не беспокойся,— утешила Крыжа хозяйка,— о твоем подарке никто не узнает.

— Будем надеяться. Постели мне там.— Он кивнул на дверь комнаты, соседней с той, где Марта Стефановна обычно принимала своих заказчиц.

Кирпичный под красной черепицей дом, замыкавший Железнодорожную улицу, погрузился в глубокий сон. До утра здесь не произошло ничего, что было бы достойно внимания.

В числе яворских модниц, пользующихся услугами Марты Стефановны, были женщины двух категорий, так называемые «восточницы» (классификация Марты Стефановны), то есть те, кто приехал сюда из восточных областей страны после воссоединения Закарпатья с Украиной, и «западницы» — коренные жители Явора. И те и другие были разнообразны по своему составу. Во второй категории, в категории «западниц», преобладали давние заказчицы Марты Стефановны — жены яворских врачей, профессоров, директоров и главных инженеров предприятий, актеров и музыкантов и жены тех не умирающих и в наши дни финансовых ловкачей, кто умеет делать деньги из воздуха.

Первая категория, категория так называемых

«восточниц», состояла частично из жен некоторых отставных офицеров, обосновавшихся на старости под теплым яворским солнцем, и военнослужащих, расквартированных в Яворе и его окрестностях.

Марта Стефановна бессовестно обирала любительниц хорошо одеваться. Многие это отлично знали, но что поделаешь! Никто в Яворе не способен сделать платье так, как шьет Марта Стефановна! Никто не придумает такой фасон, какой легко рождается в ее неистощимой на выдумки голове! От заказчиц у Марты Стефановны не было отбоя. Бывшей монашенке Марии даже пришлось завести специальную книгу, на страницах которой она «ставила на очередь» поклонниц портновского таланта Марты Стефановны. Некоторые заказчицы, те, кому хотелось как можно скорее пощеголять в нарядах, сделанных руками Марты Стефановны, вынуждены были не только дорого платить, но и прибегать уже сверх платы к разного рода ухищрениям: Марте Стефановне приносили в подарок редкой расцветки перчатки, ювелирные безделушки. Ей устраивали «по своей цене» отрез какой-нибудь необыкновенной шерсти, новейшей модели туфли, дефицитную цыгейку. И все это делалось в надежде заслужить особое расположение портнихи.

Утро следующего дня было воскресным и оттого очень трудным для Марты Стефановны. С восходом солнца в ее дом потекли заказчицы. Одна за другой они осаждали плохо выспавшуюся, еще не одетую, не причесанную, в халате и домашних туфлях, до одурения надушенную — можно сказать, вымоченную в «Белой сирени» портниху. И все заказчицы, подобострастно улыбаясь, робко и нежно спрашивали: «Готово?»

Всем она отвечала одно: «К сожалению, еще не готово. У меня в последние дни так болит голова, что хоть на стену лезь». Заказчицы не обижались, не отчаивались, не гневались. Они делали вид, что верили портнихе. Сегодня не готово, так будет готово завтра. Можно потерпеть один день. Но хорошо, если только один день, а вдруг... Одна из заказчиц поспешила задобрить Марту Стефановну и выложила ей все субботние новости: какой доклад был в офицерском клубе, кто с кем танцевал на вчерашнем весеннем балу, кому повезло дважды кружиться в вальсе с симпатичным Волковым, генералом, приехавшим в командировку из штаба Военного округа, кто из летчиков получил благодарность в приказе за высотнотренировочный полет. Марта Стефановна, откровенно нетерпеливо дымя сигаретой, слушала словоохотливую заказчицу. Но вскоре ее болтовня надоела. Сказав, что платье будет обязательно готово завтра, Марта Стефановна бесцеремонно выпроводила майоршу на улицу.

Вернувшись в дом, Марта Стефановна приказала Марии запереть калитку и всем заказчицам отвечать, что хозяйки нет дома, будет после обеда, не раньше.

Заглянув по дороге в зеркало, уверенная, что в ее распоряжении все воскресное утро, она со спокойной душой подошла к двери, за которой спал Крыж, легонько постучала и нараспев спросила своего дорогого редкого гостя, спит он или не спит и можно ли к нему войти. К удивлению и огорчению Марты Стефановны, дверь распахнулась, и перед нею предстал ее гость в таком виде, на который она никак не рассчитывала. Он был уже в костюме, а в руках держал свой фибровый неказистый чемоданчик.

— Ты куда, Любомир? — встревожилась хозяйка.

— Дела, Марточка, дела!

— Какие же у тебя дела в воскресенье, ты же сегодня не работаешь в магазине?

— Есть дела и немагазинные.

— Хоть бы позавтракал... Останься, Любомир!

Крыж посмотрел на часы, подумал и сказал, что для завтрака у него еще найдется время.

За завтраком, пережевывая жаренный в сливочном масле, аппетитно подсушенный ломтик белого хлеба, Крыж загадочно усмехнулся:

— Марточка, у меня есть для тебя еще один большой сюрприз.

— Опять? Какой? Чемоданный?

— Угадала.

На этот раз он не заставил долго себя упрашивать, вытащил из-под стола чемоданчик, заменяющий многим служащим такого скромного ранга, как Крыж, портфель и передвижную кладовую, и, поставив его себе на колени, торжественно раскрыл. Марта Стефановна увидела не книги, а портативный магнитофон. Крыж молча включил штепсель в розетку, и послышался мощный бас Марты Стефановны, а потом и голос ее последней заказчицы, майорши, которая рассказывала ей все субботние новости военного городка. Боже мой, как серьезно она рассказывала и как смешно теперь слушать все это, воспроизведенное на пленку!

— Ну, чем не сюрприз? — закрывая крышку чемоданчика, улыбнулся Крыж...

— Замечательный! Молодец! Любомир, оставь чемодан. Я буду угощать своих заказчиц. Вот повеселимся!

— Э, нет, Марточка, не для тебя я старался!

Не оставлю здесь своего чемодана. Он мне самому нужен.

— Зачем?

— Завтра расскажу. А ты, дорогая, пока никому не говори, что я тут нечаянно подслушал и записал... Ну, мое сердце, хорошей, не теряй аппетита! До завтра! Приду вечером. Жди.

Он ушел. Пришел, как и обещал, в понедельник вечером. Крыж был в том же черном костюме, в белоснежном воротничке, но лицо его теперь было серьезное, строгое, властное.

— Отправь монашенку в город по какому-нибудь делу,— приказал он.

Мария взяла черный зонт, продуктовую сумку, получила деньги и ушла. Лысачиха и Крыж остались одни. Марта Стефановна вопросительно, тревожно посмотрела на гостя.

— Слушай меня внимательно и не задавай никаких вопросов,— сказал он.— Вчера, как ты знаешь, я записал на пленку болтовню майорши. Сегодня я выгодно, очень выгодно продал эту пленку.

— Кому, Любомир? Зачем?

— Сердце мое, я уже предупредил, на вопросы имею право только я. Один я! Так будет сегодня в течение всего нашего разговора, так будет и впредь, в течение всей нашей совместной работы.

— Какой работы, Любомир?

— Ты шьешь платья женам военнослужащих яворского гарнизона. У тебя есть возможность знать многое из того, что творится в военном городке. Выуживай все важные новости и записывай.

Крыж говорил не торопясь, с такой интонацией, будто разговор шел о вещах обыденных,

давно надоевших. И вот это усталое спокойствие, с каким он произносил страшные для Марты Стефановны слова, больше всего ее потрясло. Она остановившимися глазами, раскрыв побледневший рот, с ужасом смотрела на своего давнего друга и не узнавала его.

— Все свои записи,— продолжал Крыж, нежно глядя на Марту Стефановну,— ты должна передавать мне. За это я буду ежемесячно, каждое первое число, приносить тебе доллары. Работай, Марточка, спокойно, без страха. Будь твердо уверена: я уберегу тебя от всяких опасностей. Никогда со мной не попадешься. Чуть ли не полжизни я служу своим друзьям и, как видишь, цел и здоров. Вот и все.— Крыж поцеловал Марту Стефановну в холодные, дрожащие губы.— Поздравляю, мое сердце! Теперь мы с тобой соединены навеки, крепче, чем муж и жена.

...Так Марта Стефановна стала агентом Крыжа. Он сразу же потребовал, чтобы она отказалась от некоторых укоренившихся привычек и склонностей. Прежде всего, он запретил ей барышничать, покупать и продавать остродефицитные товары. «Я не хочу,— говорил Крыж,— чтобы твоей личностью заинтересовалась милиция. Ущерб я возмещу».

Став полным властелином Марты Стефановны, Крыж на этом не успокоился. Ему нужен был и ее сын, живущий не в Яворе, а за Карпатскими горами, во Львове. Завербовав мать, Крыж перенес все свое внимание на ее сына, Андрея Лысака. Немало пришлось подумать резиденту над тем, как приобщить к своей компании юношу, куда нацелить его, чтобы с наибольшей выгодой использовать впоследствии.

Андрей Лысак, направляясь домой в Явор, и

не подозревал, какая судьба ему уготована. Как он далек был в ту свою двадцатую весну от того, чем занималась мать, и как скоро догнал ее!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Майской предрассветной порой с одного из аэродромов Южной Германии в придунайской зоне оккупации поднялся скоростной самолет «неизвестной принадлежности». Он имел на борту единственного пассажира. Это был Джон Файн, приступивший к осуществлению операции «Горная весна».

Под кличкой «Черногорец» Файн направлялся в Явор самостоятельно, отдельно от Дубашевича и Хорунжего. Те, в свою очередь, должны были быть переброшены через границу каждый в отдельности.

Оставив позади Восточные Альпы, самолет без опознавательных знаков прошел между Италией и Югославией, над нейтральным голубым коридором Адриатики, пересек Ионическое море, часть греческой суши и приземлился дневать на одном из островов в северном углу Эгейского моря. С наступлением темноты «Черногорец» снова был в воздухе. Самолет с первой же минуты начал набирать высоту. Через час Файну пришлось надеть кислородный прибор. Летели над облаками, в стратосфере. В одно мгновение пронеслись над узкой прибрежной полоской гре-

ческой Македонии. С юга на север пересекли Болгарию. Далеко-далеко внизу, в просвете облаков, на черной земле, у подножия хребта Стара Планина, сверкнул светлой ниточкой пограничный с Румынией Дунай. Строго по прямой, оставив в стороне, справа, Бухарест, а слева Крайову и знаменитые Железные ворота на излучине Дуная, пошли вглубь Румынии. Перевалили Южные Карпаты и стали постепенно терять высоту, снижаться. Пять тысяч метров. Четыре. И наконец три. Это уже Трансильвания. Самолет чуть накренился на правое крыло, начал разворот.

Конец воздушного пути. Дальше придется пробираться по земле. Жаль! Еще несколько минут — и самолет был бы над высокогорным Закарпатьем, почти над Явором. Файн вздохнул. Близок локоть, да не укусишь! Нет, прямо в Закарпатье лететь нельзя. Это категорически запрещено «Бизоном». План Артура Крапса труднее и хитрее. Сбросив Файна в румынских Карпатах, самолет должен круто повернуть вправо и следовать к советской границе. Там, на подступах к Днестру, он продемонстрирует ложную попытку прорваться к нам в тыл. Инструкция «Бизона» обязывала экипаж немедленно изменить курс на 180 градусов, имитировать паническое бегство, как только с советского аэродрома поднимутся ночные самолеты-перехватчики. Таким образом, пограничники, рассчитывал «Бизон», будут твердо убеждены, что «неизвестному» самолету не удалось прорваться в воздушное пространство Советского Союза, и он повернул назад, не выполнив своего задания.

...Над кабиной пилота вспыхнула красная лампочка, и в ту же секунду в дюралевом полу бесшумно, автоматически раздвинулся люк.

Квадратная дыра зияла почти у самых ног Файна. Поднимись он, сделай один шаг — и сорвался бы вниз, в глубочайшую воздушную пропасть, но Файн неподвижно сидел на дюралевой скамейке. Упругий холодный ветер, ветер горных высот, гудел в плоском вырезе парашютного люка. На черной ночной земле резко выделялись своей белизной заснеженные вершины румынских Карпат.

Красная лампочка над кабиной пилота погасла и опять вспыхнула, а Файн все никак не мог оторваться от скамейки, будто прирос к ней. Он не находил в себе решимости для прыжка; понимал, что должен прыгнуть, не может не прыгнуть, что у него нет другого выхода, понимал, чем рискует, не выполняя быстро и точно команды пилота, и все-таки медлил, никак не мог перебороть страх.

Пятнадцать лет кряду Джон Файн был одним из боссов бизоновской разведки. Правда, босс он был небольшой, но все-таки босс: задумывал операции, подбирал агентуру, снаряжал и инструктировал диверсантов, террористов, шпионов, маршрутных разведчиков, связников, поучал каждого из них быть беспредельно хитроумным и смелым, дерзким и целеустремленным, изворотливым и неуловимым. Как легко и хорошо умел говорить Файн, как горячо накачивал он храбростью своих агентов, отправляя их на выполнение заданий! И как тяжко ему теперь, когда он сам очутился в шкуре нарушителя границы, когда сам должен быть безгранично смелым, изворотливым, неуловимым. Животный страх немилосердно терзал Файна. Он боялся черного, дышавшего горным холодом парашютного люка, боялся воздушной пропасти, боялся чужой карпатской земли,

боялся тех людей, с которыми ему предстояло вольно или невольно столкнуться. Да, прожженный разведчик Джон Файн трусил. Это чувство не было для него новым, он давно знал себе истинную цену, давно научился скрывать свою сущность даже от всевидящих и всезнающих шефов из главного разведывательного управления.

Джон Файн требовал от своих подчиненных безграничной выносливости, готовности стерпеть любые испытания, а сам не переносил ни малейшей физической боли, безнадежно уставал после трех-четырех часов работы, если можно считать работой то, чем занимался резидент. Он изо дня в день, из года в год копил доллары. Их было порядочно — десятки тысяч. Но не найти на его счету ни одного доллара, ни одного цента, заработанного трудом. Все деньги Файна были «бешеными деньгами», на каждой бумажке лежал невидимый отпечаток грязи и крови, как и на всем, что делал Джон Файн. Вот деньги-то он любил по-настоящему, искренне, самоотверженно, ради них был готов на многое. Скопидом и скряга, он часто отваживался играть в карты, рисковал большими суммами, надеясь увеличить свой капитал. Неженка и трус, он рискнул поставить на карту даже собственную жизнь, когда перед его лицом помахали «королевским кушем». И это естественно для такой породы людей.

Хлопнула дюралевая дверца кабины пилота и в узком проеме показался долговязый сутулый штурман в собачьих унтах и комбинезоне. На прыщеватом молодом лице его было свирепое выражение. Потрясая кулаками, он закричал:

— Прыгайте, иначе я вышвырну вас, как паршивого кролика!

— Спокойно, мой мальчик. Все в порядке! — Джон Файн улыбнулся, показывая ослепительно белые зубы.

Потом он не спеша, подделываясь под бывалого хладнокровного парашютиста, поднялся со скамейки, кивком головы попрощался со штурманом и, не переставая улыбаться, шагнул к зыбкому краю люка. Закрыв глаза, стиснув зубы, он прыгнул. И когда уже полетел вниз, когда ветер засвистел в ушах, когда замирающее сердце подкатилось к горлу, у Файна вдруг промелькнула спасительная мысль: «Если попадусь в руки пограничникам, то не окажу им никакого сопротивления и не раздавлю ампулу с ядом. Подниму руки, сдамся живым. И на первом же допросе все расскажу. Русские, конечно, заинтересуются мной, предложат работать на них. Я немедленно соглашусь».

С такой думой летел Джон Файн к земле. Приземлился он, как и предусматривалось, в безлюдных, еще заснеженных горах Северной Трансильвании. Все обошлось благополучно. Прыгнул удачно, хотя снаряжение было увесистым: радиостанция, способная принимать и передавать, горные лыжи, два бесшумных пистолета, гранаты, аптечка, пищевые концентраты, натуральный шоколад в плитках, пачки денег в советской и иностранной валюте.

Отстегнув парашют, Файн огляделся. Низкий голый кустарник. Снежная целина, глянцевитый при лунном свете наст. Каменные макушки гор, черные с южной стороны и белые с северной. Косые тени карликовых деревьев. И тишина, глубокая тишина поднебесных безлюдных Карпат. Как ни напрягал зрение Файн, он не увидел румынских пограничников. Он ждал, что они его

схватят, а их нет. Сердце Файна усиленно билось, лоб и спина были покрыты холодным потом. Прошла минута, другая, третья, а пограничники не подавали никаких признаков жизни. Увязая в снегу, Файн сделал несколько шагов вперед. Опять тихо. И только теперь он поверил, что ему пока ничего не угрожает.

Джон Файн двинулся на север. Шел он быстро, не отдыхая. Первая удача придала ему силы, уверенность. Страх пропал. Он уже забыл о том, что пришло ему в голову в момент прыжка, и спешил как можно скорее добраться до того места, где ему предстояла дневка.

Всю ночь он пробивался на север, ориентируясь по компасу и карте, оставляя далеко в стороне удобные шоссе, речные долины, проторенные лесные тропы и огни населенных пунктов. Выбирал самые глухие места — каменистое плоскогорье, полное бездорожье, звериное раздолье. Там, где было много снега, Файн становился на лыжи. Ни волка, ни рыси, ни медведя он не боялся. Страшнее зверя для него сейчас был человек. Раздумывая над судьбой своего друга Кларка, Файн пришел к твердому убеждению, что тот провалился по простой причине: слишком понадеялся на документы Ивана Белограя, на отличное знание русского языка и особенностей советского человека. Это была коренная, как теперь видно, непоправимая ошибка Кларка. И ее Файн не должен повторить. Он твердо решил, пробираясь в Явор, никому, кроме своих агентов, не доверяться. В Яворе он должен жить в глубоком подполье, не показываясь на глаза людям. Только в этом случае он может надеяться на успех своей трудной, опасной миссии, на то, что выберется из Закарпатья живым и невредимым.

К рассвету Файн добрался в район знаменитой горы Пиотрос, венчающей своей вершиной румынские Карпаты. Здесь, в глухом прикордонном лесу, жил Михаил Троянеску, зверолов и охотник, снабжавший бухарестский зоологический сад живыми зверями и птицами. Давным-давно он был завербован заграничной разведкой. Троянеску отлично знал Карпаты, изучил все тайные тропы через прикордонные хребты. Что дорого, тем редко пользуются. Желая сохранить Троянеску на длительное время, Файн прибегал к его услугам чрезвычайно редко.

Спрятав все свое снаряжение в лесу, Файн налегке, с пистолетом, гранатами и деньгами в кармане, подошел к дому, где жил его агент по кличке «Глухарь».

Деревянный сруб, крытый старой буковой щепой, высоко, в четыре линии, огорожен толстыми лежачими жердями. Под самыми окнами, под естественным каменным навесом, чернел родник, заменявший леснику колодец. Сбоку избушки, возвышаясь до самой крыши, стоял большой стог сена. Широкие охотничьи лыжи воткнуты в снежный сугроб — свидетельство того, что хозяин дома.

Файн был абсолютно уверен в своем агенте, однако он не решился вот так, сразу, ворваться к нему. Вырыл в стоге сена нору, забился в нее и, замаскировавшись, мучительно борясь со сном, стал ждать появления «Глухаря».

Рассвело. Скрипнула в лесной сторожке дверь, и на белом снежном фоне двора зачернела высокая, в мерлушковой шапке, овчинном дубленом кожушке, фигура. Присохший на ночном морозе снежок захрустел под ногами мужчины. Он направлялся туда, где лежал Файн. В его ру-

ках была большая ивовая корзина — сеноноска, а в зубах дымилась трубка. «Он или не он?» Многих из своих агентов Файн не знал в лицо. Ему были известны лишь их приметы, фамилии, клички и номера. С «Глухарем» ему до сих пор не приходилось встречаться.

Человек в черном кожушке и высокой мерлушковой шапке, старчески кашляя, вплотную приблизился к стогу сена. Седые висячие усы. Глубокий сабельный или ножевой шрам на морщинистом лбу. «Он!»

— Добрый час, Михай! — вполголоса по-румынски произнес Файн слова пароля.— Ты жив, здоров?

Охотник и зверолов, видимо, был не из трусливых — не отскочил от стога, не выронил корзины, не закричал. Он вынул трубку изо рта, откликнулся:

— Пока, слава богу, жив и здоров. Того и вам, добрый человек, желаю.

Обменявшись паролем, Файн выполз из своей норы, подал леснику руку.

— Здравствуйте, Михай, здравствуйте! Я — «Черногорец». Рад вас видеть.

— Вы «Черногорец»? — с откровенным изумлением спросил румын.

— Да, «Глухарь», это я. В доме нет посторонних?

— Нет. Я тоже рад,— спохватился хозяин лесной избушки, показывая крепкие, несъеденные временем зубы.— Пожалуйте, гостем будете.

— Ненадолго я к вам. Иду на ту сторону,— Файн махнул рукой на северо-запад.— Не забыл туда дорогу?

— Как можно?

— Ну, ладно, пойдем в дом, поговорим...

Через несколько дней под покровом вечерних сумерек Файн и его проводник, оба на лыжах, равномерно распределив снаряжение, двинулись в путь, взяв курс на Черный поток, лежащий по ту сторону прикордонного хребта, на советской земле. К ночи они вышли к водоразделу. До границы оставалось несколько сот метров.

— Хватит! — объявил проводник. — Привал!

Отдохнув, «Глухарь» достал из рюкзака четыре хорошо выделанные медвежьи лапы.

— Прошу, залезайте!

Файн быстро и умело натянул на руки и ноги медвежьи лапы.

— Так смотрите же! — напутствовал своего шефа «Глухарь», прикрепляя к его спине ремни рюкзака.— Соблюдайте все медвежьи повадки. Все!

— Не беспокойся, Михай. С этой минуты я уже не человек, а медведь.— Файн сдержанно усмехнулся.

Он сунул проводнику руку, упрятанную в медвежью лапу, попрощался и двинулся к границе, к Черному потоку.

Зверолов провожал Файна глазами, пока тот не скрылся в пограничном мелколесье.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тяжелым, полным неожиданностей оказался апрель для горного Закарпатья. В первую неделю месяца на равнинных берегах Тиссы светило яркое и теплое солнце, цвела сирень. Всю вторую неделю было пасмурно и мокро: небо затянулось тучами, дождило с утра до вечера. Потом дождь перешел в мокрый снег. Ближайшие к реке горы,

уже по-весеннему зеленеющие, натянули на свои вершины зимние белые шапки. Ночные и утренние заморозки опалили ледяным дыханием цветущие сады, расположенные слишком высоко, на горных склонах.

Весна остановилась на полдороге. Почернели, посыпались на неуютную землю лепестки цветущей сирени. Увязли в грязи на недопаханном поле тракторы. Умолкли весенние птицы, прилетевшие из жарких стран. Люди, сбросившие с себя теплую одежду, снова облачились в пальто и дождевики. Садовники жгли по ночам многодымные костры, окутывающие деревья теплым, долго не тающим туманом. Неожиданно вернувшаяся зима прогнала с Полонин [1] ранних пастухов-разведчиков и их небольшие отары, проникшие на высокогорные луга в обманчиво теплые дни.

В третью неделю апреля на равнине прекратились дожди, заметно спал холод, часто показывалось солнце. Но там, в горах, на Верховине, особенно у истоков Белой Тиссы, все еще было снежно и по ночам хорошо подмораживало.

В эти последние апрельские дни начальник пятой погранзаставы капитан Шапошников получил из штаба комендатуры приказание временно, на несколько дней, откомандировать инструктора службы собак старшину Смолярчука и его Витязя (он окончательно поправился после ранения) в распоряжение капитана Коршунова, начальника высокогорной заставы, расположенной в ущелье Черный поток, у подножия самых высоких гор Закарпатья, над верховьем Белой Тиссы.

Смолярчук с радостью отправлялся в дальние

---

[1] Полонины — высокогорные альпийские луга.

горы. Он любил весеннюю Верховину, неохотно сбрасывающую с себя зимнюю снежную шубу и упорно сопротивляющуюся весне. Через час после получения приказа Смолярчук надел полушубок, шапку-ушанку, положил в вещевой мешок белье и рукавицы на собачьем меху, надел на Витязя намордник, пристегнул к ошейнику поводок и отправился по назначению. К вечеру попутная машина доставила его к капитану Коршунову.

Смолярчук всегда охотно бывал на этой высокогорной заставе, самой дальней и самой, пожалуй, глухой на всем течении Тиссы. Ему, сибиряку, алтайцу, нравился этот нетронутый, дикий уголок карпатской земли: своей строгой красотой он напоминал родные места.

Чернопотокская застава расположена на высоте более тысячи метров, в узкой горной расщелине, на самом берегу стремительной речушки, несущей свои воды по неглубокой промоине, поверх каменных отшлифованных глыб. В ущелье было так тесно, что все строения заставы — казарма, дом, где жили офицеры, баня, конюшня, вещевой и продуктовый склад, собачий питомник — вытянулись в одну линию. Своей фасадной стороной они обращены к неумолчному, день и ночь журчащему потоку, а тыловой врезаны в крутой, почти отвесный склон горы, поросший могучими пихтами и елями. Поднимаясь одна над другой, смыкаясь мохнатыми ветвями, вековые деревья непроглядной грозной кручей нависали над ущельем. Солнце заглядывало в Черный поток только в разгаре лета, да и то на короткое время.

В хорошую погоду узкая кривая полоска неба, ночью звездная, а днем нестерпимо голубая, приманчиво сияла над заставой. В ненастные осен-

ние дни в ущелье сползал с гор тяжелый туман, от которого набухали влагой шинели солдат, мокрыми становились их волосы, лица и оружие. Весной здесь не было в течение суток часа, чтобы не срывались дождь или ледяная крупа, но зато сюда никогда, ни зимой, ни летом, не залетал ветер, так свирепо бесчинствующий на Полонинах.

Капитан Коршунов, коренастый, смуглолицый и с таким размахом плеч, будто на них накинута кавказская бурка, радушно, как дорогого гостя, встретил Смолярчука. Впрочем, он ко всем пограничным следопытам относился любовно. Он когда-то, в пограничной молодости, был инструктором службы собак.

— Ну вот и еще раз мы встретились, товарищ старшина! — проговорил он, крепко пожимая Смолярчуку руку после того, как тот доложил о своем прибытии.— Вы, конечно, уже поняли, зачем мы затребовали вас и вашего Витязя? Наша розыскная собака выбыла из строя по болезни, а обстановка у нас тревожная.

— Когда прикажете идти в наряд? — спросил Смолярчук и посмотрел на часы.

— Пойдете на рассвете. Не забыли еще наш участок?

— Что вы, товарищ капитан! Кого прикажете взять в напарники?

— Есть у нас молодой толковый солдат Тюльканов. Только сегодня прибыл на заставу из учебного подразделения. Просится в следопыты, к собакам. Потренируйте его хотя бы для затравки. Ну, вот и все. Ужинайте, выбирайте свободную койку и отдыхайте до ранней зари, до пяти ноль-ноль.

Устроив и накормив Витязя, Смолярчук отправился ужинать. В бревенчатой столовой никого

не было: солдатский ужин закончился, и уже была произведена уборка — полы вымыты, оконные стекла протерты зубным порошком и газетной бумагой, клеенки на столах отмыты с мылом до глянца.

— Эй, есть здесь кто-нибудь? — уныло, в предчувствии того, что придется лечь спать голодным, окликнул Смолярчук.

Высокий, плечистый, стройный солдат в белом халате, стриженый, лобастый, большеглазый, с румянцем на щеках, показался в дверях кухни.

— Здравия желаю, товарищ старшина! — четко, с удовольствием, сочным юношеским баском проговорил он и улыбнулся.

Смолярчук с интересом посмотрел на незнакомого пограничника.

— Здравствуйте,— с той безобидной величавостью, какую так любят старшины продемонстрировать перед молодыми солдатами, откликнулся он.

То, что перед ним был новичок, зеленый пограничник, Смолярчук определил сразу же, с первого взгляда: свежие, еще не разносившиеся кирзовые сапоги, не выцветшая, не просоленная по́том гимнастерка, неумело надетый, не застегнутый халат и еще не военное, штатское выражение лица. За три года службы Смолярчук безошибочно и легко научился читать на лицах те неизгладимые, не каждому заметные следы, которые высекает суровая солдатская пограничная жизнь.

— Покормите или отправите спать несолоно хлебавши? — спросил Смолярчук.

— Обязательно покормлю, товарищ старшина. И неплохо. Свинина жареная с гречневой кашей, пирожки с рисом, чай, и все горячее. Я целый час вас дожидался.

Солдат ловко повернулся на каблуках, скрылся в кухне. Через минуту он вернулся в столовую, бесшумно, аккуратно поставил перед Смолярчуком ужин, хлеб, эмалированный чайник и кружку.

— Вот, пожалуйста. Ешьте на здоровье!

Смолярчук сел за стол, принялся за еду.

— А где же старый повар Кириллов? Демобилизовался или перевелся на другую заставу?

— Нет, он здесь. Отдыхает.— Молодой солдат вспыхнул так, что его щеки стали кроваво-пунцовыми. Даже уши его покраснели.— Вы что, товарищ старшина, приняли меня за повара? Ошиблись. Нет, я всего-навсего рабочий по кухне. Первый раз, между прочим, в наряде.

Несмотря на то, что солдат покраснел, он говорил без смущения, бойко и четко, держался с достоинством, взгляд его был смелый, независимый, а улыбка — непринужденная, искренне веселая.

«Хороший парень! Вот такого бы мне в помощники»,— подумал Смолярчук. Он перестал есть, покачал головой, усмехнулся:

— Не похоже, что первый раз... Солдат с такой ухваткой долго в рядовых не застоится. Предсказываю вам большое пограничное будущее, товарищ... Как ваша фамилия?

Смолярчук пошутил, но солдат серьезно, без улыбки сказал:

— Спасибо. Тюльпанов моя фамилия.

— Тюльпанов? Так это с вами я пойду в наряд?

— Со мной.— Попрежнему смелыми глазами глядя на старшину, Тюльпанов спросил: — А вы тот самый Смолярчук, который был делегатом одиннадцатого съезда комсомола?

— Да, тот самый!

— Я ваш портрет видел в журнале,— говорил

Тюльпанов взволнованно.— И статью про вас и вашего Витязя читал. И доклад о вашей следопытской работе слушал. С тех пор мне и захотелось стать инструктором службы собак. По правде сказать, я мечтал вас увидеть. А когда я узнал, что вы приезжаете на заставу, я очень обрадовался и просил капитана, чтобы он послал меня с вами на границу.

— Вводная понятна. Вопросов больше не имею,— пошутил Смолярчук. Он допил чай и добавил с преувеличенной серьезностью: — Что ж, товарищ Тюльпанов, готовьтесь пойти со мной на границу. Подъем в пять ноль-ноль. Спокойной ночи.

— А Витязь тоже пойдет с нами?

— Обязательно.

...На рассвете, когда небо над ущельем едва-едва посветлело, Смолярчук и Тюльпанов выслушали приказ начальника заставы капитана Коршунова и отправились на пограничный пост, где им надлежало нести службу. Если проложить линию напрямик, по воздуху, то до погранпоста всего лишь километра три. Если же идти обычной дорогой, горной тропой, по крутым каменистым склонам, через леса и Полонины, наберется втрое больше.

Смолярчуку не привыкать к горной ходьбе.

С тяжелым вещевым мешком за плечами, повесив автомат на шею и послав Витязя вперед, он неутомимо, словно по ровному месту, взбирался по крутой тропе. Тюльпанов молча шел позади, не отставая ни на шаг

Совсем рассвело, когда добрались до новеньких буровых вышек геологоразведочной экспедиции, до хвойных шалашей и палаток геологов. Это последнее жилище в здешних местах. Дальше

не будет ни одного дома лесника, ни одной пастушьей хижины, ни одной ватры — костра лесоруба. Только высоко-высоко в горах, на голом плато, обдуваемом со всех сторон злыми ветрами альпийской зоны, высится двухэтажное бревенчатое обветшалое здание, служившее когда-то приютом для любителей горного спорта. Под крышей бывшего «Орлиного крыла» и расположился пограничный пост.

К восходу солнца Смолярчук и Тюльпанов добрались до пограничного поста. Обсушившись у раскаленной докрасна печки, разогрев тушеные бобы с мясом, вскипятив чай, плотно позавтракав и отдохнув, они отправились на дозорную тропу.

Хорошо в Карпатах весной, ранним солнечным утром! Там, внизу, на рубеже Большой Венгерской равнины, на берегах Латорицы, Ужа, Теребли и Тиссы, опять цветут розы, кропит мелкий теплый дождь, а на Полонинах, на поднебесных вершинах и склонах гор, еще лежит метровый снежный пласт, вокруг родников сверкают ледяные закраины, и в глухих лесных зарослях держатся зимние тропы, пробитые кабанами, медведями и оленями.

Следы раздвоенных оленьих копыт были пропечатаны глубоко, на всю толщину снежного покрова, до самой земли. Кабаньи тропы выделялись грязной рыжиной: пробивая острыми копытами наст, проваливаясь, зверь волочил по снежной целине свое щетинистое брюхо, вымазанное свежей глинистой грязью теплого минерального источника.

Смолярчук надел лыжи и, засунув шапку в карман маскхалата, легко вскидывая бамбуковые палки, заскользил по хрупкой белизне снега, не тронутого ни единым темным пятнышком.

Тюльпанов пошел по следу старшины. Витязь, отпущенный на длинный поводок, бежал впереди пограничников, чуть слышно цокая когтями по примороженной лыжне и не выделяясь на снежном фоне: на овчарке была белая попонка.

В низкорослом альпийском лесу там и сям переговаривались проснувшиеся птицы.

Засахаренные склоны гор, отражая свет солнца, источали яркое, нестерпимое для глаз сияние.

Кое-где из-под снежной толщи выглядывал безлистый стебель, увенчанный крупными цветами в виде изящных чашечек, белых изнутри и красноватых снаружи. Это вечнозеленый морозник.

Родниковая Полонина, вся обращенная к югу, темнела пожухлой на морозе травой. Далеко внизу, на лесосеках, над еловыми колыбами — шалашами лесорубов,— над неширокой щелью Черного потока поднимались прямые и высокие столбы дыма: лесные труженики жгли свои утренние ватры.

Отсюда, с каменных студеных хребтов гуцульской Верховины, ближе, чем откуда бы то ни было, до карпатского неба и дальше всего до равнинных берегов Тиссы. Несмотря на это, здешние места мало видят солнца. Даже в летние дни, когда на равнине жара, здесь дуют сквозные холодные ветры, моросит дождь или клубятся по земле дымные громады облаков. Чаще всего бывает облачно — и днем и ночью, и зимой и летом, и осенью и весной. Сегодняшний ясный солнечный день — редкое исключение.

— Ну как, товарищ Тюльпанов, чувствуете себя в горном климате? — спросил Смолярчук, притормаживая и оборачиваясь к напарнику.

— Хорошо! — откликнулся молодой солдат. Он достал платок и, сняв шапку, тщательно вытер

влажную светловолосую голову.— Мне везде бывает хорошо, товарищ старшина, куда ни попаду.

— Это почему так?

— А кто его знает! Наверно, живучий такой мой корень — в любой земле себе сок находит.

— Мичуринский, значит, у тебя корень? — сказал Смолярчук и подмигнул.

— Может быть и так,— улыбнулся Тюльпанов.— Отец у меня был садовником.

Солнце поднималось все выше, пригревало сильнее. Пограничники шли навстречу ему, защищаясь от ярких лучей темными очками.

Справа от дозорной тропы, на чуть оттаявшем косогоре, излюбленном месте вечнозеленой камнеломки, Смолярчук увидел вытоптанный и взрытый оленьими копытами снег. Следы были свежими. Значит, оленье семейство добывало себе здесь корм совсем недавно, несколько часов назад. Интересно, слыхал ли что-нибудь этот «мичуринский корень» об оленях?

Смолярчук вскинул лыжную палку, указал на разрытый снег и видневшуюся из-под него траву:

— Что это, товарищ пограничник? Можете объяснить?

Тюльпанов серьезно посмотрел туда, куда указывал старшина.

— Нет, пока не могу,— твердо сказал он и улыбнулся. Улыбка была не виноватой и не смущенной.— А вы знаете, товарищ старшина? Расскажите!

Смолярчук охотно пояснил:

— Олени здесь кормились. Видите, снег разгребали, докапывались до камнеломки. Слыхали про такую траву?

— Нет, не слыхал.

— Вот она, смотрите!

Тюльпанов хотел было сойти с тропы, чтобы получше рассмотреть зеленый кустик, но Смолярчук остановил его:

— Нельзя этого делать. Идите только по лыжне. Местность вокруг тропы должна быть всегда не тронута человеком, не заслежена. Если появится новая лыжня, значит ее сделал чужак, нарушитель. И вообще вы должны знать участок заставы, как собственную ладонь: где поднимается кустик, а где лежит камень; где бьет родник, а где вьется тропка, удобная для лазутчика. И все примечайте, все фотографируйте в своей памяти. Чуть где заметите перемену на границе — камень лежит не там, где лежал всегда, на кусте обломана ветка, примята трава вокруг родничка, появились темные пятна на влажной почве, а на промерзшей земле царапины,— сейчас же исследуйте каждое новое явление, докапывайтесь, чем оно вызвано.

Тюльпанов внимательно слушал.

— Тренировались вы на учебном пункте рассматривать местность? — спросил Смолярчук.

Молодой солдат кивнул головой и вздохнул.

— Тренировался.

— Почему же забыли школьную науку? Память плохая?

— На память я до сих пор не жаловался, товарищ старшина.

Ответ молодого солдата показался Смолярчуку дерзким. Старшина нахмурился. Он терпеть не мог, когда кто-нибудь вступал с ним в пререкания. Он любил обучать молодежь пограничному искусству, охотно делился своим богатым опытом, но любил также, чтобы его слушали беспрекословно, затаив дыхание, чтобы верили каждому его слову, чтобы высоко ценили его славу и не

скупились на восхищение его следопытским умением.

— Вы больше слушайте, товарищ Тюльпанов,— сказал старшина,— да на ус наматывайте и меньше разговаривайте.

Лицо Тюльпанова стало серьезным, ни одной насмешливой искорки в глазах. Он понял, что не должен ни при каких обстоятельствах ущемлять самолюбие и гордость своего учителя.

«Нет, парень он все-таки хороший! Зря я на него набросился»,— подумал Смолярчук, разглядывая своего напарника. Густые черные, сросшиеся на переносице брови старшины разошлись и разгладились морщины на лбу. Он улыбнулся и спросил:

— Вы откуда родом, товарищ Тюльпанов?

— Донецкий. Степняк. Не приходилось бывать в наших краях?

— Нет, не приходилось. А что вы делали до службы? Учились?

— Недоучился. Работал. Больную мать и сестренок кормил. С тринадцати лет хлеб зарабатываю, товарищ старшина. Слесарил. Был монтажником, верхолазом, монтером. Одним словом, все больше с железом и сталью дело имел.

Смолярчук опять внимательно посмотрел на своего помощника.

— Я тоже около железа с малых лет. Слесарь. Тракторист. Механик. Так что мы с вами, товарищ Тюльпанов, вроде как бы земляки.— Смолярчук встревоженно посмотрел вокруг.— Разговорились мы с вами чересчур, без нормы. Не положено. Пошли!

Он широко взмахнул палками, с силой оттолкнулся и легко, с веселым хрустом заскользил по хорошо накатанной высокогорной лыжне.

Снег на дозорной тропе, оттаявший вчера под горячими лучами горного солнца, за ночь покрылся глянцевитой ледяной коркой, и хорошо смазанные лыжи не проваливались и не оставляли заметного следа. Смолярчук двигался медленно, опустив голову, и пристально разглядывал снежный покров.

Дозорная тропа опоясывала вершины прикордонного хребта. Начинаясь на северо-востоке, у пограничного поста, она огибала горы Каменную, Верблюжью, Генеральскую, Безродную, Зеленую и потом круто поворачивала на запад, подрезая пограничный хребет до стыка с соседней заставой.

Смолярчук обогнул голую скалистую макушку горы и остановился. Он воткнул палку в снег, озабоченно поправил шапку, удобнее приладил висевший на ремне автомат, укоротил поводок насторожившегося Витязя. Лицо старшины стало необыкновенно серьезным, а глаза строгими. Тихо, почти шепотом, сказал:

— Дальше идти надо очень осторожно.

— Почему? — вырвалось у Тюльпанова.

— Снег,— скупо, загадочно ответил Смолярчук.

Тюльпанов понял его так: «Берегись снежного обвала!» И не ошибся.

За поворотом дозорная тропа извивалась узким карнизом по крутому, почти отвесному склону горы. Справа — глубокая пропасть, на дне которой росли уже настоящие, не карликовые, темнозеленые деревья. Слева, закрывая часть неба, высились снежные ребристые пирамиды, готовые рухнуть от одного прикосновения к ним или даже от сотрясения воздуха. Откуда здесь, над самой пропастью, такое скопление снега?

И почему висит он над тропой, почему не обваливается? Что удерживает эту высоченную снежную волну?

Внимательно вглядитесь в подножие гигантской пирамиды, воздвигнутой в течение долгой горной зимы метелями и снегопадами. Видите яркозеленый хвойный кустарник? Это высокогорная карликовая сосна. Дугообразные ее ветки, распростертые почти параллельно земле, сплетаясь одна с другой, образовали мощные заросли, преградившие путь снежной лавине.

Миновав опасное место, Тюльпанов оглянулся.

— В прошлом году здесь погиб пограничный наряд. Три дня откапывали,— сказал Смолярчук и двинулся дальше.

Тюльпанов пошел за ним.

Пройдя километра полтора, Смолярчук снова остановился. Облокотившись на палки, внимательно рассматривал он дозорную тропу.

— Что там, товарищ старшина? — приблизившись спросил Тюльпанов.

— Смотри!

Пограничник опустился на корточки, стал разглядывать ноздреватый снежный панцырь. Хорошо были видны характерные следы зверя, проложенные поперек тропы. Зверь двигался со стороны границы иноходью, переставляя обе ноги — левую переднюю и левую заднюю — одновременно, с глубоким нажимом. Витязь ощетинился, натянул поводок.

— Чьи следы? — спросил Тюльпанов.

— Медвежьи,— ответил старшина.— Вот вмятины задних лап, а вот царапины когтей. Да, медвежьи, факт. Но мы все-таки проверим, в самом ли деле это медведь. Пошли!

Витязь рвался вниз, но Смолярчук направился

по склону горы в стороны границы, откуда спускался медвежий след.

Карпатский бурый медведь обычно не уходит в берлогу, он бодрствует всю зиму. В хорошую погоду, как правило, скрывается в высокогорных глухих чащах, добывая пищу под снегом. В сильные морозы временно перекочевывает в нижний лесной пояс, в лиственную зону, где значительно теплее. Передвигается он, как это хорошо знал Смолярчук, преимущественно напрямик, напролом, не боясь ни крутых каменных склонов, ни дремучих зарослей. Встречаясь на границе с проволочными заграждениями, медведь не обходит препятствия, пробирается в щель, как бы узка она ни была и как бы чувствительно ни обдирали ему бока металлические колючки.

Идя по медвежьему следу, Смолярчук тщательно проверял, не изменил ли зверь своим повадкам, нет ли на его пути примет того, что на звериных лапах шествовал натренированный лазутчик.

Нет, след говорил о том, что прошел настоящий медведь. Но Смолярчук и не думал возвращаться. Надо проверить изгородь, поставленную на самой линии границы. Там, на колючей проволоке, медведь обязательно оставит хоть клок шерсти. Вот и изгородь. Да, бурая, чуть свалявшаяся шерсть осталась на трех металлических шипах.

Смолярчук снял с проволочного заграждения клок шерсти и, рассматривая, мял его в руках.

— Чем пахнет, Витязь: зверем или нарушителем? — спросил старшина с улыбкой, поднося шерсть к носу овчарки.

Витязь покрутил головой, фыркнул и зарычал.

— В чем дело? — спросил старшина.— Почему не понравился тебе медвежий дух?

Опустив голову, обнюхивая след, овчарка рвалась назад, к тропе.

Держа собаку на длинном поводке и притормаживая палками, Смолярчук сдвинул брови так, что они сошлись на переносице.

— Позвоните на заставу, что мы идем по медвежьему следу,— приказал он Тюльпанову и, опустив поводок, двинулся за овчаркой, проверяя каждый шаг косолапого.

Не раз и не десять раз ходил Смолярчук по медвежьим следам. Он отлично знал тропы зверей, их поступь, где и зачем они останавливались. Как ни достоверен бывал след, Смолярчук всегда шел по нему до тех пор, пока не находил медвежий помет. Так решил он поступить и теперь.

Пройдя дозорную тропу поперек, медведь устремился по прямой в чащу, в еловую поросль, пробрался через нее, подмял молодые деревца и, пропахав лапами мягкий сугроб, скатился к роднику, окруженному брусникой. Полакомившись ягодами, двинулся дальше в лес, где почва была едва прикрыта снегом. Скоро снежная зона осталась позади. След медведя пошел по лесу, слегка тронутому ночной изморозью. Встретив на своем пути упавший ствол сосны, медведь передвинул его, изрыл в нескольких местах непромерзшую землю, повидимому, в надежде найти какую-нибудь пищу. «Да, это действительно медведь!» — решил Смолярчук, но не остановился. Сдерживая Витязя, он продвигался вперед (лыжи бросил, как только кончился снег), попрежнему пристально изучая следы. Вот еще одно доказательство того, что тут пробирался хозяин здешних

мест,— муравейник, разрытый медвежьими лапами. Смолярчук шел и шел. Он все еще испытывал чувство недоверия к следу. Почему зверь прошел не обычным глухим местом, по бурелому, не там, где любят ходить медведи, а недалеко от пограничного поста, поперек людской тропы? Почему слишком далеко забрался вниз, в теплую зону, не боясь близости обжитых лесосек, дыма костров, шума электрических пил и падающих деревьев?

Тюльпанов догнал старшину у верхнего входа в ущелье Черный поток, в лощине, заросшей ольхой. Сидя на корточках, Смолярчук осматривал медвежий помет.

— Значит, все в порядке? — спросил Тюльпанов, вытирая разгоряченное, умытое пóтом лицо.

— Да, теперь полный порядок,— с удовлетворением сказал Смолярчук.— Теперь можно возвращаться на границу. Только давайте раньше отдохнем, покурим.

Витязь тем временем рвался дальше, вглубь весеннего леса. Смолярчук укоротил поводок, скомандовал:

— Спокойно! Сидеть!

Овчарка сейчас же выполнила команду, села на задние лапы, но продолжала волноваться, тихонько скулила и не сводила настороженных глаз с зеленой чащи, где скрылся зверь. И лишь постепенно успокоилась.

Пограничники расположились на большом камне. Сняв шапки, расстегнув воротники гимнастерок, они с удовольствием закурили. Отдохнув, оглядевшись, они вдруг увидели, что их со всех сторон обступает чудесная закарпатская весна.

На гибких пушистых березовых побегах стланика, полускрытого мохом, раскачивались, тре-

пеща крылышками, пестрые бабочки. Разогретая земля курилась легким дымком. Сквозь ржавые листья, сквозь опавшую хвою и мшистый покров пробивались синие созвездия фиалки и жемчужные гроздья ландыша.

Над розовыми пахучими цветами волчьего лыка, над сырой ложбиной, где цвела черная ольха, деловито гудела армия лесных пчел, собирающая ранний мед.

Дальше, за ложбиной, на каменистом солнечном склоне, живой колючей изгородью поднимались заросли держи-дерева. Его растопыренные во все стороны ветви щедро облиты мелкими золотисто-желтыми цветами, похожими на колокольчики. Подует оттуда ветерок — и кажется, что хрустально звенит лес.

Кизиловое дерево не зеленело еще ни одним листочком, но зато оно пылало нежнолимонными цветами.

В каменистых расщелинах, в морщинах скал и утесов краснели ветки горной руты.

Омела уже вскарабкалась на второй и третий ярусы ветвей берез и сосен и распустила там, на большой высоте, чтобы всем было видно, свои ранние цветы.

Солнце не показывалось из-за леса, но лучи его все-таки проникли сюда, в дремучие заросли: они лежали на поверхности лужи, оставшейся от недавних дождей, они проборонили тонкими золотыми зубьями изумрудные, белые, черные, зелено-коричневые ветвистые и ковровые мхи, они перебегали с ветки на ветку, омывали своим преображающим светом старые камни, молодили угрюмые папоротники, прокладывали дорогу пчелам к их медовым источникам, пронизывали до дна родниковые чащи, украшали землю при-

чудливым узором, какой и не снился самому великому чеканщику, золотых дел мастеру.

Смотришь ты на все это — и тебе, как и весне, хочется цвести своими делами, своей жизнью, своими думами и надеждами.

...Тюльпанов докурил сигарету, поправил шапку и, солидно откашлявшись, будто собирался произносить речь, поднялся с камня, посмотрел на Смолярчука. Лицо молодого солдата было напряженным, торжественным.

— Товарищ старшина, разрешите обратиться по личному вопросу? — проговорил он твердо и четко.

Смолярчук посмотрел на него с удивлением:

— Что это вы так официально? Обращайтесь.

— Товарищ старшина, вы когда вернетесь на свою заставу?

— Как прикажут. Думаю, дня через три. Почему это вас интересует?

Тюльпанов помолчал, пристально рассматривая свою темную, с затвердевшими мозолями ладонь.

— А на пятой заставе у вас есть помощник? — спросил он, снова устремив взгляд на Смолярчука.

— Нету пока. Ранен мой помощник, лежит в госпитале. А что?

— Возьмите меня с собой на пятую. Я так буду у вас учиться, так буду вам помогать...

— Зря ты меня избрал своим учителем, товарищ Тюльпанов.— Смолярчук тяжело вздохнул.— Недолго мне осталось жить на границе. Кончается моя служба. Жду демобилизации.

— Демобилизуетесь? Вы? Зачем?

— Как это «зачем»? Что ж, по-твоему, я должен здесь до старости служить?

— А что вы будете делать, товарищ старшина, после демобилизации?

— Работы на мою долю хватит дома.

— Хватит, конечно, но такой, как здесь, не найдется.

— Найду, не тревожься. Человек рождается для мирной жизни, а не для военной. Женюсь, обзаведусь семьей. Между прочим, дома, в Сибири, меня ждут не дождутся. Тракторист я, механик, не забыл?

— Тракторист, конечно,— профессия хорошая, но следопыт еще лучше,— Тюльпанов перевел грустный взгляд на Витязя.— Значит, осиротеет овчарка?

— К тому времени, пока мне демобилизоваться, я постараюсь, чтобы с нею кто-нибудь подружился. Сиротой не оставлю.

— Так подружите со мной, товарищ старшина! — воскликнул Тюльпанов.

Смолярчук для видимости, порядка ради, решил сдаваться не сразу.

— Не со всяким пограничником захочет дружить мой Витязь. Характер у него крутой.

— От меня он не откажется. Еще до вашей демобилизации подружимся. Успеем! В один день пять суток буду укладывать.

— Ну, хорошо. Так и быть, походатайствую, чтобы перевели тебя на пятую,— с деланной неохотой согласился Смолярчук.— Только не знаю, что из этого получится.

— Хорошее получится! — убежденно объявил Тюльпанов.— Командование всякое ваше ходатайство уважит.

— Ладно, не загадывай вперед! Пошли на пост...

Пограничники не спеша начали подниматься в гору по благодатной весенней зоне Верховины. С каждым их шагом все больше и больше становилось расстояние между ними и тем, кто проложил медвежий след.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

После того как Файн оставил на своем следу медвежий помет, он прошел на звериных лапах еще метров двести и под огромной елью, спустившей чуть ли не до самой земли разлапистые ветви, остановился. Дальше хитрить было бы бессмысленно и невыгодно. Если пограничники ринулись по следу, то, наткнувшись на свежий помет, они окончательно убедятся, что имеют дело со зверем, и прекратят преследование. Если же не поверят, тогда... Нет, обязательно поверят. «Не тревожься напрасно, друг,— подбадривал себя Файн.— Стремительно продвигайся вперед, как можно скорее выходи из пограничной зоны, где возможны всякие случайности, не предвиденные даже «Бизоном».

Файн зубами расстегнул ремешки, закреплявшие на кистях рук медвежьи лапы, снял их. Потом освободил и ступни ног от камуфлированной обуви. Все это он спрятал в свою заплечную сумку.

Обувшись в добротные, окованные стальными пластинками юфтовые башмаки лесоруба, Файн сразу же, не позволив себе отдохнуть ни одной минуты, ринулся дальше по заданному курсу. Компас и крупномасштабная карта района Черного потока давали ему возможность точно знать, где он находится и куда ему следовало идти.

Глухой, нехоженый лес, заваленный отжив-

шими свой век деревьями и устланный толстым слоем хвои, листьев и мхов, круто спускался по каменному откосу горы. Файн шел быстро и легко, почти бегом. Хрустели под ногами сухие сучья, срывались вниз плохо лежавшие камни, на земле оставались заметные следы, но Файна это уже не беспокоило. Никто не услышит его шагов, никто не пойдет по его следу — на добрых три километра вокруг нет ни одной живой души: ни пограничника, ни лесоруба, ни мельника, ни охотника.

В полночь он вышел, как и предусматривалось, к шумящему своими стремительными водами Черному потоку, к тому его месту, где узкое ущелье было наполовину завалено камнями и откуда хорошо просматривалась верхняя, идущая к высокогорной заставе дорога и нижняя, спускающаяся к Тиссе.

На чистом небе светила круглая луна. Одна сторона ущелья была затенена. Притаившись на вершине каменного завала, Файн просмотрел и прослушал ущелье. Пока безлюдно и тихо. Только бы не столкнуться с каким-нибудь лесорубом или охотником.

В каменном завале Файн спрятал гранаты. Тайник он прикрыл камнями. «Пусть лежат до поры до времени»,— подумал Файн и усмехнулся: десять раз в день будут проезжать и проходить мимо этого места пограничники, лесники и лесорубы, и никому в голову не придет, что именно в этих камнях лежат гранаты.

По верхнему левому краю ущелья Черный поток шла зимняя тропа, проложенная и поддерживаемая в течение многих лет лесорубами и охотниками. Днем Файн обошел бы ее далеко стороной, но сейчас вступил на нее. Рискованно, но что

делать: до рассвета надо быть на месте, в Яворе. Он не шел, а летел. Тропа уходила от ущелья под прямым углом, взбиралась на крутой склон горы и потом напрямик спускалась к Тиссе, к окраине крупного населенного пункта, расположенного на том берегу.

На подступах к реке, перед мостом, Файн покинул тропу и, обойдя деревню далеко стороной, вброд перебрался через мелководную здесь Тиссу. По ее правому берегу, между водой и лесистой горой, была пробита автомобильная дорога. Файн выбрал куст погуще и поближе к шоссе и, затаившись, стал ждать счастливого случая. В плане, выработанном «Бизоном», предусматривался и этот «счастливый случай».

В глухую полночь нельзя было твердо рассчитывать на то, что на дороге появится машина, идущая вниз по берегу Тиссы, в сторону Явора. И не всякой машиной мог воспользоваться Файн. Если она будет с людьми в кузове, с бревнами или досками — не годится. Его устраивал лишь такой грузовик, в котором он мог бы надежно спрятаться.

Файн расчетливо выбрал место на крутом повороте дороги, где шофер, чтобы не свалиться в пропасть или не врезаться в скалу, должен был максимально снизить скорость. Воспользовавшись этим, Файн прыгнет в машину так, что водитель ничего не заметит.

Ждал долго, а «счастливый случай» все не представлялся. Прошумели две «Победы». Осторожно проследовал грузовик, вместивший в кузове целую скирду сена. Протарахтели по щебенке железными шипами две гуцульские повозки. Промелькнул, сияя огнями, ночной автобус. Потом чуть ли не в течение целого часа шоссе

было пустынным. Файн уже отчаялся. Его знобило. Он достал из кармана плоскую алюминиевую флягу, выпил коньяку. Зубы перестали стучать, и по всему телу разлилось благодатное тепло.

На бурлящие воды Тиссы, на ее каменистые берега медленно наплывал свет автомобильных фар. Машина шла с верхнего конца долины. Файн ждал. «Моя или не моя?» — гадал он. Что-то подсказывало ему: «Твоя». Файн спустился ниже к дороге, насколько позволяло ему укрытие, и, найдя на каменистом склоне опору для правой ноги, приготовился к прыжку.

Машина подошла к повороту и медленно, на самой малой скорости, обогнула прибрежную скалу. Кузов грузовика был наращен на три доски, и в нем стояли, понуро свесив свои крупные рогатые головы, рослые быки. Перед ними лежал ворох сена.

Пропустив мимо себя кабину, в которой сидели шофер и женщина, закутанная шалью, Файн прыгнул на дорогу, стремительно схватился за борт грузовика и, оттолкнувшись, мягко, неслышно перенес свое натренированное тело в кузов. Быки испуганно шарахнулись. Файн успокоил их, ласково погладив по ребристым бокам. Потом он ползком перебрался в переднюю часть кузова, зарылся в сено и блаженно перевел дыхание. «Здорово же мне повезло!» Но через минуту он уже встревожился: довезет ли машина до Явора или придется высаживаться на полпути?

Грузовик проходил все новые и новые населенные пункты. В одном месте, перед шлагбаумом с прикрепленным к нему красным фонариком, машина остановилась.

— Пограничный наряд. Предъявите документы! — послышался строгий, с хрипотцой голос.

— Пожалуйста,— отозвался шофер.

— Откуда и куда следуете?

— Из Раховского района. В Явор.

— А ваши документы, гражданка?

— Какие там у нее документы! — засмеялся шофер.— Дивчина она еще несовершеннолетняя. Только на будущий год паспорт получит.

— Несовершеннолетняя, а по ночам разгуливает... Как тебя величают, дивчина?

— Ганнуся Бойко,— ответил за нее шофер.

— И в каком же качестве она при вас?

— Представитель колхоза «Карпатская звезда». Доярка. Первая в нашем районе.

— Вот тебе и несовершеннолетняя! — Пограничник вскочил на ступеньку, осветил карманным фонариком лицо девушки.— Э, да она спит! Спокойной ночи, Ганнуся... Ну, а в кузове — чего там у вас?

— Быки и сено, товарищ сержант. Везем в Яворский племсовхоз, чтобы поменять этих двух старых холостяков на одного молодого кавалера.

— Ну, ну, смотрите не променяйте шило на мыло.— Пограничник осветил кузов и, вернувшись, сказал: — Поезжайте!

Заскрежетали шестеренки в коробке передач, переступили с ноги на ногу потерявшие равновесие быки, и машина прошла под красным фонариком шлагбаума.

Файн опустил в карман пистолет и, закрыв глаза, стал припоминать план города и его окрестностей. Племсовхоз находится на той, равнинной, стороне Явора. Чтобы попасть туда, надо пересечь весь город. По каким же улицам поедет шофер? Шоссе вливается в Раховскую. Значит,

Раховской улицы ему не миновать. Дальше. Ужгородская, бульвар Шевченко. Ужгородская ближе всего к Гвардейской, где Файну приготовлена тайная квартира. Надо сойти именно там, на Ужгородской.

Перед рассветом грузовик въехал в Явор. Файн никогда не бывал в этом городе, но он хорошо изучил его по фотографиям, по агентурным данным, по старым журналам. Проехали Раховскую с ее небольшими домиками, разбросанными по горным склонам. Степная началась высокими кирпичными корпусами табачной фабрики. Миновали темную громаду городского парка. Перебрались через мост на правый берег Каменицы и очутились на Ужгородской. Файн осторожно пополз в заднюю часть кузова. Чуть приподнявшись, прикрываясь бычьим крупом, он осмотрел узкую улицу, освещенную фарами машины. Никого!

Перемахнув через борт грузовика, Файн очутился на яворской земле, в десяти минутах ходьбы от тайной квартиры. Машина колхоза «Карпатская звезда» удалилась в темную глубину Ужгородской.

— Браток, на спички не богат? — послышался вдруг голос ночного прохожего.

Файн вздрогнул. Человек в черной замасленной одежде, с железным сундучком в руках, с папиросой в зубах приближался к нему. При лунном свете хорошо было видно его лицо — бледное, скуластое, с огромным лбом, черными усиками и очень блестящими глазами. Сердце Файна сжалось. Откуда он взялся? Минуту назад на улице никого не было. Файну казалось, что сейчас этот первый советский человек грозно посмотрит на него, вдохнет запах его одежды,

пощупает рюкзак с радиостанцией и скажет: «Ага, голубчик, попался!»

Ночной прохожий подошел к Файну:

— На спички, говорю, не богат?

Файн покачал головой, похлопал себя по карману и заискивающе улыбнулся:

— Некурящий.

— Жаль.— Парень в замасленной спецовке вздохнул, посмотрел налево и направо и пошел вверх по Ужгородской.

Джон Файн некоторое время стоял неподвижно, вытирая мокрый лоб и мысленно проклиная свою глупую трусость. Луна скрылась за горным хребтом. Плотная предрассветная темнота наполняла город.

Прижимаясь к изгороди дворов, сбивая с деревьев росу, Файн вышел на тихую и узкую улицу — Гвардейскую. По обеим ее сторонам стояли стройные белолиственные тополя. Кирпичные под красной черепицей домики раскинулись просторно, обнесенные садами и приусадебными виноградниками. Все дома и дворы были похожи один на другой. В каком же искать Любомира Крыжа? Где же дом под № 9?

Файн достал из кармана фонарь и узким, как лезвие ножа, лучом осветил эмалевую трафаретку ближайшего дома. Дом № 17. Следующий оказался № 15. Пропустив еще два — 13-й и 11-й,— Файн нашел в штакетной изгороди калитку, открыл ее и решительно направился к дому № 9. Захрустел крупный речной песок под грубыми башмаками. Тяжелые гроздья мокрой сирени касались щек и головы Файна. «Недурно устроился «Крест». Лучшего убежища, пожалуй, не найти во всем Яворе. Очень хорошо».

Файн осторожно вплотную подошел к дому

Крыжа и медленно поднял руку, чтобы постучать в окно. Сердце его усиленно билось, волна ледяного холода поднималась от ног к голове. «Черногорец» боялся переступить порог явки. Кто знает, какая судьба ему уготована под черепичной крышей этого дома, такого безобидного с виду, окутанного зеленью виноградных лоз... Что, в сущности, представлял собой этот новый резидент — Крыж? Файн до сих пор, несмотря на то, что много лет знал Крыжа, не был твердо уверен, что можно до конца положиться на этого агента по кличке «Крест». Даже когда выяснилось, что он был завербован лично «Бизоном» чуть ли не четверть века назад, а теперь рекомендован в резиденты,— и это важное обстоятельство не заставило Файна пересмотреть свое настороженное отношение к Крыжу. Собственно, каких-либо веских причин для настороженности у Файна не было. Он не верил Крыжу, исходя из своих теоретических предпосылок. Генеральная теория, на которой строилось повседневное и перспективное существование Файна, была весьма несложной. Ее можно изложить одной, примерно такой фразой: «Если ты не дурак, то не позволишь проглотить себя другому, сам проглотишь его».

Любомир Крыж не был дураком. Он учился в Пражском университете. Доучивался в Берлине. После завершения образования наводил на свою «ученость» лоск в Париже. Несколько лет, бесшабашно тратя наследство отца, путешествовал по Южной Америке, по африканскому побережью. Длительное время скитался по Мексике. Вернулся на родину тридцатилетним холостяком и, построив себе дом на улице Масарика (теперь Гвардейская), поселился в нем с сестрой и уже

никогда больше не покидал пределов Прикарпатской Руси, как в те времена в старой Чехословакии называлось Закарпатье. В Яворе его знали как знатока европейских и американских языков, как фанатичного собирателя художественных изделий из дерева, как страстного книголюба и как скромного, без всяких претензий активиста культурного фронта. Добровольно, отвергая всякую плату, он читал лекции в яворском Доме культуры по истории Закарпатья, Чехии и Словакии, по древнему искусству Мексики. Он был инициатором выставки, организованной в Яворе: «Верховинские резчики по дереву». Все это знал почти каждый яворянин. И только одному Файну была открыта другая, тайная сторона жизни Любомира Крыжа. Восхваляя в своих лекциях «родное советское Закарпатье», он ненавидел его и всей душой тянулся туда, где когда-то прожигал молодость,— в экзотические отели Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса, в Рим, кишащий всеми туристами мира, в жаркую Мексику, на праздничный Лазурный берег. Прикованный к Явору, он мысленно продолжал скитаться по дорогам Старого и Нового Света, коротая свои дни и ночи на верхних палубах пакетботов, в барах, в парках, на пляже, за игорным столом, в обществе испанских танцовщиц, влюблялся, транжирил деньги, утреннюю зарю встречал на тихоокеанском побережье, а вечернюю — на атлантическом. Делая вид, что вполне довольствуется жалованьем продавца книжного магазина, он втихомолку тратил на себя в десять раз больше, чем получал. Летом и зимой его видели в Яворе в одном и том же вытертом, глянцевитом от старости костюме, в грубых башмаках, в черной, устаревшего фасона, времен Масарика, шляпе, подержанном

пальто. Но в аргентинских кофрах, сделанных из кожи буйвола и спрятанных в тайнике, Крыж держал про запас, в надежде на лучшие дни, новенькие, пересыпанные нафталином визитки, фланелевые пиджаки всех цветов, несколько дюжин белоснежных рубашек и большой набор обуви с подлинной маркой «Батя». Прослывший бессребренником, он имел не одну тысячу припрятанных американских долларов, английских фунтов и швейцарских франков — наиболее устойчивой валюты, которая обеспечивала ему «воскресение из мертвых» в тот же день, как Закарпатье перестанет быть советским, частью Украины. Превознося публично до небес «мир и Советскую власть», он мечтал о войне, ждал прихода в Явор победителей-иностранцев. Внешне тихий, безобидный, неспособный как будто мухи обидеть, отменно обходительный, вежливый, доброжелательный с соседями и сослуживцами, он готов был за хорошую плату, если это могло остаться безнаказанным, повесить, застрелить, замучить любого человека. И родной сестры не пожалеет — дали бы только достаточное количество денег. Продажность наряду с хитростью и притворством — главные, все определяющие черты Крыжа. Он торговал всем, что можно было продавать,— родным Закарпатьем, правдой, совестью. Файну было доподлинно известно богатое шпионское прошлое Крыжа. Впервые его завербовал один из деятелей Сюрте Женераль[1], прикомандированный к штабу Энике, командовавшему белыми армиями, созданными Антантой после первой мировой войны. Позже, в двадцатых годах, Крыж служил англичанам, не бросая, однако, своих первых

[1] Сюрте Женераль — французская разведка.

хозяев. Потом его перекупил за более высокую плату «Бизон» — Крапс. А теперь?.. Где гарантии того, что хитрый, изворотливый, насквозь лживый Крыж не переметнется к новому хозяину за более высокую плату?

Подняв руку, чтобы постучать в окно, Джон Файн не мог не подумать о том, какому человеку вручает свою судьбу.

До сегодняшнего дня руководитель «Тиссы» ни разу не встречался со своим резервным агентом по кличке «Крест». Он руководил им только на расстоянии, через связников и погибшего резидента Дзюбу. Однако это не мешало ему хорошо знать Крыжа в лицо — по фотографиям. Встретив его на улице, даже в большой толпе, он сразу бы узнал своего агента № 47. Но Крыж, когда перед ним предстанет «податель сего», не догадается, кто он такой. «Крест» не знал своего шефа — ни его лица, ни подлинной фамилии, ни каких-либо особых примет. Он был известен ему через Дзюбу только как «Черногорец».

На южной, обращенной в густой сад стороне дома Крыжа чернело три окна. Файн некоторое время раздумывал, в какое постучать. Выбрал крайнее справа, поближе к глухой части сада. Постучал осторожно, чуть слышно. Едва цокнул ногтями по стеклу, как рама бесшумно распахнулась, и в темном ее просвете показалась мужская фигура в ночной рубахе, с белым колпаком на голове.

— Кто тут?

Файн прильнул к окну и по-русски шепотом произнес первую парольную фразу.

— Здесь живет Любомир Крыж?

— Здесь,— немедленно последовал ответ.

— Вам телеграмма. Молния. Распишитесь.

— Где же она? Давайте.

— Простите, потерял.

После этих слов ночного гостя хозяин дома № 9 скрылся в глубине комнаты. Через мгновение легко стукнули запоры двери, ведущей на веранду, и послышался глухой голос:

— Пять ночей жду. Входите! Я один.

Прошли просторную, застекленную веранду, в окнах которой уже чуть-чуть синел рассвет, и попали в темную комнату, полную запахами древесных опилок, свежих стружек и чуть прижженного каленым железом дерева.

Хозяин закрыл ставни и щелкнул выключателем. Под широким абажуром, низко спущенным на блоке, над токарным деревообделочным станком вспыхнула сильная матовая лампа.

Файн снял шапку, сбросил куртку, подал Крыжу руку:

— Здравствуйте, Любомир. Вот, наконец, и лично встретились. Я очень рад. Я ведь вас хорошо знаю... Откуда? Через Дзюбу.

— Так вы...

— Вы хотите спросить, кто я такой? — усмехнулся Файн.

— Что вы! Я ни о чем не буду вас спрашивать.

Болезненно щурясь от яркого света, закрывая голую грудь рукой, Крыж коротко и пытливо, с ног до головы, осмотрел гостя. И он все успел увидеть: и тяжелый рюкзак за спиной Файна, и его штаны, разорванные в лесу о сухие сучья, и башмаки, к которым прилипла черно-бурая карпатская земля, и куртку с въедливым высокогорным репейником на рукаве.

«Глазастый у меня помощник!» Файну понравилось, как встретил его хозяин. Такого не проведешь.

— Устали? — спросил Крыж и заботливо подвинул гостю табурет.— Садитесь. Снимайте поклажу. Отдыхайте!

Голос его был мягким, ласковым, но припухшие, окруженные мелкими морщинками глаза холодно-настороженно спрашивали: «Кто ты? Чего стоишь? Опасно с тобой связываться или выгодно? Что потребуешь от меня? Чем вознаградишь?»

— Не беспокойтесь, Любомир, все будет в порядке! — Файн приветливо улыбнулся.

— Не сомневаюсь! Я понимаю, с кем имею честь разговаривать.— Крыж склонил голову, увенчанную ночным колпаком. Спохватившись, он виновато засуетился.— Простите мне мой вид. Я сейчас оденусь.— Пятясь, хозяин явки скрылся в соседней комнате.

«В самом деле он переодеваться ушел или... А что, если здесь засада?» Файн опустил руки в карманы, крепко сжав рукоятки пистолетов и повернулся к двери так, чтобы можно было сразу, одной очередью, уложить тех, кто появится на пороге. Сцепив зубы, чуть дыша, он ждал. Из комнаты, где скрылся Крыж, доносилось размеренное постукивание маятника больших настенных часов. Толстый, пушистый дымчато-серый кот, мурлыча, потягиваясь, держа хвост трубой, вышел из темного угла и бесстрашно направился к Файну. Тот отбросил его ногой, беззвучно посмеялся над своим напрасным страхом, вынул руки из карманов и начал спокойно оглядываться.

В углу комнаты — большой верстак. Вдоль стен — книжные шкафы и простые стеллажи, а на них всевозможные изделия из крепкого дерева, законченные и находящиеся в работе, огромные кружевные блюда, пастушьи посохи, гуцульские

топорики, жезлы, тарелки, шкатулки, кремлевские башни, винные бочонки. Московский университет на Ленинских горах, точеные виноградные кисти, двугорбая вершина Эльбруса, подсвечники, солонки, резные подстаканники, полированные, с инкрустацией ножи.

Вернулся хозяин. Он был в черном костюме и белоснежной рубашке, повязанной свежим галстуком. Черные волосы, густо посоленные сединой, отутюжены щеткой. Широкие кустистые брови тоже приглажены, волосок к волоску. Продолговатое лицо его, тщательно протертое одеколоном, сияло. Радушно и как-то торжественно улыбаясь, хозяин явки подошел к гостю.

— Ну, вот вы и в Яворе. Ну и как...— Крыж остановился, его глубоко запавшие настороженные глаза беспокойно забегали в темных орбитах.— Как дошли, доехали? — с трудом выговорил он.

Файн усмехнулся.

— Любомир, вы хотите спросить, как я прошел через границу и благополучно ли добрался сюда? Все обошлось без всяких происшествий, так что можете быть абсолютно спокойны: вашему существованию ничто не угрожает.

— Да разве я...

— Понимаю, понимаю! — Файн перестал усмехаться. Властно, тоном господина, отдающего распоряжение своему слуге, сказал: — Приготовьте ванну, Любомир! И ужин с коньяком.

Крыж вздрогнул, словно его по спине хлестнули бичом. Как ни многоопытен был «Крест» в искусстве притворства, он сейчас не смог скрыть от ночного гостя удивления его барским тоном, от которого давно отвык. Изумление продолжалось недолго, оно сменилось почтительностью холуя.

Раз так заговорил гость, значит птица высокого полета. Наверно, доверенное лицо «Бизона», опытный мастер разведывательных дел.

— Вы что, Любомир, не поняли меня? — холодно спросил Файн.

— Понял. пан... сэр. Как прикажете себя величать?

— Не пан и не сэр, а товарищ. Товарищ Червонюк. Степан Кириллович. Верховинец с той стороны Карпат. Деятель промысловой кооперации. Специалист по художественным изделиям из благородного дерева. Похож? — Файн сдержанно засмеялся.

Хозяин угодливо кивнул.

— Вполне, товарищ Червонюк. Сейчас я все приготовлю — и ванну и ужин. Раздевайтесь пока.

Приняв ванну, Файн побрился, надел свежую хозяйскую пижаму и, опустив пистолеты в карманы, вышел в столовую, где уже был накрыт стол. Пока поужинали, вернее —позавтракали, на дворе совсем рассвело и в саду защебетали птицы. Файн закурил сигарету.

— Я буду здесь жить, Любомир?

— Да. Это самая удобная квартира. В моем доме вас никто не потревожит.

— А кто же ваша прислужница?

— Сестра. Родная сестра, товарищ Червонюк. Я послал ее в Ужгород к тетке... Хватит вам месяца? — осторожно спросил Крыж.

— Не знаю. Если удастся выполнить намеченные планы через месяц — хорошо, если через два — тоже неплохо.

Файн поднял глаза на Крыжа — настороженные, испытующие. Он ждал, не скажет ли что-нибудь резидент. Тот спокойно молчал, с деловитостью

домохозяйки перемывая тарелки в эмалированном тазу.

— Вы, кажется, еще что-то хотели спросить, Любомир?

— Я? Нет, вам только показалось.

— А может быть, все-таки спросите, с какими планами я прибыл сюда?

Крыж закончил мыть посуду, сполоснул под краном обнаженные до локтей руки и, подняв на гостя как будто невинные глаза, почтительно ответил:

— Сэр, я ничего не буду у вас спрашивать. Мое дело — выполнять ваши приказания, а не задавать вопросы.

— Задание вам пока одно-единственное,— сказал Файн.

— Слушаю.— Крыж осторожно присел на край стула, склонил голову, сделал серьезное лицо — весь внимание и почтение.

— Вы что-нибудь слыхали об Иване Федоровиче Белограе, демобилизованном старшине, слесаре из железнодорожного депо? Вся грудь в орденах. Выиграл по облигации двадцать пять тысяч и купил «Победу».

— Простите, ни слыхать, ни видеть не приходилось.

— Вспомните! Иван Белограй. Высокий. Кудрявый. Гвардеец. Служил в Берлине. Приехал в Явор жениться. А невеста его — виноградарша из колхоза «Заря над Тиссой», Герой Социалистического Труда Терезия Симак.

— Терезию Симак я знаю, а жениха... ничего не слыхал о нем.

— Жаль! Ну ладно. Необходимо срочно выяснить, где он, этот Иван Белограй, и не случилась ли с ним какая-нибудь беда. Действуйте

быстро, но не опрометчиво. Иван Белограй — наш человек. Есть у вас возможность, не вызывая подозрений, поговорить с Терезией Симак?

Крыж, подумав, ответил:

— Есть. Через «Кармен», моего агента из Цыганской слободки. И еще через...— Крыж замолчал, не зная, как назвать второго своего агента женского пола. Он до сих пор не придумал ей клички.

— Еще через кого? — спросил Файн.

— Через «Венеру»,— сказал Крыж и улыбнулся, радуясь своей находчивости.

— А кто эта «Венера»?

— Марта Стефановна Лысак, знаменитая яворская портниха, моя правая рука. Я уже получил от нее ценнейшую информацию. Хотите прослушать пленку?

— Потом. Значит, у вас есть твердая надежда выяснить судьбу Ивана Белограя через ваших помощниц?

— Да.

— Очень хорошо. Выясняйте немедленно. Ни вы, ни я не можем чувствовать себя в безопасности, пока не выясним судьбу нашего... Ивана Белограя.

— Я понимаю... Все сделаю быстро и аккуратно. Не беспокойтесь, товарищ Червонюк.

«Черногорец» покачал головой:

— С тех пор как я попал под крышу вашего дома, увидел и послушал вас, я перестал беспокоиться.

— Благодарю.

Джон Файн на этот раз говорил правду: он действительно перестал бояться за свою шкуру. Любомир Крыж ему понравился. С этим человеком многое можно сделать. Собственно, «делать»

все должен один «Крест», а он, «Черногорец», будет лишь руководить им, не выходя из своего тайника ни днем, ни ночью. Джону Файну давно была привычна эта выгодная роль «руководителя». Он в течение всей своей службы в бизоновской разведке выезжал на чьем-либо горбу, всегда зарабатывал себе деньги, чин и славу с помощью таких вот, как этот «Крест».

— Вы не разучились работать на радиопередатчике? — спросил Файн и посмотрел в угол, где лежал его рюкзак с портативной радиостанцией.

— Нет, не разучился. Хоть сейчас могу отстучать любую телеграмму.

— Сейчас еще рано. Подождем дня два-три, пока... пока прибудет подкрепление.

— Подкрепление?

— Да. Видите, Любомир, как я доверяю вам! Цените!

— Благодарю. Я оправдаю ваше доверие.

— И не только доверие, но и мои серьезные расходы.— Файн достал из кармана куртки две пачки сторублевок, бросил их на стол.— Расходуйте по своему усмотрению, без всякого отчета. Понадобятся еще — получите немедленно. Ну, вот и все на сегодня.— Файн осторожно отодвинул край занавески, посмотрел на улицу, зевнул.— Не грешно бы мне и поспать. Где моя постель, Любомир?

— Шесть дней она ждет вас. Только предупреждаю, ни солнца, ни звезд, ни неба вы не увидите из своей комнаты. Пойдемте, товарищ Червонюк.

Крыж поместил гостя в темный, без окон и дверей, чуланчик, расположенный в задней части дома. Войти туда можно было только через потайную дверцу, замаскированную большим порт-

ретом Тараса Шевченко. В полу чулана, под деревянной койкой, был устроен лаз в подполье, из которого можно проникнуть в сарай, а оттуда — в сад и на улицу.

Все подземелье было забито сундуками, чемоданами и ящиками, в которых было упрятано самое ценное добро Крыжа, наследственное и купленное на деньги, добытые на шпионском поприще.

В те времена, когда дом строился, Крыж не думал и не гадал, что помещение прачечной и кладовой когда-нибудь будет приспособлено под тайный склад.

Освещая себе путь карманным фонариком, Крыж подошел к топчану, расположенному в дальнем углу тайника, похлопал ладонью по мягкой пуховой подушке.

— Отдыхайте, сэр. Доброй ночи.

— Посмотрите, Любомир,— Файн в упор направил слепящий луч своего фонарика в лицо хозяину.— Ну, «Крест», как будем работать?

— Как прикажете.

— Я приказываю работать чисто, без всяких задних мыслей.

— Сэр, я не понимаю...— Крыж высоко поднял брови.

— Не притворяйтесь. Бесполезно. Знаю вас давно вдоль и поперек. Так что имейте это в виду, Любомир, когда почувствуете соблазн соврать мне, схитрить предо мною или заработать на стороне,— налево, как говорят русские...

— Сэр! — обиженно зашипел Крыж. Лицо его налилось кровью.

— Я кончил. Надеюсь, свою точку зрения я изложил более чем ясно. Будем считать, что мы твердо договорились по этому генеральному пункту. Доброй ночи, Любомир!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Андрей Лысак, рослый и широкоплечий, веселый и красивый парень, слушатель львовской школы паровозных машинистов, в один из воскресных весенних дней перевалил Карпатские хребты и направился домой, в Явор.

Молодой, двадцатилетний человек... Сколько дорог перед тобой, и каждая тебе доступна, любая может вывести тебя к вершине жизни! Двадцатилетний... Как ты силен, как нетерпелив, как презираешь маловеров, какими ничтожными кажутся тебе все препятствия, возникающие на пути! Как просто, как легко, естественно ты правдив и благороден в своих поступках и словах, как близко к тонкой коже твоих щек приливает кровь, когда ты смущаешься, как ясны и приманчивы твои глаза!

Такие мысли и чувства возникали, наверно, у каждого человека, кто впервые видел Андрея Лысака. Но он обманывал людей своим внешним видом, своей кажущейся счастливой молодостью, своей готовностью быть самоотверженным в труде и дружбе, в любви к девушке и родной матери.

До Рахова, главного города гуцульской Верховины, Андрей Лысак доехал пассажирским поездом без пересадки. Дальше, на юг, вниз по течению Тиссы, следовали лишь товарные поезда специального назначения. Около тридцати километров шли они по советской земле. За Берлибашем железная дорога сворачивала за границу, в Румынию. На нашей территории в этой части долины реки Тиссы было проложено только автомобильное шоссе. По шоссе и предстояло Андрею Лысаку добираться до Явора.

Автобусы три раза в день спускались с Верховины на притисскую равнину: утром, в полдень и вечером. На первый Андрей опоздал, а до отправления второго автобуса оставалось больше трех часов. За это время можно и в кино сходить, и пообедать, и погулять на главной улице Рахова.

Андрей решил прежде всего пообедать. С недавних пор все его жизненные радости начинались с того момента, когда он сытно и вдоволь наедался, выпивал водки или пива.

Прямо с вокзала он направился в новый, только что отделанный ресторан, над дверью и окнами которого во всю ширину фасада алела вывеска с золотыми буквами: «Верховина». «Ну, посмотрим, что это за верховинский ресторан»,— подумал Андрей. Уж в чем, в чем, а в ресторанах он отлично разбирался. За короткий срок своей жизни во Львове Андрей успел не раз побывать во всех ресторанах города, перезнакомиться со всеми хорошенькими официантками.

Новый ресторан вызвал у Андрея презрительную усмешку: какой он маленький и бедный по сравнению с львовскими! В вестибюле нет бородатого, одетого в парадную ливрею швейцара. Столы поставлены тесно и покрыты поверх клеенок бумажными скатертями. Народу мало, стулья обыкновенные, жесткие. Меню написано от руки на серых листках без длинного списка вин. В зале нет ни эстрады для оркестра, ни танцевальной площадки. Захудалая столовка, а не ресторан.

Не скрывая своего презрения к заведению, неоправданно, по его мнению, носящему столь пышное название, Андрей сел за столик в дальнем углу зала, руками пригладил и без того тща-

тельно приглаженные волосы и стал изучать меню. Официантка в черной юбке и кремовой шелковой блузке, в белом чепчике, подойдя к Андрею, спросила ласково, по-свойски: «Ну, что мы закажем?» Андрей взглянул на девушку и, найдя, что она недостойна его внимания (слишком толста и чересчур чернява), нахмурившись, процедил сквозь зубы: «Не торопитесь! Я пришел обедать, а не пожар тушить».

Смущенная и виноватая, официантка тихонько отошла к буфету и, стоя там, поглядывала на сердитого клиента, готовая подойти к нему по первому его знаку. Он не подавал знака еще добрых десять минут. Наконец официантка приблизилась к нему и осторожно спросила:

— Ну, выбрали?

— Триста граммов водки, бутылку пива, селедочку с лучком и картошкой, харчо по-грузински, отбивную по-киевски и мороженое. Все! Запомнили? — с небрежностью ресторанного завсегдатая приказал Андрей.— Горячее и закуску давайте немедленно.

После второй рюмки Андрей соблаговолил более веселыми глазами посмотреть на мир, на то, что его окружало. Теперь и ресторан показался ему не таким уж плохим и официантка не такой толстой и чернявой. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить, похвастаться своей красивой молодостью, рассказать о том, откуда и зачем он приехал сюда, в Закарпатье.

В этот момент и вошел в ресторан Любомир Васильевич Крыж. Андрей обрадовался. Он с детства знал этого человека, много раз видел его у себя в доме и до некоторой степени считал его почти родственником.

— Дядя Любомир! — Свой радостный возглас Андрей подкрепил поднятой над головой рукой и приветливой улыбкой.

Крыж все знал об Андрее: когда тот выехал из Львова, когда прибыл в Рахов, куда направился с вокзала и какие имел дальнейшие намерения. Крыж подготовился к встрече. Но, скрывая это, он изобразил на своем аккуратно выбритом тонкогубом лице приятное удивление и поспешил к столу, за которым сидел Андрей. Схватив обе руки парня, он долго тряс их, улыбался и восклицал: «Приехал! Как хорошо! Молодец!» Андрей с удовольствием слушал Крыжа и считал закономерным и естественным его шумное ликование. Он был бы удивлен, если бы дядя Любомир, увидев его, менее обрадовался. Андрей давно уже привык к тому, что его личность привлекает к себе внимание.

Обедая и выпивая, Крыж и Лысак дружески разговаривали. Собственно, говорил больше Андрей. Крыж терпеливо слушал. Когда пламя воодушевления хвастуна потухало, Крыж подбрасывал в костер его самолюбивой души горючее.

— Эх, Андрейка,— говорил он,— мне бы твои годы, твои щеки, твои глаза, твою жадность к жизни...

И Андрей после этого добрых пятнадцать минут опять говорил о себе: как хорошо жил во Львове, с кем встречался и как будет жить в Яворе.

— Ну, а как у тебя насчет презренного металла? — с самым невинным видом спросил Крыж, хотя к этому вопросу подвел весь разговор.

Андрей любил деньги, постоянно терзался тем,

как иметь их побольше. Поэтому, когда речь зашла о деньгах, он обрадовался:

— Да так, ничего... Расплатиться за обед и добраться домой хватит.

— Неужели от моих переводов ничего не осталось? Все растратил?

— От ваших переводов? — удивился Андрей.— Значит, это вы, а не мама, каждый месяц посылали деньги?

Крыж скромно кивнул и, виновато потупившись, вздохнул:

— Извини, Андрейка, в то время больше урвать не мог. Сейчас имею некоторый капитал. Вот тебе пока на мелкие расходы.— Он положил на стол сторублевку.— Еще понадобится — приходи без всякого стеснения, не откажу.

Андрей молчал, прихлебывая пиво.

— Дядя Любомир,— затем спросил он,— деньги вы посылали каждый месяц?

— Да, каждое первое число. А что?

— А мама... почему она и рубля не прислала?

— Не знаю, роднуша. Наверно, не было лишних.

— Не было? — усмехнулся Андрей.— У нее их столько! Жадная она стала. И для кого только бережет?

— Голубчик, разве можно о родной матери такое говорить! Она души в тебе не чает, а ты...

Андрей положил на край стола два огромных кулака:

— А я вот приеду и поговорю с ней как надо! Сразу шелковой станет!

— Ты этого не сделаешь. Ради меня. Слышишь? Никаких упреков! Зачем тебе нужны обязательно ее деньги? Не все равно, чьи тратить? Наплюй ты на материнские капиталы и поль-

зуйся моими.— Он осторожно, не поворачивая головы, оглянул зал.— Признаюсь, сынок, у меня есть солидный запасец. На всю твою молодость хватит. Пользуйся в свое удовольствие.

Андрей все больше и больше удивлялся. Он никак не ожидал, что этот аккуратный, прилизанный, черный, как ворон, чужой дядя, приятель матери, никогда не отличавшийся особенной щедростью, вдруг окажется таким добрым, любвеобильным и, главное, денежным.

— Люблю я тебя, Андрейка,— говорил Крыж.— Усыновить готов, если будет на то согласие матери. Ну да ладно, и так, без усыновления, будем дружить.— Он протянул руку: — Будем, а?

— Будем, дядя Любомир! — Андрей ответил Крыжу крепким искренним рукопожатием.

— Ну, вот и договорились! А теперь, Андрейка, я покину тебя.

— Куда же вы? Вместе в Явор поедем. Скоро автобус...

— Нет, я поеду позже. Дела у меня в Рахове. Вечером встретимся в Яворе. Заходи. Заплати и мою долю, голубчик.

Он положил на чистую тарелку еще одну сторублевку, похлопал Андрея по щеке, погладил по голове и пошел к двери. Отойдя от столика несколько шагов, вернулся:

— Да, Андрейка, чуть не забыл! Ты Олексу Сокача, знаменитого машиниста, помнишь?

— Как же не помнить такого человека! А что? Почему вы спросили? — встревожился Андрей.

— Олекса Сокач получает комсомольский паровоз. Вот бы тебе к нему на практику!

— Дядя Любомир, вы как в душу мою смотрели. Да про это самое уже две недели думаю,

с тех пор как узнал про комсомольский паровоз Олексы.

— Вот и хорошо. Устраивайся. Околдуй Олексу...— Крыж подмигнул.— Ты любого приворожишь, если захочешь. Ну, будь здоров!

Андрей насмешливыми глазами проводил щедрого, с неба свалившегося дядюшку, передернул плечами: «Чудеса, да и только! Уж не побочный ли я сын Крыжа?»

Как и все недалекие, не привыкшие и не умеющие думать люди, он недолго размышлял над тем, что произошло. Через двадцать минут, расплатившись с официанткой, сытый и чуть-чуть хмельной, неторопливо, по-праздничному шагал он по главной раховской улице. Озираясь по сторонам, гипнотизировал своим неотразимым, как он думал, взглядом всех встречных верховинок, одетых в золотистые и белые замшевые кожушки, расшитые цветной шерстью.

Пока Андрей прогуливался в ожидании автобуса, Крыж, воспользовавшись первым свободным такси, на полной скорости спускался с холодной Верховины на теплые, обогретые весенним солнцем закарпатские предгорья. Задолго до захода солнца он был в Яворе, на Железнодорожной.

Марта Стефановна встретила его, как обычно встречала в последнее время,— испуганно-радостно, безмолвно, цыганскими своими глазами спрашивая: ну, какой у тебя еще сюрприз?

— Был в Рахове,— начал Крыж без предисловий, целуя унизанную кольцами и браслетами руку своей помощницы.— Видел Андрея.

— Андрея? — Марта Стефановна переменилась в лице, с надеждой посмотрела на дверь.— Где же он?

— Часа через два-три будет дома. Предупреждаю: приедет сердитый... Почему? Злится на тебя за то, что ты ему не прислала ни одного денежного перевода.

— Как — не прислала? Каждое первое число переводила телеграфом по пятьсот рублей. Ты же знаешь, Любомир!

— Ты ошибаешься, сердце мое. Переводы были мои, а не твои.

— Любомир, я не понимаю...— Черные, жгучие глаза Марты Стефановны стали круглыми и белесыми, как у совы, от страха перед новым сюрпризом, который, как она предчувствовала, приготовлен ее другом.

— Потом все поймешь. А сейчас выполняй все, что я тебе скажу. Ты должна до поры до времени держать Андрея в черном теле. Хлебом корми вдоволь, а денег не давай. Ни одного рубля. Слышишь? Ни одного рубля?

— Любомир, что ты еще задумал?

— Сама все увидишь скоро. Потерпи.

Он на прощанье похлопал Марту Стефановну по дряблой, натертой карминовым кирпичиком щеке и удалился.

Андрей тем временем не очень рвался в Явор. Погуляв по Рахову, проветрившись, окончательно отрезвев, он последний раз взглянул на праздничных верховинок и только тогда отправился на автобусную станцию, которая была расположена на набережной, в двух шагах от Тиссы.

Ежась под холодным ветром, дувшим сверху, от истоков Черной Тиссы, Андрей подошел к остановке. На длинной скамейке под навесом ожидал автобуса единственный пассажир — девушка

с рюкзаком на спине, с непокрытой головой, в теплой, мужского покроя куртке, в грубых башмаках, с книгой в руке.

— Вы последняя на автобус? — спросил Андрей тем мягким, немного певучим голосом, каким разговаривал только с людьми, которым очень хотел понравиться.

Девушка с досадой закрыла книгу, подняла голову, посмотрела на Андрея. У нее были удивительно свежие, крепкие, смугло-розовые щеки, чистые сияющие глаза и яркие, будто накусанные, губы.

— Я и последняя, я и первая,— снисходительно-насмешливо ответила она и, опустив голову, снова принялась читать.

«Ишь ты, какая гордая!» — подумал Андрей, улыбаясь и с удовольствием рассматривая затылок девушки, покрытый светлым пухом волос. Несмотря на свою молодость, Андрей не испытывал никакой робости перед девушками, знакомыми и незнакомыми. Ему еще не было и шестнадцати лет, когда он начал завоевывать их благосклонность редкими галстуками, цветными свитерами, особого покроя курточками, стройной спортивной фигурой. К двадцати годам он прослыл среди товарищей бывалым кавалером, опасным сердцеедом.

— Вы вверх или вниз? — присаживаясь рядом с девушкой, спросил он.

— Вниз,— неохотно ответила она.

— До Явора?

— Нет, дальше, до Ужгорода,— сказала она после строгого, продолжительного молчания.

— А скоро будет автобус?

Она посмотрела на часы, потом на мокрую дорогу:

— Должен быть с минуты на минуту, если не опоздает.

Эти незначительные вопросы подготовили, как казалось Андрею, почву для знакомства. Он был уверен, что через несколько минут ему будет известно, кто эта девушка, где она была, работает или учится, на какой улице живет и т. д.

Продолжению так удачно начатого разговора помешало появление женщины из цыганской слободки, каких в Закарпатье немало. Позванивая ожерельем из старинных монет — русских, австрийских, венгерских, румынских, чешских, немецких,— цыганка подошла к Андрею, бесцеремонно села рядом и, закинув за плечи иссиня-черные косы, достала из бездонного кармана широченной цветастой юбки пухлую засаленную колоду карт:

— Погадаю, чернобровый! Всю счастливую судьбу предскажу. Позолоти ручку!

Андрей положил на ладонь цыганки три рубля:

— Гадай, да только поскладнее ври.

Цыганка заученной скороговоркой предсказала Андрею, что в самом скором времени его ждет большая удача в жизни, что все самые темные углы его дома посветлеют, что его счастью будут завидовать люди.

Андрей со снисходительной улыбкой посмотрел на цыганку, сказал:

— А нельзя ли поконкретнее погадать насчет счастья? Какое оно? Скоро, например, я женюсь?

— Ты, чернобровый, в мыслях своих уже собираешься свадьбу праздновать, уже молодую жену свою на престол возводишь...

— Довольно! — остановил Андрей цыганку.— Спасибо.

Она охотно оставила в покое Андрея и принялась за девушку с рюкзаком:

— И тебе, красавица, погадаю.

Девушка засмеялась и спрятала руку за спину, решительно покачала головой:

— Не хочу!

— Боишься правде в глаза смотреть? — спросила цыганка, презрительно щурясь.

— Ладно, шагай дальше, пророчица! — Андрей слегка подтолкнул цыганку в спину.

Она удалилась, что-то недовольно бормоча вполголоса.

В верхнем конце набережной показался большой красный автобус. Девушка поспешно спрятала книгу, поднялась со скамейки и направилась к остановке. Андрей пошел за ней.

Лихо подкатил автобус. Шершавые черные его скаты распороли глубокие дождевые лужи, выбросив налево и направо два крыла мутной воды. Андрей во-время успел заслонить девушку, приняв холодный душ на себя. Весь он, от ботинок до фуражки, был забрызган, но нисколько не досадовал. Наоборот, был доволен тем, что ему представилась такая счастливая возможность проявить рыцарство по отношению к понравившейся ему девушке. Вытирая большим цветным платком грязное лицо, он пытливо посмотрел на нее: в должной ли мере она оценила его поступок? Да, оценила, и еще как! Смеясь, она бросилась к нему на помощь: смахнула с куртки комья грязи, дружески просто, будто делала это уже сто раз, вытерла ему своим платком заляпанную шею, ухо, подбородок. Он покорно позволил ей делать с собой все, что она хотела: руки ее были такими теплыми, такими милыми, такими доверчивыми и нежными.

В распахнутых дверях автобуса стояла пожилая, в теплом платке и ватной телогрейке кондукторша. Она виновато улыбалась:

— Извиняемся, молодые люди, за свою неаккуратность.

— Ничего, тетенька, не беспокойтесь, обсохнем,— сказал Андрей.

— Смотри, какой необидчивый! А другой бы в тартарары нас послал. Входите! — сказала она, освобождая проход.

Андрей подал девушке руку, помог войти в автобус. Подведя ее к свободному диванчику, он бережно снял с ее плеч рюкзак, потом смахнул перчаткой с клеенчатой обивки невидимую пыль и, чуть прикоснувшись к локтю девушки, пригласил садиться. Она села, отблагодарив его взглядом. Он скромно расположился рядом.

Та цыганка, которая полчаса назад гадала Андрею, тоже вошла в автобус. Она села позади молодых людей, закрыла глаза и притворилась задремавшей. В тот же день, приехав в Явор, она почти слово в слово передала Крыжу все то, о чем говорил Андрей Лысак с незнакомой девушкой. Крыж хорошо заплатил «Кармен». Ее услугами он воспользовался без всякого риска навлечь на себя чье-либо подозрение. Дело в том, что Любомир Васильевич как знаток языков всех народов, населяющих Закарпатье, совмещал работу в книжном магазине с учительской: по вечерам он обучал грамоте взрослых цыган. Там же, в школе Цыганской слободки, на восточной окраине Явора, он и познакомился с этой цыганкой, поставил ее в известность о том, что заменил Дзюбу. Тогда же он и приказал ей отправиться в Рахов, проследить за Андреем Лысаком, приметы которого он подробно описал цыганке. Свой

интерес к нему он объяснил «Кармен» тем, что этот немного непутевый парень доводится ему племянником и что он боится за его будущее.

Зачем нужно было Крыжу следить за Андреем? А как же! Резидент должен знать о кандидате в агенты решительно все, он должен контролировать каждый его шаг.

Автобус прошумел по мокрой улице Рахова и побежал по узкой долине, по самому берегу Тиссы. Андрей сидел рядом с девушкой плечом к плечу. Эта близость, казалось Андрею, уже внушила девушке доверие. Теперь, решил он, можно быть смелее.

— Как вас зовут? — тихо, вполголоса спросил он.

— Верона. Верона Бук,— сразу же просто ответила девушка.

— Верона? Значит, вы словенка?

— Да.

— Из командировки возвращаетесь? Лесозаготовитель?

— Ага. А как вы узнали? — удивилась Верона.

— Нетрудно догадаться: такие загорелые, обветренные щеки, такие зеленые глаза бывают только у настоящих лесовиков.

Верона густо покраснела — явно от удовольствия. Андрей понял, что затронул слабую струну ее души. Не боясь теперь быть назойливым, он задавал ей вопрос за вопросом: где она трудилась, кто ее послал на лесозаготовки и понравилось ли ей в лесу. Девушка охотно рассказала о себе все. Ей нет еще и девятнадцати лет. Комсомолка. Отца у нее нет. Живет она с матерью в Ужгороде. До совершеннолетия не знала физического труда. Попала на лесозаготовительные работы случайно и не по своей воле: послал

комсомол. Ехала в лес, надо прямо сказать, с неохотой, даже со страхом. «Глупая была,— созналась Верона,— ничего не понимала, вот и боялась». Все страхи прошли, когда пожила в Черном потоке месяц, когда почувствовала, как хорошо каждый день просыпаться на рассвете, а солнце встречать уже вволю поработавши. Всю осень и зиму спала Верона в теплой, уютной колыбе, набросив поверх еловых пахучих ветвей домотканную простыню. Умывалась только ледяной водой из незамерзающего потока. Работала весь сезон от зари до зари — дни в это время очень короткие: обрубала сукобойным топором ветви на сваленных соснах, буках и елях, варила лесорубам пищу, освоила электропилу, научилась водить трелевочный трактор.

Только полгода поработала Верона, а ей кажется, что на всю жизнь пропиталась духом хвои, смолы, горного моха, теплых сочных опилок, дымом ватры.

Андрей слушал ее рассказ с серьезным, глубокомысленным выражением лица, сочувственно кивал головой, одобрительно улыбался, но... решительно ничего не понимал. «Какому дураку,— думал он,— пришло в голову послать такую красивую девушку на лесозаготовки? Неужели не нашлось в Ужгороде девчат попроще?» Не понимал он и радости Вероны. Сомнительно это удовольствие — спать на хвое, умываться ледяной водой, просыпаться до восхода солнца и работать от зари до зари.

Закончив рассказ о себе, ответив на все вопросы Андрея, Верона улыбнулась и вопросительно посмотрела на своего спутника. Он понял ее. Но что сказать о себе? Правду? То, что он всего-навсего ученик железнодорожной школы,

будущий паровозный машинист, едет на практику в Явор? Невыгодная это для него правда. Верона, наверно, думает, что он уже успел завоевать себе хорошее место в жизни. Как она разочаруется, узнав правду! Ах, если бы он был не учеником-практикантом, а человеком прославленным!

— Я машинист паровоза, — сказал Андрей.

— Я так и думала. Догадалась.— И Верона указала глазами на газету «Гудок», которая выглядывала из кармана куртки Андрея.— Значит, вы машинист паровоза. И все? Без имени и фамилии?

«Раз хвастаться, так уж хвастаться до конца»,— подумал Андрей.

— Зовут меня Олексой,— сказал он.— А фамилия... Сокач.

— Олекса Сокач? — подхватила Верона.— Так я же вас хорошо знаю! Сколько раз читала в газетах статьи о знаменитом машинисте комсомольце Олексе Сокаче!

Андрей Лысак счел необходимым скромно потупиться, протестующе взмахнул рукой:

— Мало ли чего не напишут в газетах! Вот вы вернетесь в Ужгород, газетчики о вас такое напишут — сами себя не узнаете!

Разбрызгивая на дороге дождевые лужи, сверкая на солнце никелем и лаком, автобус спускался все ниже и ниже. Слева, вдоль румыно-советской границы, бурлила в обточенных валунах полноводная Тисса, справа поднимались высокие горы, поросшие лесом от вершины до подножия. Шумели и гудели весенние потоки в ущельях. Зеленели первой травой южные склоны гор. Вербы и тополя одевались молодой листвой. Ничего как будто не видел и не слышал Андрей:

смотрел только на Верону, будто ею одной любовался.

В конце пути, перед самым Явором, Андрей взял руку Вероны и сказал:

— Можно вам погадать? Прошлое мы ваше знаем. Поговорим теперь о будущем.

— Погадайте. А вы умеете?

Глядя на обветренную, шершавую ладонь девушки, покрытую глубокими прерывистыми линиями, он говорил серьезно и внушительно:

— Через три дня, ровно в двенадцать часов, вы будете сидеть в Ужгороде, на правом берегу реки Уж, сразу за большим мостом, на первой скамейке. К вам подойдет молодой человек с веткой сирени в руках, в сером костюме...

Верона потянула руку, сдержанно засмеялась:

— Вот и неправда, ничего вы не отгадали! Через три дня, в двенадцать часов, меня не будет в Ужгороде. Я уеду в Мукачево к сестре, у нее день рождения.

— К сестре? В Мукачево? А на какой улице она живет?

— Кирова, двадцать четыре.

Андрей кивнул и снова осторожно взял руку девушки, сказал полушепотом, подражая цыганке:

— Через три дня, красавица, ровно в семь вечера, вы будете стоять на улице Кирова, около дома номер двадцать четыре, в городе Мукачево. К вам подойдет молодой человек с веткой сирени.— Андрей многозначительно помолчал и, согнав с лица улыбку, серьезно спросил: — Теперь отгадал?

Верона ничего не сказала в ответ, только засмеялась, но разве обязательно все надо говорить словами!

На вечерней заре приехали в Явор. Теперь до Ужгорода уже рукой подать. Часа через два и Верона будет дома.

Выходя из автобуса, Андрей пожал руку девушке и, нежно заглядывая ей в глаза, сказал:

— Так, значит, в воскресенье, в семь вечера, в Мукачево, на Кировской, около дома номер двадцать четыре.

Она ответила ему сдержанным кивком.

В Яворе, на автобусной остановке, Андрея ждала мать, которую он предупредил телеграммой о своем приезде. Встреча с ней теперь, на глазах у Вероны, была опасной для Андрея по двум причинам. Во-первых, мать на радостях могла выпалить: «Мой дорогой Андрюша» или что-нибудь в этом роде. Во-вторых, такой нарядной матери, как легко поймет Верона, не могло быть у простого рабочего человека Олексы Сокача.

На Марте Стефановне было широкое с бронзовыми застежками пальто-реглан, осторожно распахнутое на груди, ровно настолько, чтобы была видна пышная, ослепительно золотого цвета блузка, сделанная из воздушного органди. «Тюрбан» и туфли были темнокоричневыми, крошечные наручные часики, цепочка, кольца и браслеты — в тон одежде и обуви.

Дымя сигаретой и сильно щурясь, Марта Стефановна вглядывалась в выходящих из автобуса пассажиров. Андрей прошмыгнул мимо матери, в двух шагах от нее, но она по близорукости не заметила его. Бросив в такси на заднее сиденье чемодан, Андрей сел рядом с шофером:

— Поехали!

— Адрес? — спросил шофер, включая счетчик.

— Поверните на проспект и остановитесь за углом,— сказал Андрей.

Водитель с удивлением покосился на пассажира, но волю его выполнил: остановился через двести метров на проспекте.

— Теперь закурим,— Андрей достал папиросы, угостил шофера.

С проспекта хорошо был виден мост через реку, по которой проследовал в Ужгород раховский автобус. Проводив его глазами, Андрей скомандовал:

— Поворачивайте на сто восемьдесят градусов, к автобусной остановке!

Мать, встревоженная, опечаленная, растерянно топталась на автобусной остановке, повидимому решив ждать следующей машины из Верховины. Андрей подошел к ней, молча положил на плечо руку.

— Здравствуй, Андрюшенька! — оборачиваясь, обрадованно воскликнула она.

— Здравствуй, — ласково сказал он.— Ну, зачем беспокоилась? Разве я без тебя дороги домой не нашел бы?

Внимательное, приветливо-ласковое, дружеское выражение лица Андрея, так понравившееся Вероне, теперь стало еще более нежным.

Марта Стефановна была счастлива: ведь она встретилась с сыном после долгой, полугодовой, разлуки.

Подъехав к своему дому, Андрей взял чемодан, небрежно кивнул матери:

— Расплатись, мамочка!

Марта Стефановна поколебалась немного и заплатила.

В садике, примыкавшем к дому, цвели тюльпаны, розовые и синие незабудки. В большой

проволочной клетке, высоко поднятой на четырех столбах, ворковали белоснежные голуби. Под навесом веранды висели золотые початки прошлогодней семенной кукурузы. На подоконниках, прильнув в стеклам, стояли красные, белые, сиреневые цветы в горшках. В глубине двора сквозь прозрачный плетеный птичник чернела фигура Марии, окруженной курами, утками и гусями. На весеннем солнцепеке грелась кошка с котятами.

— Хорошо! — поворачиваясь к матери и счастливо улыбаясь, проговорил Андрей.— Все, как было. Будто и не уезжал.

Из птичника вышла Мария с лукошком в руках. Она была в строгом одеянии: черная длинная, чуть не до пят, юбка, черная кофта с темными пуговицами, черный фартук, черные начищенные ботинки, черные чулки. Только лицо ее было белым, и на нем лучилась сладенькая улыбочка.

— Боже мой, как ты вырос, Андрюша! — молитвенно скрестив руки на груди, нараспев воскликнула Мария.— Здравствуй, красавчик, здравствуй, королевич мой ненаглядный!

— Здравствуй, святая Мария,— с притворным дружелюбием усмехнулся Андрей, разглядывая бывшую монашенку, неутомимую работницу и ловкую помощницу матери в ее коммерческих делах.— Здравствуй! — Он кивнул Марии и направился в дом, откуда доносился аромат жареного мяса и сдобного теста.

В самой большой комнате на раздвинутом столе, как и ожидал Андрей, было приготовлено праздничное угощение. Чуть ли не сорок тарелок, на каждой выложена особая закуска: колбасы всех сортов, сыр, икра, тонкие ломтики красной рыбы, холодная курица, пирожки, соленые огур-

цы, моченые яблоки и сливы, перец фаршированный, печенья, яблоки, виноград, вино, орехи, конфеты... Середину стола занимал большой пухлый торт. На его коричневом шоколадном фоне белела сливочная надпись: «С приездом, мое счастье!»

«Мое счастье» довольно равнодушно, как и полагалось человеку, знавшему себе цену, оглядел стол: нам, дескать, не в диковину этакое изобилие харча, не ждите благодарности.

— Крестного не догадались пригласить? — спросил он.

— Приглашала, Андрюшенька. Нету его дома. Ночью вернется из поездки.

— Ну и ладно, обойдемся пока и без него.— Андрей обошел вокруг стола, потирая руки.— А не найдется ли у вас, хозяюшка, самой обыкновенной картошки, ржавого селедочного хвостика и простой русской горькой?

Марта Стефановна не обиделась на то, что сын не оценил по достоинству ее кулинарных и гастрономических стараний, ее щедрых расходов. Наоборот, она поспешно и виновато пробормотала: «Сейчас, сейчас, Андрюша, мы все сделаем с Марией»,— и скрылась в кухне. Вернулась с вареным холодным картофелем, селедкой и белоголовой бутылкой.

Пока Андрей пил и ел, Марта Стефановна и ее помощница с умилением смотрели на «королевича» и «красавца». Сменяя друг друга, они рассказывали ему про все местные новости, о рыночных ценах на вино и фрукты, о том, какие редкие, дефицитные товары продавались за это время в универмаге и в комиссионке, что удалось купить и перепродать, что отложить в запас. Немало приобретений досталось на долю Андрея:

китайские рубашки с вечными крахмальными воротниками, кожаная фиолетовая куртка на молнии, модные полуботинки на толстой каучуковой подошве, чешский и венгерский галстуки, шведские лезвия, болгарские сигареты, красивые носовые платки...

Андрей принял подарки как должное. Он давно приучил мать к тому, чтобы она свою любовь к сыну беспрестанно подкрепляла вещественно и денежно. Он бы удивился и обиделся, если бы она перестала это делать. Он считал закономерным, что черная Мария работала на мать, а мать — на него.

Пересмотрев и примерив обновки (расцветки китайских рубашек ему не понравились, куртка показалась великоватой, полуботинки тяжелыми и слишком тупоносыми, а галстуки недостаточно яркими), он побрился, надел новую куртку, пригладил щеткой свои длинные волосы, собранные в пучок на затылке, надушился «Белой сиренью» и объявил, что отправляется в город, в гости к Олексе Сокачу.

— Отдохнул бы, Андрюша. Завтра пойдешь по гостям,— робко посоветовала Марта Стефановна.

— Мама, зря беспокоишься. Я неутомимый.

Он накинул поверх куртки плащ, закурил сигарету и небрежно сказал, щелкнув пальцами:

— Мама, подкинь что-нибудь.

Марта Стефановна вздохнула, потянулась к сумке:

— Сколько?

— Сколько не жалко.

— А все-таки? На сигареты и спички?

— Ну, ты же сама понимаешь, что я сегодня должен угостить Олексу Сокача. И так угостить, чтобы он всю жизнь вспоминал и благодарил.

— Позвал бы его сюда и угостил.

Мать поспешно раскрыла сумку и, шурша новенькими бумажками, вытащила две сотни, положила их на стол.

Андрей перебросил сигарету из левого угла рта в правый, сердито пыхнув дымом, прищурился, протянул матери руку.

— Позолоти еще, родная, бог не забудет твоей щедрости,— подделываясь под цыганку-гадальщицу, проговорил он.

Марта Стефановна улыбнулась. Ну как можно не любоваться таким остроумным, обворожительным сыном, как можно отказать ему в чем-нибудь!

Достав из сумки еще две новенькие бумажки, она умоляющими глазами посмотрела на сына, улыбнулась:

— Только ты никому про это не говори, Андрюша. Самое главное — дяде Любомиру не проболтайся. Ты пойди к нему, скажи, что мать не дала денег на угощение Олексы Сокача. Он пожалеет тебя, подкинет сколько надо.

Андрей недобрым взглядом смерил мать с ног до головы:

— Он твой казначей или как? Почему ты его боишься? Почему жалеешь для меня денег, а он нет? Восемь переводов от него получил, а от тебя ни одного.

— Андрюша, так это же...— Марта Стефановна остановилась, представив себе, как рассвирепеет ее хозяин, узнав, что она выдала его тайну с переводами.

— Ну, отвечай, почему стала такой жадной?

— Я не жадная, Андрюша, я...

«Сказать ему или не сказать правду? Если скажу, что он сделает? Побьет? Побежит в ми-

лицию или на Киевскую? Нет, не скажу. Он ничего не узнает от меня».

— Андрюша, у меня нет больше денег. Нас обокрали. Все пропало.— Она закрыла лицо платком, заплакала.

— Так я тебе и поверил! — беспечно засмеялся Андрей.— Имей в виду, мама: тебе придется заплатить мои львовские долги. До свидания!

Надушенный, с сигаретой, прилипшей к верхней губе, в ярких, еще не разношенных полуботинках, тщательно причесанный, заложив руки в косые карманы модной куртки, похрустывая новенькими сотенными бумажками, таящими в себе столько удовольствий, Андрей вышел из дому и направился на Гвардейскую улицу, где жил его чудесный денежный покровитель. Дядя Любомир был уже дома. Он расположился посреди большой, заставленной книжными полками комнаты, гонял ногой скрипучий привод токарного станка и вытачивал из березы каких-то большеголовых пузатых идолов. Его волосы были покрыты стареньким беретом. На кончике длинного носа блестели выпуклые, в золотой оправе очки. За тяжелым мясистым ухом торчал толстый плотницкий карандаш, а в зубах — холодная трубка. Длинный кожаный фартук закрывал мастера по дереву от шеи до колен. В комнате вкусно пахло сухой березой. Низкие лучи солнца, уходящего на запад, в сторону границы, золотили вороха стружки, лежавшей на полу.

— А, это ты! — обрадовался хозяин, вскинув очки на лоб.— Раздевайся, садись!

— Я ненадолго, дядя Любомир,— напуская на себя печаль, проговорил Андрей.— С матерью поругался. Жила, скупердяйка, денег не дала!

Угостить надо Олексу Сокача, а в моем кармане кот наплакал.

— Понятно.— Крыж открыл один из книжных шкафов, достал толстый, в темносинем переплете том «Большой советской энциклопедии». Между его страницами лежали новенькие, без единой морщинки и пятнышка, будто только отпечатанные, сторублевки.

— Бери, сколько надо! — великодушно сказал Крыж.

Андрей потянулся к деньгам, хотел отделить от пачки листка четыре-пять, но гибкие скользкие бумажки не давались в руки. Андрей послюнявил пальцы и, торопясь, загибая углы сторублевок, взял полтысячи.

— Не мало? — усмехаясь, спросил Крыж.

Андрей пожал плечами и, скрывая смущение (в ту пору он еще был способен на это), с напускной развязностью сказал:

— Могу добавку прихватить, если вы такой щедрый.— Он взял еще триста рублей.— Спасибо, дядя Любомир!

— Спасибом, брат, не отделаешься. Пиши расписку: «Я, Андрей Лысак, сего числа сего года получил от «Креста» за оказанную ему услугу столько-то денег».

— От «Креста»?

Андрей, заискивающе улыбаясь, смотрел на щедрого дядюшку, пытаясь понять, всерьез он говорит или шутит. Нет, хозяин шутил: на его тонких губах озорная усмешка.

Крыж подвинул старенькое, с вытертой кожей, кресло к столярному верстаку:

— Садись и пиши.

Андрей писал с легким сердцем, в полной уверенности, что эта странная расписка — безобид-

ная шутка дяди Любомира и что бумажка будет разорвана, сожжена или выброшена.

— А какую услугу я оказал «Кресту»? — смеясь, спросил он.

— Пожелал ему здоровья, когда он чихнул.

— А кто он, этот «Крест»?

— Я.

— Вы?

— Да. Так называли меня в детстве мои маленькие друзья — сербы. Крыж по-сербски — крест... Ну вот, теперь все в порядке. До свидания. Угощай и угощайся на здоровье!

Когда Лысак вышел, Джон Файн сейчас же покинул свой тайник. Он злобно хмурился, исподлобья глядя на Крыжа:

— Что за комедию вы разыграли с этим пижоном? Кто это?

— Сын «Венеры», моей помощницы, о которой я вам уже говорил. Кандидат в агенты. Подготавливаю к вербовке.

— А!..— смягчился «Черногорец».— Созрел?

— Да, вполне.

— Смотрите, Любомир, не опростоволосьтесь. Вербовка — дело тонкое, опасное. Что он собой представляет?

— Лодырь. Враль. Любит прожигать деньги, чужие главным образом. До сих пор не заработал ни одного рубля. Пьет. Гуляет. Франтит. Эксплуатирует свою мамашу. Способен... В общем, как раз то, что нам нужно.

— Вы уверены, что именно «то»?

— Абсолютно.

— Ошибаетесь. В нашем деле... Впрочем, об этом мы потом поговорим. Почему же этот «эксплуататор»,— Файн усмехнулся,— решил стать рабочим человеком, паровозником?

— Ничего сверхъестественного в этом нет. Парень надел спецовку с дальним прицелом: в надежде поменять ее на генеральский мундир. Ему помог в этом Головин, старый паровозный машинист, Герой Социалистического Труда, депутат яворского городского совета. Я в курсе дела. Рассказать? Или вам это неинтересно?

— Почему же мне это неинтересно? Я все должен знать и о вас, и о ваших агентах, и о кандидатах в агенты.— Файн кивнул.— Рассказывайте!

...Ранним летним вечером прошлого года Константин Васильевич Головин сидел в своей обезлюдевшей квартире и, водрузив на кончик носа очки, читал. Звонок оторвал его от книги. Головин открыл дверь. На лестничной площадке стояла Марта Стефановна Лысак. Над ее плечом виднелась голова долговязого Андрея.

Марта Стефановна приветливо поздоровалась, извинилась за причиненное беспокойство и спросила, может ли она поговорить с Константином Васильевичем по очень важному для нее и ее сына делу.

— Пожалуйста, милости просим,— сказал Головин.

Мать и сын вошли. Хозяин предложил гостям стулья. Они сели. Марта Стефановна закурила, умильно посмотрела на Головина своими большими цыганскими глазами:

— Дорогой мой, я опять беспокою вас! Я насчет сына. Помогите!

Константин Васильевич смущенно пожал плечами:

— И рад бы помочь, но... я не могу отменить переэкзаменовку.

Андрей Лысак до пятого класса учился в обычной школе. Потом он благодаря хлопотам матери попал в музыкальное училище. Через год его отчислили. Марта Стефановна немедленно пожаловалась Головину. Константин Васильевич пошел в музыкальное училище. Поговорив с директором и педагогом, депутат выяснил, что Андрей Лысак отчислен справедливо: не хотел учиться, часто пропускал уроки, хулиганил. Головин посоветовал Марте Стефановне определить мальчика опять в школу. Плохо занимался Андрей и там. Два года просидел в шестом классе. Два в седьмом. Столько же в восьмом. На пороге девятого класса получил переэкзаменовку. Вот об этой переэкзаменовке и говорил Головин, смущенно пожимая плечами. Но он ошибся.

— Мы отказались от переэкзаменовки, Андрюша дальше не будет учиться,— сказала Марта Стефановна.— Довольно! Мы были у нашего врача, и он сделал заключение: мальчику категорически воспрещается умственное напряжение. Вот диагноз.

Головин молча прочитал врачебную справку и вопросительно посмотрел на Андрея Лысака, угрюмо обкусывающего ногти.

— Мы с Андрюшей решили, что ему надо работать,— твердо сказала мать.

— А куда Андрей хочет устроиться? — спросил Головин.

— На ваше усмотрение, дорогой мой. У вас столько влиятельных друзей, столько возможностей!

Головин сказал:

— У меня есть друзья в Донбассе, на металлургическом заводе. Хотите, устрою вашего Андрея в мартеновский цех подручным сталевара?

Марта Стефановна снисходительно усмехнулась, посмотрела на сына и покачала головой.

— Могу устроить учеником токаря на станкостроительный завод.

Марта Стефановна опять покачала головой.

Головин продолжал:

— У меня есть друзья на Солотвинском руднике. Они помогут устроиться Андрею помощником горного комбайнера. Соль будет добывать. Если не нравится на соляном руднике, могу на угольную шахту устроить.

— Нет, дорогой мой, вы меня не поняли! — с досадой проговорила Марта Стефановна.— Мы с Андреем интересуемся другой работой.

— Какой?

— Я бы хотела, чтобы вы устроили моего Андрюшу...

— Понимаю! Куда-нибудь повыше! — подхватил Головин.— Есть у меня приятели на высотных стройках в Москве. Могу определить вашего Андрея в бригаду каменщиков, бетонщиков, верхолазов-арматурщиков. Или вам не подходит черная работа? Мечтаете о белой, конторской?

Марта Стефановна уже не улыбалась. Цыганские глаза ее наполнились слезами.

— Вы напрасно так говорите, товарищ Головин. Мы пришли к вам за отцовским советом, как к депутату, а вы смеетесь над нами.

— Какой же тут смех? Я б родному сыну сказал все то, что вам посоветовал.

Марта Стефановна улыбнулась сквозь слезы:

— Нет, родному сыну вы посоветовали бы другое: пойти на паровоз, стать машинистом, а нам вот...

— Хотите на паровоз? Пожалуйста! Так бы вы

сразу сказали! На паровоз я могу вас в два счета устроить. Кочегаров нам не хватает.

— А нельзя ли в школу машинистов устроиться? Или в железнодорожный техникум, на паровозное отделение? Все-таки Андрюша закончил восемь классов.

— Можно и так, конечно, но...— Константин Васильевич подергал себе ус, искоса посмотрел на прилизанного Андрея.— А почему ты выбрал паровоз?

— Так... нравится,— ответил парень.

— Это твердо? Не разонравится через год или через три месяца?

— Всю жизнь будет нравиться.

Головин положил руки на плечо Андрея:

— Хорошо, хлопче, я устрою тебя в школу машинистов. Только смотри не подведи мою седую голову под позор!

— Что вы, дядя Костя! Даю вам слово.

В тот же год, осенью, Андрей был определен в школу железнодорожных машинистов. Занимался неважно: чуть ли не по всем дисциплинам получал тройки. Хватал и двойки. Иначе и не могло быть: паровоза он не любил. И не представлял, как можно любить его. Он вообще не любил трудиться. Твердо был уверен, что проживет свой век так, как прожил до сих пор, не работая, но все имея, ни в чем себе не отказывая. Двадцать лет он прожил на свете, не оплатив своим личным трудом ни одного куска съеденного хлеба, ни одного стакана выпитого молока. Он ел хлеб, никогда не задумываясь, откуда он взялся, кто и как пахал землю, засевал ее, собирал урожай, кто молол зерно. Его интересовал хлеб лишь тогда, когда он был голоден.

Машинистом паровоза решил стать только из

простого расчета: из зависти к Олексе Сокачу, своему земляку, почти ровеснику. Читая о нем статьи в газетах, видя, как его уважают в городе, он захотел быть на его высоком месте, в его положении. Причем он не утруждал себя даже размышлениями, как, благодаря каким своим усилиям Олекса Сокач стал знаменитым машинистом, сколько потратил энергии и труда, чтобы на Почетной доске стать рядом с Головиным, Героем Социалистического Труда...

— Как видите, товарищ Червонюк, это как раз то, что нам требуется,— самодовольно ухмыляясь, проговорил Крыж.

Джон Файн молчал, глядя на кончик дымящейся сигареты и насмешливо щурясь.

— Вы читали, Любомир, советские книги о бдительности? — спросил он, не поднимая глаз.

— Приходилось.

— А такую фразу помните: «Иностранные разведчики вербуют своих агентов главным образом из среды уголовных элементов, морально нечистоплотных людей, бывших кулаков»? Если помните, как же вы соблазнились таким дешевым субъектом, как Андрей Лысак? Его нечистоплотность за три версты видна. Он — ходячая реклама пижонства и глупой наглости, невольный помощник советской разведки.

— Все это верно, сэр, но... разве скромный и чистоплотный человек согласится служить нам? К сожалению, мы должны исходить из реальных возможностей. И потом, у меня выработан особый план в отношении Андрея Лысака. Как только завербую его, я прикажу ему решительно изменить свой образ жизни.

— Правильно! Но это надо сделать как можно раньше, иначе будет поздно.

— Я форсирую события, сэр.

— Вот и договорились! — Файн дружески улыбнулся своему помощнику и похлопал его по плечу: — Не обижайтесь, Любомир, за придирчивость. Это моя обязанность: оберегать вас.

— Я понимаю, сэр. Благодарю.

Крыж выразительно посмотрел на шефа и безмолвно, взглядом, добавил: оберегая меня, вы прежде всего оберегаете свою драгоценную особу.

Андрей Лысак, пока решалась его судьба, беспечный и веселый, уверенно шагал по улицам Явора. Выйдя от Крыжа, Андрей сейчас же забыл о расписке. Он думал только о деньгах, полученных от Любомира и матери. Двенадцать сторублевок! Гуляй в ресторане целую ночь, заказывай подряд все меню сверху донизу — и то не растратишь. Эх, и кутнет же он сегодня с Олексой Сокачем! На корню закупит знаменитого машиниста, навсегда заручится его дружбой.

Дома Олексы не оказалось, он был на работе. Андрей пошел в депо. На главной улице неожиданно лицом к лицу столкнулся с Олексой. Знаменитый машинист был одет в синюю спецовку. На белокурой голове — черная форменная фуражка, а на ногах — парусиновые туфли. «Вот так знаменитость! — подумал Андрей. Не умеешь ты, дурак, пользоваться своим положением». Вслух же он, радостно улыбаясь, воскликнул:

— Здорово, Олекса!

Сокач остановился, сдержанно ответил. На лице его не было ни привета, ни даже простого любопытства, только удивление и отчужденность.

Олекса хорошо знал приметного франта с Железнодорожной, маменькина сынка Андрея Лысака, но никогда не дружил с ним, не имел даже общих товарищей. И потому он был удивлен его панибратским отношением.

— Не узнаешь? — спросил Андрей, раскрывая коробку сигарет.— Кури!

Олекса насмешливо прищурил свои серые с длинными черными ресницами глаза, с ног до головы осмотрел Лысака:

— Как не узнать такого шикарного кавалера! Каким был, таким остался...

Андрей пропустил мимо ушей насмешку Олексы. «Завидует»,— решил он, но, как всегда, сказал не то, что думал:

— А ты не изменился.

— Значит, вернулся домой? Под мамино крылышко? Совсем или как?

— На практику приехал,— ответил Андрей.

— Куда? В парикмахерскую? В ателье мод?

Андрей опять не обиделся. Он умел, когда надо было, не замечать насмешки.

— Не угадал,— сказал он, сделав вид, что принял слова Олексы за дружескую шутку.— В депо практиковаться. На паровозе.

— Неужели ты еще не бросил школы?

— А почему я должен ее бросить?

— Так там же учиться надо, сдавать экзамены.

— Учимся! И экзамены сдаем! — с достоинством, но без заносчивости, с расчетливой веселой улыбкой ответил Андрей.— И паровозом будем управлять не хуже других... если ты поможешь.— Он взял Олексу под руку и, приноравливаясь к его шагу, пошел по краю тротуара, где было меньше людей.— Олекса, скажу тебе прямо, от чистого сердца: хочу практиковаться только на

твоем паровозе, под твоим руководством. Никто лучше тебя не научит.

Молодой машинист подозрительно покосился на Андрея: когда, где и чем он успел завоевать его любовь?

— Если бы не ты, Олекса,— продолжал Андрей,— то я и в школу не попал бы и на паровоз мне наплевать. Понравилось, как ты работаешь, вот я и решил пойти по твоей дорожке. Возьми, Олекса, шефство надо мной! Всю жизнь буду помнить и благодарить. Ты не смотри, что я такой: по одежде встречают, а по уму и работе провожают.

Олекса уже внимательно и серьезно слушал Лысака. Верить или не верить его словам? От сердца они или так, пустопорожние? Похоже на то, что говорит правду, по-настоящему тревожится за свою судьбу.

— Что же,— сказал Олекса,— если начальник депо прикомандирует тебя к моему паровозу, то...

— Прикомандирует! Обязательно! — Андрей схватил руку Сокача, крепко сжал ее: — Будь уверен, я не подведу тебя.

С ближних гор уже потянуло прохладой, на городские улицы спускались густые синие сумерки. В домах зажигали свет.

На улицах вспыхнули матовые шары. По большому стеклу витрины, широко разбросав раздвоенные клешни, пополз огненный рак.

— Зайдем? — останавливаясь перед рестораном, спросил Андрей.

Не дожидаясь согласия, он открыл дверь и, слегка подталкивая Олексу вперед, вошел в ярко освещенное помещение, густо заставленное квадратными, на металлических ножках столиками.

Буфетчик, разливавший пиво, подал Андрею руку и сказал, как хорошо знакомому:

— С приездом! Как твой университет?

— Все в порядке. Распорядитесь насчет столика.

Бритоголовый официант в белом пиджаке и в черном галстуке бабочкой, не дожидаясь распоряжения, в одно мгновение расчистил от грязной посуды столик, расположенный в дальнем, укромном конце зала. Не прошло и пяти минут, как на столике появились водка, вино, пиво, тарелки с копченой рыбой, сыром, ветчиной, сухой колбасой, печеными яйцами. Олекса покачал головой:

— Богатая закуска... но расплачиваться придется тебе: у меня ни копейки в кармане. Отдам завтра.

— Расплатимся, не беспокойся! На всю ночь хватит погулять. За твое здоровье!

— Стипендией будешь расплачиваться? — спросил Олекса, когда выпил и закусил.

— Какая там стипендия! От нее и следа не осталось.

— Где же ты взял денег? — Олекса осторожно поставил стакан с вином и перестал есть.

— Не бойся, не краденые. Мать дала. Она у меня деньжистая и не прижимистая. Она портниха. Золотые руки!

— Значит, мать зарабатывает, а ты... пируешь?

— Дай срок, буду и я зарабатывать. Все верну матери, что истратила на меня... Слушай, Олекса, сколько ты получаешь в месяц?

— Когда как...

— В апреле, например, сколько выколотил?

— Две с половиной тысячи.

— Ничего, подходяще. А в марте?

— Точно не помню. Кажется, столько же. Ну, еще какие будут вопросы? — Глаза Олексы стали колючими.— А паровоз тебя не интересует? Как мы водим поезда, как экономим уголь и смазку — об этом тебе не хочется поговорить?

Андрей махнул рукой, засмеялся:

— Еще наговоримся о паровозе, не тревожься! Пока выпьем. Теперь за что? За нашу с тобой рабочую дружбу. Хочешь?

Олекса положил локти на стол и, насмешливо прищурившись, озорными, чуть хмельными глазами посмотрел на Андрея:

— А знаешь ты, хлопче, что такое рабочая дружба? Не говорил тебе про нее дядя Костя? Слушай. Одно колесо не сдвинет паровоз с места... Когда хорошо работаешь, желай того же и своему напарнику. Кончая свой маршрут, помни, что твоему сменщику тоже далеко надо ехать... Греясь на солнышке, не закрывай свет другу. Кровь из носа, жилы надорви, а рабочую честь товарища поддержи! Умирай, а от дружбы не отступай! — Олекса остановился, перевел дыхание.— Если тебе такая дружба по душе,— продолжал он,— то присоединяйся к нам с дядей Костей.

— Присоединяюсь! Будем дружить втроем! — Андрей Лысак чокнулся с Олексой.

Часто лгал в своей короткой жизни Андрей Лысак, привык кривить душой, но в то мгновение он был искренним, то есть ему казалось, что он говорил именно то, что чувствовал и думал.

В ресторан вошел новый посетитель, молодой высокий парень. Он был в сером костюме, в полотняной сорочке, вышитой по воротнику и на груди цветным гуцульским узором. Из-под светлой кепки выбивались тяжелые пряди белокурых

волос. Это был Василий Гойда. Он зашел сюда по дороге домой, чтобы купить сигарет.

Увидев друга, Олекса обрадовался, поднял над головой руку, чтобы обратить на себя внимание.

— Кто это? — недовольно спросил Андрей.

— Василь Гойда, разве не узнаешь? Знаменитый машинист Закарпатья. Теперь студент-заочник.

— Знаменитый машинист? — недоверчиво хмыкнул Андрей.— Не может быть. Не слыхал. Я знаю две знаменитости: Олексу Сокача и его учителя Головина, дядю Костю.

— Какая я знаменитость! Вот Василь Гойда — да! Пригласим его за стол, а?

— Приглашай, если ты так хочешь.

— А ты не хочешь?

— Мне интересно с тобой провести вечер, а не с каким-то студентом-заочником.

— Да ты не бойся, он замечательный парень, вот увидишь. Пригласим?

Андрей раздраженно отодвинул от себя тарелки, стакан:

— Я же сказал — приглашай, если тебе со мной неинтересно.

— Ну вот, обиделся! Зря! Ладно, обойдемся сегодня и без Гойды.

Олекса вздохнул, повернулся к своему другу спиной и попытался продолжать пир. Нет, все уже было кончено. Он перестал есть, пить, разговаривать. Угрюмо молчал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Поздним вечером Андрей и Олекса вышли из ресторана. Лысак хотел проводить Сокача домой, но тот поднял воротник своей синей спецовки,

нахлобучил на глаза форменную фуражку и махнул рукой.

— Сам найду дорогу, не беспокойся,— пробормотал он и скрылся в темноте.

Шел дождь. Мелкий, теплый, настоящий весенний. Прохожих на улице почти не было. На противоположной стороне улицы скупо светились окна дежурной аптеки. В черном небе прогудел истребитель. Он пролетел вдоль границы, прочертив свой маршрут бортовыми огнями — зеленым и красным.

Досадуя на Сокача за то, что тот оказался плохим собутыльником, Андрей медленно побрел по Виноградной, раздумывая, где и как поинтереснее скоротать ночь. Он вышел в конец улицы, в безлюдный скверик, сел на мокрую скамейку, закурил и, запрокинув голову, прижмурившись, прислушался к шороху дождя в кроне каштана.

Чьи-то шаги, прозвучавшие невдалеке, заставили Андрея опустить голову, открыть глаза. Мимо проходил человек в длинном плаще, в черной шляпе, с черным футляром подмышкой. Это был музыкант из Цыганской слободки. Тот самый, что пиликал на своей скрипке, пока Андрей и Олекса ужинали.

— Ты куда, Шандор? — спросил Андрей по-мадьярски.

— Домой. Сигарета есть?

— Есть. На. Бери всю пачку. Почему так рано домой?

— Жена приказала не задерживаться.— Огонек сигареты осветил лицо цыгана, его черные усики, белые литые зубы.— У нас сегодня домашний праздник: десять лет как поженились. По этому случаю...

Андрей все понял. Вот где он скоротает ночь — в Цыганской слободке.

— Приглашай, Шандор, и меня.— Андрей позвенел в кармане мелочью.— Дукаты и кроны имеются.

— Пойдем, если твоя душа праздника захотела.

Андрей и цыган взяли такси. Проехав центр Явора, они покатили по узкой темной улочке южной окраины города. Машина остановилась перед небольшим домиком в Цыганской слободке.

Цыганская слободка была одним из примечательных мест молодого советского города Явора. Возникла она давно, еще во времена австро-венгерской короны, росла и расширялась во времена президента Масарика. Здесь, на международном перекрестке, в нескольких километрах от стыка трех границ, удобно и выгодно было стоять постоянным табором конокрадам, контрабандистам, содержателям тайных квартир, друзьям заграничных перебежчиков, гадальщицам, скрипачам, коновалам, кузнецам, лудильщикам. Десятки лет, из поколения в поколение, Цыганская слободка воровала у тех, кто не умел беречь свое добро, обманывала доверчивых, предсказывала судьбу простодушным, нарушала законы императора Франца Иосифа и короля Михая, диктатора Пилсудского и президента Масарика, плясала и пела, клянчила милостыню на закарпатских базарах и лишь иногда, в тяжкие свои дни, трудилась: кузнечила, слесарничала, делала саман — необожженный кирпич. Исчезали императоры, президенты, диктаторы, менялись правительства, а Цыганская слободка оставалась все той же — независимым государством в государстве.

Советская власть уравняла цыган Закарпатья в правах со всеми гражданами страны, дала им

высокое право трудиться на своей земле, на своем заводе, на своей шахте. Тысячи и тысячи цыган приобщились к постоянной трудовой жизни, но Цыганская слободка молодого советского города Явора не сдавалась, пыталась бороться за свою независимость, независимость от честного труда, от социалистических человеческих норм жизни. Почти никто из яворских цыган, не говоря уже о женщинах, не заботился о своем постоянном трудоустройстве. Ни одно учреждение и предприятие в Яворе не имело в своем штате цыган. Приглашали часто — не шли. Говорили: «Не привыкли мы от гудка до гудка, от звонка до звонка работать». Ковали. Лудили. Кровельничали. Делали саман. Рыли котлованы. Клали стены новых зданий. Выгружали и грузили иностранные и советские вагоны на перевалочной базе. Но все только аккордно, сдельно, поденно, от случая к случаю. Поработают неделю или две, получат хорошие деньги — и гуляют до тех пор, пока в кармане не останется ни одной копейки. Женщины, как и в старые времена, рыскали по большим базарам, гадали на картах. В понедельник они в Ужгороде. В среду мчались в Хуст. В пятницу заполняли Мукачево. Владельцы скрипок и длинных «музыкальных» волос по вечерам кочевали по яворским забегаловкам, по пивным, барам, по закусочным, искали желающих послушать чардаш и цыганскую рапсодию.

В так называемые «воинские дни», когда из-за границы прибывали поезда с военнослужащими, молодые цыганки прогуливались в привокзальном яворском скверике, выпрашивали у солдат и офицеров австрийские «оккупационные» сигареты.

Вот в этой Цыганской слободке, среди людей, презирающих труд, и нашел себе приют Андрей

Лысак. Жена ресторанного скрипача Шандора оказалась той самой гадальщицей, которая предсказала Андрею в Рахове его счастливую судьбу.

Прогулял Андрей до рассвета. Вышел от «Кармен» без единого рубля в кармане, без плаща и шляпы. Кое-как дотащился домой, перелез через забор, нашел с помощью черной Марии свою постель и, не раздеваясь, завалился спать. Весь день провалялся в кровати. Вечером его разбудил Крыж. Он принес водки, пива, моченого винограда, и все пошло, как и вчера. Выпили. Закусили. Покурили. Опять выпили. Поговорили о том, как прошло угощение Олексы Сокача.

— Значит, твердо договорился с Олексой? Берет тебя на свой комсомольский паровоз?

— Берет. Скоро машина будет под парами.

— Не раздумает?

— Да вроде бы нет, парень крепкий на слово.

— Смотри держись его. Большие дела будешь делать, работая плечом к плечу с Олексой Сокачем.

Марта Стефановна несколько раз пыталась вторгнуться к пирующим, но Крыж не открыл ей запертую на ключ дверь.

— Там, где двое, третий лишний,— бесцеремонно объявил он.

Когда Андрей опять захмелел, Крыж выразительно потер указательным пальцем большой палец.

— Ну, а как насчет презренного металла? Все сплавил на угощение Олексы Сокача?

— До единого рубля! — Андрей засмеялся, вывернул карманы и вопросительно посмотрел на своего щедрого друга, надеясь на то, что он раскошелится и на этот раз.

Но дядя Любомир укоризненно покачал головой:

— Плохо дело. Я тоже свои запасы вчера растратил. Придется добывать капитал. Хочешь, Андрей, заработать тысяч пять?

— Пять? Да я и единой тыще буду рад.

— Пять заработаешь, не меньше. Если, конечно, храбрости наберешься.

— Чего-чего, а храбрости у соседей не попросим. Какая работа?

— Деликатная. Очень деликатная. Слушай меня внимательно и на ус наматывай. В конце Урожайной улицы, в крайнем доме, под Виноградной горой, живет новый помощник начальника станции Явор, Василий Петрович Горгуля, железнодорожный майор по званию. Понятно?

Андрей нетерпеливо кивнул головой: понял, мол, говори скорее дальше.

— У него есть машина. Личная, «Москвич». Несколько дней назад, глухой ночью, Василий Петрович возвращался с прогулки домой. На проселочной безлюдной дороге, что спускается из колхоза «Червона поляна», он догнал запоздавшего велосипедиста, протаранил его буфером «Москвича», сбросил в кювет и скрылся в темноте.— Крыж достал бумажник, извлек из него фотографию и положил на стол.

Андрей увидел дешевый некрашеный гроб и мертвого человека с забинтованной головой, небритого, с тоненькой церковной свечкой в скрещенных на груди руках.

— Это велосипедист, сбитый майором. Ясна ситуация?

Андрей отрицательно покачал головой.

— Какой недогадливый! Ты придешь к Горгуле домой и скажешь: «Здравствуйте, Василий

Петрович! Я к вам по важному, деликатному делу». Он посмотрит на тебя с удивлением и, может быть, спросит: «Что вам надо? Я вас не знаю». Ты не смущайся и храбро приступай к делу. Так, мол и так, уважаемый Василий Петрович, мне доподлинно известно, что вы убили моего отца.

— Моего отца?

— Да! Помощник начальника станции так будет перепуган, что поверит каждому твоему слову. Ты скажешь ему, что твой отец, умирая, назвал тебе, одному тебе, номер «Москвича». Потом ты помолчишь, покуришь и добавишь, что это скандальное дело можно уладить мирно, если... если Горгуля не пожалеет пять тысяч. Если пожалеет, то тебе придется сообщить в милицию о совершенном преступлении. Вот и все.

Крыж многого не договорил. Андрей Лысак еще не созрел для откровенных разговоров. Крыж решил пока, до поры до времени, использовать его вслепую, не посвящая в то, кому служит. Впоследствии, когда парень окончательно увязнет в делах Крыжа, ему можно открыть глаза.

Гнусное предложение Крыжа не вызвало у Андрея Лысака возмущения, не оскорбило его. Наоборот. Он имел самое смутное понятие о чести и совести, обожал деньги и готов был их заработать любым способом.

Сколько уже было на свете таких, как Андрей Лысак, сколько их погибло на этом скользком пути! И все-таки вот появился еще один, полный надежды, что ему повезет. Другим не повезло, а вот ему обязательно повезет.

Крыж отпил из стакана пива, вытер губы и продолжал:

— Майор Горгуля, известное дело, не сразу от-

считает деньги. Для приличия он пошумит, повздыхает, может быть, даже станет отнекиваться: я, мол, не давил людей. Тогда ты тихо и мирно скажи ему: «Не давили? Хорошо, пойдем в гараж, посмотрим ваш «Москвич». После этого он сразу присмиреет. Некуда ему больше податься: правая фара у «Москвича» разбита и крылышко помято. Дальше все пойдет как по маслу. Ясное дело?

— Наполовину ясное, а наполовину темное.— Андрей посмотрел на фотографию.— Откуда родом этот велосипедист? Где проживал?

— Без роду, без племени.— Крыж взял фотографию и положил в боковой карман Андрея.— Тебя это не касается. Твое главное дело — выколотить из майора пять тысяч. Пойми, он все отдаст, только бы избежать тюрьмы, не потерять партийного билета.

Андрей почесал бровь над прищуренным глазом.

— Да, дело очень деликатное.

— Я же тебя предупреждал: храбрость немалая требуется.

— И еще какая!.. А что, если этот майор схватит меня за горло и скажет: «Сукин ты сын, отца родного за пять тысяч продаешь!»

— Пусть скажет. А ты усмехнись ему в ответ и ласково упрекни: «Вас я, гражданин, вас от тюрьмы спасаю, грех тяжкий на свою душу беру». Эх, Андрейка, да я бы на твоем месте всю операцию в полчаса обтяпал!

— А почему вы, дядя Любомир, сами не пойдете к этому майору и не обтяпаете его?

— Нельзя мне в такие дела соваться. Человек я приметный в Яворе, а ты... он тебя завтра встретит на улице— не узнает. Ну, пойдешь или струсил? — Крыж поднялся.— Поищу храброго.

— Согласен. Пойду,— решительно сказал Андрей Лысак.

— Если пойдешь, так иди сейчас. Василий Петрович в это время всегда дома, отдыхает. Иди, а я тебя здесь подожду.

— Один вопрос, дядя Любомир. Скажите, как вы раскопали всю эту историю?

— На ловца и зверь бежит. Такие истории меня хлебом всю жизнь кормят. Иди, не задерживайся.

Не переодеваясь, в помятом пиджаке, в несвежей рубашке, опухший от вчерашней пьянки и нездорового сна, Андрей отправился с визитом к Василию Петровичу Горгуле.

Крыж был твердо уверен в том, что Андрея Лысака ждет удача. Деньги, которые даст ему помощник начальника станции, будут только началом большого дела, первой зацепкой. Через некоторое время к Горгуле пойдет сам резидент Крыж. Он напомнит Василию Петровичу темные страницы из его биографии, никому в Яворе неизвестные. Вступая в партию, Горгуля объявил, что его отец был мелким служащим. На самом же деле он еще в сороковом году арендовал большие виноградники в Словакии, владел лавкой в Чехии, спекулировал в Румынии и Польше. Крыж также напомнит Горгуле о том, что тот однажды, пять лет назад, проезжая на мотоцикле по шоссе Ужгород — Мукачево, сшиб девочку-школьницу, сломал ей ногу, за что привлекался к ответственности. В заключение Крыж объявит, что ему известно и последнее преступление Горгули: где и когда он убил велосипедиста, как и чем откупился. Майор, конечно, опять испугается и готов будет откупиться новыми тысячами. Нет, Крыж ничего не возьмет. Покачает головой и скажет:

«Не нужны мне ваши деньги, Василий Петрович. Я вам верну и те, которые вы дали сыну убитого вами человека. Верну все до копейки, если каждый месяц буду получать справку: сколько воинских поездов и грузов отправлено в Австрию, сколько вагонов принято из Венгрии и сколько ушло туда, какими грузами обменялся Явор с Чехословакией». Горгуля для приличия поартачится, но, припертый к стенке, согласится служить Крыжу.

Крыж давно, с тех пор как стал резидентом, начал охотиться за Горгулей. Имея такого агента, можно знать почти все железнодорожные тайны Закарпатья, этих главных советских ворот на Венгерскую равнину, в Австрию и Чехословакию.

Изучив Горгулю, его характер, вкусы и привычки, его прошлое, Крыж понял, что помощник начальника станции был уязвим в самом главном: он оказался неправдивым и трусоватым, маскировал свое происхождение. Правда, теперь он пользуется хорошей репутацией. Любит работать. Не болтун и не хвастун. Пьет в меру и главным образом домашнее вино — продукт приусадебного виноградника. На деньги не жадный. Жену имеет скромную и простую. Друзей у него мало, и все такие же, как и он: не обладающие никакими данными, необходимыми кандидату в агенты. Но это обстоятельство не обескуражило резидента. Агентами бывают не только откровенные, законченные подлецы, морально павшие, продажные души. Агентом можно сделать и вполне порядочного человека, скрывающего коекакие свои старые грехи. И этот так называемый порядочный человек представляет гораздо большую ценность для разведки, чем какой-нибудь

подонок. Короче говоря, Крыж стал думать и гадать, как можно в самый кратчайший срок совратить Василия Петровича Горгулю. Придумал довольно простой способ.

Однажды вечером, узнав, что Горгуля отправился на прогулку на своем «Москвиче», Крыж сел на велосипед и помчался за город, на дорогу, идущую из колхоза «Червона поляна» в Явор. Проезжая по глухому проселку туда и сюда, он ждал возвращения Горгули. Майор возвращался домой поздней ночью. Легкий туман перекрывал местами дорогу. Недавно прошедший дождь сделал узкую колею скользкой, опасной даже для профессионалов-шоферов, а не только для любителей, каким был Горгуля. На этом и построил свой рискованный расчет Крыж.

Он ехал, не оглядываясь, по обочине дороги, по внутренней кромке кювета. Свет фар «Москвича» упирался ему в спину, хорошо освещая дорогу. Подъехав поближе к велосипедисту, не уверенный в своих силах, шофер снизил скорость. И на это рассчитывал Крыж. Когда правое крыло машины поравнялось с плечом Крыжа, он резко вывернул руль и закричал, что называется, благим матом, рассчитывая смертельно напугать водителя. Велосипед ударил в фару, разбил стекло, сделал вмятину в крыле. Падая на землю, Крыж ухитрился так приземлиться, чтобы вымазать лицо в грязи, но не причинить никакого ущерба ни своей голове, ни ребрам, ни костям. Распластавшись на мокрой дороге, он ждал, что будет делать Горгуля. Надеялся, что тот не остановится, удерет. Может, конечно, и попытаться помочь сшибленному велосипедисту. Крыж предусмотрел и этот вариант. Он не позволит себе помочь. Симулируя невменяемость, поднимется

с земли и, оглашая ночные поля криками насмерть перепуганного человека, побежит по зеленеющим озимым, скроется с глаз Горгули. Как в первом, так и во втором случае владельца «Москвича» можно шантажировать. В первом случае на том основании, что убил, мол, человека и удрал. Во втором случае: сшибленный велосипедист в горячке, мол, вскочил, пробежал метров четыреста от дороги, потом упал, кое-как дополз домой и там, на руках у родного сына, распрощался с жизнью. Умирая, он, дескать, рассказал, как его сбила машина, имеющая желтый номерной знак «УЧ 13—99».

Горгуля не остановил своего «Москвича», трусливо удрал. Потом он каялся, потом его грызла совесть, не спал он ночами, не знал днем покоя, но все-таки не заявил о своем проступке ни в милицию, ни в автоинспекцию. Боялся, что вспомнится случай на шоссе Ужгород — Мукачево, когда он покалечил мотоциклом девочку. Постепенно совесть Горгули успокоилась, так как ночное преступление не получило огласки, оставалось нераскрытым, никому не известным. Прошел день, другой, третий, и Василий Петрович Горгуля снова хорошо зажил, снова с чистым сердцем с утра до ночи отдавался работе, был примерным семьянином, держал на прежнем высоком уровне свою заслуженную славу одного из лучших работников станции Явор и не чувствовал, что над его головой уже занесен острый топор неумолимого «Креста»...

Марта Стефановна, прервав размышления Крыжа, вошла в комнату, стала допытываться, куда и зачем он послал Андрея.

— За счастьем пошел твой сынок! — засмеялся Крыж.

Он выпроводил хозяйку и, шагая из угла в угол, курил, тревожно прислушиваясь к звукам, доносившимся с улицы.

Загремела калитка. Секунду спустя кто-то легким и стремительным шагом, как добрый, окрыленный вестник, прошел по деревянному крыльцу дома Марты Стефановны, победно хлопнул дверью.

Крыж с очками на кончике носа, не дыша, с застывшей улыбкой на синих, морщинистых губах, смотрел на дверь. Она распахнулась, и в комнату ворвался Андрей Лысак.

— Все в порядке! — сказал он и положил на стол пачку денег.— Три тысячи. Больше в наличии не оказалось. Остальные Василий Петрович пообещал вручить завтра.

Крыж вздохнул и мысленно поздравил себя с очередной крупной победой. Наполнив стаканы вином, он чокнулся с Андреем:

— Выпьем за Велосипедиста. За Велосипедиста... с большой буквы.

— Почему с большой?

— Потерпи, скоро все узнаешь.

Так «Велосипедистом» был окрещен новый кандидат в агенты «Креста» — Василий Петрович Горгуля.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дубашевич, известный в бандеровском подполье под кличкой «Учитель», был определен «Бизоном» первым подручным Джона Файна. В свое время, служа в особой гитлеровской команде, он набил руку на взрывном деле: уничтожал мосты, туннели, вокзалы, железнодорожные депо, водокачки, электростанции, заводские

цехи, фабрики, дворцы культуры, жилые дома и больницы. Дубашевича направили в Явор вслед за «Черногорцем» и тоже кружным путем.

В Линце, дунайском порту Верхней Австрии, «Учитель» был тайно принят на борт самоходной баржи «Альпийская королева», следующей в нижнее течение реки за румынской нефтью. Дождливыми сумерками, когда «Альпийская королева» проходила мимо венгерских берегов, по Среднедунайской низменности, Дубашевич покинул самоходную баржу. С небольшим дорожным чемоданчиком в руках, в подержанной опрятной шляпе, в коричневой куртке, он поздним вечером появился на будапештском вокзале. Купив билет, сел в поезд, отходящий на восток страны, в Дебрецен. Прекрасно владея мадьярским языком, он всю дорогу провел в оживленной беседе с пассажирами, своими попутчиками.

В Дебрецене пробыл недолго, до полудня, пока разыскал попутную машину, идущую в Тиссавара, в очередной рейс с грузом цемента. В пограничный городок Тиссавара прибыли вечером. «Учитель» покинул грузовик на одной из тихих улиц, неподалеку от берегов Тиссы, сказав шоферу, что ему отсюда ближе всего к той конторе, куда он прибыл в командировку.

Сторож и звонарь тиссаварской церкви, стоящей на самом берегу пограничной Тиссы, был старый контрабандист и заслуженный, с довоенных времен, агент иностранной разведки, содержатель тайной квартиры, где когда-то находили себе приют агенты и контрабандисты, идущие через венгерскую границу в старую Чехословакию или Польшу и возвращающиеся оттуда. Он же, этот хозяин транзитной явки, иногда превращался в переправщика. В течение одной ночи он

обычно успевал дважды пересечь Тиссу, туда и обратно.

После того как правый берег Тиссы стали охранять советские пограничники, агент, носящий кличку «Пастух», получил от своего начальства приказ прекратить всякую контрабандистскую деятельность, быть тихим и скромным звонарем, ревностным служителем церкви. Услугами «Пастуха» будапештский резидент Джон Файн пользовался очень редко, лишь в тех случаях, когда надо было переправить через Тиссу особо важного агента и связника.

Вот к этому набожному звонарю и направился Дубашевич, имея шифрованное предписание из штаба разведцентра «Юг», гласящее: «В самое ближайшее время перебросьте на ту сторону подателя сего. Об исполнении немедленно доложите».

Звонарь молча, надев на мясистый нос очки, прочитал шифровку, молча кивнул, приглашая «подателя сего» следовать за собой. По крутой винтовой лестнице, по глухому каменному стояку они взобрались наверх и очутились на пыльной, с крепостными бойницами колокольне.

Не спрашивая гостя, сыт тот или голоден, звонарь поставил перед ним литровый термос, большую банку с гусиным паштетом, положил хлеб, сахар и молча, будто глухонемой, с лицом, не выражавшим никаких эмоций и мыслей, направился вниз. На первой ступеньке железной лестницы Дубашевич задержал нелюбезного хозяина:

— Постойте... Вам ясно приказание?

Звонарь кивнул головой и отвернулся с явным намерением уйти.

— Да постой же ты, чучело! Скажи хоть слово. Долго я просижу в этой дыре?

— Сколько надо, столько и просидишь,— проворчал звонарь.

— Да, но...

— Не беспокойся,— перебил хозяин,— все будет сделано, как приказано.

— Ну, вот и хорошо. Этого я и добивался. Теперь можешь идти.

Оставшись один, «Учитель» подкрепился паштетом, выпил горячего кофе и, устроившись в углу колокольни на подстилке, наброшенной на охапку стружек, стал восстанавливать в памяти маршрут перехода через границу. Тиссаварская церковь стоит на левом берегу Тиссы. Прямо против нее, на правом, советском берегу, — дерево, разбитое молнией, заросшие бурьяном развалины домика бакенщика, Соняшна гора, виноградники. Чуть правее — мост через реку и Явор. Если бы не дождь и не туманная мгла, город был бы виден как на ладони.

Дубашевич знал, что этот участок границы охраняет пятая застава во главе с капитаном Шапошниковым. Ему также было известно от инструкторов из штаба «Бизона», что пограничники пятой заставы отличаются особой бдительностью, что они опытные следопыты, что необыкновенно упорны и выносливы в преследовании, бесстрашны и умелы в бою, способны к тому же разгадывать самые хитроумные приемы перехода границы.

Знал Дубашевич, наконец, и то, что здесь, на участке пятой заставы, недавно потерпела поражение группа таких же наймитов, как и он.

Снаряжая первого подручного в путь, штаб «Бизона» счел необходимым сказать ему всю правду о том, с каким сильным противником ему придется иметь дело. Но сказал он и другое: нет,

мол, такой силы, которую нельзя победить с помощью хитрости.

«Бизон» и его штаб выработали для Дубашевича остроумный план перехода границы. Оттого-то «Учитель», отдавая должное советским пограничникам, не очень тревожился за свою судьбу. Риск и неожиданность, конечно, не исключаются, но шансов на успех больше чем достаточно.

Иностранные разведки неустанно изощряются в приемах засылки своих агентов в Советскую страну. Неистощимо их хитроумие. Главные силы и средства разведцентров всегда направлены на то, чтобы найти оригинальный, до сих пор не употреблявшийся и, значит, не разгаданный способ прорыва через границу и благополучного существования в тылу. Один и тот же прием, как правило, никогда не повторялся, если в первом случае он потерпел неудачу и стал известен пограничникам и органам государственной безопасности.

Вот на этом правиле, вернее — на исключении из правила, и решил сыграть «Бизон». Известно, что бизоновцы боятся шаблона, повторения приемов в своей работе. Именно поэтому, рассчитывал «Бизон», для советской контрразведки будет совершенно неожиданным то, что «шаблонно» спланировал разведцентр «Юг».

Дубашевич должен был прорваться через Тиссу почти так же, как и его предшественник Кларк — «Колумбус», и почти под тем же прикрытием. Посылая его по проторенному, обильно политому кровью своих агентов маршруту, «Бизон» твердо рассчитывал еще и на то, что пограничники пятой заставы, упоенные недавним своим успехом, не ждут прорыва границы на своем участке.

На высокой безлесной вершине, открытой всем ветрам, обогретой жарким весенним солнцем, стояли два пограничника: старшина Смолярчук и рядовой Тюльпанов, переведенный недавно сюда с высокогорной заставы. У их ног лежал Витязь.

Получив согласие капитана Шапошникова, Смолярчук вышел в горы, чтобы на практике поучить молодого солдата искусству розыска нарушителя границы по следу. Так пограничники проводили утро своего выходного дня. Поднявшись на вершину, они долго и пристально вглядывались в безбрежный край весенних гор, альпийских лугов, долин, лесов, вечно затененных ущелий и быстрых белопенных потоков.

Горная весна наконец вступила в свои права и была в разгаре. От перевала к перевалу, по склонам зеленых гор, по долинам и ущельям, по всему горному Закарпатью гремели выстрелы, трубили пастухи в трембиты, стлался густой дым «живой ватры» — костров, зажженных старшими пастухами в знак того, что настал долгожданный час красной весны, что воскресли Полонины и готовы принять дорогих гостей — верховинских пастухов и их стада.

И на Верховине началось праздничное шествие, неповторимое «веснование», «ход на Полонины». Старики, дети, женщины, девушки, одетые во все лучшее, что у них было, провожали пастухов до окраин сел и дальше, в горы.

Все дороги и тропинки, ведущие в горы, забиты гуртами овец, коз, коров, волов, лошадей. Блеянье. Рев. Ржанье. Лай сторожевых собак. Маржина охвачена предчувствием вольной жизни на зеленых просторах. Величавыми голосами продолжают перекликаться трембиты, пастушьи рога.

Гремят выстрелы. Не умолкают бубны, скрипки, свирели. Парубки и девчата поют полонинки:

Ой, пиду я в полонину, там затрембитаю,
Шоб мене було чути на девъяту стаю...
Ой, высока полонинка с витром говорила,
Як бы ей разораты — жито б народила.

Смолярчук повернул голову к молодому пограничнику, который все еще вглядывался и вслушивался в праздничную жизнь гор.

— Знаешь, как это здесь называется? «Веснование», «ход на Полонины». В хорошее время начинается твоя пограничная служба на пятой заставе!

Тюльпанов, не отрывая взгляда от Карпат, сказал:

— Все у меня в жизни начиналось хорошо.

— Все? — недоверчиво спросил Смолярчук.

— Да, все.— Тюльпанов покраснел и улыбнулся.— Если бы даже сегодня не было «веснования», если бы не светило солнце, а шел дождь или снег, гремел гром — все равно день был бы для меня хорошим.

— Это почему же?

— Таким уродился,— пошутил Тюльпанов.— Мать и отец с первого дня моей жизни настроили меня на такую волну, чтобы я видел и слышал только одно хорошее.

— Значит, на границе тебе делать нечего. У нас здесь одним хорошим не проживешь.— Смолярчук глянул на часы.— Пора бы и начинать!

Невдалеке, на южном склоне горы, густо заросшей буковым лесом, послышался резкий продолжительный свист. Смолярчук приложил к глазам бинокль.

— Наконец!.. Пошли, товарищ Тюльпанов. Старайся не отставать.

Витязь был уже на ногах, встревоженно визжал; натянув поводок, рвался вперед.

— Ишь, какой догадливый! Спокойно, Витязь, спокойно!

Спустившись с вершины горы, пограничники попали в старый лес, полный весеннего света, цветов, пения птиц, пчелиного жужжания и аромата разогретой хвои. Витязь, пущенный на обыск местности, обнаружил в густом ельнике тщательно замаскированный велосипед.

— Ну, что мы теперь должны делать? — спросил старшина, глядя на молодого своего напарника.

— Ставить собаку на след, искать велосипедиста.

— Правильно! Так и сделаем. След, Витязь! — скомандовал Смолярчук.— Ищи! Ищи!

Витязь сделал тройной круг по ельнику и, став на след, стремительно рванулся вперед. Преодолел овраг с бурным ручьем на дне. Пробежал поляну, промчался мимо водопада. Вскарабкался на крутой откос. Равнодушно проскочил мимо одной отары овец, догнал другую, с ходу врезался в ее гущу и с ожесточенным лаем бросился на большого барана, стал беспощадно трепать его и вдруг легко содрал шкуру. Под овчиной оказался человек. Витязь бросил шкуру, налетел на обманщика, схватил его за полу брезентовой куртки и свалил с ног.

Смолярчук весело, от души смеялся и, глядя на то, как овчарка треплет задержанного, поощрительно говорил:

— Хорошо, Витязь! Хорошо!

Смеялся и Тюльпанов. Смеялся и белокурый

подпасок, вооруженный огромной трембитой. Смеялись и другие пастухи, опираясь на свои буровато-красные посохи, вырезанные из необыкновенно крепкого и красивого дерева — тисса.

«Нарушитель» лежал на земле вниз лицом, закрыв голову руками. Витязь грозно рычал, положив ему лапы на спину.

— Витязь, ко мне! — скомандовал Смолярчук.

Собака покорно покинула задержанного, подбежала к инструктору, села у его ног, потерлась головой о колено.

Почувствовав себя в безопасности, «нарушитель», то есть пограничник, которому в этом тренировочном поиске выпало на долю обозначать нарушителя, поднялся с земли. Теперь он был весь хорошо виден — худощавый, долговязый, с черной узкой полоской усиков.

— Ну как, товарищ Волошенко? — подходя к «нарушителю», спросил Смолярчук.

Волошенко пожал плечами, скривил губы:

— Ничего особенного... Самая простая дворняжка найдет такого пахучего человека, как я.— Он достал белый платок, набросил себе на голову.— Вы забыли, кто я такой? Я же повар. Повар! Весь с ног до головы пропитан духом жареных котлет, масла, борща.

Снял платок, аккуратно сложил его, спрятал в карман.

— Так что зря не хвастайтесь. Советую записать эту победу Витязя на счет пищевой и вкусовой промышленности.— Волошенко остановился, перевел дыхание.— Товарищ старшина, а какие они... настоящие нарушители границы?

— Всякие бывают. Послужишь — увидишь.

— Куда уж мне!

Волошенко обнял атласный ствол молодой бе-

резки, приложился к нему щекой, нарочито запечалился:

— Все футбольные матчи команда «Трактор» проигрывала, когда я стоял вратарем. В лыжном походе лыжи ломались только у меня. На велогонках портилась обязательно моя машина. Неумелец я — одним словом, неудачник.

Говорил Волошенко серьезно, но глаза усмехались. Смолярчук отлично понимал его. Но Тюльпанов, еще не успевший разобраться в особенностях характера повара, не решился принимать его слова ни как горькую исповедь, ни как безобидное самоунижение.

Волошенко отстегнул от пояса пустую солдатскую флягу:

— Товарищ старшина, разрешите съездить к Медвежьему источнику за квасной водой.

— Поезжайте. Да побыстрее возвращайтесь.

— Есть быстрее возвращаться! — откликнулся Волошенко.

Через минуту он покатил по лесной дороге и скрылся.

Смолярчук и Тюльпанов веселыми взглядами проводили «неумельца и неудачника».

Закурив, Смолярчук сказал:

— Собаки, может быть, и знают, что он повар, а вот люди... Второй месяц кашеварит на заставе, а домой об этом ни слова, ни полслова не пишет.

— Соблюдает военную тайну? — не без ехидства спросил Тюльпанов.

— Стыдится. Как же, на заводе был токарем, а здесь повар!

— Неправильно это,— убежденно сказал Тюльпанов.— Меня, к примеру, хоть столбом поставь на границе — и то буду гордиться.

Смолярчук взглянул на молодого солдата:

— Ты, наверно, со временем будешь неплохим пограничником.

— Что это значит — со временем? — простодушно спросил Тюльпанов.

— Ну, скажем, через полгода. А может быть, и раньше, если не будешь жалеть сил на тренировку Витязя.— Старшина погладил овчарку, потрепал ее острое ухо.— Ум собаки — это труд человека.

Овчарка, повинуясь выработанному рефлексу, вскочила, подняла голову. Смолярчук привычным жестом уложил ее под кустом, сел рядом. Тюльпанов последовал его примеру. Пограничники расположились на зеленеющем косогоре с видом на солнечную Тиссу. Смолярчук достал платок, накрыл им влажное от пота лицо:

— Жарко, Витязь!

Овчарка бережно сняла фуражку с головы старшины, положила ее на землю.

— Спасибо, Витязь.

Тюльпанов был восхищен.

— Вы прямо-таки колдун, товарищ старшина!

— И ты будешь колдуном — наберись терпения.

Наклонившись к уху товарища, он что-то шепнул.

Тюльпанов, волнуясь, поднялся, робко скомандовал:

— Витязь, слушай!

Но Витязь даже головы не повернул к молодому пограничнику.

— Слушай! Слушай! — повторил Тюльпанов.

Витязь лежал с поникшими ушами, прижмурив глаза.

Смолярчук довольно ухмылялся.

— Да разве на такую команду откликнется уважающая себя собака? Нет в вашем голосе, товарищ Тюльпанов, ни власти, ни нежности, ни приказа, ни просьбы. Один пустой звук. Вот так надо командовать, смотрите!..

Лицо Смолярчука стало напряженным.

— Слушай! — сдержанно, вполголоса произнес он.

Витязь вскочил. Голова его с торчащими ушами настороженно поворачивалась во все стороны.

— Хорошо! — поощрил Смолярчук собаку. Повернувшись к Тюльпанову, добавил: — Вот так всегда и командуй. Витязь, отдыхай!

Собака опять легла, удобно устроив голову на вытянутых лапах, не сводя взгляда с инструктора. Смолярчук потрепал замшевые уши овчарки:

— У, зверь! Чего ты смотришь? Привораживаешь? Нет, брат, ничего не выйдет! Кончилась наша дружба. Понимаешь, кончилась!

— Товарищ старшина, жалко, наверно, расставаться? — спросил Тюльпанов.

— Конечно, жалко. Но хватит, отслужил свое. Скоро скажу: прощай, граница! — Смолярчук посмотрел на Тиссу, на весенние виноградники, на расцветающие сады.

Тюльпанов сочувственно молчал. Он уже догадывался, что происходило в душе Смолярчука.

— Товарищ старшина, нару... нарушитель,— вдруг зашептал Тюльпанов.

— Нарушитель? Где? — Смолярчук вскочил, оглядываясь по сторонам.

Встревожился и Витязь.

По тропинке, полого спускавшейся к берегу Тиссы, между двумя рядами цветущего терновника, не спеша удалялась велосипедистка в лет-

нем платье и жакете, с цветком в белокурых волосах.

Смолярчук посмотрел вслед девушке и улыбнулся. В его глазах была нескрываемая нежность.

— Ничего, ей можно нарушать погранзону. Это Алена Дударь. Аленушка. Вернулась из командировки. Две недели отсутствовала. Привыкай. Она три раза в день появляется на границе: контролирует уровень воды в Тиссе. Между прочим, хорошая дивчина.— Помолчав, стесняясь добавил: — Вроде как бы моя симпатия.

— Невеста?

— Почему невеста? Разве я сказал?

— Про такое и говорить не надо: по глазам все видно. Что, разве не угадал?

— Угадал, брат, не буду отпираться. Я о ней сейчас день и ночь думаю, разные планы строю, как мы жить будем в Сибири, где она будет работать, где я.

— Одни строите или вам, товарищ старшина, и Аленушка помогает?

— Так она еще не в курсе дела.

Тюльпанов удивленно раскрыл глаза:

— Как это — не в курсе?

— Очень просто: она еще не знает о моих планах.

— Не знает, что вы на ней жениться хотите?

— Не говорил ей об этом.

Тюльпанов расхохотался.

Смолярчук не нахмурился обиженно, не бросил на товарища осуждающий взгляд; наоборот, поддержал его дружелюбной улыбкой, хотя причина смеха ему была непонятна. Уверенный в своей правоте, он не допускал мысли, что Тюльпанов смеялся над его словами, но на всякий случай спросил:

— Ты чего гогочешь?

— Так...— Тюльпанов сделал серьезное лицо.— Свою женитьбу вспомнил. Целый год, дурак, терзался: пойдет или не пойдет за меня Таня, стою я ее или не стою.

— Ну, вышла?

— А то как же! У нас с ней, товарищ старшина, такая любовь! Рассказать?

— Не надо. Неинтересно про чужую любовь слушать. Про свою сейчас буду разговаривать. Подожди меня тут.

Тюльпанов был разочарован тем, что ему не удалось поговорить о молодой жене.

— Товарищ старшина, я дополнительно потренируюсь,— сказал он.

— Что еще за дополнительная тренировка? — удивился Смолярчук.

— Скоростной бег. Помните, вы говорили, что инструктор должен уметь бегать, как олень? Вот я и хочу потренироваться, чтобы не отстать от Витязя.

— Не возражаю. Тренируйтесь до моего возвращения,— сказал Смолярчук, нетерпеливо поглядывая на Тиссу.

— Я хочу за велосипедом побегать. Можно?

Смолярчук махнул рукой: делай, мол, что хочешь, не до тебя сейчас.

Он потуже затянул ремень, поправил фуражку и направился к Тиссе. Витязю он приказал оставаться на месте.

Алена давно нравилась Смолярчуку. День за днем, неделя за неделей приглядывался к девушке, но объясниться не спешил, полагая, что у него впереди много времени. И вот только теперь, накануне демобилизации, он решил сказать Алене, что хочет жениться на ней.

А как же она... Согласна ли она выйти за него замуж? Об этом Смолярчук даже не думал... Этот вопрос был для него решен год назад, когда он увидел и почувствовал, что нравится Алене. С тех пор ничего не изменилось, казалось ему. В том, что она немедленно согласится на его предложение, он не сомневался. Вообще Смолярчук теперь, когда к нему пришла большая слава, мало в себе сомневался. Он привык верить, что все люди, с какими он соприкасается, относятся к нему с уважением, а часто и с любовью. И Смолярчук немало удивился бы, вдруг обнаружив, что все обстоит не так, как он думал.

По тропинке, проложенной пограничниками и лесниками по крутояру, Смолярчук спустился к дамбе, прикрывавшей равнину от весенних наводнений и бурной Тиссы. В кустах, растущих на откосах дамбы, стоял велосипед, на котором приехала Алена. Смолярчук решил подождать ее здесь.

Покончив со своим делом, Алена сидела на берегу Тиссы, на ребристом остове разбитой лодки, черной от смолы и старости, и, защищая глаза ладонью от солнца, смотрела вверх, в небо. Большая стая голубей, вылетевшая из своих гнездовий, сделала круг над Тиссой и, не страшась, расположилась на песчаной отмели, неподалеку от девушки. Алена достала из кармана горсть каких-то зерен, бросила голубям. Склевав корм, голуби поднялись и улетели.

Когда Алена, тяжело дыша, с прозрачными росинками пота на лбу, раскрасневшаяся от жары, обмахиваясь алой выцветшей косынкой, выбралась на дамбу, Смолярчук вышел из кустов, приложил руку к козырьку:

— Здравия желаю, товарищ гидрограф! — Он

опустил руку, улыбнулся: — Здравствуй, Аленушка. С приездом.

— Здравствуй, Андрей. А я думала... что тебя уже не увижу.

— Скоро уезжаю. Приказ о демобилизации уже подписан. Проводы мне друзья устраивают... Пришла бы к нам на заставу со своими подругами... В субботу вечером, а?

— Приду. Обязательно. И девчат приведу.— Алена заторопилась.— До свидания.

— Постой.— Он положил руку на руль велосипеда.— Аленушка, я хотел тебе сказать...

Позади в кустах послышались шорох и предупредительное покашливанье. Смолярчук растерянно оглянулся.

Раздвинув ветви кустарника, на дамбу вышел пожилой человек с бурым от загара и ветра лицом, в кожаной потертой куртке, с ружьем на плече и топором за поясом. Это был Иван Васильевич Дударь, отец Алены. Лукаво усмехаясь в густые висячие усы, он молча смотрел на смущенных молодых людей.

— До свидания! — приходя в себя, пробормотал Смолярчук и торопливо скрылся.

— Ишь, какой пугливый вояка! — густым басом сказал Дударь, провожая пограничника дружелюбным взглядом.

— Тато, вы прямо как из-под земли выросли,— засмеялась Алена.— Как же вас не испугаешься?

— Ой, дивчина хорошая, помолчала бы ты.— Иван Васильевич вздохнул, достал пачку сигарет, закурил.— Лет двадцать пять назад мне довелось дружить с твоей покойной матерью, царство ей небесное.— Сняв фуражку, он перекрестился.— Умная была дивчина, твоя мать. Все медовые

мои речи внимательно слушала, но... усмехнется бывало, покачает головой: «Только после свадьбы поверю тебе, Иван, а сейчас...»

— Не бойтесь, тато, не народился еще такой человек, какой сумеет обмануть вашу Алену медовыми речами.

Она вскочила на велосипед, спустилась с дамбы и покатила просекой к путевой будке, оранжевая черепичная крыша которой виднелась поверх невысоких елей.

Переменчива погода весной в Карпатах. Час назад на ясном небе не было ни одного облачка, а сейчас с холодной, северной стороны хребтов потянулись вереницы тяжелых снежно-землистых туч, несущих дождь, а может быть, и град. Час назад было тепло, а теперь из ущелья потянуло свежестью, тихий лес недобро зароптал вершинами вековых сосен и солнце перестало греть и светить. Весенние поляны, также недавно нежнозеленые, молодившие Карпаты, потускнели без солнечного света, и стали неприветливыми суровые склоны гор. Одна за другой окутывались облаками и пропадали вершины. Потемнела и покрылась крупными морщинами Тисса.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Отгремела горная гроза, иссяк шумный и обильный майский дождь. Большое мутнокрасное солнце, перечеркнутое черным зигзагом летучей тучки, клонилось к закату. Длинная тень лесистой горы лежала на дворе заставы. В деревьях, падая с ветки на ветку, с листа на листок, шуршали, переговариваясь о чем-то своем, дождевые капли.

В глубине двора заставы над продолговатым кирпичным строением, крытым оранжевой черепицей, курился светлый, веселый дымок. Он поднимался к небу и там медленно таял. Только человек, никогда не смывавший с себя солдатского пота, никогда не изведавший копченой горечи березового веника, мог бы спутать этот сладкий банный дымок с повседневным кухонным.

В жизни людей пятой заставы баня занимала не последнее место.

Солдат, стоявший на наблюдательной вышке, глядя вниз, заулыбался, потянул носом, нетерпеливо переступил с ноги на ногу и произнес почти нараспев:

— Ба-а-аня!

Другой солдат, несущий службу на вершине горы Соняшна, повернулся лицом к заставе, крякнул, прищурился, подумал: «Ну и попарюсь же я сегодня, ну и помоюсь...»

Два майора из штаба отряда, проезжая вдоль Тиссы на открытом вездеходе, увидели банный дым на пятой заставе.

— Стой! — в один голос, не сговариваясь, приказали они шоферу.

Посмотрели друг на друга и, смеясь, сказали:

— Завернем?

Дождь ли, снег ли на улице, мороз или солнце,— в час, назначенный начальником заставы, оживал, наполнялся теплом этот дом под оранжевой черепицей, холодный, темный, необитаемый во все другие дни.

Какое это блаженство — войти в рубленый предбанник, полный головокружительного тепла и аромата распаренных березовых листьев и веток! До чего же хорошо после бессонной ночи, проведенной в горах, под проливным дождем, на бе-

регу реки, в болотных камышах, в лесной глуши, сбросить с себя потное белье! Дышишь так, словно твои легкие увеличились в объеме по крайней мере в три раза.

Густой сладковатый пар наполняет баню. Покатая шершавая цементная плита пола приятно щекочет подошвы ног своим влажным теплом. Буковые бревна, белые, словно костяные, в продольных косых трещинах, проконопаченные мохом, нагрелись так, что к ним нельзя притронуться. Крутые своды запотели, они роняют холодную, освежающую капель. Зеленые березовые листья на спинах моющихся, на цементе, на бревнах...

Смолярчук с удивлением вглядывается в людей, преображенных мыльной пеной, горячей водой и молочными сумерками. Снежной бабой кажется кряжистый, с круглыми плечами и большой головой сержант Абросимов. Вон румяный Тюльпанов. Вот смуглокожий, с густо намыленной головой Умар Бакулатов. Рядом с ним пухлощекий смешливый Волошенко.

— Держись, кто в черта не верует! — закричал Волошенко, выливая из таза горячую воду на раскаленный булыжник калильной печи.

Густое обжигающее облако пара хлынуло к потолку, быстро распространилось по тесной парилке.

Волошенко грозно вознес над головой пушистый, с молодыми березовыми листочками веник:

— Ложитесь, товарищ старшина, и не просите пощады!

Молча, лишь покряхтывая, влез Смолярчук на полок, покорно распластался на дубовых плахах.

Волошенко обмакнул веник в горячую воду, широко размахнулся и нанес старшине пробный

удар. Белая спина Смолярчука стала розовой. После нескольких ударов она покраснела, потом налилась жаром. Волошенко неутомимо поднимал и опускал веник, приговаривая при каждом ударе:

— Это вам, товарищ старшина, за то, что вы такой красивый, за то, что такой высокий и басистый... за то, что бросаете своих друзей и демобилизуетесь...

Волошенко остановился, перевел дыхание, смахнул со лба пот.

— Еще или довольно? — насмешливо спросил он.

— Давай! Хлещи! — сквозь зубы простонал Смолярчук.

И снова Волошенко упруго и хлестко молотил душистым веником раскаленную спину Смолярчука.

— Довольно! — Смолярчук схватил Волошенко за руку.— Ну и ручища у тебя, Тарас!..

Волошенко бросил веник.

— Зря жалуетесь, товарищ старшина. Получили, как полагается демобилизованному, последний банный паек.— Повар вздохнул, поднял таз с холодной водой, словно собираясь его выпить, загорланил: — Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья!..

Мало выпадает праздничного времени на долю солдат-пограничников, живущих днем и ночью, всю неделю, весь месяц, весь год, весь срок службы напряженной, трудной, до предела уплотненной жизнью. И потому они высоко ценят каждый свободный час, умеют делать его праздничным.

Тарас Волошенко не был старожилом заставы, но эту особенность пограничной жизни он почувствовал сразу, чуть ли не с первого дня.

Побывав на банных небесах, Смолярчук опустился на землю. Окатив чистой холодной водой цементный пол, он растянулся на прохладной площадке: отдыхал, набирал силы для второго захода на полок.

Смолярчук привык за годы службы мыться в нескольких водах, париться долго, до полного изнеможения. Не собирался он изменять своим привычкам и сегодня. Наоборот, прощаясь с баней, которую строил своими руками, он решил пробыть здесь долго, как никогда раньше.

Солдат Тюльпанов даже здесь, в бане, ни на шаг не отставал от Смолярчука. Приняв на полке в парильной ту же «пытку», что и его учитель, он лежал теперь рядом со старшиной, прохлаждался.

— Значит, последняя баня,— вздохнув, проговорил он.

Смолярчук молчал. Глаза его были закрыты, руки и ноги разбросаны, дышал он тяжело, с хрипотцой. Притихли и другие пограничники, ожидая, что ответит старшина.

Молчание Смолярчука не смутило Тюльпанова. Он продолжал с присущим ему простодушием:

— Не понимаю я вас, товарищ старшина, как это вы, такой знаменитый пограничник, согласились на демобилизацию? На границе вы первый человек, а что вы будете делать там, в Сибири?

Смолярчук молчал. Взяв жесткую мочалку, он неистово начал тереть намыленную голову.

Как мог Волошенко не воспользоваться таким благоприятным случаем, не вступиться за правду, не раскрыть суть многозначительного молчания Смолярчука!

Серьезно и внушительно глядя на стриженого солдата Тюльпанова, повар сказал:

— Такие люди, как старшина Смолярчук, становятся первыми человеками везде, куда пускают свои корни: в шахте, в эмтеэс, в театре. Понятно?

Все, кто был в бане, засмеялись. Смолярчук, против всеобщего ожидания, тоже засмеялся.

Широко распахнулась дверь, и в светлом проеме предбанника выросла подтянутая, как всегда, фигура начальника заставы.

— Ну как? — спросил капитан Шапошников, вглядываясь в седые сумерки бани.— Горячей воды достаточно? Печь накалена?

Волошенко живо откликнулся:

— Полный порядок, товарищ капитан!

— Обновились с ног до головы!

— Понятен вам намек? — спросил Волошенко, когда ушел капитан Шапошников.— По данным разведки, ожидаются проводы одного нашего демобилизованного товарища. Так что будьте на полном взводе, готовьтесь к вечеру песни и пляски.

Тюльпанов задумчиво посмотрел на дверь, за которой скрылся капитан. Ни к кому не обращаясь, он спросил:

— Интересно, сколько надо служить, чтобы стать начальником заставы?

— Смотря как служить,— сейчас же, не медля ни секунды, словно давно ждал такого вопроса, ответил Волошенко.— Я все три года прослужу и дальше рядового не продвинусь, а вот ты, Тюльпанов... ты через три месяца получишь ефрейтора, еще через три — сержанта, через год — старшину и через пятилетку — генералом станешь.

Молодой пограничник не смутился. Он серьезно, с убеждением сказал:

— Зря ты насмехаешься, Волошенко. Генера-

лом, может быть, и не стану, а вот офицером наверняка буду.

— Не прибедняйся, быть тебе генералом... Ну, кому как, а мне этого удовольствия хватит, сыт по горло! — сказал Волошенко, окатываясь холодной водой и направляясь к двери.

Утих смех в бане, прекратился оживленный говор, у многих пропала охота дальше мыться и париться. Вслед за Волошенко вышел Смолярчук, за ним Тюльпанов, потом и другие.

Так часто бывало. Где Волошенко — там веселый разговор, шутки, смех. Стоило Волошенко зайти в сушилку, как она сразу же превращалась в маленький клуб. Сядет он на скамейку, перед бочкой с водой, врытой в землю, закурит — через пять минут сюда же, к месту перекура, стекается чуть не все население заставы. Запоет Волошенко — всем петь хочется. Заговорит — все его слушают с интересом. Начнет трудиться — у всех руки чешутся. Завидная судьба у этого солдата! Нет пока на его груди ни ордена, ни медали, ни значка, не отмечен он еще ни в одном приказе командования, но уже награжден он своими боевыми соратниками высшей человеческой наградой — любовью. Его любили за то, что он видел веселое и смешное даже там, где оно было глубоко скрыто от других, за то, что никому не позволял зазнаваться, за то, что умел поддержать нечаянно споткнувшегося.

Посидев над бумагами полчаса, Шапошников бросил карандаш, закрыл папку с текущими делами, положил ее в несгораемый шкаф. Не сиделось ему сейчас, в такую погоду, в канцелярии. Он вышел на каменное крылечко, озабоченно

огляделся вокруг. Вершины гор заволакивались облаками, над сырыми лощинами, над Тиссой и в расщелинах скал накапливался туман.

Шапошников спустился с крылечка и пошел по двору, осматривая свое хозяйство. Он остановился у собачьего питомника. В свежепобеленных выгулах было оживленно: покормив собак, пограничники приводили в порядок ошейники, поводки.

Тюльпанов стоял перед Витязем на корточках и вытирал ему глаза белой тряпкой.

— Ну, как себя наш собачий премьер чувствует? — спросил Шапошников, любуясь овчаркой, ее крупной головой с острыми стоячими ушами, ее широкой, сильной грудью, волчьими лапами и длинной, отмытой и тщательно вычесанной шерстью, кажущейся шелковой.

— Хорошо, товарищ капитан.

— Привыкает к вам?

— Так точно, уже привык.

— А Смолярчука забывает?

— Забывает, товарищ капитан,— ответил Тюльпанов и густо покраснел: ему стало стыдно, что соврал.

— Ишь ты, какая у него короткая память! — усмехнулся Шапошников, делая вид, что не заметил смущения молодого солдата.

По двору заставы, недалеко от питомника, прошел Смолярчук. Витязь, прежде чем увидел его, учуял своего друга, услышал звук шагов, непохожий ни на какой другой звук. С радостным визгом и лаем овчарка перемахнула загородку, пронеслась по двору и, подбежав к старшине, бросилась ему на грудь.

Смолярчук не погладил собаку, не сказал ей ни одного ласкового слова, не посмотрел на нее приветливо.

— На место! — строго прикрикнул он на Витязя.

Поджав хвост и опустив уши, обиженно оглядываясь, овчарка вернулась в питомник.

— А память у него все-таки оказалась длинной,— улыбнулся Шапошников.

Будущий инструктор молчал, опустив голову. Теперь даже уши его были красными.

— Не отчаивайтесь, товарищ Тюльпанов,— сказал капитан.— Привыкнет Витязь к вам, если... если сумеете его полюбить, если на «отлично» закончите школу службы собак.

«Сумею. Закончу»,— хотелось ответить Тюльпанову, но он только посмотрел на начальника заставы блестящими глазами.

К Шапошникову подбежал сержант, дежурный по заставе:

— Товарищ капитан! С наблюдательной вышки докладывают: по тыловой дороге следует к нам группа женщин.

— Женщин? — Шапошников прищурился, глядя в ту сторону, откуда доносилась веселая девичья песня.

— Виноват, товарищ капитан,— девушек!..

По яблоневому саду, примыкавшему к заставе, шагала шеренга поющих девчат, одетых в праздничные платья.

Неподалеку от ворот заставы, на лужайке, девчат встретили свободные от службы пограничники, готовые от души повеселиться и повеселить редких гостей.

Волошенко объявил:

— Товарищи! Вечер песни и пляски по случаю проводов старшины Смолярчука считаю...

Он оборвал свою речь на полуслове, увидя по-

явившегося в воротах заставы Шапошникова. Лицо капитана было сосредоточенным, строгим.

Волошенко подмигнул Алене, заговорщически шепнул:

— Доложи, Аленушка, нашему начальнику о цели своего прибытия. Да ласковых улыбок не жалей! Иди!

Дымя папиросой, Шапошников молча смотрел на девушку, направившуюся к нему. По мере ее приближения лицо его теряло строгость, глаза теплели.

Подбежав к Шапошникову, Алена приложила руку к виску, шутя отрапортовала:

— Разрешите доложить, товарищ капитан! Прибыли провожать демобилизованного.

— Очень хорошо! И больше ничего вы мне не доложите? А где метеосводка?

— Извиняюсь.— Алена достала из рукава платья лист бумаги, передала его Шапошникову.— Ожидается сильный туман.

— Это уж мы видим простым глазом, без вашей дальнозоркой науки.

С лужайки, где расположились девчата и пограничники, донесся дружный смех, вызванный, очевидно, какой-нибудь выходкой или рассказом Волошенко. Алена с завистью оглянулась на подруг.

Шапошников посмотрел на часы, потом на горы, уже плотно, до самого подножия, затянутые дымчато-черными густыми тучами.

— Алена Ивановна, я должен огорчить вас и ваших подруг: проводы Смолярчука сегодня не состоятся. Обстановка, как видите, неподходящая.

Туман выползал из ущелий, высокой волной наступал на сады и виноградники, приближался к долине, местами закрывал Тиссу.

Алена вернулась на садовую лужайку к подругам.

По ее лицу Волошенко понял, что «вечер пляски и песни» не состоится.

— Неудача? — спросил он.

Алена кивнула головой.

Из ворот заставы вышел дежурный. Он сильным, зычным голосом скомандовал:

— Федоров, Чистяков, Тюльпанов, Волошенко, к начальнику заставы!

Назвал фамилии всех пограничников, бывших на лужайке, пропустил только Смолярчука.

Один за другим ушли, распрощавшись с девушками, Чистяков, Федоров, Волошенко, Тюльпанов. Исчезли и девчата, их смех уже доносился из нижней, прибрежной части сада, плотно закрытой туманом. На лужайке остались Смолярчук и Алена, которую он удержал. Она стояла среди деревьев на зеленом росистом ковре, в белом цветочками платье, в белых туфельках, в белых подвернутых носках, с крупными сахарными бусами на шее, с атласным белоснежным платком на светлых волосах, сероглазая, белозубая — как вишня в цвету, родная сестра всем этим яблоням, черешням.

Глаз не мог оторвать от нее Андрей Смолярчук, все смотрел и смотрел.... Любил он ее и раньше, но теперь... Какой она хорошей будет женой!

Алена молчала, то перебирая бусы, то разглаживая на голове платок. Она ждала, когда же заговорит Андрей.

Он взял руку девушки и, заглядывая ей в глаза, волнуясь, проговорил:

— Поедем со мной, Аленушка!

— С тобой? Куда?

— В Сибирь, на мою родину. Давно ты мне нравишься, сама знаешь.

Алена освободила руку, рассмеялась, превращая признание Смолярчука в шутку.

— Ехать с тобой? В твою холодную Сибирь? А моя теплая Тисса? А мой старенький батько?

— У нас в Сибири есть реки похлеще твоей Тиссы. Енисей! Иртыш! Обь! Лена! А насчет батька... Я буду и твоим батькой, матерью и сестрой... Всех заменю. Поедем, Аленушка!

Алена серьезно и строго посмотрела на Смолярчука, покачала головой.

— Много ты думаешь о себе, Андрей.

— Немного. Столько, сколько надо! — безмятежно проговорил он и снова потянулся к руке Алены.

Она молча, холодно отстранилась. Он с недоумением и зарождающейся тревогой посмотрел на девушку, не понимая, что с ней происходит. Откуда вдруг такая перемена? Почему она стала такой чужой, неприступной?

Алена горько усмехнулась:

— Андрей, когда ты надумал увезти меня в Сибирь?

— Я все время думал, целый год.

— Очень долго ты думал, Андрей. Так долго, что...— она вскинула голову, и в ее серых глазах вспыхнула безжалостная насмешка.— Надо тебе еще подумать с годик.— Она неожиданно резким и сильным движением повернула Смолярчука лицом к заставе и легонько подтолкнула его в спину.— Иди, думай!

И ошеломленный Смолярчук покорно пошел к заставе.

Алена, побледневшая, кусая губы, смотрела ему вслед. Он уже сделал несколько шагов в сторону

от нее, сейчас хлопнет калиткой и скроется за высоким забором. Надо остановить его, вернуть. Но каким словом? Где оно, это слово, не унижающее, достойное, простое и сердечное?

Алена молчала, глядя вслед удаляющемуся Андрею, и отчаяние терзало ее сердце...

Алена давно полюбила Андрея, давно втайне мечтала стать его женой. Но шло время, неделя за неделей, месяц за месяцем, а он упорно отмалчивался. Ничего не говорил не только о женитьбе, но даже ни одним словом не обмолвился о своей любви. Алена боялась его молчания, оно обижало ее. Алена видела и чувствовала, что она не чужая Андрею, нравится ему. А он все чего-то выжидал, не хотел признаться, колебался. Почему? Не потому ли, что считал ее недостойной себя? Много горьких мыслей приходило в голову Алене все это время, до сегодняшнего дня. Произошло, наконец, то, о чем мечтала Алена. Радоваться бы ей, засиять счастьем, а она... И всему он, Андрей, причиной. Любить не умел, не сумел и поговорить с ней хорошо. Сделал он это не так, как хотела, как мечтала, как ждала Алена,— без всякой радости и волнения, уверенный в том, что она согласится, в полном убеждении, что осчастливит ее. Алена наказала его за самоуверенность. Но ненадолго хватило ей этой мстительной радости. Она смотрела вслед Смолярчуку и думала: а что же дальше будет, завтра, через неделю, месяц? Андрей уедет, а она останется в лесном домике с добродушным ворчуном-отцом, со своей гордостью, ничего не ожидая, ни на что не надеясь. Не загремят, как прежде, каблуки Андрея на дубовом крылечке, не войдет он в ее дом, никогда не увидит она его синих-синих глаз, смуглого лица, не услышит голоса. Алене стало страшно,

ее уже терзало раскаяние в том, что она посмеялась над ним. Может быть, он так долго ничего не говорил о своей любви потому, что стеснялся?..

Смолярчук уже подошел к воротам заставы, уже взялся за черное кольцо калитки, а она все молчала. Вот он открыл калитку, вот...

— Андрей!

Она позвала его очень тихо, но он услышал, остановился. Веря себе и не веря, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, он стоял у калитки, напряженно смотрел на Алену, пытаясь прочитать на ее лице недосказанное. Она только улыбнулась, но он понял все. Понял и со всех ног устремился к ней, желая обнять, поцеловать. Не решился сделать ни того, ни другого, только взял ее руки в свои.

Оба радостно смущенные, стояли они у ворот заставы, на виду у всех солдат, на густой молодой траве. Он держал ее руки в своих руках и, пытаясь заглянуть ей в глаза, которые она упорно не отрывала от земли, спросил:

— Завтра и зарегистрируемся? Хорошо?

— Как хочешь,— откликнулась она таким тихим шепотом, что он скорее угадал ее слова, чем услышал.

— Пойдем на заставу,— сказал он, беря ее за плечи.

— Зачем? — испугалась она.

— Пойдем! Я всем скажу, что завтра женюсь. Всю заставу пригласим на свадьбу. Пойдем!

Он толкнул калитку и, не снимая руки с плеч Алены, ввел ее во двор. Все пограничники, находившиеся в эту минуту на площадке перед казармой, смотрели на них — гордого Смолярчука и смущенную Алену. И все улыбались, догадываясь, какое важное событие произошло в их

жизни. Волошенко не удержался, чтобы не отметить это веселой шуткой. Он зычным голосом, веселым и в то же время торжественным, отдал команду солдатам:

— Внимание! Равнение на-лево, на влюбленных!

Пограничники демонстративно приосанились, вскинули и повернули головы к Смолярчуку и Алене.

Старшина не растерялся и в свою очередь скомандовал:

— Вольно, товарищи холостяки! — Потом, переведя дыхание, добавил: — Можете поздравить нас с наступающим, как говорится, законным браком!

— По-о-оздра-вляем! — громовым раскатом прокатилось по двору заставы.

— По-о-здравляем, поздравляем! — пропел в заключение Волошенко, дирижируя солдатским хором.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Старшина Смолярчук явился в столовую последним, когда вся застава поужинала. Он хотел остаться с глазу на глаз с Волошенко, поговорить с ним по душам, посоветоваться, решить важный для него вопрос.

Повар Волошенко поставил перед старшиной тарелку с жареным картофелем, эмалированную кружку с крепким чаем, положил хлеб и сказал:

— Товарищ демобилизованный, ужинайте не по-старшински, а по-солдатски: раз, два — и готово!

Смолярчук хмуро посмотрел на Волошенко и молча принялся за еду.

Повар виновато усмехнулся:

— Извиняюсь, конечно, за такую холодную речь. Вам сейчас, как жениху, хочется слушать только веселое, свадебное, а я... не имею времени для любезных разговоров: готовлюсь в наряд.— Он помолчал и с гордостью добавил: — Молодой пограничник не назначается в наряд, но капитан мне доверил. И я, конечно, оправдаю доверие.

Когда Смолярчук поужинал, Волошенко спросил его:

— Чем вы расстроены, товарищ старшина? У счастливых не бывает такого выражения.

— Некогда тебе слушать про мое расстройство. Иди в наряд, оправдывай доверие, — невесело сказал Смолярчук и вышел.

Убрав столовую и кухню, Волошенко тщательно помылся, пригладил щеткой торчащие, подстриженные под машинку волосы, подшил к гимнастерке свежий белоснежный подворотничок, почистил обмундирование, оделся и подтянутый, бравый, с сияющими глазами, с напряженным, строгим лицом пошел принимать дежурство по заставе. Через минуту Волошенко с красной повязкой на руке властвовал у телефонных аппаратов, в казарме, во дворе, готовил к службе пограничные наряды.

Смолярчук складывал вещи в чемодан, украдкой наблюдал за товарищем, завидуя его деловитости, его нескрываемой важной радости. Завидовал и, пожалуй, чуть-чуть ревновал. Смолярчук особенно любил этот вид пограничной службы — дежурство по заставе. Всеми до сих пор признавалось, что он отлично справлялся с обязанностями дежурного. Пройдет полгода, год, и все скажут, что Волошенко дежурит не хуже Смолярчука и что Тюльпанов отлично закончил

школу службы собак и отлично работает с Витязем, ни в чем не уступает своему учителю. А может быть, никто ничего не скажет, может быть, никто и не вспомнит старшину Смолярчука... Уедет, и все забудут!

Сложив свои небогатые солдатские пожитки, Смолярчук засунул чемодан под кровать и, убедившись, что в казарме никого нет, подошел к пирамиде, взял свой автомат и привычным жестом погладил его вороненую сталь.

— Что, товарищ старшина, решили попрощаться? — услышал он голос одного из пограничников.

Смолярчук обернулся. Солдат добродушно улыбался, часто мигая светлыми длинными ресницами.

Смолярчук отдернул, как от огня, руку от пирамиды и вернулся к своей койке. Удивительно, какая она мягкая и в каком удобном месте расположена — у самого окна, через которое видны и Карпатские горы, и кусок Тиссы, и виноградники, и восходящее солнце, и вечерние звезды, и шпиль колокольни на той, заграничной стороне! Три года Смолярчук спал на солдатской кровати, а завтра... Демобилизован! Кончилась пограничная жизнь! Поезжай куда хочешь, делай что хочешь. С завтрашнего дня капитан Шапошников вычеркнет тебя из списков личного состава, и ты больше не будешь нести службу в секрете или дозоре. Демобилизован! Твой автомат перейдет к Тюльпанову или другому молодому солдату. На твоей койке, возможно, будет спать тот же Тюльпанов. По дозорной тропе, протоптанной твоими ногами на берегу Тиссы, будет ходить кто-то другой.

Жизнь заставы, пока Смолярчук, сидя на койке, предавался грустным размышлениям, текла

своим чередом. Ушел на границу суровый, неразговорчивый Грачев. Отправился к развилке дорог ефрейтор Березовский. Скрылся в туманной мгле вожатый Чистяков со своей черной, без единого светлого пятнышка, сторожевой овчаркой Тучей. Осторожно, мягко ступая, неслышные, как тени, удалились по направлению к Узкой лощине Ковалев и Ласточкин. Их сопровождал огромный и лохматый Барс. Протопал по тропинке, растворившись в белесой тьме, кряжистый, с квадратными плечами сержант Корж. Готовились уходить на границу Тюльпанов, Федоренко и другие.

Не по себе пограничнику, имеющему на счету тридцать девять задержаний нарушителей границы, сидеть без дела в такую туманную, тревожную ночь, когда все его товарищи взялись за оружие. Может быть, именно в сегодняшнюю ночь в том самом месте, где тебя нет, и попытается прорваться какой-нибудь лазутчик. И если бы ты был там, если бы прикрывал это важнейшее направление, наверняка бы услышал вкрадчивую поступь врага, во-время вырос на его тайном пути, схватил, обезвредил. Это была бы твоя сороковая победа, может быть, самая славная, венчающая твою пограничную службу.

Смолярчук вышел на улицу, сел на скамейку перед бочкой с водой, врытой в землю, закурил и по привычке, нажитой на границе, стал вглядываться в серую мглу, со всех сторон обступавшую заставу. Свежий северный ветер доносил шум горных потоков. На юге, там, где расположилась Цыганская слободка, кто-то играл на скрипке. На левом берегу Тиссы, приглушенный расстоянием и мглистым туманом, звучал церковный колокол, не то отсчитывающий время, не то исполняющий

религиозный обряд. Но вот ко всем этим звукам присоединился еще один. Он был очень слабый, едва слышный, но Смолярчук сразу же уловил его, забыв все остальные. То было тоскливое подвыванье Витязя. Смолярчук вздрогнул, поднялся и скорым шагом направился к вольере. Проходя мимо ярко освещенного и настежь распахнутого окна канцелярии заставы, он увидел капитана Шапошникова.

— Это вы, старшина?

— Я, товарищ капитан... бывший старшина.

— Куда это вы так заторопились, бывший старшина? — спросил Шапошников. Судя по голосу, он улыбался.

— Да вот... Витязь зовет.

Капитан прислушался:

— Да, тревожится собака!

Смолярчук подошел поближе к окну и сдержанно, спокойно, уверенный, что ему не откажут, сказал:

— Товарищ капитан, разрешите мне сегодня нести службу с Витязем.

— Попрощаться с границей хотите?

Шапошников ждал, что скажет старшина. Смолярчук молчал, глядя в землю.

— Разрешаю. Идите. Возьмите с собой Тюльпанова,— не дождавшись ответа на свой вопрос, не без некоторого разочарования проговорил Шапошников.

Туман вплотную приблизился к заставе: не было уже видно не только гор, но и офицерского домика, бани, вышки... Толстым, выше тополей, слоем туман окутал землю. Смолярчук и Тюль-

панов ощупью продвигались вслед за Витязем к берегу Тиссы.

— Товарищ старшина, в который раз вы идете в наряд? — догнав Смолярчука, спросил Тюльпанов.

— Посчитать, так тысячный будет...

— Ого! А я...— Тюльпанов настороженно посмотрел налево, потом направо.— А что вы чувствовали, когда вас назначили в первый ночной наряд?

— В такую погоду, товарищ Тюльпанов, не болтают, а прислушиваются... Вот мы и на границе,— объявил он несколько минут спустя, по-хозяйски оглядываясь вокруг и машинально ощупывая снаряжение и боеприпасы.

Наряд рассредоточился и пошел по дозорной тропе вдоль Тиссы. В голове был Смолярчук с Витязем на поводке. Тюльпанов следовал позади, метрах в десяти от инструктора. Здесь, непосредственно около Тиссы, туман почему-то был реже, в некоторых местах даже были глубокие просветы, открывавшие вид на лес и на гору Сонялшну. Тюльпанов жадно вглядывался и вслушивался. Все казалось ему необыкновенным в эту первую его ночь пограничной службы. Гора Соняшна как будто вплотную приблизилась к границе: протяни руку — и ты коснешься ее. Днем Тиссу совсем не было слышно, а сейчас она шумела в прибрежных ивах и кустарниках, на песчаных отмелях, в огромных валунах, под железнодорожным мостом. Будучи здесь днем, Тюльпанов хорошо познакомился с местностью, но теперь не узнавал ее. Где развалины дома бакенщика? Где дерево, разбитое молнией? Где огромный замшелый камень? Днем, при голубом небе, при солнце, не так гулко звучали шаги на

дозорной тропе. Днем все было яснее, проще, а сейчас... А что это за шорох вон там, справа, где чернеет купа деревьев? Тополя шелестят своими листьями или?.. Что это за шум вон там, слева? Сорвался ком земли в реку или всплеснула вода под неосторожным ударом весла?

Тюльпанов родился и вырос в большом донецком городе и до военной службы ни одной ночи не провел под открытым небом, в горах, у реки или в степи. Чаще всего в полночь он уже крепко спал. Никогда в жизни он не подвергал себя никаким опасностям, оттого он плохо ориентировался и нервничал сейчас, повсюду слышались ему подозрительные шорохи.

Держа автомат наизготовку, Тюльпанов продвигался вперед. Чуть сбившись с тропинки, он наскочил на камень, споткнулся и упал.

— Что случилось? — склонившись над Тюльпановым, шепотом спросил подбежавший Смолярчук.

— Так... ничего...— Тюльпанов поднялся отряхиваясь.

— Переживаешь? — Старшина сочувственно, ободряюще похлопал напарника по плечу: — Терпи, солдат, генералом будешь!

Они снова рассредоточились и молча продолжали движение вдоль границы. Туман отяжелел, отступал, заполняя собой горные ущелья, лесные опушки, лощины и сырые низины, освобождая из своего плена горы, леса и прибрежную равнину. Все небо закрывали плотные темные облака. Через некоторое время середина неба стала светлеть, показалась круглая неяркая луна. Она светила недолго, лишь одно мгновение, но Тюльпанов все же успел заметить на скале, возвышавшейся над Тиссой, две тоненькие, как в бинокле

или стереотрубе, скрещенные черточки. Это железный крест, памятник юноше и девушке, погибшим здесь еще в прошлом столетии. Предание гласило, что они были влюблены друг в друга, но недобрые люди попытались их разлучить. Они не смирились. Их обвенчала по своим обрядам весенняя лунная ночь втайне от людей. Одни лишь соловьи славили их счастье, а ранним утром, перед восходом солнца, муж и жена взобрались на самую высокую скалу и, взявшись за руки, бросились вниз, в ледяную, кипящую пеной Тиссу. Они решили, что лучше погибнуть вместе, чем жить порознь. И после их смерти добрые люди поставили памятник в честь великой любви.

Тюльпанов подумал, что, может быть, влюбленные, перед тем как погибнуть, проходили по этой же тропе, по которой он шел теперь. Интересно, о чем они говорили перед смертью? Проклинали своих палачей? Молились богу? «Я бы воевал, а не бросался со скалы!»

«Скала влюбленных», как ее здесь называли, осталась позади. Тюльпанов снова стал думать о своей службе. А что, если сейчас нарушитель рвется к границе, плывет через Тиссу, затаился между валунами или в кустарнике? Широко открытыми глазами напряженно всматривался Тюльпанов в сумрак ночи, беспрестанно поворачивал голову то влево, то вправо, оглядывался назад. Он хотел слышать все, чем жила ночная граница.

Впереди на обочине тропы из мрака выступило что-то черное, похожее на крадущегося человека. Тюльпанов остановился, направил автомат на подозрительное пятно и условным сигналом подозвал к себе старшего наряда.

Смолярчук и Витязь подбежали бесшумно. Они оба легли рядом с Тюльпановым. Овчарка вела себя спокойно.

— В чем дело? — шепотом спросил старшина.

Молодой солдат кивнул в ту сторону, где темнел силуэт человека:

— Человек стоит.

Смолярчук улыбнулся:

— Дерево это!

Тюльпанов опустил автомат. Он был смущен. Смолярчук утешил его:

— Ничего, не переживай зря. Мне тоже в первое время под каждым кустом нарушитель мерещился.

Издали, из-за Тиссы, опять донесся колокольный звон. Тюльпанов толкнул Смолярчука:

— Откуда это?

— На той стороне, за границей,— спокойно сказал старшина.— Наверно, трезвонят по случаю какого-то праздника.

Пошли дальше. Теперь Тюльпанов осторожно оглядывался по сторонам, терпеливо вслушивался в ночь, боялся еще раз увидеть то, чего не было, поднять ложную тревогу, попасть впросак. Так он прошел метров сто и вдруг явственно услышал шорох в кустарнике. Растерянно остановился, веря и не веря своим ушам, размышляя, надо или не надо просигнализировать старшине. Но тот сам подозвал его к себе.

— Слышишь? — спросил Смолярчук.

— Да,— непослушными губами прошептал Тюльпанов.

Витязь натянул поводок, рвался в кустарник.

— Вперед! — приказал старшина и, обернувшись к Тюльпанову: — За мной!

Увлекаемый стремительным, сильным Витязем,

раздирая лицо и руки колючим терновником, Смолярчук пробился сквозь прибрежный кустарник и выскочил к служебной полосе, откуда доносился шорох. Если враг прорвался через границу, то здесь, на полосе, он обязательно оставил свой след. Смолярчук включил фонарь. Да, на мягкой, рыхлой земле были ясно видны какие-то отпечатки. Опустившись на корточки, старшина начал внимательно их изучать. Тюльпанов с волнением смотрел на работу опытного следопыта.

— Нарушитель?

— Четвероногий нарушитель. Дикий кабан на водопой побежал. Поставь вешку.

— Это зачем?

— Для приметы.

Тюльпанов осторожно, стараясь не шуметь, срезал ветку, воткнул ее в податливую землю.

— Ну, а теперь пойдем своей дорогой,— сказал Смолярчук.

Они вернулись на дозорную тропу и снова медленно продвигались вдоль Тиссы, тщательно проверяя служебную полосу. В нескольких метрах восточнее погранзнака № 361 пограничники остановились. Их внимание привлекли отпечатки копыт лошади, ясно видневшиеся на черной, хорошо обработанной почве. Смолярчук опустился на корточки, молча изучал следы. Тюльпанов ждал, что старшина поднимется и спокойно скажет: «Конь на водопой прошел». Старшина молчал.

— Что, ненастоящий конь? — потеряв терпение, спросил Тюльпанов.

— Похоже на то.

Продолжая изучать след, Смолярчук встревоженно задумался. Чей конь мог оказаться здесь ночью, у самой границы? Следы были только в одном направлении — в нашу сторону. Если

конь колхозный, то не мог же он перелететь к Тиссе по воздуху, а обратно вернуться по земле. Где следы к реке?

Смолярчук вытер о росистую траву испачканные сырой землей руки, поднялся:

— Смотри в оба, Тюльпанов!

Молча, настороженно, готовые каждое мгновение нападать и обороняться, они пошли по следу лошади. Витязь вел себя все более беспокойно, рвал поводок, поднимал щетиной шерсть и тихонько визжал от нетерпения. Смолярчук и Тюльпанов пошли быстрее, почти побежали. Из прохладной прибрежной мглы выступили виноградники нижнего, подошвенного края горы Соняшны. Витязь бросился вправо, Смолярчук включил фонарь, осветил прибитую вчерашним ливнем землю. На ней чернели свежие глубокие отпечатки больших башмаков с подковами на каблуках и рубчатыми пластинками на носках.

— Нарушитель!

В большую спальную комнату заставы, грохнув входной дверью, ворвался дежурный Тарас Волошенко:

— В ружье!

Полетели кверху простыни, одеяла. Все отдыхавшие после наряда пограничники в одно мгновение вскочили с кроватей. Все одновременно оделись, обулись, вооружились.

Волошенко, исполненный величия, побежал дальше. Ему навстречу спешил, застегивая на ходу гимнастерку, начальник заставы.

Волошенко был так взволнован, с таким чувством исполнял свою службу, что сразу не мог доложить капитану о происшествии на границе,

начал заикаться. Наконец, оправившись от волнения, он отрапортовал:

— Товарищ капитан! Рядовой Тюльпанов докладывает от ориентира пять: в нескольких метрах восточнее погранзнака номер триста шестьдесят один обнаружен след нарушителя, идущий в нашу сторону. Застава поднята по тревоге. Смолярчук преследует нарушителя в направлении лощины Сырая.

Шапошников спокойным, уверенным движением правой руки отдернул шторку, закрывавшую схему участка границы пятой заставы и прилегающего к ней района. В его распоряжении были считанные минуты, надо хотя бы вкратце оценить обстановку. Доставая бинокль, планшет, запасные обоймы к пистолету, гранаты, ракетницу и патроны к ней, Шапошников размышлял. След обнаружен у погранзнака № 361. Нарушитель направился в неприкрытую нарядами лощину Сырая. Как он пойдет дальше? Скорее всего, не покинет удобную лощину: она в густых зарослях, с ручьем на дне, мшистая, а верхний ее конец почти упирается в проселочную дорогу, которая выводит на Яворское шоссе. Шапошников принял решение закрыть дополнительными нарядами границу и бросить группу пограничников в тыл, наперерез нарушителю. Приказав дежурному по заставе доложить в штаб комендатуры обстановку и свое решение, капитан Шапошников сел на коня и помчался по направлению лощины Сырой, по пути Смолярчука.

«Учитель» и «Пастух» покинули колокольню еще в тот час, когда туман сплошь покрывал Тиссу и ее плоский левый берег. Пробирались

к реке почти на ощупь, рискуя напороться на венгерский пограничный патруль. Здорово помогла жена «Пастуха» своей работой на колокольне: ориентировались в белесой темноте по колокольному звону. Совсем рядом слышался колокольный гул, а громады каменной церкви все-таки уже не видно: вся, от подножия до вершины, поглощена туманом.

Самый зоркий пограничный глаз не обнаружил бы сейчас, в тумане, «Пастуха» и «Учителя».

На спинах у лазутчиков тяжелые рюкзаки, за поясом гранаты, в карманах пистолеты, а шли они стремительно и бесшумно, невидимые и неслышимые, как существа, туманом порожденные и в тумане живущие. Они появились у самой кромки тисской воды. Здесь было немного светлее, чем всюду, потому лазутчики и выделились из серой мглы своей черной одеждой. Дубашевич, сняв свою поклажу, осторожно опустил ее к ногам своего спутника. Тот быстро, умело распустил ремни вьюка, который оказался небольшой резиновой лодкой, снабженной баллончиком со сжатым воздухом. Звонарь открыл запорный краник, и лодка начала быстро вспухать, вырастать, округляться.

«Пастух» дернул «Учителя» за полу пиджака: приготовься, мол.

Лодка бесшумно скользнула на воду. Ловко балансируя, «Пастух» переступил через ее борт. Дубашевич сделал то же самое, и лодка отчалила. В тумане надрывался колокол.

Быстрое течение Тиссы вынесло лодку к правому, высокому берегу Тиссы, заросшему кустарником. Дубашевич направил автомат на темные клубы кустов, а переправщик зацепился багром за подмытые корни ивы и, присев на корточки,

озираясь, готовый отдать концы при обнаружении пограничников, осторожно пришвартовывался.

— Не заблудились? — глядя на светящийся компас, по-немецки спросил Дубашевич.

Переправщик покачал головой:

— Не беспокойтесь. Колокол гудит левее. Значит, нас вынесло куда надо.

«Пастух» отстегнул притороченные к поясу лошадиные копыта, надел их на руки и на ноги и на четвереньках вышел из лодки, подставил спину «Учителю». Тот оседлал проводника. Стараясь не коснуться ногой земли, он повернул «лошадь» к берегу. Инструкция «Бизона» обязывала его перейти границу только так — верхом на переправщике. Дубашевичу не было известно, что «Бизон» заставил его повторить прием Кларка.

«Пастух» с расчетливой равномерностью, по-звериному принюхиваясь к воздуху и прислушиваясь, не донесет ли ночной ветер запах солдатской шинели, насквозь пропитанной дымом махорки, не захрустит ли ветка под ногой пограничника, продвигался вперед. Все было тихо.

Благополучно прошли служебную полосу. Миновали давно не сеянные и не паханные, одичавшие земли запретной пограничной зоны, выбрались в виноградники — и все без остановки, без отдыха. «Пастух» дышал тяжело, почти хрипел, силы его были на исходе, спина мокрая, но он шел и шел вглубь советской территории.

— Довольно! — шепотом скомандовал Дубашевич.

«Пастух» остановился. «Учитель» осторожно спустился на землю, сел рядом с переправщиком,

обнял его за плечи, достал из кармана флягу с коньяком:

— Подкрепись!

«Пастух» взял флягу, жадно, не переводя дыхания, выпил почти все ее содержимое.

— Пройди еще немного вглубь территории, а потом можешь возвращаться на свою колокольню. Прощай! — сказал Дубашевич.

— А как же груз? — «Пастух» слегка встряхнул плоским вьюком, прикрепленным к его спине.

— Тащи назад, после разберемся. Иди!

— Прощайте! Дай вам бог...— зашипел в ухо «Учителю» переправщик.

«Царство тебе небесное, звонарь»,— мысленно проговорил «Учитель» и скрылся в тумане. Отпечатки своих ног он обрабатывал химикалиями.

Преследуя врага, Смолярчук видел, что Витязь уверенно идет по свежему, горячему следу. Овчарка с минуты на минуту настигнет нарушителя.

Витязь потащил Смолярчука за собой по крутому горному склону, ринулся в темный лес.

Тюльпанов долго и самоотверженно бежал за Смолярчуком, но потом почувствовал сильную усталость. Несмотря на свою настойчивость и желание быть рядом с инструктором, он с каждой минутой все больше и больше отдалялся от старшины. Скоро он пошел шагом и вовсе отстал. Смолярчук уже скрылся. Стыдно было своей слабости, но ничего не мог поделать с собой. Напрасно страдал Тюльпанов: он еще не знал, что самый выносливый, натренированный бегун не мог бы угнаться за Смолярчуком.

Отдышавшись, Тюльпанов побежал дальше. Старшина был далеко впереди.

Витязь набавлял и набавлял скорость. Уже и Смолярчук с трудом поспевал за ним. Выдержать такой темп погони можно было еще пять, от силы — десять минут. Действительно, скоро Смолярчук натянул поводок, схватился за дерево, чтобы удержать Витязя и передохнуть. Овчарка остановилась, взвившись на задние лапы. Тяжело дыша, обливаясь по́том, Смолярчук вглядывался в лес, не затаился ли где-нибудь под елкой нарушитель. Как будто никого, все тихо. Не веря тишине, Смолярчук отстегнул поводок с ошейника Витязя и послал его вперед:

— След, след! Ищи!

Получив свободу, овчарка во весь дух помчалась по направлению темного ельника. Переправщик, затаившийся там, вскочил, побежал к толстой сосне, чтобы под ее прикрытием застрелить собаку. Он уже вскинул пистолет, но выстрелить не успел. Витязь прыгнул, впился зубами в правую руку нарушителя так, что тот взвыл от боли. Он бросил оружие, избивая собаку ногами, пытаясь оторваться от нее...

Подбежавший Смолярчук навалился на врага, связал его. Потом он приказал овчарке «сидеть» и выстрелил из ракетницы, давая знать начальнику заставы, что преследование завершилось успешно. Витязь покорно сидел у ног старшины. Он весь дрожал от злости, от неутоленного инстинкта борьбы.

Пробравшись через заросли, на поляну выскочил Тюльпанов. Увидев связанного нарушителя, остановился. Первый раз в жизни видел он живого врага.

— Смотри на этого громилу,— сказал Смоляр-

чук,— и запоминай, какой он, твой первый задержанный нарушитель.

— Да разве я...

Правдивое лицо молодого пограничника ясно отражало все, что творилось в его душе. Поборов смущение и растерянность, он твердо заявил:

— Товарищ старшина, нету никакой моей доли в этом задержании.

Нарушитель тяжко застонал, захрипел.

Не подозревая о том, что загнанный враг умирает, Смолярчук с презрением взглянул на него через плечо.

В это время, ломая кустарник, на лесную поляну выскочил вороной с белой звездой на лбу конь. На нем, будто влитый в седло, сидел Шапошников. Смолярчук доложил:

— Товарищ капитан, нарушитель границы задержан. Живого схватили.

Начальник заставы спешился и остановился перед нарушителем. Тот был уже мертв.

Шапошников перевел вопросительно удивленный взгляд на обескураженного Смолярчука.

— Был живой, товарищ капитан. Честное слово! — оправдывался старшина.— Ни одной раны на нем не найдете.

Шапошников пощупал пульс нарушителя, посмотрел на его зрачки:

— Паралич сердца или... отравился.

— Когда же он успел? Руки-то ведь у него связаны.

Шапошников осторожно достал из подсумка диверсанта гранату, разрядил.

— Матерый! — сказал он.— Куда пробирался? Какое имел задание? — Помолчав, он протянул руку молодому солдату: — С хорошим началом,

товарищ Тюльпанов. А вас, старшина, с круглым счетом. Сороковой!.. И последний.

— Насчет того, что сороковой, не возражаю, а вот насчет последнего...— Смолярчук одернул гимнастерку, пригладил волосы и принял стойку «смирно».— Товарищ капитан, прошу вас ходатайствовать перед командованием, чтобы оставили меня на сверхсрочную.

Шапошников протянул руку старшине:

— С удовольствием поддержу вашу просьбу, товарищ Смолярчук.— Он помолчал, добавил с улыбкой: — Признаться, я до самой последней минуты не верил, что вы распрощаетесь с заставой.

— Мог бы и распрощаться, если бы... если бы не понял, что я еще не потрудился на границе по-настоящему.

— Ну, это вы зря! Разве не настоящий это труд? — Шапошников кивнул на мертвого диверсанта.— Обезвредить сорок таких негодяев! Вы, может быть, сегодня предотвратили взрыв электростанции или крушение поезда...

— Так-то оно так, конечно...— сказал Смолярчук.— Но все-таки я кое-что еще не доделал на границе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На ранней утренней заре генерал Громада, полковник Шатров и майор Зубавин прибыли в Черный лес, где лежал труп нарушителя границы. Там уже, кроме начальника заставы и его пограничников, был начальник штаба отряда. Выслушав его доклад, Громада спросил, глядя на труп:

— Один шел?

— Пока неизвестно, товарищ генерал.

— Немедленно организуйте обратную проработку следа.

— Слушаюсь! Разрешите выполнять приказание?

— Выполняйте. Жду ваших донесений в райотделе.

Через несколько минут начальник штаба отряда в сопровождении капитана Шапошникова, старшины Смолярчука и его розыскной овчарки скрылись в лесу.

Громада сердито пыхнул своей неугасимой трубкой в сторону Шатрова и Зубавина и с досадой сказал:

— Испортили вам зеленые фуражки всю обедню, товарищи чекисты. Ничего уже не скажет нарушитель, куда и к кому шел. Ни одной огнестрельной и штыковой раны, а все-таки мертв.

Громада дал знак пограничникам, охранявшим труп, отойти в сторону.

Генерал, полковник и майор с одинаково брезгливым выражением лица подошли к цветущему кизиловому дереву, под которым нашел себе последний приют «Пастух», прослывший неуловимым переправщиком и контрабандистом. Рукав его куртки и штанина изорваны в клочья зубами Витязя. Лежал он лицом к небу, судорожно подвернув под крестец связанные руки. Короткие толстые ноги, перевитые веревками, подтянуты чуть ли не до подбородка. Дряблые щеки напухли, почернели. Мясистый нос с бородавкой на правой ноздре переместился с центра лица, скособочил его. На отвислой накусанной губе запеклась черная кровь. Маленькие, глубоко проваленные глазки накрыты массивными, в роговой

оправе очками. Бурогрязные волосы мертвеца, его темная куртка, грудь, голова, лицо, руки и ноги — все обсыпано бледножелтыми лепестками опавших цветов кизилового дерева.

— Это он или не он? Тот, кого ждем, или не тот? — Громада подошел к ближайшей елке, выломал мохнатую ветку и тщательно, до последнего лепестка, смахнул с трупа кизиловый цвет.— Вот теперь другое дело. Чистая натура. Без всяких прикрас. Мордоворот.— Громада обернулся к Зубавину.— Труп передается в ваше распоряжение, товарищ майор. Грузите его и отправляйте к себе. Все, что надо сделать дальше, мы сделаем там, у вас. Поехали!

Похлестывая по голенищу своего сапога еловой веткой, Громада направился к машине.

В Яворе, в райотделе МГБ, труп нарушителя был прежде всего подвергнут тщательному обыску.

Нелегкое было это дело. Надо прощупать сотни метров швов одежды — не вделана ли в них мягкая полоска тщательно сложенной бумаги, на которой начертаны шпионские сведения. Надо вспороть всюду, где она есть, подкладку — не хранится ли за ней инструкция. Надо терпеливо разрядить все патроны, обнаруженные у нарушителя,— нет ли в одном из них шифровки. Надо отодрать подошву на башмаках, стельку, задники, набойки на каблуках — не хранится ли за ними какое-нибудь чрезвычайно важное доказательство вражеской деятельности нарушителя. Надо вскрыть крышку часов, осмотреть сквозь лупу механизм — не втиснут ли туда умелой рукой мастера какой-нибудь приказ разведцентра. Надо тщательно осмотреть все банкноты валюты — нет ли на них тайнописи. Надо, нако-

нец, исследовать каждый предмет, обнаруженный у преступника,— не поможет ли он разгадать какую-то тайну. И, наконец, надо произвести вскрытие, произвести лабораторный анализ содержимого желудка.

После усердного, продолжительного труда Зубавина и его помощников на столе, накрытом солдатской плащ-палаткой, было выложено: портативная рация, шифры и коды, график приема и передачи радиограмм, крупная сумма денег, паспорт, военный билет и колхозная справка на имя Андрея Андреевича Солончака, пистолет, патроны к нему, две гранаты, нож и зашифрованное письмо из разведцентра, адресованное «Гомеру». «Двадцать первый» подробно, с самым серьезным видом инструктировал своего резидента-приманку.

Пока врач в медчасти погранотряда делал вскрытие трупа (при беглом, поверхностном его осмотре он заключил, что нарушитель отравился), Громада и его спутники расположились в кабинете Зубавина.

— Ну вот, теперь у нас полная ясность,— сказал Зубавин.— Теперь убедительно доказано, что Батура — резидент.

Громада ответил майору тем укоризненным взглядом, каким суровый отец останавливает недальновидного сына,— молчаливым, но предельно красноречивым. «Рано радуешься, сынок»,— говорил этот взгляд.

Шатров сидел в углу дивана, сосредоточенно глядя в стакан с чаем. Губы его были плотно сжаты, скулы окаменели. На висках вздулись синеватые извилины. Он размышлял, анализировал, сомневался, угадывал, доказывал, опровергал себя, убеждал.

Взгляд генерала и отчужденное молчание полковника смутили Зубавина. «В чем дело? — с тревогой подумал он.— Почему даже теперь они не соглашаются со мной? Почему не убеждают их и такие веские доказательства, как рация, деньги, новая инструкция разведцентра?» Не в привычке Зубавина было отметать вероятную версию, не убедившись окончательно в ее несостоятельности, и потому он продолжал с прежней видимостью уверенности:

— Мне кажется, Батура для нас теперь не представляет никакого оперативного интереса. Надо его арестовать и судить. Доказательств преступления больше чем требуется.

— Именно,— подхватил генерал слова майора,— больше чем требуется. Вот это, Евгений Николаевич, мне и не нравится.

Полковник Шатров не откликнулся и сейчас: молчал, не отрывая взгляда от стакана с холодным чаем.

— Что вам не нравится, товарищ генерал? — все более внутренне настораживаясь, спросил Зубавин. Вопрос был задан по инерции. Он уже догадывался, что не нравилось генералу.

— Посмотрите потрезвей, Евгений Николаевич, на эту груду вещественных доказательств,— сказал Громада.— По-моему, здесь не все ладно скроено и не все прочно сшито. Разве разведцентр не понимал, что если все это попадет в руки нашей разведки, то провал резидента и его агентуры обеспечен?

Громада выдохнул дым из своей черной трубки в сторону Шатрова и сейчас же разогнал его рукой.

— Товарищ полковник, ваше слово!

Шатров поднял голову, рассеянным взглядом окинул шпионское снаряжение, разложенное на столе:

— И мне не нравится все это, товарищ генерал. Но больше не нравится другое. Почему и когда отравился этот посол «Двадцать первого»? Мне скажут, что он раскусил ампулу с ядом, не желая попасть живым в руки пограничников. А я не соглашусь.

Зубавин понял весь сложный ход мысли Шатрова. Он уже был в состоянии ответить на вопрос, поставленный Шатровым, но молчал: считал недостойным воспользоваться плодами чужих размышлений.

— Почему я не соглашусь с такими возражениями? — продолжал Шатров.— По двум причинам. Первая: во рту нарушителя мы не обнаружили осколков ампулы с ядом. Вторая: идя по следу нарушителя, мы видели, каким тяжким был его путь, особенно последние двести метров. Так, как шел он, мог идти только смертельно раненный. Да, скажут мне, но в самый последний момент, при задержании, он бешено сопротивлялся, пытался застрелить собаку. Это ничего не значит: отчаяние придавало ему силы. Значит, пограничники связали нарушителя в тот момент, когда он уже агонизировал... Значит, он отравился задолго до того, как почувствовал безвыходность своего положения. Спрашивается: зачем и по каким причинам он это сделал? — Шатров усмехнулся.— Жизнь надоела? Вряд ли. Надо искать другую причину. Она, на мой взгляд...

Шатров замолчал, пристально глядя на входившего в кабинет капитана — начальника медчасти погранотряда. Военврач положил перед ге-

нералом лист бумаги — заключение о результатах вскрытия трупа. Громада молча, внимательно прочитал его и сказал:

— Наши предположения подтверждены. Яд принят вместе с коньяком за два часа до наступления смерти.

— И яд, конечно, принят не добровольно,— подхватил Шатров.— Кто-то влил в коньяк медленно действующую отраву. Кто же? Тот, кто направлял эту рабочую скотину, кто затеял с нами большую игру. Короче говоря, товарищи, я теперь окончательно убежден в том, что разведцентр Крапса нас до сих пор дурачил. «Гомер» не резидент, а огромное чучело. И этот, отравленный, не связник, а декорация. И оба они — прикрытие операции «Горная весна», атака на ложном направлении. Крапс пожертвовал малым, чтобы спасти большее. Цель оправдывает средства. Что же нам делать? — спросил Шатров, глядя на генерала.

Несмотря на всю важность вопроса, Громада засмеялся:

— А то самое, что и раньше. Позволять себя дурачить. То есть делать вид, что считаем резидентом «Гомера», а тем временем принимать энергичные меры к поискам настоящего и нащупывать исходные позиции «Горной весны». На что рассчитывал разведцентр, посылая этого лжесвязника к лжерезиденту? По-моему, Крапс был уверен, что его посол попадется, что мы не захватим его живым и что возликуем, обнаружив при нем столько доказательств того, что он шел к резиденту Батуре. А каков дальнейший расчет Крапса? Он полагает, что мы должны теперь сосредоточить свое внимание на Батуре. Так не бу-

дем обманывать ожидания «Бизона»! Пусть Батура останется пока на свободе. Он теперь никуда не уйдет от нас и не представляет на данном этапе опасности. По-моему, мы должны вести наблюдение за нищим грубее, демаскированнее и этим самым доказать настоящему резиденту в Яворе, пока неизвестному нам, что мы попались на удочку Крапса. Нет возражений?

Совешание было прервано появлением в кабинете Зубавина начальника штаба погранотряда.

— Товарищ генерал, ваше приказание выполнено. Разрешите доложить?

— Докладывайте.

— При обратной проработке следа нарушителя границы на каменистом склоне горы обнаружен еще один след. Предполагаем, что второй нарушитель преодолел границу верхом на первом.

— Не может быть! — сердито возразил Громада.— После «Колумбуса» вам долго будет мерещиться, что все лазутчики преодолевают границу его способом. Не может этого быть! — повторил Громада.— Примитивно! Шаблонно! Где старшина Смолярчук?

— Пробивается по второму следу. Но он так обработан химикалиями, что его плохо берет Витязь. Одна надежда на следопыта Смолярчука. Какие будут приказания, товарищ генерал?

Громада повернулся к Шатрову и Зубавину:

— Поехали на границу!

Начался, как обычно бывает в таких случаях, поиск.

Длительные, многодневные поиски, организованные силами пограничных войск на широком фронте, закончились безуспешно. Второй нарушитель границы бесследно исчез.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Та часть плана «Горной весны», которая относилась к Дубашевичу, первому подручному Джона Файна, предусматривала смерть переправщика. Дав ему отравленного коньяку, Дубашевич, он же «Учитель», попрощался с «Пастухом» и уже один, на свой страх и риск, продолжал продвигаться вглубь советской территории по курсу, проложенному «Бизоном». Он обошел город Явор глухой стороной и по колхозным садам выбрался к Каменице, на берегу которой лежала железная дорога. Воспользовался первым товарным поездом и направился на север. Там, высоко в горах, на одной из глухих станций, покинул товарный и пересел в пассажирский Явор — Львов. Ранним утром он был во Львове. Здесь, в большом городе с его многотысячным населением, Дубашевич почувствовал себя в безопасности. План «Бизона» обеспечивал ему во Львове надежный приют. Его принял у себя на квартире механик одного из гаражей Львовской железной дороги и давний, с пилсудских времен, агент бизоновской разведки. Хозяин тайной квартиры накормил Дубашевича завтраком, уложил спать. Через несколько часов он разбудил гостя, положил перед ним пачку бумаг:

— Вот все ваши документы. Можете оформляться на работу.

Изучив документы, искусно подделанные на имя Ступака Николая Григорьевича, шофера первого класса, уроженца Киевской области, «Учитель» оформился на работу. Оформление сошло гладко, так как производил его все тот же содержатель тайной квартиры. Ступак был зачислен на должность шофера, получил под личную от-

ветственность мощный лесовоз, командировочные деньги, удостоверение, путевку, запасся горючим, продовольствием, положил в кабину свой старенький чемоданчик и отправился в дальний рейс — в Закарпатье, в Яворский район, где львовские железнодорожники самостоятельно, своими силами разрабатывали отведенный им лесоучасток. Перевалив Карпаты, «Учитель» среди бела дня покатил по земле, которую неделю назад прошел и проехал тайно, глухой ночью.

В Яворе он заехал в магазин Книготорга, купил для видимости путеводитель по Закарпатью. Одновременно, как и обязывала его инструкция «Бизона», он успел сообщить «Кресту» на зашифрованном языке следующее: «Я, «Учитель», агент разведцентра, как видите, в целости и сохранности прорвался через границу, легализовался и уже выполняю свою долю плана «Горной весны».

Крыж, со своей стороны, ответил «Учителю» условным сигналом, означавшим: «Я все понял, ваш руководитель «Черногорец» тоже благополучно прорвался в Явор и шлет вам свой привет и приказания: действуйте, как договорились. Если будут затруднения, приходите сюда, и вы получите от меня инструкции «Черногорца».

Ступак покинул магазин и поехал дальше.

Лесоучасток, в который был командирован Ступак для вывозки к железной дороге заготовленного леса, находился в высокогорном ущелье Черный поток. Начальник участка и его контора располагались значительно ниже, на дальних подступах к Явору, в бывшем охотничьем доме какого-то венгерского графа.

Ступак явился к начальнику участка инженеру Борисенко, доложил о своем прибытии. Тот

шумно обрадовался и долгожданному пополнению небогатого машинного парка и бравому виду шофера.

— Замечательно! Прекрасно! Ели? Пили? Устали с дороги?

— Вы обо мне не беспокойтесь, товарищ начальник. Я двужильный и не такое могу вытерпеть. Бывший фронтовик, одним словом.

— Фронтовик — тоже человек. Вы один, без семьи приехали?

— У холостяка не бывает семьи. Какие будут приказания, товарищ начальник? — решительно отклоняя все заботы инженера Борисенко, спросил шофер Ступак.

— Приказываю раньше всего иметь крышу над головой. Куда вас определить? Поближе к поднебесной Верховине или на берегах Тиссы?

— Куда-нибудь поближе к городу, товарищ начальник. Я хочу вечерами учиться.— Ступак поскреб ногтем мозолистую ладонь.— Поставил я себе большую цель, товарищ начальник: хочу подготовиться в техникум. Прошу определить поближе к городу.

— В близости от города все квартиры заняты. Опоздал, товарищ Ступак. Но ничего, ничего, мы сейчас что-нибудь сообразим.

— Шоферы говорят, что в доме путевого обходчика Дударя еще просторно,— подсказал Ступак.

— Правильно, я и забыл! — обрадовался инженер.— Пошлем тебя к Дударям. Хорошие люди. Иди к ним, скажи, что я послал на временный постой. Хозяева в курсе дела, у нас есть с ними предварительная договоренность.

Ступак категорически мотнул головой:

— Не пойду. Как же так, товарищ начальник,

«иди»? Все-таки первый раз люди увидят меня. Напишите Дударям письмецо

Инженер Борисенко засмеялся:

— О, да ты, оказывается, хотя и шофер, но с бюрократическими наклонностями! Ладно, напишу. И в погранзаставу насчет пропуска напишу. Оставьте ваши документы.

Начальник лесоучастка Борисенко, человек добрый и широкий по натуре, сел за стол и набросал короткую записку, в которой в самых дружеских, теплых тонах просил Ивана Васильевича Дударя и его дочь Алену Ивановну приютить в своем доме на время, на месяц-полтора, очень нужного ему шофера Николая Григорьевича Ступака.

Бросив машину во дворе конторы лесоучастка, взяв чемоданчик и записку инженера Борисенко, «Учитель» направился к Дударю. Он был спокоен и не подозревал о том, что идет навстречу своей гибели.

Дом Дударя стоял у железной дороги, в заповедном лесу, на небольшой поляне, огороженный серебристыми от времени, солнца и дождей пихтовыми слегами.

В углу двора, у самой железной дороги, была окружена штакетником небольшая метеостанция — хозяйство Алены, дочери Ивана Васильевича и жены старшины Смолярчука.

Алена с блокнотом и карандашом в руках переходила от прибора к прибору, записывала показания термометра, гидрографа, барографа. Из лесной чащи, быстро нарастая, донесся веселый свист и звучный топот тяжелых сапог о твердую землю. «Андрей!» — обрадовалась Алена. Подбежав к штакетнику, она положила на его зубцы

ладони и заулыбалась, ожидая появления мужа. Из-за деревьев вышел не кряжистый, чуть медлительный и степенный Смолярчук, а высокий, с длинной шеей, быстроногий, одетый в коричневый суконный пиджак человек. В его руках был небольшой чемодан. Алена разочарованно вздохнула, перестала улыбаться, отошла от изгороди и принялась за прерванное дело.

Человек в коричневом пиджаке остановился перед оградой метеостанции, поставил чемодан на землю.

— Здравствуйте! — проговорил он, снимая поношенную, выгоревшую на солнце кепку и проводя ладонью по темным, чуть вьющимся волосам.

Алена на мгновение оторвалась от прибора, скупо ответила на приветствие.

Незнакомый человек не уходил. Он молча смотрел на девушку и улыбался ей так, будто давным-давно и очень хорошо знал ее. Это удивило и смутило Алену.

— Скажите, будь ласка, какая завтра будет погода? — продолжая улыбаться, спросил прохожий.

Несмотря на свое смущение, Алена ответила смело и насмешливо:

— Гром. Молния. Дождь.

— Люблю грозу в начале мая,— продекламировал нараспев прохожий.— Разрешите войти, Алена Ивановна? — Не ожидая ответа, он взял чемодан, толкнул калитку и вошел во двор.— Не удивляйтесь, молодая хозяйка, что я вас знаю, а вы меня — нет. Мне о вас рассказал наш начальник, инженер Борисенко. Он прислал вам письмо. Вот!

Алена достала из конверта записку, прочитала ее.

— Ну, Алена Ивановна, какой будет ваш приговор?

Алена поднялась на деревянное резное крылечко, широко распахнула дверь:

— Заходите, будь ласка, и чувствуйте себя как дома.

Ступак вошел в просторную горницу, залитую майским солнцем. Стены, сложенные из отборной спереки — горной пихты, отливали медовой желтизной. Потолок и полы сделаны из широких плах вековой, в два обхвата, сосны. На дереве нет ни одной капли краски, а все благородно сияет, все чисто и отшлифовано, все источает аромат свежести, неувядаемой новизны, хотя дом стоит, наверно, не меньше чем пятьдесят лет. Похоже, люди здесь только тем и заняты, что с утра до ночи скребут, моют и натирают дерево.

Ступак снял свой коричневый пиджак, повесил его в угол, на деревянный колышек.

— Куда я попал?! — изумился он, оглядываясь вокруг.— Так это же пчелиный улей, а не человеческое жилье! Вот это да! Красота!

Алене было приятно, что гость заметил и должным образом оценил труды ее отца, деревянных дел мастера, и труд хозяйки, ее умелые руки, не жалеющие мыла, щелока и времени.

— Все у нас так живут на Верховине,— сказала она.

— Не все, Алена Ивановна. Я воевал в Отечественную на Верховине, видел зимарки, хижины и хаты, где топят по-черному.

В мирный, сердечный разговор хозяйки и гостя неожиданно вторгся воинственный рокот трембиты. Он доносился откуда-то сверху, через потолок. И прозвучал он так не во-время и так грозно, что даже всегда ко всему готовый Дуба-

шевич испугался и не сумел этого должным образом скрыть. Алена поспешила выручить его:

— Это отец. Не беспокойтесь, товарищ...

— Ступак, Николай Григорьевич... Что это такое? — спросил он, разглядывая потолок.

— Новую трембиту отец пробует. Трембита — это длинная пастушья труба.

— А!.. Он что — трембитный мастер?

— Да. Его каждый верховинский пастух знает! — с гордостью объявила Алена.— Он все свои трембиты делает только из громовицы.

— Громовицы? А это что за диковина?

— Дерево, в какое ударил гром.

— Интересно... Как же это ваш отец ухитряется и трембиты делать и на железной дороге служить?

— Он у нас на все руки мастер. Охотник. Птицелов. Рыбак. Резчик по дереву. Следопыт.

— Молодец! — Дубашевич облизнул пересохшие губы.— Алена Ивановна, водичка в вашем доме найдется?

— Сейчас принесу.

Алена выбежала из горницы. Дубашевич проводил ее глазами. «Хороша!» Он подошел к окну. Отсюда открывался прекрасный вид на тот самый объект, ради которого Дубашевич волею «Бизона» проник в Закарпатье. У подножия лесистой горы чернел полуовальный, отделанный закопченным гранитом зев железнодорожного туннеля.

Стекла в доме путевого обходчика слегка задрожали. Завибрировали под ногами Дубашевича сосновые плахи. Темное отверстие туннеля стало белым, задымилось. Выталкивая облака пара, из гранитных теснин подземелья вырвался паровоз

и ликующе, как живое существо, потряс воздух продолжительным гудком.

Дубашевич достал металлический портсигар, в который был искусно вмонтирован фотоаппарат, заряжающийся микропленкой. Он сфотографировал поезд, выходящий из туннеля, и закурил.

Выбрасывая из-под тормозных колодок искры, товарный поезд с веселым грохотом, залитый весенним солнцем, пронесся мимо дома.

Вернулась Алена с деревянным ковшиком, полным прозрачной родниковой, холодной как лед воды. Ступак выпил, поблагодарил и кивнул за окно, в хвост поезду:

— За границу пошел, к нашим друзьям.

— День и ночь они проходят мимо нас, привыкли мы.

— Зря. К такому великому делу грешно привыкать. Свершилось то, о чем мечтали наши великие учителя! — Гость беспокойно огляделся вокруг: — Так куда вы меня приткнете, Алена Ивановна?

— Сейчас.— Алена высунулась в окно и, подняв голову, закричала: — Тато!

В ответ прозвучал короткий бас трембиты: слышу, мол, говори, что надо.

— Идите сюда, тато, скорее!

По гулкой лестнице, ведущей на второй этаж, на мансарду, послышались грузные, неторопливые шаги. В горницу вошел Иван Васильевич Дударь. Он был одет в старенькую, изношенную форму железнодорожника, но подпоясан брезентовым фартуком, из кармана которого торчали полдюжины тончайших фигурных долотец, стамеска, циркуль и складной метр. За правым ухом мастера торчал необыкновенно солидный плот-

ницкий карандаш с грифелем толщиной почти в мизинец. В зубах была обугленная щербатая трубка — наверно, ровесница, однолетка хозяина этого дома.

Дударь молча уставился на чужого человека. Потом не спеша перевел вопросительный взгляд на дочь.

— Это Николай Григорьевич Ступак. Шофер. Будет у нас жить. Прислал инженер Борисенко.

При упоминании инженера Борисенко строгие глаза Дударя немного потеплели, но он не спешил быть гостеприимным хозяином. Снял фартук, повесил его на гвоздь, отряхнул у порога с одежды завитки стружек.

Дубашевич быстро, украдкой переглянулся с молодой хозяйкой: спасай, мол, на тебя вся надежда.

— Тато, этого человека инженер Борисенко прислал,— повторила Алена.— Шофер. Николай Григорьевич Ступак.

— А!.. Здравствуйте! — Старик протянул Ступаку руку с темной, натруженной ладонью.— Здравствуй, Николай Григорьевич,— повторил Дударь мягче, насколько это ему позволял его грубоватый голос.— Живи, раз инженер Борисенко прислал. Такому человеку, как он, ни в чем нет отказа. Откуда прибыл, Николай Григорьевич?

— Из Львова.

— Что ж, и родом оттуда?

— Нет, подальше, из Восточной Украины. Киевский. Днепровский водохлеб. Степняк.

— Нравится тебе наш горный край или не нравится?

— Очень нравится. Смотрю и не насмотрюсь никак. Большая наша страна, а такой край, как Закарпатье, у нас один-единственный.

— Ты что ж, первый раз на нашей земле?

— Бывал и раньше. В войну.— Дубашевич прикоснулся к правой стороне груди, на которой алел орден Красной Звезды.— Между прочим, вот этой звездочкой я здесь награжден. За тяжелые бои в горах.

Дубашевич, сам о том не подозревая, инстинктивно защищаясь, затронул святая святых Ивана Васильевича — его любовь и благодарность к Советской Армии.

Иван Васильевич посмотрел на грудь фронтовика, на его Звезду, и невольно вспомнились ему картины далекого прошлого: как жил при кровавом хортистском режиме, как издевались над ним, украинцем, в течение всей жизни чужеземные поработители и как однажды, в темную дождливую ночь осени 1944 года, пришел конец этому порабощению — советские войска вступили на многострадальную землю Закарпатья.

— В каких горах ты воевал, Николай Григорьевич?

— В здешних. На Верховине.

— Так, может быть, ты и нас с Аленкой освобождал?

— Очень может быть! — обрадованно подхватил Дубашевич.

— Пять ночей и дней мы прятались в лесу. Пять дней и ночей мы с Аленой ждали вас.

— Больше вы нас ждали, Иван Васильевич! — улыбнулся гость.— Тысячу лет вы жили в разлуке с Украиной.— Дубашевич с грубоватой нежностью обнял хозяина.— Навечно теперь соединились.

— Дай бог, дай бог...

— На бога, папаша, надейся, но и сам не плошай.

— Это тоже верно, сынок. Ну, пойдем, покажу твое жилье.

Поднялись наверх, в небольшую мансардную комнатушку. И здесь было гладко строганное, скобленное, мытое-перемытое дерево, чистота и свежесть. На окне белела холщовая вышитая занавеска. На полу — шерстяные домотканные дорожки. Матрац накрыт толстой желтой, пропитанной насквозь травяной краской полстью. В углу — фаянсовый таз и фаянсовый кувшин. На деревянном колышке — белоснежное, расшитое петухами полотенце.

— Вот,— объявил хозяин,— живи, Николай Григорьевич, и здравствуй.

— Постараюсь выполнить и перевыполнить ваше доброе пожелание.— Дубашевич с деланным восторгом огляделся вокруг.— Значит, с новосельем вас, товарищ Ступак! Не мешало бы по этому случаю выпить по чарке.— Он достал из чемодана бутылку водки, ловко хлопнул по донышку, выбил пробку, в одно мгновение разлил спиртное по карманным алюминиевым стаканчикам.— Особая горькая. Пятьдесят восемь градусов. За ваше здоровье, Иван Васильевич! Берите скорее свою порцию.

Хозяин отрицательно покачал головой:

— Нет, Микола, у нас так не положено. Тут не забегаловка, а дом Ивана Дударя. Вот вернется муж Алены со службы, сядем все за стол и выпьем, кто охотник на это зелье. Убери свою особую горькую.

— Можно и так. Фундаментально, конечно, выпить приятнее.

Дубашевич спрятал бутылку в чемодан и достал оттуда узкую, с нарядной крышкой картон-

ную коробку. Глядя на почерневшую от старости трубку путевого обходчика, он сказал:

— Иван Васильевич, пора вам поменять свой курительный агрегат.— Он вручил хозяину коробку.— Для себя покупал, но вам эта люлька будет больше к лицу. Курите на здоровье.

Дударь снял с коробки яркую, расписную крышку и увидел великолепную трубку, обложенную цветной ватой и упакованную в целлофан.

— Вот это подарок! Спасибо! Добра люлька.

— Сделана по особому заказу. Высший сорт.

— Спасибо! Спасибо! — Дударь залюбовался трубкой.

— Кури, батько, а я освежусь.

Дубашевич разделся до пояса, налил в таз воды и начал мыться.

— Ну, освежайся,— сказал хозяин,— а я пойду себе. Бувай.

— Всего доброго, Иван Васильевич.

Дударь вышел, продолжая любоваться невиданной трубкой. Он спустился вниз, в горницу, чтобы похвастать перед Аленой подарком, и тут наткнулся на коричневый пиджак квартиранта, висевший в углу, на деревянном колышке. «Надо отнести наверх»,— подумал Иван Васильевич.

Снимая с вешалки суконный, на полутеплой подкладке пиджак, Дударь обратил внимание на пуговицы. Сделал он это несознательно, механически, но, увидев пуговицы, уже не мог оторвать от них глаз. Все они, все восемь штук, были точно такие же, как и та, которую он нашел несколько дней назад невдалеке от границы,— пластмассовые, табачного цвета. Все пуговицы, сколько их должно быть на пиджаке, оказались на месте, все пришиты желтыми нитками. Все, кроме одной. Эта пуговица, третья сверху, при-

креплена наскоро, неумело, мужской рукой, черной ниткой.

Дударь достал из кармана своей форменной тужурки пластмассовую табачного цвета пуговицу. Да, она была точно такой же, как и те, что пришиты к пиджаку квартиранта. На ней даже остались желтые фабричные нитки, точно такие, какими капитально пришиты семь других пуговиц. Дударь нашел ее в лесу, примыкавшем к железной дороге. В том самом лесу, где Иван Васильевич был как дома. Он точно знал, на каком дереве обломана ветка, на каком стволе ободрана кора, как стелется мох и лиственная подстилка, примяты ли они были зверем или охотником. Все лесные тропинки были ему известны, как извилины на собственной ладони. Новая обломанная ветка появится на тропинке, обгоревшая спичка, недокурок сигареты или клочок бумажки — все увидит Иван Васильевич и не успокоится до тех пор, пока не выяснит, кто проходил по его владениям и зачем. Не зря Дударя называли нештатным пограничником. В лесу, невдалеке от своего дома, на вероятном пути нарушителей границы, он оборудовал разного рода простейшие ловушки.

Нарушитель, оторвавшись от границы, идет обычно с меньшей осторожностью, чем в погранзоне, не ждет уже никаких пограничных сюрпризов. Дударь хорошо знал эти повадки лазутчиков. Он так расчетливо расположил свои ловушки, что нарушитель никак не мог миновать их. Они были очень нехитрыми, но тем не менее действенными. Был случай, когда бывалый лазутчик, переходивший границу, темной ночью задел ногой тонкую проволоку, протянутую от дерева к дереву, поперек открытого оврага, соединяв-

шего две части леса. К концу проволоки был прикреплен звонок, обыкновенный звонок, какой вешают в Закарпатье корове на шею. Он находился у изголовья постели Дударя и просигналил ему посреди ночи о том, что в лесу появился чужой человек. Триста дней эта сигнальная проволока молчала, а на триста первый заговорила. В другой раз в яму, вырытую Дударем на важной тропинке и прикрытую валежником и мхом, попался преступник, пытавшийся скрыться за границей.

Дом Ивана Васильевича Дударя пограничники называли второй своей заставой, а самого Дударя — главным часовым второй границы, охраняемой местным населением.

Естественно, что следопыт, пограничник Дударь не мог не увидеть пуговицу, потерянную кем-то на опушке леса, не мог не встревожиться, откуда она взялась.

В горницу вошла Алена. Иван Васильевич накинул на плечи дочери пиджак квартиранта:

— Отнеси постояльцу его добро, а я... пойду к Андрею.

— Что случилось, тато?

— Потом узнаешь. Смотри тут!..— шепнул он и вышел.

Через полчаса он был перед воротами заставы, вызвал через часового старшину Смолярчука, рассказал ему о своем госте и пуговице. Смолярчук сейчас же повел лесника к капитану Шапошникову.

Так была пробита первая брешь в хитроумной комбинации «Бизона».

Зубавин и Шатров единодушно решили не арестовывать нарушителя границы, скрывшегося под маской шофера Ступака. Это успеется. Надо было установить, с кем он связан и кто он такой:

рядовой исполнитель операции «Горная весна» или ее атаман, резидент.

На другой день шофер Ступак проснулся рано. Помылся, оделся и, напевая вполголоса и одновременно прислушиваясь, не донесется ли откуда-нибудь голос Алены, неторопливо спустился вниз, вышел на солнечное крылечко. Густая, прохладная тень леса покрывала почти весь двор. Трава блестела росой. Со всех сторон доносился птичий утренний гомон.

— Красота! — раскинув руки, громко произнес Ступак в надежде, что его услышит Алена.

Алены не было видно и слышно. Ступак постоял еще немного, потом спустился с крылечка и вышел со двора.

Под дощатым навесом, у самого полотна железной дороги, он увидел путевого обходчика. Дударь налаживал на рабочий ход снятую с колес ручную дрезину. С помощью стального рычага он поставил дрезину на рельсы, положил на ее площадку инструмент и поехал по направлению к туннелю. Он так был увлечен своим делом, что не заметил появления постояльца.

— С добрым утром, Иван Васильевич!

Путевой обходчик поднял голову, притормозил дрезину.

Враждебная настороженность по отношению к Ступаку переполняла душу Дударя, но она не отразилась ни в его взгляде, ни в выражении лица, ни в голосе. Отличный охотник и следопыт, он знал, что к опасному зверю надо подбираться тихо, ловко, застигать его врасплох.

— С добрым утром, Николай Григорьевич! — ласково приветствовал он квартиранта.— Ты куда? В графский замок? На работу?

— Угадали!

Ступак сел на край площадки дрезины, оттолкнулся ногой о щебеночный балласт. Дрезина легко покатилась под уклон, к туннелю.

В зубах старика была черная, обугленная трубка.

— Иван Васильевич, что же это вы свою древнюю люльку сосете? А где мой подарок?

— В сундук положил.

— Почему?

— Грех бросать такую люльку. Она у меня стародавняя, с того самого дня, когда Алена народилась. Извиняй, брат. С этой трубкой, с ровесницей моей доньки, я и на покой пойду.

— Понятно. Извиняю с удовольствием.

Дрезина вплотную подошла к темному входу в туннель... Ступак достал портсигар, щелкнул и, закурив, соскочил на землю, повернул направо, на узкую тропинку, ведущую в бывший графский замок, где была контора лесоучастка.

— До вечера, Иван Васильевич! — помахал он рукой путевому обходчику.

— Куда же ты, Николай Григорьевич? Поедем дальше, через туннель, напрямик.

Шофер Ступак не успел ответить. Невдалеке, в доме Дударя, грозно зарокотала трембита, Дубашевич уже знал тайну этого звука, но тем не менее испуганно насторожился.

— Громовица,— спохватился он.— Кто же это играет? Алена?

— Она самая. Каждое утро силу своих легких пробует. Садись, Николай Григорьевич, поедем через туннель,— повторил Дударь.

— Через туннель? А намного короче через туннель?

— Порядочно.

— Ладно, поедем.— Ступак бросил недокуренную папиросу и вскочил на площадку дрезины.

Дрезина вошла в прохладную глубину туннеля. После яркого дневного света здесь было непроглядно темно. И когда глаза немного освоились с мраком подземелья, далеко впереди заголубела арка противоположного входа в туннель.

— Да, мрачновато здесь, как в могиле,— сказал Ступак.— Сколько метров земли над нашими головами?

— Не земли, а скал. Где двести семьдесят метров, где двести, где сто восемьдесят.

— Ого! Почему же такой туннель не охраняется?

Это был вопрос, которого ждал Дударь.

— Как не охраняется? — усмехнулся Иван Васильевич.— А я?

— Мало.

— Больше не требуется. У нас здесь тихо и мирно.

Луч фонарика путевого обходчика освещал железобетонные, закопченные до черноты своды и каменные стены туннеля.

Ступак осторожно озирался по сторонам, все запоминал и лихорадочно подсчитывал, сколько понадобится взрывчатки, чтобы подорвать туннель и тем самым вывести из строя магистраль, соединявшую Советский Союз с Чехословакией и Венгрией.

Подобного рода диверсию, какую собирался совершить Дубашевич, иностранная разведка предусматривала на период, предшествующий войне, за несколько дней до ее объявления и на особо важных направлениях. То, что «Бизон» решил прибегнуть к этому крайнему средству теперь, в мирное время, имело свою вескую при-

чину. Ему стало известно, что в скором времени из Советского Союза должны пойти маршруты с зерном, предназначенные для Чехословакии, где прошлые годы были засушливые, неурожайные. Десятки тысяч тонн не перевезешь в одном поезде. Их понадобится очень много. И вот если туннель рухнет в самый разгар хлебных перевозок или в их начале, то эхо взрыва в Закарпатье дойдет и в Прагу, и в Москву, и в Нью-Йорк, и в Париж. Да, в этом «Бизон» был уверен. Удался бы только взрыв, а мобилизация мирового общественного мнения — дело второстепенное. Сотни, тысячи газет во всех уголках «Свободного мира» по единому сигналу затрубят о том, что Закарпатье сопротивляется режиму Советов, о том, что крестьяне Чехословакии не засевают свои поля русским зерном, о том, что от Праги до Братиславы, по древней земле Яна Гуса, начал разгуливать голод. Диверсию с туннелем должен был осуществить один Дубашевич. Именно — один! Операция была предельно простой. Однажды ночью специальный самолет, прилетевший из Южной Германии, сбрасывает в условленном месте, в квадрате «17-23», ящики с взрывчаткой. Парашютный груз приземлится в глухом лесу и будет лежать там до поры до времени. Шофер Ступак, предупрежденный радиограммой разведцентра через «Креста», садится в свою машину и едет в квадрат «17-23». Перетащив в кузов взрывчатку, упакованную в безобидные с виду пакеты, похожие на бумажные мешки для цемента, возвращается вниз, домой, и под предлогом позднего времени оставляет машину во дворе путевого обходчика, а сам отправляется спать. Ночью он тихо выходит на улицу, ставит на рельсы дрезину, прикрепляет на

ее площадке взрывчатку, обладающую страшной разрушительной силой, прилаживает к ней специальное приспособление, как бы антенну, и пускает к туннелю, а сам остается в отдалении, наблюдает. Как только дрезина войдет в туннель, антенна, выходящая за габариты туннеля, заденет гранитную облицовку и тем самым приведет в действие ударный механизм, после чего и последует взрыв.

Сфотографировав разрушенный туннель, на что потребуется всего лишь несколько секунд, Дубашевич исчезнет в лесу. В ту же ночь он перейдет границу в заранее облюбованном месте, на Верховине, напротив горы Пьетрос, проберется к зверолову по кличке «Глухарь» и оттуда доложит в разведцентр, что задание выполнил.

Взрыв туннеля в окрестностях Явора был лишь половиной плана «Бизона». Вторую часть операции «Горная весна» должен был выполнить Хорунжий, второй подручный Джона Файна, по кличке «Ковчег». На его долю предназначался взрыв плотины водохранилища, питающего новую гидроэлектростанцию. И этот взрыв тоже преследовал политическую цель: народ Закарпатья, мол, жестоко сопротивляется Советам.

Роль Джона Файна в этой операции сводилась к тому, что он координировал и направлял должным образом действия своих помощников: «Учителя», «Ковчега» и резидента Крыжа.

Большая лесовозная машина с прицепом спускалась по бывшей графской дороге, от дома конторы лесоучастка львовских железнодорожников, по направлению к Тиссе. Управлял лесовозом Ступак. Локоть левой руки выставил в спущенное окно дверцы кабины. Кепка сдвинута на затылок. В углу рта прилипла погасшая сигарета.

Дойдя до перекрестка, грузовик свернул налево, как делали все лесовозные машины, но не на большую дорогу, а прямо, на проселок, к Тиссе.

Это сейчас же зафиксировал часовой, стоявший на площадке наблюдательной вышки. Он снял трубку, доложил дежурному по заставе, что по направлению к границе приближается машина.

Дежурным по заставе был старшина Смолярчук. Он подтянул ремень, поправил гимнастерку и выскочил за ворота. Он был встречен радостными возгласами своих товарищей:

— А, вот и старшина! Легок на помине.

На зеленой, еще не вытоптанной лужайке собрались свободные от службы, отдыхающие пограничники. Их было человек восемь. И все они обступили мотоцикл, возле которого, чертыхаясь, колдовал чумазый, с засученными рукавами Тарас Волошенко. Повар приложил черную замасленную руку к козырьку фуражки, улыбнулся:

— Товарищ бывший тракторист, выручайте! Замучила эта капризная кляча.

— Некогда, Тарас, служба.

Лесовоз подходил к заставе. Смолярчук вышел на середину дороги, поднял руку. Лесовоз остановился.

— Куда следуете, товарищ водитель?

Из кабины выглянул шофер. Он, как старому и хорошему знакомому, улыбнулся старшине:

— Не узнаешь, зеленая гвардия? Я ваш постоялец. Вчера нас Алена Ивановна познакомила. Правда, на дворе было темно, могли и не запомнить моего лица. Так запоминайте, старшина! — Ступак снял кепку, пригладил волосы. — Прошу, как говорится, любить и жаловать.

— Слушаюсь, будет исполнено.— Смолярчук был строг.— А пока отвечайте, товарищ постоялец: куда следуете?

— Следую сюда, на заставу, с целевым назначением: получить пропуск в погранзону.

— Документы сдали?

— Еще вчера. Через начальника лесоучастка Борисенко.

— Подождите, наведу справки.

Смолярчук скрылся по ту сторону ворот заставы.

Ступак спустился на землю и с простецкой улыбкой на лице, улыбкой рубахи-парня, подошел к пограничникам, щелкнул портсигаром, оделил сигаретами всех желающих.

— Что, браток, не трещит твой драндулет? — спросил он насмешливо.

Волошенко оторвался от мотоцикла, уныло махнул рукой:

— Два часа с окаянным мучаюсь.

— Почему? Искра в землю ушла?

— Дальше! Наверно, в самые тартарары! — Волошенко пнул мотоцикл ногой.— Осточертел ты, сокровище! Язву языка с тобой наживу. Рак сердца и нервов. Скоропостижно состаришься. Не сходимся мы с тобой характерами. Нет родства душ.— Он взял руку шофера Ступака: — Слушай, друг, могу тебе сосватать эту породистую клячу под названием Харлей Давидсон.

— Ну-ка, дай мне эту клячу.

Ступак деловито вывернул свечи из обоих цилиндров мотоцикла и, осмотрев их, вдруг широко размахнулся, забросил в дальние кусты. Потом так же деловито и молча подошел к своему лесовозу, достал инструментальный ящик, порылся в нем, нашел две новые, подходящие по размеру

свечи, ввернул их в цилиндры мотоцикла. Вытерев руки ветошью, он уверенно расположился в стареньком, с потертой кожей седле, нажал на стартовую рукоятку, дал газ. Мотоцикл оглушительно затрещал, рванул с места, оставляя позади грязносерый хвост дыма.

Пограничники смеялись, глядя на незадачливого водителя мотоцикла. Сдвинув на брови зеленую фуражку, он смущенно скреб стриженый затылок.

Сделав небольшой круг, Ступак вернулся к воротам заставы, сошел с седла, передал руль Волошенко:

— Бери, браток, свою бывшую клячу, катайся на здоровье да помни Николая Григорьевича... Кури, ребята!

И он снова щелкнул портсигаром, оделил всех пограничников сигаретами.

Пока солдаты курили и слушали веселые и короткие рассказы бывалого шофера, начальник заставы капитан Шапошников и старшина Смолярчук тщательно изучали документы, представленные начальником лесоучастка львовских железнодорожников. Особенно их внимание привлек паспорт. Николай Григорьевич Ступак. Год рождения 1923. Украинец. Уроженец Киевской области. Все необходимые печати на месте. Фотография аккуратно подклеена, и заштемпелеван ее белый краешек. На положенной странице синел трафаретный квадратик, в который черными чернилами красиво и четко добавлено от руки, что владелец паспорта прописан в городе Львове, в 3-м отделении милиции 7 мая 1947 года по улице Костюшко, дом 17, кв. 9. И прописка была засвидетельствована замысловатой подписью началь-

ника паспортного стола и круглой гербовой печатью.

Шапошников в десятый раз перелистывал паспорт, вглядывался сквозь лупу в каждую надпись, сделанную на нем, но не обнаружил ни одной подчистки, подделки.

— Да, чистая работа,— сказал он, бросая паспорт на стол.— Выпишем ему пропуск. Старшина подготовьте дополнительные наряды для прикрытия границы.

Смолярчук с удивлением посмотрел на начальника заставы, но промолчал.

Пропуск был выписан. Вложив его в паспорт, Шапошников вышел за ворота заставы. Смолярчук направился вслед за капитаном.

На зеленой лужайке сидели пограничники. В их дружеском кругу по-хозяйски расположился шофер Ступак. Он играл на гитаре и пел цыганский романс. Все солдаты, кроме Волошенко, с восхищением его слушали. Повар усиленно дымил козьей ножкой и сплевывал через плечо. Выражение его лица было красноречиво: слыхали, мол, такие песни, не удивишь, не тронешь сердце.

Увидев начальника заставы, пограничники поднялись. Ступак оборвал игру и пение, энергично вскочил, ловко приложил руку к козырьку кепки:

— Здравия желаю, товарищ капитан!

— Здравствуйте. Значит, у Ивана Васильевича на жительство остановились? — спросил Шапошников, передав шоферу паспорт и пропуск.

— Так точно, товарищ капитан!

— Хороший старик. Повезло вам на хозяина.

— И мы не хуже хозяина! — Широкая, добродушная улыбка расплылась по лицу Ступака.— Разрешите быть свободным?

Шапошников кивнул и скрылся за воротами заставы.

Ступак развернул на лужайке машину и, поднимая пыль, направился к дороге.

Смолярчук и его товарищи провожали глазами удаляющийся лесовоз.

— Лихой парень! — с завистью и восхищением сказал один из солдат.

— Талант! — добавил другой.

— Родись не красивым, а талантливым.

— Хлюст! — сквозь зубы, с презрением проговорил Тарас Волошенко.

Это суждение повара было таким неожиданным, что все пограничники повернулись к нему, ожидая разъяснения.

Волошенко, так горячо и преданно любивший шутку, раздувавший самую слабую искру юмора, где бы она ни возникала, был непривычно серьезен.

— «Свой в доску» этот ваш талант! — зло сказал он.— Без всякого мыла, как говорится, в друзья лезет. Дюже свой. Верно, товарищ старшина?

Смолярчук для видимости не согласился с Волошенко:

— Не понимаю, Тарас, почему тебе не понравился Николай Григорьевич. Парень как парень, не хуже нас с тобой.

— Души в нем нет, одна кожа да кости, да еще язык-балабоша. Я его насквозь вижу.

— Да ты ему просто завидуешь,— пошутил Смолярчук.— Как же не завидовать! Конкурент объявился. Такой же веселый, как ты, такой же...

Волошенко позволил себе перебить старшину:

— Правильно, я веселый. У меня это от души, а у него притворство. Ваньку он валяет.

«Молодец, Тарас, разбираешься в людях»,— подумал Смолярчук. Вслух он сказал:

— Ну, вот что, веселый человек: готовься во внеочередной наряд. Соколов, Филимонов, Тюльпанов — тоже в наряд!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В субботу, закончив рабочий день в книжном магазине, Крыж степенно прошагал по привокзальной площади, пересек центр Явора и, отвесив не менее дюжины поклонов знакомым, добрел до Гвардейской, вошел в свой дом и приступил к выполнению тайных обязанностей, обязанностей резидента разведывательного центра «Юг».

Он сдвинул в сторону большой портрет Тараса Шевченко и постучал в дощатый, замаскированный обоями лаз, ведущий в помещение, где нашел себе приют Джон Файн.

Тайник сейчас же раскрылся, и в темном квадрате люка показалась голова «Черногорца».

— Добрый вечер, сэр,— сказал хозяин по-английски.

— Здравствуйте, Крыж,— откликнулся по-английски Файн.— Отработались?

— Отдыхаю до понедельника. Будем обедать?

— С удовольствием. Я порядком проголодался.— Файн подтянулся на руках и легко, с акробатической ловкостью выпрыгнул из люка. Потом он вошел в комнату, служившую Крыжу библиотекой.— Есть новости? — спросил он по-русски.

— Есть! Сейчас выкладывать или потом, когда подкрепимся?

— Когда подкрепимся.

Обедали здесь же, в библиотеке, перед полузавешенным окном, откуда хорошо была видна ка-

литка и садовая дорожка, ведущая к дому. Если кто войдет во двор Крыжа, то не застанет Файна врасплох: он успеет скрыться в тайнике. Оба ели и пили молча, с деланным увлечением, хвастаясь друг перед другом терпением, выдержкой, хладнокровием, умением держать язык за зубами.

Файн первым закончил обед. Отодвинул от себя тарелки, положил локти на стол, закурил.

— Ну, вот и подкрепились. Теперь выкладывайте свои новости, Крыж.

Ковыряя гусиным заостренным перышком в зубах, резидент сказал самым обыкновенным, будничным голосом:

— Привет вам от «Учителя».

— От кого? — Файн сжал руку Крыжа.— От «Учителя»? Так вы его видели?

— Подъехал к моему магазину на лесовозе. Купил «Путеводитель по Закарпатью» и доложил о благополучном своем прибытии и о том, что все идет по плану.

— Вторая удача, слава богу! — Файн молитвенно приложил ладонь к груди.— Теперь можно смело действовать. Вы, кажется, в добрых отношениях с путевым обходчиком Дударем?

— Мы давно подружились с ним. Знаменитый резчик по дереву продает и дарит мне свои изделия, а я ему — редкие книги. Он также научил меня творить из дерева разные безделушки.

— Отлично. Значит, ваше появление в доме Дударя никого не удивит, не привлечет внимания?

— Да, уверен.

— В какие дни вы обычно бывали у своего «друга»?

— Больше всего по праздникам и субботам.

— Вот и хорошо. Сегодня суббота. Вы сегодня же отправитесь к Дударю. По моим расчетам,

«Учитель» остановился на жительство у путевого обходчика.

— Дударь — наш человек? — изумился резидент.

— Нет. Но это сейчас не имеет значения. Как вы думаете, сможет ли Дударь откровенно высказаться перед вами о своем новом постояльце?

— Надеюсь. Если не выскажется сам, я ему помогу.

— Ни в коем случае! Соблюдайте крайнюю осторожность. Не спрашивайте ни о чем. Наоборот, делайте вид, что вас абсолютно не интересует шофер Ступак.

— Слушаюсь.

— И если вы убедитесь, что Ступак находится вне подозрений, то улучите момент и передайте ему слово в слово следующее: «Завтра, в понедельник, приезжайте в Явор, зайдите в магазин Книготорга, где получите инструкцию, что вам надлежит делать».— Файн усмехнулся и лукаво посмотрел на Крыжа: — Не беспокойтесь, Любомир, до завтра вы будете знать, как проинструктировать Ступака.

Крыж поспешно закивал головой:

— Я не беспокоюсь, сэр. Все будет исполнено в точности, как приказано.

Прихлебывая горячий, янтарного настоя чай из блюдечка, Файн спросил:

— Горные туристы в Яворе имеются?

— Как же! Явор с трех сторон окружен горами. У нас есть даже турбаза.

— А рыбаки? Охотники?

— Имеются и рыбаки и охотники.

— Надеюсь, они под воскресенье не отсиживаются дома, а отправляются на рыбалку, на охоту, в горные походы?

— Да. Чаще всего это бывает по субботам.

— Вот и хорошо. И я сегодня прогуляюсь в горы под видом туриста,— неожиданно для Крыжа объявил Файн.

— Вы? Решили покинуть мое убежище?

— Только на один день.

— Но, сэр, вы... Готовы вы к разного рода осложнениям?

— Конкретнее, Любомир! Вас интересует, есть ли у меня советский паспорт и прочее? Есть все, что надо.

— Я хотел уточнить, сможете ли вы себя чувствовать на советской земле советским человеком.

— Вы сомневаетесь?

— Простите, сэр, но я буду откровенным: да, это меня очень беспокоит.

— Почему? Разве на моем носу стоит фабричная марка? Разве мои уши, лоб, глаза, губы не такие, как у советских людей?

— Такие, но...

— Говорите, Крыж, не заикайтесь.

— Сэр, в вашем облике есть что-то не совсем советское.

Джон Файн рассмеялся, но в глазах его была тревога.

— Красных рогов не хватает? Улыбка не социалистическая? Походка не пролетарская? Взгляд идеологически не выдержанный?

— Вы шутите, а я серьезно озабочен.

— Да в чем дело, Крыж, говорите толком!

— Вам не хватает, сэр, внешней простоты, скромности, я бы сказал — обыкновенности. Вы чувствуете себя самим собой, богатым, независимым, всемогущим человеком, Джоном Файном, а не советским служащим.

— Зря беспокоитесь. Я всемогущ здесь, перед вами, а там... среди советских туристов, я буду таким же, как они все. Дорогой Крыж, я три года был шефом лагеря для перемещенных лиц. Днем и ночью я видел перед собой двенадцать тысяч русских, украинцев, белорусов, слышал их речь, запоминал их характерные черты и так далее и тому подобное. Я даже позволил себе однажды, тренировки ради, пожить в соседнем лагере на положении перемещенного лица — и ничего, сошел за чистокровного русского. Могу быть и украинцем.— Джон Файн улыбнулся и легонько ткнул своего собеседника в грудь кулаком.— Так что, любезный, не принижайте моих высоких и давно признанных достоинств.

— Простите, сэр.

— То-то! Будем считать недоразумение ликвидированным. Есть в Яворе такси?

— Сколько угодно.

— Они ходят за город?

— Да, во всех направлениях.

Файн достал из внутреннего кармана пиджака карту Закарпатья, разложил ее на столе.

— Какое место у вас считается наиболее туристским?

— Таких мест у нас много. Оленье урочище, Медвежья поляна, Мраморные скалы. Недалеко от Мраморных скал, вот на этом горном склоне, есть база, где можно за небольшую плату переночевать, закусить, выпить пива, побриться, принять душ.

— Прекрасно. Вот туда я и поеду. Вы меня проводите до стоянки такси. Вернусь в воскресенье вечером. Ждите! — Файн насмешливо посмотрел на резидента.— Почему не спрашиваете, зачем я покидаю такое уютное, безопасное убе-

жище и с риском для жизни отправляюсь в район Мраморных скал?

— Я уже вам говорил: любопытством не страдаю. Мое дело — исполнять ваши приказания.

— Хоть вы и не страдаете любопытством, все-таки я скажу, зачем мне понадобились эти Мраморные скалы. Я вам полностью доверяю, Крыж. Хочу прогуляться по горам и попутно развернуть в подходящем месте рацию, связаться с центром: доложу обстановку, получу указания. Конечно, для меня это большой риск. Вам бы, Любомир, это дело сподручнее, безопаснее.

— Я готов, сэр, приказывайте.

— Нет, пока вам поручить этого не могу. Первое донесение должно быть послано лично, собственноручно, моим радиопочерком. И я его пошлю во что бы то ни стало.

Джон Файн храбрился не для видимости. Трудный и опасный прорыв через высокогорные Карпаты, безмятежная жизнь в тайнике на Гвардейской, заботливое гостеприимство хозяина явки, глубокая маскировка нового резидента, ловкий переход границы Дубашевичем, его прочная легализация в Яворе под личиной шофера Ступака — все эти крупные, запланированные «Бизоном» удачи, следующие одна за другой, настроили Джона Файна на отличный лад. От былой трусости и страха за свою шкуру, проявленных в самолете, перед прыжком с парашютом, не осталось и следа. «Черногорец» теперь был уверен, что его миссия будет завершена благополучно и в срок. Теперь он горячо и глубоко, почти суеверно преклонялся перед хитроумными способностями «Бизона» и неустанно благодарил шефа за то, что тот предоставил ему счастливую возможность проявить себя в операции

«Горная весна», которой, безусловно, суждено стать гордостью разведцентра «Юг». Оттого-то Файн и храбрился, оттого он с легким сердцем и отправлялся в опасную экспедицию в район Мраморных скал.

Он весело посмотрел на карту, потом перевел взгляд на Крыжа:

— Мраморные скалы!.. Хороший я выбрал район?

— Да, хороший.— На благообразном лице Крыжа появилось выражение почтительности и угодничества. — Прошу доложить и обо мне: действую полным ходом, в самый короткий срок добился значительных результатов. В скором времени создам надежную агентурную сеть, способную удовлетворить потребности центра.

— Ого, куда махнул! — рассмеялся Файн.— Ничего, ничего, валяйте, все передам, слово в слово.

Крыж обиженно насупился:

— Вы мне, кажется, не верите, сэр? Я же вам подробно докладывал и о портнихе, и о ее сыне, и о помощнике начальника яворской станции.

— Верю, Крыж, не будьте мнительным. Вы очень хорошо начали. Все три ваших помощника представляют для нас большую ценность. Кстати, о сыне портнихи. Как вы собираетесь его использовать?

— Смотря по обстановке. На данном этапе он способен раздобыть важные сведения о железной дороге.

— Правильно. Этот новый, реконструированный кусок дороги нас чрезвычайно интересует. Мы почти ничего не знаем о нем. Хорошо. Одобряю. А в будущем как вы собираетесь использовать молодого Лысака? Ведь он уедет в свою школу, во Львов.

— Не уедет! Заякорится в Яворе, будет работать на комсомольском паровозе кочегаром. Есть надежда, что он попадет на заграничную линию. Если это удастся, мы получим великолепного связника.

— Правильно, Крыж! Молодец! Одобряю. Действуйте в этом направлении. И форсированно. Нам связник вот как нужен! — Файн ребром ладони ударил себя по горлу.— Рацией пользоваться хлопотно: каждый раз будешь рисковать жизнью. Будь связник у вашего предшественника, мы бы больше знали, чем знаем теперь.— Держа блюдечко на растопыренных пальцах поднятой руки, Файн подул на горячий чай и, прищурившись, испытующе, как бы заглядывая ему в душу, уставился на резидента.— Так вы до сих пор не знаете, что случилось с Дзюбой?

Крыж покачал головой:

— Я же вам докладывал... Читал заметку в газете о его гибели. Больше ничего не знаю.

— Верите заметке?

— Как же не верить! Ко мне в магазин заходили люди из леспромхоза «Оленье урочище». Они собственными глазами видели машину артели в пропасти. И труп Дзюбы видели. Правильная заметка. А вы разве не верите?

— Не верю. Сам еще не знаю почему, но не верю.— Файн вздохнул, вспомнив слова «Бизона», и не удержался, чтобы не произнести их, как свои собственные: — Не верю, и все. Что поделаешь, такой у меня нюх: ищейка позавидует.

— Так вы думаете, что гибель Дзюбы подстроена?

— Да, так думаю. Но кто организовал ее, еще не знаю. Вы часто встречались с Дзюбой?

— Нет, редко. Только в самом крайнем случае.

— Где проходили эти встречи? Могли они привлечь внимание разведки?

— Нет, это исключается... Я никогда не бывал на квартире Дзюбы. И он ко мне не приходил. Мы встречались только в магазине, когда он покупал книги.

— Помните, я интересовался Иваном Белограем?

— Помню.

Здесь, в доме, спрятанном в глубине сада, Файна никто не мог слышать, кроме Крыжа, однако он снизил голос до шепота:

— Иван Белограй выполнял важное задание. Мы потеряли его из виду, не знаем, где он и что с ним произошло. Пока мы не выясним его судьбу, мы не имеем права чувствовать себя в безопасности. Ускорьте сбор сведений о Белограе. Пусть ваши агенты постараются что-нибудь выведать у Терезии Симак. Сможете это выполнить?

— Смогу.

— Ну, я вижу, вы совсем молодец, Крыж. Для вас нет невыполнимых заданий. «Бизон» знал, кого назначал резидентом. Вот только я не ценил вас. Каюсь.

— Вы не знали меня, а «Бизон»...

— Шеф мне рассказывал,— Файн положил руку на плечо резидента: — Ничего, вы наверстаете с лихвой то, что потеряли, будучи рядовым агентом. Наша с вами старость будет обеспечена, если мы выполним даже только одну эту операцию.

— Какую?

Джон Файн погрозил резиденту пальцем:

— Сорвался! А говорил, не любопытный. Потерпите, Крыж, все со временем расскажу.— Он посмотрел на часы, потом за окно, где между

цветущими деревьями сада накапливались сползавшие с ближних гор весенние полупрозрачные сумерки.— Пора кончать чаепитие и отправляться в поход.

Джон Файн перевернул блюдце вверх донышком, вытер полотенцем облитое пóтом лицо, поднялся и скрылся в своем тайнике. Минут через двадцать он снова появился в библиотеке. На нем была суконная, отделанная кожей туристская куртка, старенькая, с большим козырьком кепка и башмаки на толстой подошве. На спине аккуратно прилажен рюкзак с портативной радиостанцией, предусмотрительно обложенной тряпками, чтобы потеряла форму чемодана.

Был готов и Крыж. Он, как всегда, облачился в свое черное пальто и темную с полями, устаревшего вида, шляпу. Через левую руку перекинул дождевик, в правой у него был небольшой саквояж.

Под прикрытием темноты Крыж и Файн вышли из дома № 9 по Гвардейской, благополучно добрались до стоянки такси и тут расстались. Один поехал на север, в верховье реки Каменицы, к Мраморным скалам, другой — в ближние горы, во владения Ивана Васильевича Дударя.

В воскресенье, под конец дня, контрольная установка органов безопасности запеленговала кратковременную работу тайной радиостанции. Были определены и ее координаты — где-то между Медвежьей поляной и Мраморными скалами.

Узнав об этом, майор Зубавин и полковник Шатров приняли энергичные меры. И генерал Громада бросил на розыски вражеского лазут-

чика-радиста несколько своих подразделений. Прочесывали безлюдные леса, просматривали вечно затененные ущелья, продырявили специальными пиками все прошлогодние копны сена, разбрасывали старые и свежие поленницы дров, заглядывали в каждую пастушью хижину и колыбу лесорубов, облазили сверху донизу выработанный карьер мраморных разработок — нигде не нашли радиста. Но след его все-таки был обнаружен. На турбазе выяснилось, что в субботу вечером в районе Мраморных скал туристы видели какую-то легковую машину. Кто на ней приехал, какой номер имела «Победа» — никто не мог сказать. Во всяком случае среди туристов не нашлось человека, приехавшего на машине. Все прибыли сюда на автобусах, на грузовиках, на поезде, а многие пешком, по живописным тропинкам, проложенным вдоль берегов Каменицы.

Турбаза вела регистрацию туристов, нашедших приют под ее кровом. Зубавин и Шатров прочитали этот список, сняли копию с него и вернулись в Явор. Через несколько часов с помощью начальников паспортных столов милиции Явора, Мукачево и Ужгорода они знали, где все эти люди, числящиеся в списке турбазы, прописаны, где работают и давно ли проживают в Закарпатье. Из шестидесяти пяти туристов один привлек пристальное внимание Зубавина и Шатрова. Это был Федор Афанасьевич Власюк. Агроном. Двадцати восьми лет. Проживает в Ужгороде. Прописан по улице Ленина, в доме № 3. Паспорт выдан 4-м отделением милиции Ужгорода 30 мая 1950 года. Такие сведения оставил о себе Власюк, заполняя обычный регистрационный листок, какой получает каждый жилец гостиницы. При проверке оказалось, что Власюк в Ужгороде по

улице Ленина, 3 не проживает, что он там, следовательно, не прописан и что 4-е отделение милиции Ужгорода не выдавало паспорта гражданину Власюку ни в 1950 году, ни раньше, ни позже.

Зубавин снова, посреди ночи, сел в машину и поехал в урочище Мраморные скалы. Дополнительно побеседовав с обслуживающим персоналом турбазы, он установил кое-какие приметы человека, назвавшегося Власюком. Высокий. Плечистый. Красивый. Одет в черную суконную курточку, отделанную кожей. В серой кепке. На ногах — добротные горные башмаки. За плечами — рюкзак. Один ли он появился на турбазе? Да, как будто один. Встречал восход солнца на Мраморных скалах вместе со всеми туристами, потом исчез, и его никто больше не видел.

Наступил понедельник, а Зубавин все не покидал турбазы. Он искал того, кто мог бы сказать что-нибудь более определенное о легковой машине, которая — в этом Зубавин не сомневался — доставила Власюка к Мраморным скалам. Были опрошены врач, медсестра, повар ресторана, официантки, буфетчица, прачка, лесник и многие туристы — никто не прибавил ничего к тому, что знал Зубавин. Скудные его сведения о таинственной легковой машине дополнил шофер турбазовского грузовика, вернувшийся из двухдневной командировки в Мукачево, куда он ездил за продуктами. Направляясь в субботу в Мукачево, он повстречался на крутом горном повороте с «Победой». Номера ее он не запомнил, но хорошо видел при свете фар своего грузовика, что легковушка была с шашечным пояском на кузове и счетчиком.

Зубавин вернулся в Явор и доложил Шатрову

о результатах дополнительного расследования. Оба, майор и полковник, единодушно решили, что надо прежде всего разыскать такси.

Машина, ходившая в субботу вечером в урочище Мраморные скалы, была найдена в яворском таксомоторном парке. Шофер такси тоже немного рассказал о своем пассажире. Сел он в машину в Яворе, на стоянке. Неразговорчивый это был пассажир: всю дорогу смотрел за окно и курил. У Студеного источника, не доезжая километра полтора до Мраморных скал, остановил такси, молча расплатился и пошел дальше пешком. Вот и все. Больше шофер ничего не мог показать.

Искренность водителя не вызвала ни у Зубавина, ни у Шатрова сомнений. Что же дальше делать? Где и как искать этого Власюка?

Наступил вторник.

Майор Зубавин был мрачен. Небритый, с воспаленными от двух бессонных ночей глазами, он молча ждал, какое решение примет полковник.

Шатров тоже не спал в воскресенье: двое суток он мотался по Закарпатью. Он был чуть ли не вдвое старше Зубавина, но на его лице не прибавилось морщин, щеки были чисто выбриты и глаза не выражали усталости. Он спокойно улыбался, глядя на своего мрачного собеседника.

— Уже умаялись, Евгений Николаевич? Уже нервничаете? А ведь мы только у самого истока длинного и долгого пути.

Зубавин покраснел, как мальчишка, пробормотал:

— Как же не нервничать, товарищ полковник! Такая неудача...

— Пока не вижу неудачи. Наоборот, события развиваются вполне нормально, в нашу пользу.

— Какая же здесь нормальность, если враг действует под самым нашим носом среди бела дня и безнаказанно скрывается?

— Временно он скрылся, не тужите. Еще появится перед нами во весь свой рост. Власюк!.. Агроном!.. Турист!.. Все это липа, конечно. Кто он такой в самом деле? Откуда взялся в Яворе? Старый агент, воспользовавшийся фальшивым паспортом? Нарушитель, незамеченно прорвавшийся через границу? Или прибыл на специальные гастроли откуда-нибудь из тыловых областей? Отвечайте, майор.

— Думаю, что он здешний.

— Какие у вас основания для этого?

— Хорошо знает местность. Мраморные скалы — наиболее подходящий район для работы тайной радиостанции: безлюдный, глухой, высокогорный, имеет один вход и три выхода.

— Это зыбкое основание. Радист мог быть ориентирован сообщником или выбрал район по карте. Это во-первых. Во-вторых, если он местный, если он давно имеет радиопередатчик, почему до сих пор молчал? В нем так нуждался разведцентр, а он упорно отмалчивался. Нет, Евгений Николаевич, Власюк не местный. Он недавно появился в наших краях. Вполне возможно, что прорвался через кордон и его не засекли пограничники, проворонили.

— Не может быть. Пограничники фиксируют даже след зайца.

— Все может быть. «Бизон», зная с кем имеет дело, мог применить самое новейшее ухищрение, которое наши пограничники еще не разгадали. Я склонен даже полагать, что этот агроном, турист Власюк, и шофер Ступак действуют по единому плану, что они оба — звенья одной цепи, ко-

нец которой находится в руках шефа развед-центра «Юг». Рано или поздно они обязательно установят контакт. Но мы не должны надеяться на то, что нам удастся зафиксировать физическую встречу Власюка и Ступака. Этого может и не случиться вплоть до самого их ареста. Возможно, они встретятся только в кабинете следователя. А пока они могут координировать свои действия, не встречаясь, на расстоянии, через третье лицо. Значит, все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы установить это третье лицо.

— Товарищ полковник, я подозреваю, что вы знаете об операции «Горная весна» гораздо больше меня.

— Столько же, сколько и вы.

— Не похоже. Я вот терзаюсь тем, что от нас ускользнуло «второе лицо», а вас это не беспокоит, и вы уже думаете о каком-то «третьем лице», хотя нет еще никаких признаков его присутствия на нашей земле.

— Есть, Евгений Николаевич! Проанализируйте поведение шофера Ступака с тех пор, как он прорвался к нам. Вам известно, что лазутчик полезет только в тот город, где ему обеспечен надежный прием его сообщниками. Ступак без оглядки полез прямо во Львов. После кратковременного пребывания в чужом, враждебном ему городе он устраивается на работу, получает грузовик, командировку и смело направляется в Явор. Смог бы он все это так быстро, уверенно проделать, если бы ему кто-то не помогал? Нет! У Ступака есть влиятельный сообщник, и он находится во Львове. Завтра первым утренним поездом я выеду во Львов и постараюсь выяснить, как оформлялся на работу шофер Ступак, кто

содействовал ему в этом.— Шатров вздохнул.— По моим догадкам и предчувствиям, во Львове мне предстоит большая и трудная работа. Так что я должен покинуть Явор на длительное время.

— Жаль, товарищ полковник. Я, признаться, думал, что мы с вами до конца размотаем бизоновский клубок.

— А я тоже так думал. И продолжаю думать.— Шатров дружески стиснул руку майора.— Разматывайте, Евгений Николаевич, бизоновский клубок с яворской стороны, а я — со львовской. До скорой встречи! Буду звонить вам ежедневно, в двадцать два ноль-ноль.

— Один вопрос, товарищ полковник.

— Пожалуйста.

— Так вы, значит, полагаете, что существует посредник, «третье лицо», между Ступаком и неизвестным радистом и оно находится во Львове?

— Пока только предполагаю. Также предполагаю, что это «третье лицо», пользуясь своим служебным положением, часто бывает в командировке здесь, в Яворе, и тем самым имеет возможность координировать действия Ступака и Власюка. Значит, вам надо денно и нощно наблюдать за шофером, фиксировать все его встречи с яворянами и особенно не с яворянами.

Зубавин перевел взгляд на фотографию шофера.

— Сколько ни ходили вокруг да около, а все-таки опять пришли к Ступаку.

— Без него не обойдешься. Он — пока единственная реальная ниточка, ведущая к «Горной весне». Все остальное — предположения, прогнозы, надежды и гаданье.— Шатров заглянул в свою записную книжку.— Вернемся к Власюку. Его радиопочерк вам не знаком?

— Радиопочерк? Я еще не советовался со специалистами.

— Посоветуйтесь. Это очень важно. Кто знает, может быть радиопочерк окажется знакомым по прежним радиоперехватам. Ну, а как вы думаете, о чем радировал своим хозяевам Власюк?

— Об этом можно только приблизительно догадываться, товарищ полковник.

— Догадывайтесь!

— Сообщал о своем благополучном прибытии в Явор.

— Нет. Он это сделал раньше и в другом месте.

— Передавал очередную информацию? — сказал Зубавин и сейчас же сам себе возразил: — Нет, это тоже исключается. Ради этого он не стал бы так рисковать. Очевидно, передавал что-то исключительно важное.

— Правильно, я тоже так думаю. На мой взгляд, эта передача имеет прямое отношение к операции «Горная весна». Какое же именно? Сигнал ли это о начале действий? Просьба о помощи? Рапорт о том, что уже сделано? Ваше мнение, Евгений Николаевич?

— Товарищ полковник, у вас рождается столько вопросов, что я не нахожу сразу ответа. Дайте подумать.

— Думайте!

Зубавин после непродолжительной паузы сказал:

— Радист сигнализировал разведцентру о том, что он и его сообщники готовы действовать.

— Согласен! Вот и договорились.— Шатров посмотрел на часы, усмехнулся: — Три часа мудро, вдохновенно рассуждали, и может случиться, что все попусту. Это вам не точная наука,

а раз-вед-ка. Разведывай и разведывай, где глазами, где ушами, где мыслью — авось до чего-нибудь путного и докопаешься.— Он поднялся, вскинул над головой руки, с удовольствием потянулся и широко, что называется сладко, зевнул.— Эх, поспать бы теперь!.. Пойдем, Евгений Николаевич, освежим свои затуманенные головы.

Передав шифровку, Файн быстро, в течение одной минуты, свернул рацию, приладил ее на спине в сумке и ринулся напрямик, по еле заметной тропке, к северному выходу из урочища Мраморные скалы. Ориентируясь по компасу и карте, он продрался сквозь глухой горный лес и вышел на одну из дорог, ведущую в Явор со стороны карпатских перевалов.

Файн не сомневался в том, что работа его рации зафиксирована и что органы безопасности всполошились. Пройдет еще час, другой, и район Мраморных скал захлестнет петля блокады.

Файн шел по дороге, любуясь, как и полагалось туристу, весенними горами и пожаром вечерней зари. В его руках была добротная палка, вырезанная из благородного тисса. Глаза прикрыты темными очками, как бы защищающими от солнца.

За ближайшим поворотом дороги Файн увидел грузовую машину. Она стояла на обочине перед огромным замшелым камнем, из-под которого вытекала тоненькая прозрачная струя. Шофер сидел у подножия минерального источника, ел хлеб с салом и запивал ледяной «квасной» водой. Темная кудрявая его голова была мокрой — тоже, наверно, угощалась закарпатским нарзаном.

— Хлеб, соль и вода! — Файн вскинул руку к козырьку кепки, приветливо кивнул шоферу.— Не в Явор направляешься, молодой человек?

— Туда. Если по дороге, садитесь, подвезу.

— Спасибо.

Стемнело, в городе зажглись огни, когда Файн въехал в Явор. Проезжая мимо бывшей городской ратуши, он скользнул взглядом по бронзовому циферблату часов. Десять минут девятого. Не более двух часов понадобилось ему, чтобы опередить своих преследователей.

Для отвода глаз шофера он вышел из грузовика на вокзальной площади и, не торопясь, как к себе домой, направился на Гвардейскую.

Крыж был дома. Он истомился, ожидая своего шефа.

— Ну как? — сейчас же спросил он, едва «Черногорец» переступил порог дома.

— Все благополучно, Любомир. У вас, надеюсь, тоже все хорошо? Видели Ступака?

Крыж не ответил. Смертельно бледный, закусив губу, он смотрел остановившимися глазами на входную дверь.

— Что там? — зашептал Файн.

— Кажется, кто-то идет. Слышите?

— Ничего не слышу, но...

Файн вытащил из карманов пистолеты, кивнул на выключатель. Крыж потушил свет и осторожно вышел в коридор, а потом и в сад. Постояв минут пять под густым явором, растущим у порога, он вернулся в дом, включил свет.

— Никого нет. Простите, сэр.

— Нервы у вас не в порядке, Любомир.

— Да, нервами не могу похвастаться.— Крыж вытер со лба пот.— Вы спросили, видел ли я постояльца Дударя. Видел. И говорил. Передал ему

все, что было велено. У Ступака все благополучно.

— Отлично! — Файн потер ладонь о ладонь, с шумом потянул воздух через нос.— Слышу запах жареной баранины. Любомир, вы, кажется, хотите угостить меня ужином? Вот молодчина!

Файн отстегнул ремни туристского рюкзака, отодвинул в сторону портрет Тараса Шевченко, толкнул дверцу люка и осторожно опустил рацию в свое тайное убежище.

Проделывая все это, он заметил, что в тайнике кто-то побывал: тонкая, едва приметная метка, сделанная Файном карандашом на стене перед походом в Мраморные скалы, не сходится с обрезом рамы портрета. Кто же лазил в убежище? Конечно же, хозяин. Можно быть абсолютно уверенным, что он хорошо изучил содержимое рюкзака своего гостя. «У, шкура!» — подумал Файн. Мысли не отразились на его лице, когда он обернулся к Любомиру Крыжу: оно беспечно улыбалось.

— Вот, теперь легче,— сказал он, хлопая себя по спине ладонями и блаженно ухмыляясь.— Хорррошо! Вы подумайте, почти сутки на виду у всех таскал на горбу такую странную улику — она мне, проклятая, всю спину прожгла, до печенок достала. Любомир, не в службу, а в дружбу: помассируйте мою бедную хребтину... Вот так, так!.. Хорошо! Чудно! Благодарю. Теперь будем ужинать.

Утолив голод и выпив изрядное количество коньяку, раскрасневшийся, с налитыми кровью глазами, Джон Файн развалился в кресле.

— Ну, Любомир, — закуривая, торжественно объявил он,— поздравьте меня!

— С чем, сэр?

— Я удостоен личной благодарности «Бизона». Он доволен моей работой.

— Поздравляю! — Крыж попытался выдавить на своем лице улыбку, но она вышла неискренней, кривой.

— Почему вы не радуетесь за меня, Любомир? — Файн нагло смотрел прямо в глаза Крыжу и откровенно издевался над ним.— Завидуете мне? Вам не по душе мой успех?

Крыж молчал, кусая губы и хмурясь.

Файн подставил кулак под подбородок Крыжа и резким толчком вскинул его голову кверху:

— Почему вы молчите, Любомир?

— Сэр, вы исполнили мою просьбу?

— Какую?

— Я просил вас доложить шефу о моей работе.

— О вашей работе? О вашей работе? О вашей? — Файн презрительно поджал губы и выпустил струю дыма прямо в лицо Крыжу. Он любил унижать людей, особенно тех, над кем бесконтрольно властвовал, кого крепко держал в руках, кто не мог оказать ему сопротивление.— Вы слишком большого о себе мнения, Любомир,— продолжал Файн.— Вы не работаете, а лишь исполняете то, что вам приказываю я. Работаю я! Докладываю шефу я! Награждаю я! И приговоры привожу в исполнение тоже я! И так будет до тех пор, пока я нахожусь в Яворе. Учтите это, мой дорогой, и будьте поскромней.

— Слушаюсь, сэр.— Крыж улыбнулся, пытаясь превратить разговор в шутку.

— Напрасно смеетесь, Любомир. Я совершенно серьезно предупредил вас. И еще одно предупреждение: если вы еще раз попытаетесь рыться в моих вещах...

— Что вы, сэр!

— Да-да! Если вы еще раз устроите обыск в моем убежище, я разложу вас на цементном полу, сорву штаны и беспощадно высеку. Вот все предупреждения сделаны. Теперь поговорим о том, что вам надлежит делать. Как вы уже знаете, завтра к вам в магазин явится шофер Ступак. Вы ему передадите записку следующего содержания. Берите симпатические чернила, бумагу и пишите... «В ближайшую среду, ночью, в квадрате «19—11», на Сиротской поляне спустится с неба «посылка». Она ждет вас в старой штольне. Подберите ее, замаскируйте дровами и доставьте в Явор, на Гвардейскую».

Крыж перестал писать, поднял голову и умоляющими глазами посмотрел на Файна:

— Сэр, подвергаете себя страшному риску. По следам «посылки» сюда могут прийти пограничники.

— Могут! Если нам с вами не повезет, то мы их встретим как следует. Стреляю я без промаха на расстоянии до пятидесяти метров. Вам же придется воспользоваться гранатой.

— Сэр, есть другой выход.

— Какой?

— Спрятать «посылку» в лесу. И взять ее, когда она понадобится.

— Нельзя, Любомир. Мы должны действовать только по плану, выработанному «Бизоном». Итак, пишите: «Подобрать «посылку» в указанном квадрате и доставить ее в Явор, на Гвардейскую».

Крыж покорно склонился над бумагой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В большом долгу я перед тобой, читатель! Пора, давно пора рассказать тебе о Терезии Си-

мак, вокруг которой в первой части настоящего повествования развернулось столько важных событий.

Нежданный и негаданный приезд Ивана Белограя, ее заочного друга, ошеломил Терезию. Белограй показался ей таким хорошим, так он тронул ее, что она на какое-то мгновение забыла все на свете: и строгую мать, и любивших посудачить соседей, и даже Олексу Сокача, который был для нее больше чем другом. Она давно любила его, и он любил ее. Осенью они собирались пожениться.

К счастью для Терезии, она скоро опомнилась. Правда, это произошло не без помощи старшины Смолярчука. Он разыскал ее на берегу Тиссы. Сейчас же после того, как она рассталась с Иваном Белограем, он пригласил ее к начальнику заставы.

Терезия вошла к капитану Шапошникову, уже порядочно растревоженная вопросами Смолярчука: давно ли она знает своего гостя, Белограя, как и когда познакомилась с ним. Предчувствуя недоброе, с виноватым выражением лица, готовая каждую секунду разрыдаться, она села на краешек стула, скрестила на коленях руки и покорно ожидала страшных вопросов.

Шапошников с первого взгляда понял ее тяжелое состояние и решил быть крайне осторожным.

— Ну как, Терезия, распахали залежные земли над Тиссой?

Она молча кивнула, и губы ее задрожали.

— Значит, у вас в этом году посевная площадь расширится чуть ли не наполовину?

Она опять кивнула и белыми острыми зубами крепко прикусила нижнюю губу.

— А Соняшну гору не собираетесь в этом году

приводить в божеский вид? Не мешало бы и левый, каменистый ее бок украсить виноградниками.

Терезия вскинула голову:

— Зачем я вам понадобилась, товарищ начальник? Спрашивайте!

Голос ее прозвучал сурово.

Шапошников улыбнулся:

— Вот теперь могу спрашивать. Теперь вы сможете ответить на все вопросы.

Он спросил о том же, что и Смолярчук: ждала ли она своего сегодняшнего гостя, откуда он прибыл, по ее приглашению или так, сам, давно ли она его знает, как и когда познакомилась.

Терезия ответила. Когда капитан Шапошников узнал, что Иван Белограй ее заочный друг, что познакомилась она с ним письменно, он попросил ее принести на заставу все письма Ивана Белограя, полученные ею из Берлина. Терезия принесла. Шапошников спрятал их в несгораемый шкаф и заручился словом Терезии, что она никому не будет рассказывать о своем разговоре с пограничниками. Даже матери. И особенно не должен знать об этом Иван Белограй. Если он еще раз появится в доме Терезии, она и вида не должна подать, что ее отношение к нему изменилось. Пусть пока все остается по-старому.

Терезия вернулась домой. Мать, накинув на плечи платок (с гор тянуло не весенней прохладой), ждала дочь у калитки.

— Ну, зачем ты понадобилась пограничникам? Винтовки на рогачи хотят поменять да солдатский субботник устроить на твоей Соняшной горе? Так или не так? Говори! Чего молчишь?

— Нет, мама, у пограничников другое дело.

— Какое же?

— Да так... по комсомольской линии.

Опустив голову, Терезия быстро прошла мимо матери, скрылась в доме. Ужинать она отказалась. Легла в постель не раздеваясь.

Мать, умаявшись за длинный весенний день, крепко спала, а Терезия весь поздний вечер и всю ночь проплакала. Стыдно, больно ей было за то, что случилось сегодня, и страшно за день завтрашний. Не зря заинтересовались пограничники ее берлинским другом. Не друг он ее, нет! И не Иван Белограй. И как же она этого сама не увидела? Как позволила себя так опозорить? Явился перед ней кудрявый, с красивыми очами, веселый, бойкий на язык, и она, дура этакая, приняла его за хорошего человека, улыбалась ему, ласкала глазами и даже... Да разве можно перенести такое?

Терезия неистово терла платком пылающий оскверненный рот, скрежетала зубами. Обессилев от ярости, от презрения к себе, опять начинала плакать. Так, в слезах, и заснула.

Утром, увидев дочь, мать всплеснула руками, заохала:

— Господи! Что с тобой, донько? На тебе лица нет. Бледная... Щеки втянуло, как у старухи. Глаза провалились.

— Заболела я, мама,— уклончиво ответила Терезия и направилась к двери.

— Да чем же ты заболела? Вчера вечером была здоровая, а сегодня... Пойдем сейчас же к доктору!

— Зачем? Не нужен мне доктор!

— Да ты что мелешь, говоруха? Как это так — не нужен тебе доктор?

— Так... он мне не поможет.

— А кто ж тебе поможет? Постой, донько, постой!..

Мать взяла дочь за подбородок, подняла ее низко склоненную голову, пытливо заглянула в глаза. Неужели ее единственная, ненаглядная дочь непоправимо обижена? Неужели ей уже заказана дорога к счастью? Когда же это случилось? Кто этот супостат, обидевший добрую, работящую, честную, доверчивую и красивую дивчину? Где он? Да она ему глаза выцарапает, да она его сердце вырвет и бросит собакам из Цыганской слободки...

О чем только не передумала Мария Васильевна, чего только не перечувствовала, глядя в глубоко ввалившиеся глаза дочери!

— Ганнуся, родная моя, говори правду, ничего не скрывай.

Только в минуты особого материнского волнения, когда любовь к дочери до краев переполняла ее сердце, Мария Васильевна называла Терезию Ганнусей. И первое и второе имена были даны ей давно, со дня рождения.

Все новорожденные девочки, дочери прихожан протестантской церкви, как правило, получали двойное имя. Получила его и дочь Марии Васильевны. Ганнусей она звала ее до года, кормя грудью. Позже — Ганкой-Терезией, потом просто Терезией. Ганнуся воскресала всегда в тех случаях, когда матери хотелось по-особенному нежно приласкать свою доньку.

И только один Олекса Сокач называл ее постоянно Ганнусей. Терезии для него не существовало, хотя для всего колхоза она была Терезией, хотя под всеми ее портретами, напечатанными в газетах и журналах, значилось, что она Терезия Симак, Герой Социалистического Труда, виногра-

дарша из пограничного колхоза «Заря над Тиссой». Свою преданность первому имени Терезии он объяснял очень просто: «Ты для всех Терезия, а для меня и матери — Ганнуся. Только мы имеем право тебя так называть».

Все это вспомнила Терезия, услышав материнское «Ганнуся».

— Чего ж ты молчишь? — встревоженно настаивала мать.— Говори! Все говори! Ничего не бойся.

Терезия отвела глаза от матери:

— Нечего мне тебе сейчас говорить, мама. Потом... скоро узнаешь.

— Да что я узнаю? — чуть не закричала, чуть не застонала Мария Васильевна.— Случилось что-нибудь, да?

— Мама, если любишь, ничего не будешь спрашивать.

— Ганнуся!

Терезия была неумолима: ушла на Соняшну гору, не открыв матери своей тайны.

На горе Соняшной Терезию встретила веселая толпа ее подруг по бригаде. Стоя полукругом на взрыхленном склоне виноградника, они опирались на свои рогачи и дружно, в один голос, декламировали: «Любят летчиков у нас. Конники в почете. Обратитесь, просим вас, к матушке-пехоте... Обойдите всех подряд — лучше не найдете; обратите нежный взгляд, девушки, к пехоте...»

Не выдержав, они рассмеялись и со всех сторон бросились к Терезии.

— Ну, бригадир, принесла нам привет от кудрявого пехотинца? — спросила веселоглазая смуглолицая Марина.

Терезия поняла, что Иван Белограй, перед тем

как прийти к ней, был здесь, на виноградниках Соняшной горы, говорил с девчатами и всех их околдовал, как и ее.

Василина, Вера, Евдокия допытывались:

— Как поживает твой гвардеец?

— Почему не привела его на виноградники?

— А кем он тебе доводится, Терезия: сватом, братом, приятелем или просто так... пятое колесо до воза?

— Не поломал бы ему ребра твой Олекса...

Что должна была сказать своим подругам Терезия? Как повести себя? Подхватить шутку, посмеяться: низко, мол, кланяется вам, девчата, Иван Белограй, всех обнимает, желает здоровья и счастья? Нет, она не засмеялась и даже не улыбнулась. Строго, с достоинством посмотрела на развеселившихся подруг, покачала головой:

— Эх, девчата, девчата!.. Я думала, уважаете меня, а вы... Этот гвардейский пехотинец Иван Белограй такой же мой, как и ваш. Он освобождал для нас с вами Закарпатье, кровью заплатил за нашу свободу...

Виноградарши смутились. Они действительно уважали Терезию и совсем не хотели ее обидеть.

Бойкая на язык Марина первая дала отбой. Обняла бригадиршу, поцеловала в щеку:

— Не гневайся, Терезка. Все это мы от широкого сердца.

Теперь Терезия позволила себе улыбнуться:

— И насчет Олексы Сокача и ребер тоже от широкого сердца?

— А то как же! Вот явится сюда еще раз Иван Белограй, так мы ему так прямо и скажем: смотри, гвардеец, у нашей Терезии есть жених, и он очень и очень ревнивый.

— Ладно, девчата, довольно об этом,— серьезно и решительно сказала Терезия.— Не за тем я пришла к вам. Хочу попрощаться. До свидания. Смотрите ж тут, не обижайте Соняшну гору.

— Не обидим, Терезка, будь спокойна! — дружно откликнулись виноградарши.

Попрощавшись с подругами, Терезия вернулась домой, где ее уже дожидалась машина. В тот же день она села в поезд Явор — Будапешт и покинула Советский Союз, так и не повстречавшись с Олексой Сокачем и, значит, не рассказав ему о своей встрече с Белограем. Вернулась из-за границы после первомайских праздников, когда ее «берлинский друг» был уже разоблачен. Терезия узнала об этом от майора Зубавина. А дома, от матери, она узнала о том, что, пока она была в Венгрии, приходил Олекса Сокач. Мрачный. Злой. Неразговорчивый. Молча положил на нижнюю ступеньку связку книг, которые когда-то брал читать у Терезии, и молча, чужой и враждебный, ушел.

Терезия поняла, что до Олексы Сокача дошел слух о ее «берлинском друге». Она сейчас же бросилась в Явор, чтобы рассказать Олексе правду.

Дома его не застала: уехал на паровозоремонтный завод во Львов принимать для своей комсомольской бригады новый паровоз.

Терезия устремилась к другу Олексы — Гойде. С трудом сдерживая слезы, краснея от стыда, не смея посмотреть Василю в глаза, она чистосердечно исповедалась перед ним. Он сочувственно выслушал ее, утешил как мог: «Не горюй, Терезия, все у вас уладится». А потом, став озабоченно-строгим, спросил:

— Предупреждал тебя майор Зубавин, чтобы ты никому ничего не рассказывала об этом Иване Белограе?

— Предупреждал.

— Почему же ты не держишь слово, товарищ пограничная комсомолка? Почему первому встречному выкладываешь такие важные секреты?

— Разве ты первый встречный? Я же только тебе, одному тебе, рассказала.

— Могла мне и не рассказывать, так как я давно все знаю. Олексе тоже собираешься рассказать?

— А как же! Если ему не расскажу, так он...— Терезия запнулась и замолчала.

Василь Гойда смотрел на девушку веселыми, смеющимися глазами, а она готова была вот-вот расплакаться.

— Что же он сделает? — насмешливо спросил Гойда.— Разлюбит? Не женится?

— Он и так уже разлюбил! — Крупные слезы побежали по щекам Терезии.— Поверил сплетням!.. Не захотел даже поговорить с моей мамой, убежал.— Терезия схватила руки Гойды и, сжимая их, умоляюще заглядывала ему в глаза: — Василь, расскажи ему правду, образумь!

— Сначала тебя надо образумить, дивчина хорошая. Терезка, дурачина, успокойся! Выбрось из головы, что Олекса разлюбил такую дивчину, как ты! Немыслимое это дело. Да он сам к тебе завтра или послезавтра явится, сам прощения попросит и сам будет набиваться со своей любовью. Эх, Терезка, Терезка!.. «Золотая Звезда» на твоей груди, а цены ты себе не знаешь. Побольше гордости, красавица! Повыше голову, знаменитая виноградарша! Недоступно сверкай глазами! Таких, только таких, любит наш брат мужчина!

Василь Гойда утешал Терезию в таком же духе еще полчаса. К концу разговора с ним она перестала плакать и на ее просоленных слезами губах блеснула первая улыбка. Она ушла от Василия Гойды уверенная в том, что такой парень обязательно наладит ее дружбу с Олексой.

Олекса Сокач вернулся из Львова на новом паровозе «ЭР 777-13». Локомотив поставили на запасный путь. Он сейчас же был окружен группой молодых яворских паровозников. Комсомольцы сняли с трубы предохранительный щиток, осторожно смыли керосином смазку, заправили буксы, подтянули все гайки, подбили буксовые и дышловые клинья, выкупали весь паровоз, от трубы до колес, подкрасили по своему вкусу, не жалея самых дорогих красок и не считаясь с усердием.

— Ну, хлопцы, как мы ее назовем? — спросил Олекса, закончив покрывать алой нитроэмалью колеса машины.

— Ганной-Терезией! — воскликнул кочегар Иванчук.

Иванчук так покорно сложил руки на груди, так виновато усмехнулся и так смиренно зажмурился, что все комсомольцы засмеялись. Вынужден был улыбнуться и Олекса.

— Давайте назовем ее просто... «Галочкой»,— предложил он.

— Кто она такая, эта самая Галочка? — спросил Иванчук.— Замужняя или еще невеста?

Под всеобщий смех товарищей Олекса ответил, что галочка — это обыкновенная птица с длинным сизым носом, с черным хвостом и черными крыльями.

К вечеру машина «ЭР 777-13», сияющая лаком, медью, никелем, с полным тендером угля и воды, готова была вступить в строй действующих локомотивов.

Олексе Сокачу хотелось сию же минуту вскочить на паровоз, раздуть пламя в его топке, поднять пар и помчаться с тяжеловесным поездом в любую часть света. Увы, этот желанный момент отодвигался на продолжительное время, так как на линии было достаточное количество рабочих паровозов. Послезавтра, согласно графику, станет на очередную промывку «ЭР 770-09». И только тогда «Галочка» будет иметь право на огонь, на пар, на труд, на жизнь. Через два дня! А что же делать Олексе сегодня и завтра?

Он вздохнул и, оглядываясь на свою красавицу, отправился домой.

На выходе из ворот депо он лицом к лицу встретился с Андреем Лысаком. На практиканте был светлокоричневый, с золотой искрой костюм, песочного цвета шелковая рубашка и желтые сандалеты. Он был надушен и модно причесан.

— А, Олекса, здорово! — Он протянул Сокачу обе руки.— Поздравляю с получением паровоза, товарищ бригадир! Когда в рейс?

— Когда прикажут. Ты еще не раздумал практиковаться на моем паровозе?

— Что ты! Наоборот. Я только об этом теперь и думаю: как буду с тобой работать.

— Не похоже! — Олекса с ног до головы оглядел Лысака.

Лысак вздохнул, развел руками и поднял глаза к небу:

— Грешен: люблю красивую рубашку и добротный пиджак, люблю выпить хорошего вина. Молодость!.. Состарюсь, так все разлюблю, все,

кроме молока! — Лысак засмеялся.— Сегодня тоже собираюсь грешить. Может, составишь компанию, а? — Он похлопал себя по карману: — Деньги имеются.

Олекса покачал головой:

— На чужие не гуляю.— Он достал пятьдесят рублей, протянул Лысаку: — Вот тебе долг, держи!

— Какой долг? Чепуха! — Андрей решительно отстранил руку Сокача.— Спрячь, если не хочешь, чтоб я рассердился. Вчера я тебя угостил, а завтра — ты меня.

— Нет, дружище, от меня ты не дождешься угощения. Возьми!

— Пожалуйста, могу взять. Ты куда сейчас идешь?

— Никуда.

— Как это — «никуда»?

— Так. Домой. На Кировскую.

— Нам по дороге. Я провожу тебя.

Андрей взял Олексу под руку, и они вышли из депо.

— Что это ты сегодня такой колючий? — ласково спросил Лысак.

— Я всегда такой.

— Нет, не всегда. Праздник у тебя, новый паровоз получил, а ты... Может, случилось что-нибудь? — Лысак шлепнул себя ладонью по лбу, остановился, придержал товарища.— Да, Олекса, правда то или неправда, что про тебя и про Терезию говорят? Будто слесарь Иван Белограй, демобилизованный гвардеец из Берлина, отбил у тебя Терезию, женится на ней. Верно это или сплетни?

Олекса угрюмо молчал.

— Ну, а ты сам как думаешь? — вдруг спросил он и вызывающе посмотрел на Лысака.

Андрей не ожидал такого ответа. Он растерялся и не сразу нашелся, что сказать. Готовясь по поручению Крыжа к разговору с Олексой, намереваясь у него выведать что-нибудь об Иване Белограе, он предусмотрел, казалось ему, все, что скажет Олекса и что он ответит. Нет, оказалось, не предусмотрел.

— Я думаю... думаю, что это неправда.

— А зачем же ты тогда лезешь с этой неправдой в мою душу?

И выражение лица Олексы и его взгляд были злыми, а руки сжались в кулаки. Это не испугало Андрея.

— Не кипятись, механик. Я все это тебе по-дружески сказал, чтоб ты знал, какие идут разговоры о Терезии и об этом геройском слесаре Иване Белограе. Интересно посмотреть на него — какой он? Говорят, красавец, глаз не оторвешь. Верно это?

— Не знаю.

— Да ты видел его или не видел?

— Ну, видел. Мордастый. Высокий, как верблюд.

— Давно видел?

— Еще до отъезда во Львов.

— А после приезда не видел?

— Нет... Да чего ты пристал с этим Белограем? Пошел ты с ним знаешь куда...

Последние слова Олексы отрезвили Андрея Лысака. Он понял, что сказал лишнее, не в меру был настойчив и неосторожен в своих расспросах. А ведь дядя Любомир специально предупреждал: смотри интересуйся Белограем как бы между прочим. Надо было исправлять положе-

ние, выкручиваться. Андрей засмеялся, по-дружески обхватил плечи Олексы:

— Никуда я не пойду с этим Белограем. Не нужен он мне. С тобой я пойду, на Кировскую.

— Не пойдешь со мной на Кировскую. Я остаюсь здесь, на Степной. Мне надо зайти к товарищу.

Олекса снял с плеча руку Андрея, холодно кивнул и направился во двор, огороженный высоким цветущим терновником. Здесь жил Василь Гойда.

— А вот ты и сам явился! Очень хорошо! Молодец! Чуткий товарищ, быстро догадался, что счастье в опасности.

Такими словами, глядя на Олексу смеющимися глазами, встретил его Василь Гойда.

Олекса хорошо знал характер друга и потому не придал особого значения его словам. Он, как обыкновенно, поздоровался, достал сигареты, сел к окну, где всегда сидел, и приготовился подробно рассказывать, как ездил во Львов, какой получил паровоз, как разукрасила его комсомольская бригада. Но Василь Гойда неожиданно направил разговор совсем на другие рельсы. Закуривая, он сказал:

— Недавно у меня была Терезия...

Олекса испуганными глазами смотрел на друга и ждал, что тот еще скажет.

— Привет тебе передавала,— добавил Гойда.— Удивляется, почему ты ее забыл, почему перестал ездить на своем мотоцикле на Соняшну гору.

— И больше ничего она тебе не говорила? — спросил Олекса. Лицо его окаменело, голос зазвенел.

Гойда делал вид, что не замечает перемены ни в лице Олексы, ни в его голосе.

— У нас с Терезией большой был разговор, всего не упомнишь.

— Про меня она больше ничего не говорила?

— Про тебя? Постой, дай вспомнить. Да, вот!.. «Соскучилась я, говорит, по Олексе, а он, дурак, не догадывается об этом, не показывается над Тиссой».

— Василь, ты брось эти свои шутки! Я с тобой серьезно. Знаешь ты, что Терезия сделала? Она... она...— Олекса махнул рукой, отошел к окну.

Гойда похлопал ладонью по спине Сокача:

— Правильный у тебя язык, Олекса, умница: отказался слушаться твоей глупой головы и ревнивого сердца. Эх, ты!.. Поверил сплетням...

Олекса круто, всем корпусом повернулся к Гойде, воскликнул с гневом и болью:

— Не сплетни это! Я сам разговаривал с Иваном Белограем и собственными ушами слышал, что он говорил.

— Интересно, что он тебе говорил?

— Ну... почему он демобилизовался, почему приехал в Закарпатье. Ради нее все это сделал. Оказывается, он ее жених. Вот! А я, дурак... И не мне одному он хвастался своей невестой: все депо знает.

— Он и должен был хвастаться, такая у него была роль. А вот ты, Олекса, должен был бы поехать к Терезии и поговорить с ней, правда то или неправда.

— Правда!

— Ничего ты не знаешь.

— Знаю! Она с ним давно переписывалась, я сам его письма читал.

— Вот, видишь!.. Терезия показывала тебе бе-

лограевские письма. Значит, никакого жениховства не было. Переписывалась с ним, как с другом, как с солдатом, который освобождал Закарпатье, а ты...

— Ты брось ее защищать, не стоит она!

— Стоит! — закричал Гойда.— Слушай, голова, два уха, когда ты разговаривал с Иваном Белограем?

— Давно.

— С тех пор не видел его?

— Нет.

— И не увидишь. Иван Белограй исчез. Уехал из Явора... Куда? В неизвестном направлении... Почему? Потому что... Одним словом, он понял, что Терезии ему не видать, как собственных ушей, и драпанул. Подробности я расскажу тебе в другой раз. Вот и все. Между прочим, какое на тебя произвел впечатление этот Иван Белограй? Говорят, с виду он был симпатичным парнем. Как по-твоему?

— На такой вопрос я уже отвечал. Что это вы все так интересуетесь Белограем?

Гойда подбежал к другу, схватил его за руку:

— Ты сказал, что уже отвечал на такой вопрос? Кто еще интересуется Белограем?

— Из Львова приехал на практику Андрей Лысак. Вот он и допрашивал меня: верно ли, что Белограй жених Терезии, когда я видел его, до отъезда или после приезда, красивый ли он...

— Андрей Лысак? Франт с Железнодорожной? Сын портнихи? Откуда ты его знаешь?

— Собирается на моем паровозе практиковаться. Хочет стать машинистом.

— И как ты ответил на его вопросы?

— Как и полагается. Послал ко всем чертям.

— И правильно сделал. Олекса, слушай меня

внимательно. Ты любишь Терезию. Она тебя тоже любит. И не переставала никогда любить. Если ты себе не враг, если считаешь меня своим другом — верь моим словам! Верь и завтра же садись на свой мотоцикл, мчись на Соняшну гору, обними и поцелуй Терезию. Можешь ей ни одного слова не говорить, только обними и поцелуй. И все будет в порядке, как и раньше.

Убежденность Гойды, его загадочный тон обескуражили Олексу Сокача:

— Василь, ничего не понимаю... Ты чего-то не договариваешь.

— Не договариваю, правильно. Договорю потом, когда буду иметь право. Ясно?

— Кажется, начинаю догадываться.

— Ну, так делай это молча, ни с кем не делись своими догадками.— Он многозначительно улыбнулся: — Этого требуют интересы твоего счастья, а также государственные интересы.

Так, полушутя, полусерьезно, закончил разговор Гойда с Олексой Сокачем.

Олекса вернулся домой поздно вечером.

Мать Олексы, как всегда, не ложилась, ждала его возвращения.

Анна Степановна души не чаяла в сыне. У нее была только одна тревога, одна забота, одна радость — Олекса. Просыпалась она, когда он еще спал; ложилась, когда он уже спал. С утра до ночи трудилась: готовила завтрак, обед, стирала белье, разглаживала рубашки, штопала носки, вязала из ангорской шерсти телогрейки, шарф или рукавицы. У Олексы всегда были и новые рубашки, и свежая обувь, и хороший костюм, не переводились сигареты. Бережливая Анна Степановна умела тратить деньги так, что Олекса ни в чем не испытывал недостатка. К деньгам, зара-

ботанным сыном, прибавляла изрядную долю своих. Прекрасная вышивальщица, унаследовавшая это ремесло от матери и бабушки, от несравненных ясеницких мастериц, она зарабатывала порядочно.

Никогда она не жаловалась Олексе ни на какие свои болезни и заботы. Но зато каждый день спрашивала, как он, Олекса, работал, с кем встречался. Больше всего мать интересовалась его дружбой с Терезией. Тут ее любопытство не знало границ. Все ей надо было знать: не разбаловалась ли она, став знаменитой виноградаршей, добрая или злая от природы, почитает ли свою мать, что умеет делать, кроме выращивания винограда, любит ли наряжаться, бережливая или мотовка. Олекса, посмеиваясь, утешал мать: «Хорошая она, мама, не беспокойся». Но разве есть на свете слова, которые могли бы примирить мать с тем, что ее сын уже не всецело принадлежит ей, что его сердцем овладел кто-то другой...

Мать молча поставила перед Олексой ужин. Пока он ел, Анна Степановна сидела у плиты, сердито постукивая спицами и не поднимая глаз. Он поужинал, закурил и, подойдя к матери, прижался щекой к ее щеке.

— Эх, Олекса, Олекса...— Анна Степановна положила на стол аккуратный, в темнокрасном переплете томик «Молодой гвардии».— Вот, твоя Ганна-Терезия просила передать.

— Ганна? — Олекса схватил книгу, раскрыл ее, ожидая увидеть письмо или, на крайний случай, какую-нибудь надпись на заглавной странице. Ни письма, ни надписи не было. Встряхнул книгу, перелистал страницы — ничего. Он перевел взгляд на мать, хотел спросить у нее, когда была Терезия, что она говорила, в каком была настрое-

нии. В глазах матери он увидел осуждение его радости.

Под окном послышались шаги, и кто-то забарабанил пальцами в стекло:

— Эй!.. Товарищ Сокач!

— Кто там? — Олекса открыл окно.

В палисаднике, держась за шершавый ствол цветущего абрикосового дерева, стоял знакомый парнишка из депо, рассыльный Грицай. Олекса ясно видел облупленный нос Грицая, его крупные губы, рыжую голову, парусиновые туфли на босых ногах и все-таки не поверил глазам. О, появление Грицая в столь позднее время означало так много, что поверить сразу было нелегко.

Олекса молча смотрел на позднего гостя.

— Что так смотришь? Не узнаешь?

И какой же у Грицая славный голос, как много он обещает! И какой он вообще весь замечательный, этот неприкаянный, без отца и матери, парнишка!

— Ты чего пришел? Что тебе надо? — спросил Сокач.

— Твою машину срочно, сверх всякого графика, заправили. В двадцать три ноль-ноль. Покурим, а?

Сокач достал пачку сигарет «Верховина», бросил ее на подоконник.

Грицай аккуратно размял сигарету, зажег спичку, закурил. Олекса терпеливо ждал.

— Заправили, говорю, твою машину,— повторил рассыльный.— Так что готовиться надо в поездку.

— Когда ехать? — Олекса притворно зевнул.

— На семь тридцать приказано вызвать.

— Куда поедем?

— На «Северный полюс».

— Что ж, на полюс, так на полюс. Зайди на Железнодорожную, к практиканту Лысаку, предупреди, что завтра поездка.— Он еще раз и, конечно же, опять притворно, зевнул. В душе Олекса ликовал. Ему хотелось схватить парня за руки, втянуть в окно и отгрохать с ним посреди ночи гопака.

Грицай сказал, что начальник депо уже приказал предупредить практиканта, и ушел, шаркая своими парусиновыми туфлями.

Если бы не позднее время, если бы Терезия жила не на самой границе, а где-нибудь в городе, Олекса сейчас бы помчался к ней и сказал, что завтра... «А не напутал ли чего Грицай? — вдруг подумал он.— Не розыгрыш ли это? О, если так!..»

Олекса оделся и, сказав матери, что скоро вернется, выскочил на улицу. В конце ее светились большие, во всю стену, окна дежурной аптеки. Отсюда можно соединиться по телефону с паровозным депо. Дежурный слово в слово подтвердил все, что сказал рассыльный. Завтра!.. В семь тридцать... Да, теперь не может быть никаких сомнений. Олекса повесил трубку, выскочил из аптеки и остановился. Что же теперь делать? Куда идти? С кем поделиться радостью?

На башне городского Совета тускло мерцали бронзовые стрелки, почти накрывающие одна другую. Небо повсюду густо усеяно звездами. Только на севере оно закрыто не то облаками, не то горами, похожими на облака.

Московская улица, в четыре ряда обсаженная цветущими каштанами, была пустынна. Город уже спал, убаюканный тишиной, какая только бывает у южного подножия Карпат весной, среди цветущих виноградников и садов.

В полнакала тлели матовые дежурные шары. Скупо блестела ночная роса на свежеокрашенных бульварных скамейках. Чернела сырая земля на цветнике вокруг братской могилы; в слабом электрическом свете искрился гранит на обелиске.

Олекса дошел до конца Московской, до моста, и остановился. Черная громадная тень старинного, крепостного вида здания лежала на выложенной каменными плитами набережной. Сухие, выцветшие камни отдавали накопленное за день тепло. Внизу, за железными перилами набережной, шумела быстрая, прохладная Каменица. Огненные водоросли трепетали на поверхности воды — отражение звездного неба. Прибрежные ивы полоскали в горной снеговой воде свои молодые ветви.

Сокач спустился к реке, подошел к первой иве, сломал небольшую веточку и бросил в Каменицу. Стремительные белогривые струи подхватили добычу и, то скрывая ее в пучине, то выбрасывая на поверхность, понесли вниз, к Тиссе, к Дунаю.

Олекса проводил далекую странницу веселым свистом. Счастливый путь! Что же еще сделать, куда пойти? Терезия... Если б она была рядом!

Проходя мимо ресторана с красным огненным раком, распростертым по стеклу витрины, Олекса увидел Андрея Лысака и цыгана-скрипача Шандора. Они стояли на тротуаре, махали руками перед машинами, проезжающими по улице, пьяно горланили:

— Такси!.. Такси!..

Олекса с опаской, стороной обошел гуляк. Отойдя на значительное расстояние, оглянулся. Скрипач Шандор и Андрей Лысак, не дождавшись такси, пошли пешком, шумно переговариваясь. Они удалялись в сторону Цыганской сло-

бодки. За ними, в тени деревьев, следовал какой-то человек, очень похожий на Василия Гойду. Олекса внимательно пригляделся. Да, это он, Гойда. Вспомнив разговор с Гойдой, он понял, почему его друг сейчас заинтересовался пьяным Андреем Лысаком. Вернувшись домой, Олекса разделся и лег спать.

Часы на башне пробили один раз, потом два, а сон не шел к Олексе. Какой там сон! Глаза так живо, так отчетливо видели «Галочку» на фоне предрассветного неба. Вороненый котел. Алые колеса. Белые бандажи. Прекрасная, видимая всему миру, неслась «Галочка» по Верховине. И кто же управлял такой машиной? Слушайте! Слушайте!.. Олекса Сокач! Самый молодой машинист в Закарпатье. Эй, бородачи, первоклассные механики, посторонитесь, дайте дорогу!

Так, в мечтах о завтрашнем дне, и заснул Олекса. Собственно, это был не сон, а сплошное мученье. Едва заснув, он просыпался. Всю ночь ему виделось одно и то же: то его без всякого объяснения лишали прав управления паровозом, то он не мог сдвинуть паровоз с места, забыв от волнения, где находится реверс и регулятор, то поезд, потеряв управление, летел под уклон и, сорвавшись с железнодорожного пути, падал в мутную весеннюю Тиссу. Андрей Лысак стоял на крутом берегу, подбоченясь, и хохотал.

Ни одного хорошего сна в такую ночь! Удивительно. И обидно.

Рассвет был дождливый и туманный.

Олекса потихоньку, чтобы не разбудить мать, надел свою заношенную до глянца, одубевшую спецовку и, не моясь под краном, кое-как расчесав волосы, выскочил на мокрую, придавленную туманом улицу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В тот день, когда Олекса Сокач готовился к поездке на «полюс», произошли важные события, о которых я должен рассказать тебе, читатель, раньше, чем ты последуешь за Сокачем и Лысаком в Карпаты.

Утром Зубавину стало известно, что ночью в Цыганской слободке, в доме ресторанного музыканта Шандора, появился Андрей Лысак. Пропьянствовав с цыганами до рассвета, он покинул слободку и направился в Явор, на Железнодорожную улицу, в дом своей матери.

Пьяный разгул двадцатилетнего парня заинтересовал бы Зубавина даже и в том случае, если бы он еще не знал, что Андрей Лысак, видимо, выполняя чье-то поручение, старался выяснить судьбу Ивана Белограя.

Цыганская слободка ближе, чем другие окраины Явора, подходит к государственной границе. В Цыганской слободке жили люди, в прошлом часто кочевавшие за границу: контрабандисты, переправщики, содержатели тайных квартир. Не этим ли вызван интерес Андрея Лысака к Цыганской слободке?

Зубавин прежде всего поставил перед собой вопрос: каковы отношения Андрея Лысака и цыгана Шандора, когда они начались и на чем держатся? Зубавин выяснил следующее. Шандор давно, года два или три, знал денежного парня, сына модной портнихи. Андрей Лысак часто бывал в ресторане, где играл на скрипке Шандор, заказывал ему свой любимый чардаш, хорошо платил, угощал ужином. До вчерашней ночи Андрей Лысак лишь один раз был на квартире у Шандора. Цыган же к нему никогда не загля-

дывал. Встречались они обычно в ресторане. Почему же Андрей Лысак сейчас решил кутить в Цыганской слободке? Кто был инициатором этого кутежа? Вряд ли это Шандор, привыкший пить за чужой счет. Нет, это не он, а Лысак инициатор. Почему он потянулся к пограничным цыганам? Не задумал ли он с помощью цыган удрать за границу? Если это так, то почему двадцатилетний парень захотел удрать из Советской страны? Нет, это подозрение пока не имеет никакого основания, его надо тщательно проверить. Зубавин позвонил во Львов, полковнику Шатрову, и попросил установить, не совершил ли там, во Львове, Андрей Лысак, курсант школы паровозных машинистов, какого-нибудь неблаговидного поступка, который бы вынудил его думать о бегстве за границу. Ответ был отрицательным. Нет, Лысак ничего не совершил. Парень непутевый, ресторанный завсегдатай, неважный курсант, ни одного привода в милицию не имел, вне подозрений как преступник. Зубавин обрадовался, что одно важное его предположение оказалось беспочвенным. Однако оставалось еще и другое. Чье поручение выполнял Лысак, выуживая у Сокача сведения об Иване Белограе? Зачем ему понадобилась Цыганская слободка?

Зубавин приказал усиленно наблюдать за Лысаком. По длительному опыту он знал, что в пограничном городе таких людей нельзя оставлять без внимания, не интересоваться их связями. Сегодня они кутят, а завтра...

Вернувшись домой, Андрей Лысак весь день проспал. Вечером было зафиксировано, что в доме портнихи появился продавец Книготорга Любомир Крыж. Зубавин сейчас же спросил себя, кто такой этот Крыж, зачем и к кому он при-

шел — к хозяйке или ее сыну? Выяснилось, что Крыж давний сердечный друг Марты Стефановны. Выходит как будто, что его появление в доме портнихи закономерно, не имеет никакого отношения к Андрею Лысаку. Конечно, могут быть всякие неожиданности, но пока Крыж не имеет права на углубленное к себе внимание. Зубавин отодвинул в сторону эту маловажную фигуру и сосредоточил всю свою энергию на Василии Петровиче Горгуле, помощнике начальника станции Явор.

В тот же вечер, о котором идет речь, Андрей Лысак был у Горгули в гостях. Что общего между этими людьми? Давно ли они знакомы? Пытаясь это узнать, Зубавин неожиданно для себя выяснил, что Горгуля незнаком с человеком по фамилии Лысак, никогда даже не слыхал о нем. Вот с этого момента Зубавин понял и почувствовал, что напал на настоящий след. Куда, к кому он выведет?

Андрей Лысак является к незнакомому человеку Горгуле, в течение часа находится в его доме, беседует о чем-то с хозяином и уходит. И после этого Горгуля осмеливается утверждать, что он не знает Лысака, никогда, мол, не слыхал о нем. Зачем врет? Почему отрекается от знакомства с Лысаком? Невыгодно оно ему? Боится обнародовать свою связь с ним? Да, похоже на то. Если это так, то возможно, что Горгуля уже завербован иностранной разведкой. Помощник начальника первоклассной пограничной станции Явор много знает, немало в его руках государственных тайн, он — соблазнительная приманка для «Бизона». Не подцеплен ли Горгуля на один из бизоновских крючков?

Ближайшие часы внесли ясность в загадочный визит Лысака к Горгуле. В беседе со своими со-

седками около водоразборной колонки жена Горгули проговорилась о том, что вчера вечером у них в доме был незваный и непрошенный гость. Кто такой? Не знает. Вчера в первый раз увидела. Высокий, с опухшей мордой, пучеглазый, пьяный. Если б такой встретился ночью на улице, закричала бы «караул». Зачем он приходил, о чем говорил с мужем, она толком не знает. По словам мужа, это один из служащих станции, приходил якобы просить внеочередной отпуск, так как собирается жениться. Не поверила она мужу. «Если это правда, что приходил за отпуском, то почему мой Василий сам не свой стал, когда выпроводил гостя на улицу? Всю ночь не спал, вздыхал».

Узнав об этом, Зубавин задумался. Что делать? Пусть события развиваются своим чередом, созревают? Изучать дальше Лысака и Горгулю, ждать, во что выльются их таинственные отношения? Но стоит ли ждать? Не опоздает ли? Не может ли он теперь быть полезным Горгуле? Нет, ждать нельзя! Надо немедленно действовать. Зубавин решил начистоту поговорить с Горгулей.

Войдя к нему в кабинет, он плотно прикрыл дверь, поздоровался и прямо приступил к делу:

— Василий Петрович, что за гость был у вас в позапрошлую ночь?

— Вы уже знаете!

Горгуля упал в кресло, закрыл голову руками и заплакал. Зубавин не впервые видел истерику у людей, изобличенных в преступлениях. Терпеливо ждал, пока помощник начальника станции освоится со своим новым положением и будет способен отвечать на вопросы.

Через пять минут Зубавин сказал:

— Назовите фамилию человека, который приходил к вам.

Горгуля поднял голову, приложил руки к груди:

— Не знаю, товарищ майор. Честное слово, не знаю. Никогда не встречался с ним до того вечера.

— Хорошо, допустим. Зачем он приходил?

— За деньгами. Он... Я... Дело в том, что я... одним словом, товарищ майор, это я своим «Москвичом» сбил велосипедиста на Краснополянской дороге. Арестовывайте.

Горгуля вышел из-за стола и, приблизившись к Зубавину, вытянул руки по швам, склонил голову.

«Сбил велосипедиста?..— подумал Зубавин.— На Краснополянском шоссе? Не знаю. Мне ничего об этом неизвестно».

— Когда это случилось? — спросил он.

— Несколько дней назад.— Горгуля махнул рукой, зажмурился.— Пострадавший умер. Сын потребовал пять тысяч. Обещал молчать.

— И вы дали?

Горгуля кивнул:

— Три тысячи. Больше не было.

«Обыкновенный шантаж»,— не без разочарования подумал Зубавин. Он подошел к телефону, связался с районной автоинспекцией и попросил дать справку, когда и где убит автомашиной велосипедист. Тут же, не отходя от телефона, получил справку. Нет, за последние недели, даже месяцы в районе не было зафиксировано ни одного подобного происшествия.

Положив трубку, Зубавин вернулся к Горгуле:

— Вы говорите, что сбили велосипедиста на Краснополянской дороге?

— Да,— твердо ответил Горгуля. — Сбил и удрал, как самая последняя...

— Вы ошибаетесь, Василий Петрович! Зря на себя наговариваете.

— Я ошибаюсь? У меня до сих пор правая фара разбита и на крыле вмятина.

Зубавин попросил Горгулю рассказать со всеми подробностями, как все это случилось. Выслушав его, он решил, что нужно осмотреть машину и побывать на месте происшествия.

Сделав то и другое, он пришел к выводу, что велосипедист нарочно бросился под машину Горгули. Зачем он это сделал? Ясно, с целью шантажа. Кто он, этот шантажист? Андрей Лысак — подставное лицо (его три дня назад и в Яворе не было). Кто же его послал к Горгуле? Крыж? Да, похоже, что так. И стоявшая в стороне фигура Крыжа выдвинулась на передний план, приковала к себе внимание Зубавина. Именно через час после появления Крыжа в доме портнихи Андрей Лысак идет к Горгуле и вымогает деньги. Значит, уважаемый, почтенный Любомир Крыж, активист культурного фронта, продавец книжного магазина, превосходный мастер — любитель резьбы по дереву, владелец замечательной библиотеки и редкой коллекции всевозможных деревянных изделий, сделанных руками верховинских пастухов, плотогонов и охотников, нигде и ничем не запятнанный Крыж,— шантажист? Нет, не может быть! Впрочем... Вспомнив сброшенного в пропасть кооператора Дзюбу и гвардейца Ивана Белограя, Зубавин сказал себе: «Всякое бывает. Поживем — увидим». Он попросил Горгулю и дальше никому не рассказывать, что с ним произошло, и приступил к глубокому изучению Любомира Крыжа. Ни один день, ни один

час его жизни он не оставлял вне наблюдений. Все фиксировалось: когда проснулся Крыж, опоздал или не опоздал на работу, куда пошел после закрытия магазина, с кем встречался, о чем говорил. Наблюдения долгое время не давали ничего интересного.

Однажды воскресным утром Зубавину доложили, что Крыж в сопровождении своего маленького приятеля, девятилетнего Коли Черевко, сына соседа, отправился на встречу пионеров с пограничником-следопытом старшиной Смолярчуком. О, это уже был многозначительный поступок! Почему Крыж направился во Дворец пионеров? Провожать Колю Черевко? Только за компанию с ним? А не потому ли, что надеется услышать, как Смолярчук в последнее время отличился в борьбе с нарушителями границы? Если это так, чем можно объяснить интерес Крыжа к рассказу Смолярчука? Просто любопытством? Любовью к пограничникам? Вряд ли. А может быть, для него не безразличны судьбы этих самых нарушителей границы, задержанных и обезвреженных Смолярчуком? Может быть, он хочет узнать, как провалились его тайные сообщники?

Ставя перед собой такие вопросы и отвечая на них, Зубавин, разумеется, не считал, что постиг истину. Возможно, и ошибается. Он искал. А когда ищешь, не всегда находишь удачу. Он в любое время, легко и с радостью, откажется от своих предположений относительно Крыжа, если они не подтвердятся. Нет, он не будет самолюбиво упорствовать, не будет строить здание на песке, не станет утверждать, что белое есть черное, а черное — белое. Зубавин в свое время прошел замечательную школу. У него были хорошие учителя. Кузьма Петрович Громада много лет на-

зад крепко внушил Зубавину, что советская разведка — лучший друг всякого честного советского труженика и смертельный враг его врагов. В соответствии с этим и должен действовать разведчик любого ранга. Каждый день имея дело с подонками человечества, с его заклятыми врагами — диверсантами, шпионами, террористами, ни на одно мгновение не утрачивай великую свою силу — человечность. Будь на уровне дел своей страны, своего народа, не забывай, что ты коммунист, помни, что ты только слуга государства, его часовой, его телохранитель,— и ты никогда не превратишься в горделивого петуха, в делягу, в независимого чинушу независимого департамента, в этакого «верховного надзирателя», стоящего над народом, над законами. Советская разведка — обнаженный меч в руках народа, безжалостно разящий тайных его врагов. Но грош тебе цена, разведчик, если твоего меча боится не только враг, но и твой друг. Будь бдительным, но не подозрительным. Борясь со шпионами, размахивайся осторожно, не бей заодно и своих. Охраняя государственную безопасность и благополучие народа в целом, не ущемляй ни прав, ни чести, ни достоинства отдельного человека. Каждый трудящийся должен жить и работать в полной уверенности, что его жизнь и покой находятся под надежной твоей защитой.

Все вышеизложенное для Зубавина давно стало непреложным руководством в его повседневной тяжелой работе. Оттого-то он и был осторожен. Изучая Крыжа и Лысака, он заботился и о том, чтобы они никак не почувствовали себя изучаемыми. И это ему до сих пор вполне удавалось. Удавалось потому, что он действовал не только силами своих сотрудников, но и при ближайшем

участии бесчисленных разведчиков-добровольцев. Яворяне активно помогали ему. Примечательным было то обстоятельство, что Зубавин многих из своих помощников впервые видел и не делился с ними, стало быть, тем, что думал о Крыже.

Светлана Андреевна Казанцева, кассирша книжного магазина Укркнигторга, где работал Крыж, пришла к Зубавину и заявила следующее. Недели две назад к ним в магазин забрел проезжий иностранец. Какой он национальности, она не знает. Говорил с Крыжем по-немецки. О чем — тоже не знает. Он купил англо-русский словарь и направился к выходу, перелистывая книгу. Не доходя до двери, вдруг вернулся к прилавку и попросил заменить ему экземпляр словаря, так как этот, по его словам, оказался с браком. В то время как Крыж менял словарь, иностранец что-то шепнул ему. Нет, нет, она не уверена, что это был какой-нибудь особенный, тайный шепот. По совести сказать, она сразу не придала ему никакого значения. И только потом, когда увидела словарь, побывавший в руках иностранца, встревожилась. Почему она решила обратить внимание на этот словарь? А просто так: интересно было посмотреть, чем он не понравился покупателю, какой брак допущен на книжной фабрике. Случайно она увидела, куда Крыж положил бракованный словарь. На вторую полку, третьим с края, ближе к окну. Бегло осмотрев книгу, Светлана Андреевна не увидела в ней никакого дефекта. Ее любопытство разгорелось. Она стала внимательнее рассматривать книгу и обнаружила, что не хватает одного листа. Двести восемнадцатая страница есть, а двести девятнадцатой и двести двадцатой нет. Лист был вырван, как за-

ключила Светлана Андреевна по свежему корешку, недавно.

— Видел Крыж, как вы осматривали этот словарь? — спросил Зубавин.

— Нет, он уходил в аптеку за лекарством.

— Очень хорошо, что не видел. Людей нельзя обижать необоснованным подозрением.

Лицо Светланы Андреевны стало растерянным, виноватым.

— Да я и сама этого боялась,— сказала она со вздохом.— И сейчас, признаться, боюсь. Любомир Васильевич всегда такой уважительный, культурный, образованный. Я столько от него хорошего узнала. Так что вы меня простите, товарищ майор, если я ошиблась, напрасно вас побеспокоила.

— Нас-то вы можете беспокоить в любое время, по любому вопросу, а вот...

— Я понимаю. Любомир Васильевич ничего не знает. Никто не знает. Только одному вам я рассказала о своих мыслях.

— Правильно делаете,— подбодрил Зубавин кассиршу.— Скажите, а почему вы не пришли к нам раньше?

— Да разве можно, не зная броду, соваться в воду? Я бы и сейчас не пришла, если бы...

— Случилось что-нибудь?

— Ну да! Крыж взял с полки забракованный экземпляр словаря, положил его в карман и унес домой. На другой день словарь был на месте. Но это уже был не тот экземпляр, я проверила: лист с двести девятнадцатой и двести двадцатой страницами не был вырван.

Зубавин записал все, что сказала Светлана Андреевна Казанцева, поблагодарил ее. Провожая кассиршу до двери, он попросил не стес-

няться беспокоить его в любое время дня и ночи, когда она найдет это необходимым.

— Значит, вы думаете, я не зря пришла к вам? — обрадовалась Светлана Андреевна.

— Думаю, что не зря... То есть в каком смысле не зря? — спохватился Зубавин.

— Я насчет Любомира Васильевича. Может он оказаться не нашим человеком?

Зубавин ответил уклончиво:

— Пока ничего не могу сказать. Поживем — увидим. До свидания, Светлана Андреевна, заходите.

Когда дверь за кассиршей закрылась, Зубавин вернулся к столу, достал папку с надписью «Горная весна» и вложил в нее заявление Казанцевой.

Столь стремительное продвижение Зубавина к цели не было неожиданным для него. За много лет работы в органах безопасности он неоднократно убеждался, что вражеский лазутчик, засланный к нам или завербованный на месте, сможет существовать безнаказанно в роли неизвестного до тех пор, пока активно не проявил себя или пока действует в одиночку, без всякого контакта со своими сообщниками. С тех пор как агент установил связь с себе подобными, он обречен. Об этом неплохо осведомлены и сами агенты по многочисленным провалам своих предшественников. Но что поделаешь: разведчик, работающий в одиночку, не представляет никакой ценности. Добытый им материал должен быть во-время переслан туда, где его ждут с нетерпением: за границу, в штаб, руководящий тайной войной. А разве все это можно сделать без связников, без резидента, без радиопередатчика, без денег, без «тайной почты»?

Как только полковнику Шатрову стали известны вынужденные признания железнодорожника Горгули и заявление кассирши Книготорга, он немедленно покинул Львов.

Вернувшись в Явор, Шатров сразу же, не отдыхая после бессонной ночи, не заезжая даже в гостиницу, направился на Киевскую к Зубавину и, не медля ни одной минуты, приступил к работе.

Труд такого разведчика, каким был, например, Василь Гойда,— это постоянное движение, самое высокое физическое и душевное напряжение, быстрота и натиск, ловкость и осторожность, предусмотрительность и молниеносная ориентировка в любых обстоятельствах. Труд же разведчика масштаба Шатрова более сложен и не каждому, пусть даже самому ловкому следопыту, по плечу. То, что обязан был делать Шатров, требовало большого опыта и зрелости.

Никита Самойлович Шатров принадлежал к той славной плеяде чекистов-дзержинцев, которые, отдаваясь работе всей душой и сердцем, все же тратили свою энергию расчетливо и мудро, действовали вдохновенно и осмотрительно, хладнокровно и методически, скромно и настойчиво. Имея за плечами не одну победу над врагами родины, Шатров брался за каждое новое дело не с кондачка, не с налета, а фундаментально и творил его основательно, кирпичик за кирпичиком, до тех пор, пока не завершал. Люди такого склада, как Шатров, не умеют парадно шуметь и пускать «золотую пыль» в глаза, становиться в позу всезнающих, всеуспевающих начальников и безжалостно распекать, унижать своих подчиненных. Любя мыслить терпеливо и широко, Никита Самойлович любил и умел пробуждать мысль в каждом, с кем ему приходилось работать.

Большую часть своего рабочего времени Шатров проводил обычно в размышлениях. Это были лучшие часы его трудовой жизни. Тот разведчик, кто не умеет терпеливо, на протяжении многих часов и дней, изучать материалы секретного следствия и раздумывать над ними, кто не обладает способностью соединять в себе «лед и пламень» — хладнокровие штабиста и стремительность и отвагу оперативника,— кто не приучен рассматривать предмет со всех сторон, кто не натренирован путем анализа явлений докапываться до истины, кто не умеет мысленно перевоплощаться в того или иного своего противника, кому чужд высокий полет догадки, фантазии,— такой разведчик не умеет по-настоящему трудиться и не может, стало быть, рассчитывать на большой успех в борьбе с врагами народа.

Шатров уединился в отведенном ему кабинете, внимательно, лист за листом, прочитал все дополнительные материалы, подготовленные Зубавиным. Некоторые страницы дела 183/13 он перечитывал дважды. Особенно долго задерживался он там, где говорилось о Любомире Крыже. Время от времени он делал в своем крошечном блокнотике, величиной в спичечную коробку, какие-то замысловатые записи, похожие на стенографические знаки. Перечитав последнюю страничку дела, Шатров собрал все бумаги, обрез к обрезу, разгладил их ладонью, захлопнул папку и завязал тесемки. После этого он некоторое время молча, дымя папиросой, шагал из угла в угол и раздумывал. Проходя мимо красной папки с делом 183/13, он трогал ее рукой, как бы убеждаясь, на месте ли она.

В кабинет постучали:

— Разрешите, товарищ полковник?

На пороге раскрытой двери стоял майор Зубавин. Лицо его было озабоченным, а молодые, синие-синие глаза тревожно вопрошали: неужели я опять что-нибудь не доделал?

Шатров понимающе, с сочувствием улыбнулся:

— Не беспокойтесь, Евгений Николаевич. На этот раз не вижу существенных потерь.— Он подошел к столу, похлопал ладонью по красной папке: — Досконально изучил все, что сделали без меня. Здорово продвинулись вперед. Но... не зазнавайтесь, товарищ начальник. Конец мне еще не виден. Самое сложное, по-моему, только начинается.

— Согласен, товарищ полковник. Я тоже так думаю.

— Вот и хорошо. Значит, будем с чистой совестью мучить друг друга вопросами, сомнениями, догадками и разочарованиями.

Шатров сел в кресло. Минут пять отдыхал, откинув голову, закрыв глаза и ослабив все мускулы. Это хорошо помогало в дни усталости, заменяло хороший сон. Зубавин смотрел на неподвижное, скульптурно-суровое лицо Шатрова и готовился отвечать на поток вопросов, который, как он предчувствовал, должен обрушиться на него. Так оно и случилось. Шатров открыл глаза и раздумчиво, как бы продолжая размышлять про себя, спросил:

— Вызывал у вас хоть какое-нибудь подозрение Крыж до заявления кассирши Книготорга?

— Нет. Несмотря на свое сложное прошлое, не давал никакого повода заняться собой. Маскировка была глубокой, с дальним прицелом.

— Наблюдает за Крыжем, конечно, опытный сотрудник?

— Да. Я выбрал одного из лучших, опытных работников и дал ему двух помощников.

— Есть какие-нибудь результаты наблюдения?

— По магазину — никаких. Нам чрезвычайно трудно определить, кто приходит покупать книги, а кто — по тайному делу.

— Не пропустите момент, когда в магазин зайдет Ступак.

— Я уже предупредил. Ступак до сих пор не заглядывал ни в магазин, ни на Гвардейскую.

— Ждите. Обязательно заглянет. Ну, а как поживает Крыж после работы? Есть за что зацепиться?

— Есть. Мы установили, что он почти ежедневно покупает то в одном, то в другом «Гастрономе» коньяк, сухую колбасу, сыр, копчености, лимоны.

— Что, он любит выпить?

— Нет, до сих пор считался трезвенником.

— Почему же он теперь пристрастился к коньяку? Сам пьет, в одиночку, или гостей приглашает?

— Нет, гостей у него не бывает. И сам, насколько нам известно, не пьет.

Шатров усмехнулся:

— Что ж, он коньяком полы моет или удабривает деревья в саду? Пустые бутылки в «Гастроном», конечно, не возвращает?

— Нет.

— Осторожный любитель коньяка. Ну, Евгений Николаевич, так что же вы думаете по этому поводу: зачем Крыж, непьющий, покупает коньяк в таком количестве? Коллекционирует?

Зубавин молчал, смущенно улыбаясь.

— Не кажется ли вам, Евгений Николаевич,

что этот коньяк пьет кто-то другой,— спросил Шатров.

— Соблазнительный этот вывод, товарищ полковник. Но... мы наблюдаем за домом Крыжа круглосуточно. До сих пор к нему никто не заходил.

— А может быть, любитель коньяка вошел в дом Крыжа до того, как вы установили за ним наблюдение?

— Возможно.

— После работы Крыж всегда идет домой?

— Да, как правило.

— А раньше, год или месяц назад, он тоже всегда направлялся домой? Не изменились его привычки?

— Я не ставил перед собой такого вопроса, товарищ полковник,— покраснев, ответил Зубавин.

— Зря. Поставьте. И как можно скорее. Днем дом Крыжа на запоре, конечно?

— Уходя, запирает на два замка, внутренний и висячий.

Шатров лукаво прищурился:

— А что в это время, пока отсутствует Крыж, делается с печной трубой? Дымок над ней не курится? Этого не замечал ваш лучший оперативный работник?.. Жаль, жаль... Удалось вам установить, чем занимается Крыж дома после работы?

— Обедает. Пьет чай. Вытачивает из дерева на токарном станке разные безделушки. Переплетает книги. Читает. Бывает и так, что он исчезает из поля нашего зрения.

— Не понимаю.

— Мы имеем возможность наблюдать за ним только издали, с помощью стереотрубы, через окна, выходящие из кухни, столовой и спальни.

И только одна комната, где библиотека, недоступна нам: ее окна всегда зашторены.

Зубавин достал из дела 183/13 плотный лист бумаги — план дома Крыжа.

— Точно соответствует натуре? — быстро спросил Шатров, изучая план.

— Как будто так. Сделан по данным горкоммунхоза.

— Какого года данные? Не устарели? Дом не перестраивался?

Зубавину еще раз пришлось смутиться: он не мог ответить и на этот вопрос.

— Товарищ полковник, мы завтра же будем иметь точные данные о доме Крыжа. Мы проникнем туда под-каким-либо благовидным предлогом.

— Осторожнее, Евгений Николаевич. Боюсь, как бы Крыж не понял, что разгадан. Это для нас сейчас самое опасное. Мы провалим всю операцию, и Крыж ускользнет от нас подобно Дзюбе. Мы должны взять его живым. С арестами нам не следует спешить даже в том случае, когда будем иметь все основания для этого. Я оставил на свободе львовского покровителя Ступака, старого агента иностранной разведки, чтобы не вспугнуть его единомышленников. Будем крайне осмотрительны, Евгений Николаевич. Мы должны до конца распутать весь клубок, иметь в руках все нити — и только тогда начнем аресты.— Шатров некоторое время помолчал, глядя на план.— Под каким предлогом вы проникнете в дом Крыжа?

— Пошлем к нему инспектора пожарной охраны для проверки электропроводки.

— Предлог жидковатый. Есть у Крыжа близкие друзья, способные нам помочь?

— Марта Стефановна и ее сын Лысак — пло-

хие для нас помощники. Они исключаются. А других друзей у Крыжа нет. Он любит одиночество.

— И книги,— подсказал Шатров.— И резьбу по дереву тоже любит. На этой почве с ним кто-нибудь общается?

— Да, я совсем забыл! — воскликнул Зубавин.— Крыжа знают все резчики по дереву. Особенно он близок с Иваном Васильевичем Дударем.

— Дударь? Дударь... Дударь... Это тот старик, который просигналил пограничникам о появлении Ступака?

— Он самый. Несколько дней назад, в воскресенье, Крыж был у него.

— Зачем приходил? Интересно! По делу или так?

— Как обычно: купил кое-что из рукоделий старика, поговорил о том о сем и ушел.

— Хорошо! — оживился Шатров.— А постоялец Дударя был дома, когда приходил Крыж? Вы этим интересовались, Евгений Николаевич?

— Был дома. Но нам не удалось установить, говорили ли они друг с другом.

— Наверняка говорили! Ступак не случайно поселился там, где может бывать Крыж.

Шатров подошел к окну и, чуть приоткрыв штору, посмотрел на предгорья Карпат, виднеющиеся поверх городских крыш. Где-то там, у ворот зеленой Верховины, жил Иван Васильевич Дударь.

— Мог бы Дударь в ближайший вечер проведать Крыжа? — поворачиваясь к Зубавину, спросил Шатров.

— Думаю, что сможет. И его приход не насторожит резидента.

— А выдержит поединок Иван Васильевич, не перехитрит его Крыж?

— Нет. Пограничник-следопыт знает все повадки лисы и волка, рыси и дикого кабана. Завтра же Иван Васильевич будет на Гвардейской.

Шатров вздохнул с облегчением, вытер лицо ладонями, словно умывался, и глаза его сразу посветлели, разгладились морщины на лбу.

— Ну, что вы скажете, Евгений Николаевич, о Горгуле и его шантажистах?

— Убежден, что тут не простой шантаж. Этот молодчик, Андрей Лысак, действовал не по собственной инициативе, а выполнял чью-то волю. Попытка разведать, что случилось с Белограем,— конечно, прямое поручение того, кто завербовал Лысака.

Шатров не согласился с Зубавиным. Если Лысак уже завербован, то как ему позволили его хозяева пьянствовать в Цыганской слободке? Прямоват он, этот Лысак, не похож на агента. Возможно, он гуляка, прожигатель жизни, и только. Так это или не так, заключил разговор Шатров, но с Андрея Лысака тоже нельзя спускать глаз.

Иван Васильевич Дударь в один из ближайших вечеров побывал в гостях у своего приятеля Крыжа. Вернувшись от него, он пошел на Киевскую. Ничего интересного, как казалось ему, он не мог рассказать Зубавину. Да, комнат в доме Крыжа три: спальня, столовая, библиотека, она же и мастерская. Ни в одной из них, насколько он заметил, не живет еще кто-нибудь, кроме хозяина. Никаких признаков. Зубавин спросил, один ли выход имеет библиотека. Да, один. В этом Ду-

дарь был твердо уверен. Все, что находится в этой комнате, Иван Васильевич сфотографировал, как он сказал, глазами. Одна дверь на кухню. Одно окно в сад. Четыре шкафа с книгами. Верстак. Токарный станок по дереву. Полка с готовыми изделиями. Стойка сухих брусков. Два табурета. Стол накрыт клеенкой. На стене, оклеенной обоями,— большой портрет Тараса Шевченко. Больше ничего в библиотеке нет. Зубавин поблагодарил Ивана Васильевича и, проводив его к двери, распрощался.

Так и остался неразгаданным дом Крыжа. А разгадать его надо было во что бы то ни стало. И срочно.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В один из майских вечеров, со вторника на среду, скоростной и высотный самолет, без всяких опознавательных знаков, с небольшим планером на буксире поднялся с придунайского аэродрома, расположенного в южной Германии, и взял курс на юго-запад. Над Венгрией и Румынией он пролетел на такой высоте, в стратосфере, что до земли не доносился звук моторов. На дальних подступах к границе СССР неизвестные пилоты отцепили буксирный трос и повернули домой, на свою базу. Планер же, используя мощные воздушные потоки горных высот, продолжал полет.

Легкий, сделанный из дерева, бесшумный, недоступный радарным установкам, скользил он под ясным звездным небом, медленно теряя высоту. Никем не замеченный, пересек верховье Белой Тиссы и, оставив позади себя зелено-малиновые пограничные столбы, вторгся в Закарпатье, в край Полонин и горных хребтов.

Под крылом промелькнули одна за другой хорошо приметные горы Говерло, Свидовец. Белые извилины бурных, порожистых рек прорезали скалистые массивы поперек, сверху скал. Чернели хвойные леса.

Планер резко снизился в районе Сиротской поляны, зашифрованном разведцентром «Юг» как квадрат «19-11». Приземлился на безлюдном, голом плоскогорье.

Открыв герметический колпак, из кабины пилота вышел плечистый, кряжистый человек в теплом комбинезоне, с пистолетом в руке. Он настороженно оглядывался — не видно ли где-нибудь пастушьего костра. Повсюду было темно и тихо. Лишь издалека, снизу, с горных склонов, ветер доносил сдержанный лесной гул.

Человек, прилетевший на планере, был не только пилотом, но и особо доверенным лицом «Бизона». Его задача не ограничивалась тем, что он доставил в район квадрата «19-11» груз взрывчатки. Шеф разведцентра «Юг» наделил своего ближайшего подручного, по кличке «Кобра», чрезвычайными полномочиями: он должен был проникнуть в Явор с подложными документами, сфабрикованными на имя Кучеры, и, не открывая себя ни резиденту, Крыжу,

ни Джону Файну, тайно контролировать, как выполняется операция «Горная весна». В случае необходимости «Кобра» имел право однажды, по своему усмотрению, предстать перед Крыжем и Файном, предъявить им личное послание «Бизона» и решительно вмешаться в их действия. Он также был уполномочен покончить с Файном и резидентом Крыжем, если над ними нависнет серьезная угроза провала.

Не увидев и не услышав ничего подозрительного, «Кобра» спрятал пистолет и начал раздеваться. Сбросив теплый комбинезон, он открыл люк планера, извлек оттуда первый конвектор со взрывчаткой — пятидесятикилограммовый брезентовый мешок, перетянутый вдоль и поперек ремнями. Легко взвалив на плечи конвектор, ориентируясь по наручному светящемуся компасу, «Кобра» направился к лесному массиву, темнеющему на краю плоскогорья. Через час, пройдя несколько километров лесной чащей, по глухой охотничьей тропе, он доставил взрывчатку в условленное с Джоном Файном место — в старую, заброшенную штольню, вырытую когда-то изыскателями. Не отдыхая, выкурив сигарету на ходу (он торопился до рассвета перетащить груз), «Кобра» вернулся к планеру, достал еще один конвектор, взвалил его на плечи и отправился во второй рейс. Обладая огромной физической силой, отлично натренированный, хорошо зная местность (он был родом из Закарпатья), «Кобра» успел, прежде чем зажглась заря, перетащить в штольню все четыре мешка взрывчатки и сбросить планер с плоскогорья в овраг. И только после этого он позволил себе отдохнуть. Забравшись в лесную чащу, метров за пятьсот от того места, где раньше был замаскирован планер, он

наломал еловых веток, устроил удобную постель и лег спать, держа пистолет в руке. Проснувшись, он сразу же начал прислушиваться: не появились ли на Сиротской поляне солдаты органов безопасности, не прочесывают ли они лес, разыскивая того, кто прилетел на планере. Вокруг было тихо, слышалось только щебетанье птиц. «Кобра» достал из кармана коробку с питательными таблетками. Утолив голод, он опять завалился спать. Проспал дотемна. Вечером он по знакомой тропе пробрался к штольне, залег в ближайшем кустарнике, чтобы скрытно проконтролировать, когда и кто заберет доставленный груз. Если Ступак сегодня ночью сумеет забрать взрывчатку и переправить ее на Гвардейскую, то завтра днем можно сжечь планер, выходить из Карпат и окольными путями, через Киев, пробиваться в Явор.

В среду вечером, закончив работу в Черном потоке, шофер Ступак с разрешения начальника лесоучастка инженера Борисенко отправился в район дальней, так называемой Сиротской поляны, якобы за дровами для своих хозяев.

На тридцать восьмом километре Верховинского щебеночного шоссе он свернул на глухую лесную просеку и остановился. Отсюда до заброшенной штольни было не больше ста метров. Перетащив по одному мешки со взрывчаткой к машине, Ступак разложил их на дне кузова и осторожно завалил буковыми и еловыми кругляшами.

В Явор спустился без всяких происшествий и задержек.

На Гвардейской его ждали: как только подъехал к дому № 9, ворота распахнулись и черная

фигура Крыжа выступила из-под ветвистого дерева. Резидент вскочил на подножку грузовика и махнул рукой:

— Давай прямо.

Ступак въехал во двор медленно, на малом газу, выключив большой свет, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания жителей Гвардейской улицы. В глубине двора, около сарая, притормозил, выключил мотор и, стараясь не шуметь, разгрузил дрова.

— Ну, а это добро куда прикажете? — шепотом спросил он, кивая на брезентовые мешки, туго увитые ремнями.

— Неси сюда.

Ступак взвалил «посылку» на спину и, широко расставляя ноги, твердо упираясь в землю, осторожно пошел следом за Крыжем. Поднялись по крутой лестнице на крылечко. Прошли темные сени и очутились в большой, заставленной книжными шкафами и ярко освещенной комнате — домашней библиотеке.

В углу, в глубоком кресле, положив ногу на ногу, с дымящейся сигаретой в углу рта, в купальном халате, с ключом в руках, сидел Джон Файн. Дубашевич хорошо знал «Черногорца» в лицо.

Перед отправкой в Закарпатье «Бизон» собрал к себе основных исполнителей операции «Горная весна» — Файна, Дубашевича, Хорунжего — и познакомил друг с другом.

Крыж похлопал по массивному табурету, стоящему под портретом Тараса Шевченко:

— Кладите сюда!

Ступак опустил конвектор на указанное место и, тяжело дыша, утирая мокрое от пота лицо, приветливо улыбнулся в сторону Файна:

— Здравствуйте, товарищ Червонюк! Вот и встретились!

Файн нагнул голову и поверх выпуклых стекол очков посмотрел на Дубашевича так, будто всего полчаса назад расстался с ним. Это было притворство, поза, игра. Файн играл роль матерого шефа, который умеет творить самые сложные дела с ледяным спокойствием.

— Да, встретились,— проговорил он без всякого энтузиазма, бережно сбивая пепел с сигареты.— Здравствуйте.

Не ожидавший такого холодного приема, Ступак остановился на полдороге к «Черногорцу» с протянутой рукой.

— Ну, чего же вы прохлаждаетесь? — удивился Файн.— Где еще три мешка? Несите их сюда поскорее!

Ступак молча повернулся и вышел. Перетащив все мешки, он снял кепку, вытер мокрую голову и, тяжело дыша, сурово-требовательно посмотрел на «Черногорца»: ну, поговорим, мол, барин. Если не захочешь поговорить, так я тебя заставлю. Ну!

— Ну как, Ступак, съездили? — спросил Файн.

— Все в порядке,— ухмыляясь, буркнул Дубашевич.

— Видел ли кто-нибудь вас на Сиротской поляне?

— Ни один человек не встречался.

— По дороге не было никаких происшествий?

— Никаких.

— Прекрасно!

Файн поднялся. Забыв на время о той роли, которую играл, он подошел к конвекторам, осмотрел их со всех сторон, похлопал по ним ладонью.

— Самое трудное сделано, теперь все зависит от нас с вами! — с радостным оживлением, вполне искренним, продолжал Файн.

Дубашевич переступал с ноги на ногу и, осклабясь, показывая желтые зубы заядлого курильщика, сказал:

— А мы с вами не подкачаем, товарищ Червонюк!

Слова Дубашевича не понравились Файну. «Мы с вами»! Да как это быдло осмелилось разговаривать с ним так панибратски! Профессиональный громила, поджигатель, убийца из-за угла, бандеровский палач, жалкий наймит возомнил себя равным ему, Джону Файну, заслуженному разведчику, будущему генералу и миллионеру, которому суждено стать одним из воротил центрального разведывательного управления! Хорошо бы, конечно, проучить эту скотину, но, к сожалению, нельзя. Опасно. Если этого быка раздразнить, так он, пожалуй, насмерть забодает.

— Слушайте, вы, «Учитель»,— процедил сквозь зубы Файн,— поменьше хвастайтесь!

— А я не хвастаюсь, товарищ Червонюк. Давайте мне хоть сегодня эту штуку,— Ступак кивнул на конвекторы,— и я подниму на воздух туннель.

— Тише, ради бога, тише! — зашипел Крыж, с ужасом глядя на дверь.

Не обращая внимания на хозяина, Ступак пнул ногой брезентовый мешок:

— Может быть, прихватить их с собой, а?

— Оставьте! — все более и более раздражаясь, бросил Файн.— Не своевольничайте! Ваше дело — исполнять то, что вам прикажут.

— Так приказывайте, в чем дело?

— Рано! На гидростанции были?

— Не пришлось еще.

— Постарайтесь как можно скорее попасть туда.

— Уж и так стараюсь, дальше некуда. Можно перестараться. — Ступак надвинул на голову кепку, шагнул к двери.— Я поеду домой.

Файну хотелось обругать своего помощника самыми последними словами, но он сдержался.

— Поезжайте,— сказал он.

Ступак вышел. Скрылся и Крыж.

Независимость «Учителя», его самоуверенность взбесили Файна. Он не выносил людей самостоятельных, умеющих постоять за себя. Ему по душе были только те, кто боялся его, кто услужал ему, превозносил его, льстил ему, кто пророчил ему великое будущее и принимал его голый карьеризм за энергичную и умную деятельность.

Проводив Ступака, Крыж вернулся в дом. Он плотно прикрыл входную дверь, дважды повернул ключ в замке, поправил шторы на окнах, а на конвекторы накинул ковровую скатерть. Вот на ком Файн отыграется! Этот не опасен, этот молча, терпеливо перенесет любые нападки и оскорбления.

— Ну и труслив же ты, Любомир! Не к лицу это резиденту.

— Я только осторожен, сэр,— учтиво, мягко ответил Крыж.

— Труслив! Если не осмелеешь, далеко не пойдешь.

— Мне и не надо далеко ходить. Я свое уже отходил. Вот бы вам побывать там, где бывал я, насладиться жизнью так, как я.

— Да, знаю. В молодости ты побродил по свету, покутил, поразвратничал. Прошлого не вернешь.— Файн открыл шкаф, достал из-за

книг бутылку с коньяком и два хрустальных узких и высоких стакана.— Чокнемся, Любомир, по-русски и выпьем за твое будущее.

— Спасибо.

Они чокнулись, выпили.

Файн вновь наполнил стаканы.

— Интересно, Любомир, каким вам представляется ваше будущее?

— Мое будущее? — Крыж пожал плечами.— Не представляю никак.

— Так уж и не представляете? Неужели у вас нет никаких планов на год или два вперед? Неужели не мечтаете?

Крыж отхлебнул коньяку, глубоко вздохнул:

— Если б не мечты, нечем бы и на земле было держаться.

— Ну, и какие они, ваши мечты? Рассказывайте!

Резидент отрицательно покачал головой:

— Не будем, сэр, ковыряться в кровавых ранах.

— Так... Не хотите открыть железный занавес своей души. Что ж, я могу это сделать сам.— Файн поднял стакан с коньяком на уровень глаз и, глядя на Крыжа сквозь янтарную, искрящуюся солнечными блестками жидкость, начал поднимать «занавес его души».— Вы, Любомир, днем и ночью просите всевышнего, чтобы он послал на земной шар гибель Советам. После установления в Яворе западного образа жизни вы надеетесь получить от нас за свои заслуги пост городского головы, а в придачу — новый двухэтажный дом на Ужгородской, где теперь детсад № 18, виноградники на Соняшной горе, принадлежащие колхозу «Заря над Тиссой». Так или не так, Любомир?

Крыж принужденно засмеялся:

— Почти так.

— Став городским головой, диктатором Явора,— продолжал Файн с воодушевлением,— вам захочется посадить на электрический стул не только всех местных коммунистов, их родственников, но также и всех, кто дружил с ними, кто сочувствовал им. И вы не пожелаете успокоиться до тех пор, пока не достигнете цели — не отомстите за свое низкое существование при Советах. Что же касается вашего быта, личной жизни, то вы привольно развернетесь! У вас в доме будет индивидуальный бар, ресторан, казино, дюжина молодых наложниц.

Файн опустил стакан к губам, медленно, смакуя, выпил коньяк, закусил яблоком.

— Но есть и другой вариант вашего будущего, Любомир. Однажды мы обнаружим, что вы недостойны нашего доверия, не окупаете того количества денег, которые получаете. Тогда... тогда вы попадаете под грузовую машину или утонете в Каменице, повеситесь в собственном саду на старой яблоне или выпьете какой-нибудь яд. Может случиться и так, что ваш труп вообще не будет найден. Как видите, Любомир, выбор у вас небольшой.— Файн аккуратно заткнул пробкой бутылку с коньяком, спрятал ее в книжный шкаф и, потягиваясь, зевая, отодвинул с дверцы тайника портрет Тараса Шевченко, взялся за ремни конвектора.— Ну, мой друг, поработаем!

Крыж молча кивнул. Руки его были сжаты в кулаки. Он на волосок был от того, чтобы броситься на «товарища Червонюка», размозжить его голову.

Файн и не подозревал, какого зверя разбудил.

Когда все мешки со взрывчаткой были пере-

брошены в тайник, Файн сел на них и рядом с собой посадил Крыжа:

— Ну, Любомир, догадались, зачем нам прислали такое количество взрывчатки?

Резидент угрюмо покачал головой:

— Нет.

— Догадывайтесь, я разрешаю! Да веселее!

— Гидростанция? — осторожно, неуверенно спросил Крыж.

— Не угадали, Любомир. Туннель!

— Какой?

— Тот, что по соседству с домом вашего друга Дударя.

Крыж резко побледнел и так вскочил с брезентового конвектора, словно мешок был раскаленным.

— Не бойтесь,— усмехнулся Файн.— Не вы будете взрывать туннель, а специалист своего дела.

— Ступак? — вырвалось у Крыжа.

— Да. Если же ему что-нибудь помешает, то это сделает ваш Андрей Лысак.

— Андрей Лысак? Какой же он специалист?

— Не беспокойтесь, сделает! Должен сделать.

— Но он даже не посвящен в наши дела.

— Посвящайте как можно скорее и действуйте. План операции проще простого. Один из этих конвекторов, снабженный взрывным устройством, будет погружен вместе с углем на паровоз, где работает Лысак. Когда паровоз войдет в туннель, Лысак под каким-либо предлогом выбирается на тендер и сбрасывает мешок вниз, на подошву туннеля. За свою жизнь молодой человек пусть не тревожится: взрывное устройство сработает не раньше, чем поезд пройдет через туннель.

«Лжешь ты, гадина!» — подумал Крыж. И он не ошибся. Файн действительно врал. Он отлично

знал, что конвектор взорвется в то же мгновение, как только коснется подошвы туннеля.

— Ясно задание, Любомир? — спросил Файн, доставая из сумки пачку новеньких сторублевок.

— Ясно.

— Ну, раз так, то берите аванс.— Файн бросил деньги на колени Крыжу.— Получите в десять раз больше, как только выполните задание. Доброй ночи!

Ранним утром другого дня, по дороге на работу, Крыж завернул на Железнодорожную улицу, к Лысакам. Открыла ему калитку бывшая монашенка. Она очень удивилась, увидев в такой ранний час друга своей хозяйки.

— Пан Любомир, что-нибудь случилось? Разбудить Марту Стефановну?

— Не надо. Андрей тоже спит?

— Нет, одевается. Он же сегодня начинает свою практику на паровозе.

— Знаю. Вот ради этого я и пришел. Поздравить хочу парня, пожелать счастливого пути.

— Справедливо делаете, по-божески. Мария освободила проход калитки.— Милости просим.

Андрей стоял перед зеркалом в новеньком «рабочем» комбинезоне и повязывал галстук, когда Крыж вошел к нему в комнату.

— Доброе утро, Андрейка!

Широкая, радостная улыбка расплылась по одутловатому лицу Лысака:

— А, это вы, дядя Любомир! Здравствуйте! Легки на помине! Я только что о вас подумал.

— Интересно, как же ты подумал — плохо, хорошо?

— А почему же мне плохо о вас думать? Не имею никакого права.

— Для этого, мой мальчик, не требуется никакого права. Надо только иметь злое, неблагодарное сердце. А твое сердце, к счастью, и доброе и благодарное.— Крыж осмотрел Андрея с ног до головы, от батевских скороходов до пражского галстука.— Ты на работу собираешься, как на большой праздник. Правильно! Молодец! Работа в жизни человека — настоящий праздник.

Андрей с недоумением оглянулся через плечо на дядю Любомира. Почему он вдруг так заговорил?

Крыж протянул Лысаку руку:

— Ну, Андрейка, счастливого пути! Скатертью дорога. Желаю тебе стать лучшим машинистом Закарпатья! Будь всегда здоров и крылат.— Крыж обнял Андрея, крепко поцеловал и, вытирая влажные глаза, торопливо вышел к двери. Но на пороге остановился, будто вспомнив что-то: — Андрей, у тебя память хорошая? — спросил он, нежно глядя на юношу.

— Да как будто неплохая? А что?

— Есть у меня к тебе одна небольшая просьба, Андрейка: запоминай все, что увидишь по дороге. Решительно все. И особенно присматривайся к железнодорожным туннелям.

— Зачем, дядя Любомир?

— Потом расскажу. Так сделаешь? Сделаешь чисто и аккуратно, я знаю.— Крыж похлопал по розовой, выскобленной бритвой щеке Лысака и вышел.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Перед выходом «Галочки» на станционные пути, к поезду, Олекса Сокач увидел в депо своего друга. Как и в былое время, он был одет в черную форму железнодорожника. Олекса спустился на землю, приветствовал Гойду:

— Ты чего здесь, Василь? Возвращаешься на чумазую работу?

— Пока еще не думаю. Пока нравится на новом месте работать. А как у тебя дела? Э, да зачем я тебе такие вопросы задаю! За три версты видно, какой ты гордый и счастливый. Хороший паровоз отхватил, завидую.— Гойда осторожно оглянулся по сторонам, добавил вполголоса: — Жаль только, что его испоганит своим присутствием этот... практикант, Андрей Лысак.

Олекса Сокач усмехнулся:

— Что ж, можно его и не пустить на мой святой паровоз, можно на другой отправить.

— Не надо.

— Испугался? Все понимаю, Василь, не скрытничай. Я ведь тоже в пограничной полосе живу. Вчера видел, как ты шел по пятам этого Лысака и музыканта Шандора. Так что, дружок, можешь со мной прямо разговаривать.

— Ну, раз так, придется разоткровенничаться. Загадочная личность он, этот Андрей Лысак. Всякого чуда от него можно ожидать. Внимательно наблюдай за ним, Олекса, докопайся, что он такое за фрукт, поскреби его фасад, загляни в душу. Только ты...

— Понятно. Сделаю так, что все будет шито-крыто.— Олекса беспокойно посмотрел на часы: — Мне пора, Вася...

— Постой! — Гойда удержал Олексу за ру-

ку.— Если я понадоблюсь тебе в дороге, найдешь меня на тормозной площадке, второй от паровоза.

— Ты едешь с нашим поездом?

Гойда кивнул:

— До самой Дубни. Не обращай на меня внимания, так надо. Я не должен упускать практиканта из виду ни на одну минуту.

Олекса попрощался с Гойдой и побежал на свой паровоз.

Как хорошо сидеть на правом крыле паровоза! Какое оно высокое, это место механика! Как далеко отсюда видно! И земля, и небо, и люди кажутся совсем не такими, какими они были в то время, когда он управлял обычным паровозом.

Олекса осторожно повел «Галочку», миновал контрольный пост, вышел за северные входные стрелки и стал во главе поезда, на шестом пути парка отправления.

Отыскал глазами тормозную площадку, вторую от паровоза, и увидел Василя Гойду. Он стоял на верхней подножке пульмана и, беспечно глядя в небо, дымил сигаретой. «Почему ему ни на одну минуту нельзя упускать из виду Андрея Лысака?» — подумал Олекса.

— Здорово, орлы!

С такими словами приветствия, улыбаясь, на паровоз взбирался Андрей Лысак.

Кочегар Иванчук загородил собой вход в будку машиниста:

— Вы куда, гражданин? Посторонним сюда нельзя.

Андрей презрительно дернул плечом.

— Интересно!.. Неужели вы меня окрестили посторонним? Не может быть! На моей персоне

аршинными буквами написано, что я без пяти минут паровозник. Лысак. Поеду с вами в горы как практикант. Имею на руках письменное разрешение вашего начальника. Вот, пожалуйста!..— Андрей помахал перед лицом кочегара Иванчука листом бумаги.— Может, теперь смилостивишься, а?

— Микола, занимайся своим делом! — приказал Олекса.

Иванчук освободил проход. Лысак боком протиснулся в будку машиниста, поздоровался за руку с Олексой, а кочегару и помощнику только кивнул головой.

Сокач молча, со скрытым изумлением смотрел на практиканта. Одет Андрей был в темносиний, тщательно отутюженный, со множеством накладных карманов, с металлическими застежками комбинезон, из-под воротника которого расчетливо выглядывал аккуратный узелок темнобордового шерстяного галстука. Голова будущего машиниста увенчана черной новенькой фуражкой; над ее лакированным козырьком, на околыше, сияла железнодорожная эмблема. Обут Лысак в желтые толстоподошвенные, с медными крючками ботинки. Талия его перетянута скрипучим кожаным ремнем с огромной никелированной пряжкой.

В радиоприемнике послышалось предупредительное покашливанье, и через секунду в будке машиниста прозвучал певучий женский голос:

— Внимание! Семьсот семьдесят семь-тринадцать! Внимание! Я — диспетчер паровозной службы.

Сокач, кочегар Иванчук и помощник машиниста Довбня оживленно переглянулись.

— Нежный голосок! — засмеялся Лысак. — Прямо-таки ангельский.

Сокач переключил радио на передачу, откликнулся:

— Есть внимание!

— Это ваша первая поездка в горы? — осведомился диспетчер.

— Вы, ошиблись, товарищ диспетчер.— В голосе Олексы прозвучала простодушная детская обида.— Паровоз номер семьсот семьдесят семь тринадцать впервые идет в горы, а я, машинист Сокач,— в пятьсот первый раз.

— Понятно.— Голос диспетчера несколько смягчился.— Я не хотела вас обидеть. В следующий раз я буду более точно формулировать свои вопросы. Так вот, товарищ Сокач, могу я быть уверена, что вы по графику, минута в минуту, доставите поезд в Дубню?

— Можете! Ручаемся!

— Все ясно. Счастливый путь!

— Постойте! Имею один вопрос.

— Пожалуйста.

— Как ваша фамилия?

— Королевич, Татьяна Степановна.

Олекса выключил приемник, откинулся на спинку кресла, выразительно посмотрел на свою бригаду: ну что, мол, скажете?

— И нам все ясно,— усмехнулся Андрей Лысак.— Перманент. Алые губки. Напудренный носик. Кровавые клипсы в розовых нежных ушках. Таня! Танечка!..

Приглушенный густым туманом и дождем, донесся голос главного кондуктора:

— Эй, сынки, принимайте жезл!

Олекса высунулся в окно, сдернул фуражку и ловко подхватил подброшенный кверху жезл — увесистый, отполированный частым прикосновением рук металлический кругляш.

— Поехали, сынки! — Главный подкрепил свое слово продолжительным свистком.

Олекса потянул книзу рычаг с деревянным отполированным яблоком на конце. Могучий свисток огласил товарный парк станции Явор. Слышали его, как был уверен Сокач, и во всех концах города, и на виноградниках Соняшной горы, и на пограничных заставах, и за Тиссой, в Венгрии, и в садах Чехословакии, и в предгорьях Карпат.

«Галочка» тихо двинулась вперед, плавно растягивая поезд. Тугие струи пара вырвались из цилиндров через открытые краны и, разрастаясь в молочные облака, стлались по земле справа и слева от локомотива.

Иванчук и Довбня молча, сосредоточенно занимались своим делом: поили и кормили «Галочку» водой и углем. Лысак, дымя сигаретой и нахлобучив на глаза форменную фуражку, прочно уселся на круглом вертящемся «гостевом» сиденье, всем своим видом показывая, что до конца рейса не сдвинется с этого удобного, выгодного места. Из накладного кармана его комбинезона выглядывали край темнокрасной записной книжки и позолоченный наконечник авторучки.

Поезд увеличивал скорость.

Сокач снял руку с реверса. Бледное его лицо было забрызгано каплями дождя, из-под фуражки выбивалась мокрая прядь волос, по кромке лакированного козырька бежала светлая дождевая струйка. «Ну как, хорошо?» — тревожно взглядом допрашивал Олекса своих товарищей.

Вдоль железной дороги все еще тянулся город, полузадавленный туманом. Стены однотипных домиков, сложенные из красного кирпича и насквозь пропитанные влагой, казалось, вот-вот рас-

ползутся. По безлюдной улице, подчеркивая ее неуютность, мчался, рассекая дождевые лужи, велосипедист в берете и щегольской куртке. Одной рукой он сжимал руль, другой держал над головой большой черный зонт.

На этой же улице, на углу, у красного кирпичного дома, Олекса увидел женщину в черном платье и в черном полушалке. Скользнув по ней взглядом, он захотел рассмотреть ее внимательнее. Что-то знакомое, родное было в этой маленькой черной фигурке, одиноко стоявшей на улице под дождем. Почему она так жадно, забыв о непогоде, смотрит на приближающийся поезд? У Олексы сжалось сердце: он узнал мать. Черная ее одежда блестела от дождя. Лицо тоже было мокрым. Олекса содрал с головы фуражку, приветственно помахал ею, но тут же укоризненно покачал головой.

— Простудишься! — закричал он.— Иди сейчас же домой! Слышишь?

Анна Степановна покорно закивала головой, помахала сыну своей маленькой ручкой и торопливо скрылась за углом.

Вот если бы там, у кирпичного дома, рядом с матерью стояла и Ганнуся!..

Сквозь туман заблестели бурные воды Каменицы, бежавшей навстречу поезду. Здесь, на равнине, да еще весенней порой, река разливалась привольно, далеко выходя из своего привычного зимнего и летнего ложа. Каменные берега ее, густо покрытые крупной галькой, стали теперь ее дном.

Поезд уверенно набирал ход. Туман редел, поднимался от земли. Дождь перестал. Где-то на мгновение блеснул солнечный луч — он сейчас же отразился на лице Сокача.

В полуоткрытые окна пахнул холодный ветерок. О стекла забарабанили дробинки снежной крупы.

«Галочка» шла по глубокой выемке, между двумя холмами, по обе стороны полотна железной дороги тянулись канавы с дождевой водой. Тонкий, хрупкий ледок, затягивающий поверхность канав, разламывался, словно его давил шагающий человек-невидимка.

— Видали?...— сказал Олекса.

Андрей Лысак не видел за окном ничего такого, чем можно было восхищаться, но на всякий случай он кивнул и сочувственно подмигнул Сокачу.

Снова вырвались в долину.

Каменица измельчала, все больше гальки на ее берегах, все капризнее русло: она чуть ли не на каждом километре то бросалась к самому подножию гор, то снова приближалась к железной дороге, то мчалась навстречу ей, то, юркнув под мост, бежала короткое время следом за поездом, сердито пенясь на каменных порогах и мшистых валунах.

— Н-да, сердитая речушка!

Олекса молча посмотрел на практиканта и отвернулся. Речушка!.. Так сказать о могучей Каменице, проложившей себе дорогу на равнину через скалистое сердце Карпат, через цепи хребтов! Каменица... На ее берегу, там, далеко в горах, у самого отвесного края Полонин, в колыбе лесоруба родился Олекса. Крестили его в купели, в водах Каменицы. Ее шум, не умолкающий ни летом, ни зимой, убаюкивал верховинца. На ее зеленом берегу майскими днями он научился ходить.

Каменица! Ты — первое слово любимой песни! Ты — светлая кровь Карпат! Шуметь тебе вечно на мшистых валунах, у подножия лесистых гор.

Поезд шел по глубокой, сдавленной горами долине. Железная дорога-однопутка все время следовала за причудливыми изгибами реки, вдоль заснеженных опушек лесов. Миллионы пепельно-серебристых деревьев с гордо вознесенными к небу ветвями, словно струи гигантского фонтана, спускались от вершин гор до Каменицы. Земля у их подножия щедро выстлана многолетними листопадами. Коричнево-зеленый мох пробивался сквозь толстые слои спресованной временем и дождями подстилки. Синели подснежники. В неоглядном буковом море редкими островками пламенели могучие дубы, все еще не до конца потерявшие свои прошлогодние железные листья. Кое-где сверлили небо островерхие темные ели. Они резко выделялись своим угрюмым одиночеством в светлом буковом братстве.

Олекса так смотрел на закарпатскую землю, словно все, чем она красна, было сделано, призвано к жизни его руками.

В гору, все в гору поднималась железная дорога.

Когда кочегар и помощник раздвигали дверцы топки, чтобы заправить ее углем, Олекса особенно остро чувствовал предельно напряженную работу машины. Из раскаленной ее утробы доносилось клокотанье огня, пара и воздуха: «Эхо-хо!.. Эхо-хо! Эхо-хо!»

И чуткие горы на все лады повторяли:

«Эхо!.. Уф-уф!.. Хо-хо!.. Эхо-хо!.. Хо!.. Уф!..»

Горы теснили долину с каждым новым поворотом дороги. Все меньше и меньше видно небо, извилистее Каменица, ожесточеннее скрежет колес «Галочки» на кривых, все более крупными камнями, камнями-плахами, выстлано дно реки, прозрачнее и стремительнее ее воды. По берегу, часто пропадая, бежала едва заметная тропа.

И ничего больше нет между полотном железной дороги и Каменицей — ни дерева, ни кустика, ни клочка земли. Одна каменная тропа.

На крутых склонах лежали стволы буков, вернее — их скелеты, сломанные бурей, вывороченные с корнем или рухнувшие от старости. Они покрыты зеленовато-коричневым мхом, под цвет земли и скал. Упали лет десять назад, да вот и валяются.

Еще поворот, и Каменице некуда деваться. Она жмется к самому подножию гор, подтачивает землю, камни, лес. Высоченные буки с полуобнаженными корнями висят над сыпучим обрывом, полощут свои голые ветви в шумных, пенистых потоках и вот-вот рухнут в реку, лягут поперек нее перекидными мостами.

— Вот это дорожка, упаси и помилуй! — Лысак покачал головой.— Диким козам да тиграм здесь прыгать с камня на камень, а не поездам ходить. Звериная дорога!

— А как же мы, люди, работаем на этой звериной дороге! — Довбня схватил лопату, распахнул дверцы топки. Огонь, как в зеркале, полыхал на его влажных щеках, пот струился по крутому подбородку, по загорелому вырезу груди и синей майке.

Олекса кивнул, сдержанно посмеиваясь прищуренными глазами. Микола Довбня по-девичьему зарделся — почувствовал, что машинист доволен его словами.

Над трубой паровоза вековым деревом вырастал черный дым, смешанный с крупицами несгоревшего, унесенного из топки угля.

«Эхо-хо!.. Эхо-хо!..» — тяжело, по-бурлацки стонала «Галочка».

Ущелье до краев заполнено дымом, паром, облаками, железным грохотом паровозов и скрежетом колес тяжеловесного поезда. Регулятор открыт на большой клапан, реверс зуб за зубом приближается к крайнему рабочему положению — лететь бы сейчас «Галочке», а она еле ползет, и вот-вот, кажется, остановится, надорвав свои силы.

Иванчук вытер пот, ручьисто бегущий по лицу, с тоской посмотрел на радиоприемник:

— Внимание, тринадцатая! — послышался голос диспетчера.— Предупреждаю: вам все время наступает на пятки пассажирский Прага — Москва. Может быть, пропустим его вперед?

— Ни в коем случае! — запротестовал Олекса.— Не догонит. Уйдем.

— Значит, договорились: до самой Дубни вы — впереди, за вами — пражский.

Горы начали раздвигаться, а голые скалы снова сменились буковым лесом. Каменица потекла шире, чуть спокойнее, пенистыми струями разливаясь по гранитному плитняку.

На склонах гор, покрытых прошлогодней, побитой морозом травой, паслись отары овец и горели большие костры, возле которых сидели пастухи.

Круче стала железная дорога, порывистее боковой северный ветер, прорвавшийся сюда из-за Карпат, через ущелья.

Еще кривая, еще поворот, темное ущелье, сырая скала, суровые каменные ворота в новую долину — и во всей своей красе открылись горы. Карпаты теперь поделены на ряд этажей: пятый, верхний,— снега, четвертый — голый лес, третий — мшистые, по-летнему с прозеленью скалы, второй — железная дорога и самый нижний, первый,— Каменица.

Несколько часов подряд Каменица несла свои воды навстречу поезду, почти у самых его колес. Сейчас она пенится метров на пятнадцать ниже, на дне узкой долины, и с каждым километром уходит дальше и глубже.

Дорога вырвалась из цепи ущелий и лесов на плоскогорье горного хребта, на самую низкую ступеньку карпатских перевалов, на станцию Буйволец, одетую в пухлые чистые снега.

Кочегару Иванчуку захотелось похвастать перед Лысаком своими знаниями. Он кивнул за окно, сказал:

— Запоминай профиль, товарищ практикант. Сейчас начнем карабкаться на главные Карпатские горы. Если напрямик, пешком двинуться на перевал, так километров семь будет, а по железной дороге — все сорок. Каждый километр железной дороги возвышается над другим на тридцать два метра.

День был на исходе. Солнце, с утра пропадавшее то в непроглядном тумане, то в дождевых тучах, то в снегопаде, вдруг показалось над голым плоскогорьем — неправдоподобно большое, круглое, пожарного накала, солнце горных хребтов. И в его свете сразу преобразились по-зимнему заснеженные Карпаты. Теперь хорошо была видна настойчивая, горячая работа весны. Оказывается, не всю землю Верховины держал снег в своем плену: во многих местах она чернела, там и сям, по южным склонам, зеленели лужайки. Только северная сторона гор, их спина, одета в зимние шубы.

И не снежные наметы, оказывается, белели по берегам Каменицы, а ряды разостланных холстов. Лохматые ели давали приют не только темноте, но и зеленому свету. И снежный покров вовсе не

зимний, а изъеденный весенними ручьями: ноздристый, похожий на медовые соты, обласканный майским теплом.

— Внимание, тринадцатая! — прозвучал в радиоприемнике голос диспетчера, такой же веселый, согретый солнцем, как и все вокруг.— Даю «зеленую улицу».

Поезд пошел по узкому каменному карнизу, вырубленному по склону гор. На пути «Галочки» часто появлялись пропасти, глубокое ущелье с Каменицей на дне, сухой овраг, промытый весенними потоками горных вод,— и всюду переброшены мосты. Их было немало: иногда по три на километр пути. Железобетонные быки несли на себе голубоватые стальные фермы, вмещающие сразу по двадцать вагонов. Далеко внизу, на дне пропастей и ущелий, лежали горы бревен — остатки разрушенных мостов времен войны и ржавые массивные ребра конструкций, подорванных фашистскими дивизиями: «Эдельвейсами», «Кенигсбергами», «Шварцеадлерами». Гусеничные тракторы, попыхивая синим дымком, растаскивали стальной хлам. Автомобильные краны грузили многотонные обломки на самоходные платформы. Андрей Лысак, не отрываясь, смотрел за окно и записывал.

Не сбавляя скорости, «Галочка» пронеслась мимо двух станций, проскочила один мост, потом другой, третий... По краям мостов стояли большие пожарные бочки. Вода в них не шелохнулась, когда колеса тяжеловесного поезда пересчитывали стыки рельсов.

— Работа наших восстановителей! — с гордостью сказал Сокач, оборачиваясь к Лысаку.— Итальянцы двенадцать лет строили закарпатские, на курьих ножках, мосты, а наши за два года

управились. Иностранцы ахают при виде наших мостиков. Видишь, проносимся по ним на полной скорости со спокойной душой. А как раньше здесь ездили австрийцы, мадьяры, поляки, чехи, немцы? Ползком. Крадучись. И только днем. Один поезд утром. Один в полдень. Один в обед. Парочка после обеда. И все. Ночью, говорят, движение в Карпатах замирало. Не железная дорога была, говорят, а вьючная тропа. Рельсы слабенькие, балласт отработан. На каждом километре предупреждение: осторожно, малый ход, опасно! Едет бывало машинист, а сам все назад оглядывается: не сошли с рельсов вагоны? А мосты ходуном ходят под паровозом, стонут, скрипят, вот-вот рассыплются. Въедешь на один конец моста, а на другом вода из пожарных бочек выплескивается. Вот тебе и западная техника!..— Олекса засмеялся и смачно плюнул в угольный лоток.

Проехали еще один железобетонный мост, переброшенный через глубокое ущелье. На дне его, среди снежных сугробов, дымился черный ручеек.

— Прощайтесь с Каменицей,— сказал Сокач.— Увидим ее только на обратном пути.

Лысак осторожно посмотрел вниз.

Въехали на горное плато. Ни одного облачка на синем куполе. Его бескрайный простор подчеркивал одинокий молодой месяц, перевернутый кверху бодливыми рожками. Так свежо, чисто, бело вокруг, что даже дыхание проходящих здесь паровозов оставляло на земле свои следы — вдоль железной дороги на снежных сугробах чернел тонкий налет сажи и несгоревших крупинок угля.

Из ущелий и пропастей, из елового царства выползали сумерки. Они быстро поднимались по

склонам гор, сгущаясь с каждой минутой. Ветер снова понес снежную крупу, и сквозь мерный грохот поезда стал слышен говор горного леса.

— Вот и «Северный полюс»,— сказал Сокач.

— Где? — встрепенулся Лысак, вглядываясь в сумерки. Мимо проплывали черные телеграфные столбы, обвешанные белыми голубями изоляторов.— Ничего не вижу.

— Вперед смотри. Видишь костер? Вдали, там, на горе.

— Ну?

— Это вход в первый туннель. Над ним и находится Ночь-гора, наш «Северный полюс».

— За что же ее так окрестили?

— За то, что на ней даже летом холодно. Она первая осенью надевает белую шапку и последняя весной снимает.

Сокач открыл вентиль динамо — вспыхнули лампочки, прикрытые с трех сторон загнутыми козырьками: весь свой свет они направляли на приборы, оставляя будку машиниста в тени. Зато железная дорога озарилась ярким светом: передние фары посылали свои лучи далеко вперед, отгоняя непроглядную горную тьму.

Над трубой «Галочки» бушевал, отражаясь в низком облачном небе, искрящийся столб дыма. Небольшая лампочка, подвешенная под площадкой, над ведущей осью паровоза, лезвием своего света обрезала концы шпал и самый край пропасти.

Костер над Ночь-горой резко переместился вправо. Потом еще правее и наконец исчез. Появился он, более яркий, чем раньше, уже слева, в голове поезда, замкнувшего петлю.

Промелькнули на кривой габаритные ворота — сторожевой пост туннеля.

«Галочка» протяжно засвистела и пошла прямо на костер. Где-то в горах, слева и справа, наверху и внизу, откликнулись десятки, сотни паровозов.

Втягивая за собой тяжелые пульманы и холодные потоки воздуха, «Галочка» вскочила под закопченные, слезящиеся влагой своды туннеля. Горное эхо оборвалось, глухо застучали колеса. Дым и огненные искры ударялись о каменный потолок, падали на скалистую землю, клубились под колесами. Угарная жара хлынула во все щели паровоза. Пепельно-седая тьма поглотила лучи прожектора и фар.

Кочегар Иванчук нагнулся к практиканту, крикнул ему в ухо:

— Наблюдай за водомерным стеклом! По уровню воды мы засекаем перевал и едем дальше без пара, на тормозах.

Андрей Лысак не смотрел на водомерное стекло, сейчас его интересовал только туннель.

«Галочка» выскочила из туннеля. Дым и пар окутывал ее от колес до трубы.

Сокач и Довбня распахнули окна. Ночной морозный воздух хлынул в паровозную будку. Крупные хлопья снега косыми струями хлестали по горячей обшивке топки и сейчас же бесследно испарялись. Сильный луч прожектора скользил по глубокой каменной выемке, гнал впереди себя седые, как перекати-поле, шары облаков.

«Галочка» издала протяжный свисток и вскочила во второй туннель, такой же черный, дымный, угарный, как и первый.

По серьезному, строгому лицу Олексы Сокача Андрей понял, что приближается самое ответственное место дороги. Он с усиленным вниманием вглядывался в туннель.

— Перевал? — спросил практикант.

Сокач молча кивнул и осторожно сдвинул регулятор на малый клапан. Поезд заметно сжался, но хода не уменьшил: измеритель скорости показывал все те же тридцать километров. Сокач, не отнимая руки от рычага, выжидающе смотрел в задымленное окно. Колеса веселее застучали о головки рельсов.

Светлый столбик воды, заключенный в зеленоватое рифленое стекло, заметно понижался. Перевал!..

Измеритель скорости показывал сорок. Сокач повернул кран машиниста, плавно сбил скорость до тридцати.

— Ну, теперь, когда все трудности позади, можно и закусить чем бог послал.— Иванчук достал из-под сиденья железный сундучок и, усевшись прямо на угольном лотке, стал ужинать. Его примеру последовал и Микола Довбня. Лысак смотрел на то, как помощник и кочегар аппетитно уплетали белые пироги, запивая их молоком: ему самому не хотелось ни есть, ни пить.

С грозным железным грохотом, потрясая горы, окутанная облаками и дымом, разбрызгивая из-под тормозных колодок искры, вырвалась «Галочка» из второго туннеля и понеслась по узкому карнизу, вдоль отвесной, засыпанной снегом горы.

— Зеленый! — закричал Микола Довбня.

Промелькнул огонек семафора, зашипел воздух в тормозных цилиндрах, и поезд остановился у станционного столба с приваренным к нему железным щитом. По белому полю — крупные черные буквы: «Внимание! Перезарядка тормозов!»

Олекса наклонился к радиоаппарату:

— Говорит тринадцатая! Перевал перемахнули

благополучно.— Он посмотрел на часы.— Пока сэкономили девяносто минут.

— Спасибо, товарищ Сокач. Благодаря вашему рейсу я пропустила в горы сверх графика два поезда. Какая у вас на Верховине погода? — спросила Королевич.

— Снег, мороз.

— А у нас полная весна,— сказала она и, судя по голосу, улыбнулась.— Еще раз спасибо!

Сокач распахнул окно, жадно, открытым ртом, хватая свежий воздух:

— Верховина!..

Привлеченный взволнованным голосом машиниста, Лысак подошел к окну, глянул налево, потом направо и молча вернулся на свое место. Ничего не увидел он такого, чем можно было бы восхищаться.

Андрей родился здесь же, в Карпатах, вырос среди этих гор, но не испытывал никакой любви к родному краю. Он даже не знал как следует его географии, его особенностей. Ему было известно, что Рахов находится на гуцульской Верховине, что в Ясене производятся замечательные кустарные изделия, что в Сваляве много минеральных источников, что Берегово знаменито большими виноградниками и хорошим вином, что в Хусте дешевые яблоки. Выше подобных интересов он не поднимался. Он никогда не захотел посмотреть с горы Говерло на восход солнца, побывать в заповедном Оленьем урочище или на Полонинах, когда там начинается «веснование».

Сокач взял ключ, спустился вниз, на скрипучий белый мох. Все бело вокруг: близкие шатры гор, леса, огромные валуны, телеграфные провода, стрелки, хобот водоразборного крана, шпалы, рельсы, крыши домов. По-ночному вы-

глядели только черные ручьи, бегущие теперь вслед за поездом, а не навстречу ему, как до туннелей.

Так тихо на пустынных путях, что слышен глухой говор горных потоков.

Хороша была утренняя равнина, окутанная непроглядным туманом. Глаз нельзя было оторвать от голых буковых лесов, от земли, посыпанной золотыми листьями, от молниеносных зигзагов Каменицы, от облаков, клубящихся под колесами поезда, от горного весеннего солнца. Но краше вот эта ночная Верховина, закутанная в пуховые снега, скованная морозом и вознесенная к самому небу, к ярким крупным звездам. Как все это похоже на то, чем полна душа Олексы!

— Ого-го-го!

Олекса стоял на обочине железной дороги, на порядочном расстоянии от паровоза, широко раскинув руки и трубя во всю силу легких. Ушанка сбита на затылок, белокурый чуб присыпан снегом.

— Что такое, Олекса? Что случилось? — подбегая к другу, встревоженно спросил Василь Гойда.

Сокач ответил словами песни:

— Верховино, свитку ты наш!..

Гойда понял Сокача:

— Да, свет такой, что ослепнуть можно.

Василь стал рядом с Олексой, любуясь Карпатами. Друзья долго молчали. Потом Гойда спросил:

— Ну, как твой практикант? Ничего не фотографирует, не записывает?

— Как будто нет, а там кто ж его знает. Проверим.

Гойда кивнул головой.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Пока Андрей Лысак взбирался на Верховину, в его доме на Железнодорожной шли большие приготовления. Черная Мария варила, пекла, жарила, а Марта Стефановна закупала в «Гастрономе» водку, пиво, копчености, сыры, конфеты. Питья и еды припасалось с таким расчетом, чтобы хватило не только на своих домашних, но и на всю бригаду комсомольского паровоза. В этот день Марта Стефановна, по горло занятая хлопотами на кухне и в продуктовых магазинах, не прикасалась к сантиметру и машине и не принимала никого из своих заказчиц, но все-таки для одной заказчицы, хотя та и не пользовалась особой симпатией портнихи, ей пришлось сделать исключение. Это была знаменитая виноградарша из колхоза «Заря над Тиссой», Герой Социалистического Труда Терезия Симак.

— Дадим и этой поворот от ворот? —
Мария, увидев через кухонное окн
дившую в калитку.

— Нет, что ты, приглаша
Марта Стефановна сняла
стро привела себя в пор
Терезии.

Мария с удивлением
понимая, чем объяснит
ной заказчице.

Марта Стефановна
явлению Терезии Сим
годня не пришла к ней
соб затащить ее к се
Марты Стефановны
в самом срочном
колхозницей и ост

бабью хитрость, как он сказал, выведать у девушки, выходит ли она замуж за демобилизованного гвардейца Ивана Белограя. Если же не выходит, то почему. Марта Стефановна не спросила у Крыжа, для чего это ему понадобилось: она была приучена не задавать никаких вопросов.

— Здравствуйте, душечка, здравствуйте, красавица! — нараспев, как обычно, когда желала влезть кому-нибудь в душу, проговорила она, протягивая Терезии руки, унизанные браслетами.— Нежданный гость, но зато желанный. Дай я тебя поцелую.— Она сжала надушенными ладонями голову девушки, увенчанную двойным рядом туго заплетенных светлых кос, прикоснулась напомаженными губами к ее смуглому лбу.— Поздравляю со счастливым замужеством!

Терезия замахала руками:

— С каким замужеством, Марта Стефановна?

так это — «с каким»? Разве ты не

на такая... рыжеволосая да

ч, красавица! Другой та-
орода. Не зря к тебе за
і гвардейский орел. Как
грай? Слыхала, слыха-
закурила и, не спуская
уясь ею, спросила: —
к стремился, так летел
не торопится.

а что вы говорите?
не приезжал, а так...
эевал он на нашей
здесь награжден.

Марта Стефановна была искренне разочарована:

— Значит, выдумали люди вашу любовь? Жаль! Скажу по совести, Терезия, тебе пора замуж. Да еще как пора! Еще годик в девках походишь — и не дождешься мужа. Не зевай, дивчина! Хватай быка за рога. Я б на твоем месте этого самого гвардейца в два счета женила на себе.

Терезия засмеялась:

— Да как же его женишь, когда он испугался меня, как черт ладана? Марта Стефановна, неужели я такая страшная?

— Наверно, платье на тебе было простое, не моей работы,— вот и испугался. Ничего, мы это дело поправим в два счета. У меня для тебя такое фасонное платьице приготовлено, что не устоит против тебя никакой орденоносный гвардеец.

Терезия вздохнула, и на ее насмешливо-веселом лице появилось печальное выражение:

— Поздно уже, Марта Стефановна.

— Почему? Сколько тебе лет? Мне вот скоро пятьдесят стукнет, и то не считаю, что поздно, не теряю надежды на хорошего мужа.

— Да я не про года. Не показывается больше мой гвардеец. Пришел, посмотрел, поговорил — и как в воду канул.

— Исчез? Не имеет он на это никакого права. Найдем! Где он работает?

— Слесарем в депо работал. Говорят, уволился, уехал.

— Совсем?

Терезия кивнула и опустила голову.

Марта Стефановна в душе ликовала, что так здорово, не вызвав никаких подозрений, выполнила задание своего владыки. «Любомир похва-

лит мою ловкость»,— самодовольно подумала она, но на ее обильно покрытом косметикой лице не отразилась радость. Наоборот, оно было серьезным, материнcки-сочувственным.

— Не горюй, Терезия,— утешала она девушку.— Уехал — туда ему и дорога. Другой найдется. Такая дивчина, как ты, не останется без мужа... Ну, будем выбирать фасон. Вот, пожалуйста! — Марта Стефановна положила перед Терезией журнал мод, а сама вышла в соседнюю комнату. Выключив магнитофон, она вернулась к заказчице.— Ну, выбрала?

Терезия покачала головой.

— Нет. Расстроилась я, не до фасона мне. В другой раз зайду. До свидания.

Она поднялась и, приложив платок к глазам, выскочила из комнаты, пробежала двор и скрылась за калиткой.

Марта Стефановна надела фартук и пошла на кухню помогать своей Марии. Самодовольство распирало ее. «До чего же я ловка! — умилялась она собой.— Обвела девку вокруг пальца, все секреты из ее души вытащила». Марте Стефановне начинала нравиться ее тайная работа, работа на Любомира.

— Чего это она как угорелая помчалась на улицу? — спросила Мария.

— А кто ж ее знает... Пироги горят, Мария! — заорала хозяйка и побежала к плите.

Терезия, ее обманутые надежды, ее гвардеец, задание Любомира, магнитофон, гордость собой — все сразу было вытеснено тревогами матери, желающей угодить сыну, на славу отметить его первый рабочий день.

А Терезия только и думала о своем разговоре с портнихой. Быстро пройдя Железнодорожную,

она вышла на проспект Ленина. Миновав его, осторожно оглянулась и свернула на Киевскую. Через пять минут она сидела перед Зубавиным, докладывая ему о своем разговоре с Мартой Стефановной.

Что же, в самом деле, привело Терезию Симак к матери Андрея Лысака? Конечно, не новый фасон платья. Она пошла к знакомой портнихе по просьбе Зубавина. Чем же была вызвана эта просьба?

Вызвав к себе девушку, Зубавин раскрыл ей, кем на самом деле оказался ее заочный друг Иван Белограй, и посоветовал, как она должна вести себя сейчас. Пусть сделает вид, что ей ничего не известно о разоблачении Белограя. Пусть замечает, кто заинтересуется ее отношением с Белограем. Этот интерес может быть тщательно замаскирован простым любопытством, сочувствием или дружеской насмешкой. В общем, нельзя предусмотреть, кто, когда и как будет атаковать Терезию. Одно ясно: атаки надо ждать, к атаке надо готовиться.

И Терезия готовилась, ждала. Подруги по бригаде, лукаво поглядывая на Терезию, то и дело спрашивали: «Куда же подевался пропыленный и просоленный насквозь пехотинец? Почему не появляется на Соняшной горе?» На насмешку она отвечала насмешкой: «А что ему здесь делать? На вас смотреть? Подумаешь — павы расписные! Знаете, что сказал про вас этот самый пехотинец? «Пока ты, Терезия, работаешь с такими никудышными девчатами, не жди меня на Соняшной горе, не покажусь я на твои глаза».

Мать, до которой дошли слухи о приезде Ивана Белограя, о том, что он объявился здесь, на берегу Тиссы, только ради Терезии, попыталась

узнать у дочери, правда это или неправда. Если правда, то почему Терезия молчит, почему скрывает свои намерения от матери? Никогда не лгала в своей жизни Терезия, но на этот раз пришлось обманывать даже мать. Да, Иван Белограй приезжал в Явор. Что ж тут такого? Приехал и уехал. Вот и все. И не о чем тут больше разговаривать. Что же касается слухов — на каждый роток не накинешь платок. Поговорят люди, да и перестанут. Мать успокоилась и не терзала больше Терезию напоминанием об Иване Белограе. Скоро о нем забыли и в колхозе «Заря над Тиссой». Не забывала только одна Терезия. Не забывала и ждала атаки. И дождалась. Однажды посреди белого дня на виноградниках, на проселочной дороге, пробитой через гору Соняшну, показалась ватага яворских цыганок. Шли они, как нетрудно было догадаться, на промысел: гадать колхозникам, предсказывать судьбу девчатам, выпрашивать у сердобольных шматок сальца, ковшик мучицы или, на худой конец, кукурузы. Могли ли цыганки пройти мимо молодых веселых виноградарш, не погадать им! Да и сами виноградарши, по совести сказать, не прочь были послушать их забавные предсказания. Известное дело, врут цыганки, а все-таки интересно, что они скажут. При таком обоюдном интересе не понадобилось много времени для того, чтобы цыгане и виноградарши столковались. Минут через пять маленькую смуглую строптивую руку Ганны цепко держала морщинистая, с крючковатым носом, беззубая ведьма и, шепелявя, предсказывала ей судьбу. Насмешливой Василине гадала большеглазая, звонкоголосая, с грудным ребенком на руках цыганка. Доверчивой, испуганно притихшей Вере что-то таинственно и мрачно нашептывала

крепкая, с властным лицом старуха. Скромной Мариной уверенно завладела цыганка с трубкой в зубах. На долю Терезии досталась тоже приметная гадальщица. Когда-то, в молодости, она, наверно, была королевой Цыганской слободки. Высокая, статная, с цветным полушалком на сильных плечах. Глаза строгие, умные, много повидавшие и уже ничему не удивляющиеся. На тонких губах затаилась холодная насмешка. Голос усталый, хрипловатый, привыкший повелевать и поучать. Это была сообщница Любомира Крыжа — «Кармен». Оттащив Терезию в сторону, в тень черешен, растущих вдоль дороги, она взяла руку девушки, вытерла ее ладонь полушалком, деловито спросила.

— Тебе на картах погадать или так? Цена одинаковая.

Терезия оглянулась на своих подруг, засмеялась:

— Гадай как хочешь — все равно ничему не поверю.

— Поверишь правде, красавица, поверишь! Ты веселая и гордая только для людей. Наедине с собой ты не набиваешь себе цену. В душе ты горько день и ночь плачешь, слезами омываешь свою проклятую судьбу. Чем же ты недовольна? Кто обидел тебя? Был у тебя, красавица, жених. Всем женихам жених. Чернобровый. Кудрявый. С божеской звездой на лбу...

Терезия перестала смеяться. Внимательно и серьезно, затаив дыхание, слушала цыганку. «Кармен» подняла на виноградаршу свои умные глаза, презрительно усмехнулась:

— Что, поверила?.. Ну так слушай дальше. Был у тебя жених... Счастье по губам текло, а в рот не попало. Скрылся суженый да ряже-

ный, пропал. Как сквозь землю провалился. Не дождаться тебе его, красавица. Сто лет жди — не дождешься. Чернобровый твой в казенном доме, казенный хлеб ест и казенную воду пьет...

«Кармен» снова подняла глаза на Терезию, чтобы проверить, какое впечатление произвели ее слова на девушку. Для цыганки это было очень важно: если лицо Терезии переменилось, значит, нагадала ей правду, значит, Терезия знает, что ее жених Иван Белограй арестован, значит, сама виновата в этом.

Настороженная Терезия поняла значение взгляда цыганки и ответила на него веселым, искренним смехом:

— Что ты мелешь, выдумщица! Про какого жениха ты говоришь?.. Какой казенный дом?.. Довольно!

Цыганка еще бормотала что-то, но Терезия делала вид, что уже не слушает ее.

Так ей удалось перехитрить хитрую «Кармен». Вечером Терезия села на велосипед, помчалась в Явор, к Зубавину. Вот тогда-то, выслушав Терезию, он и попросил ее немедленно пойти к портнихе, проверить, не заинтересуется ли и Марта Стефановна ее «женихом» Иваном Белограем.

Да, заинтересовалась. Очень осторожно она это сделала, но все-таки выдала себя.

Так в деле № 183/13 появился еще один важный документ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вечером, в девятом часу, Сокач спустил поезд на Дубню, расположенную на самой верхней точке северного склона Карпат, на бывшем государственном рубеже Польши и Чехословакии.

Как только поезд остановился, у паровоза бесшумно выросла фигура Василия Гойды. Он махнул рукой в сторону ярко освещенного вокзала и тихо, вполголоса, сказал:

— Иду пить чай. Загляну к тебе попозже. Жди.

— Хорошо.

Сдав «Галочку» на попечение дежурного по оборотному депо, Олекса в сопровождении помощника, кочегара и практиканта отправился на отдых.

Все паровозники разошлись по темным комнатам дома отдыха, заснули, и только в самом глухом углу бригадного дома, на кухне, горел свет. Олекса Сокач и Василь Гойда сидели за столом плечом к плечу, а перед ними лежала небольшая, в темнокрасном переплете книжечка, принадлежавшая Андрею Лысаку.

Они молча, внимательно, страница за страницей просмотрели ее. По записям Лысака можно было получить полное представление о профиле важнейшей карпатской магистрали от Явора до Дубни, о размерах всех новых мостов. Особенно подробно были описаны туннели.

— Зачем он это сделал? — спросил Олекса, встревоженно глядя на друга.

Гойда расстегнул форменную шинель, достал из кармана портативный фотоаппарат, заряженный сверхчувствительной пленкой, сфотографировал несколько страниц записной книжки практиканта и вернул ее Олексе.

— Отнеси на место. Только поосторожнее.

— Но...— заикнулся Сокач.

— Отнеси. Так надо.

Андрей Лысак за ужином выпил добрую порцию вина и, охмелев изрядно, крепко спал. Он и теперь, как и полчаса назад, не видел и не слышал появления Олексы у изголовья своей кровати.

— Все в порядке? — спросил Гойда, когда Сокач вернулся на кухню.

— Спит без задних ног.— Олекса снова сел рядом с Гойдой.— Слушай, Василь, кто же он такой?

— Не знаю. Пока ничего не знаю. Очень прошу тебя, браток, не выпытывай ничего. А то, знаешь, я нечаянно, по дружбе, могу кое-что выболтать.— Гойда улыбнулся, подмигнул Сокачу.

— Да, ты разболтаешь, жди у моря погоды! — Олекса посмотрел на часы.— Пора в путь-дорогу. Пойду поднимать бригаду. Будь здоров, Василь! Ты поедешь нашим поездом или...

— Нет, я вернусь пассажирским. Мне срочно надо быть в Яворе.

Чуть брезжило, когда бригада Сокача и практикант Лысак поднялись на «Галочку». Микола Довбня сейчас же распахнул дверцы топки — белого ли накала огонь? Иванчук полез на тендер, начал подбрасывать уголь поближе к лотку. Олекса озабоченно посмотрел на манометр. Только один Андрей Лысак не нашел для себя работы. Взобравшись на паровоз, он уютно прижался спиной к теплому кожуху топки и стоя задремал.

В гору, до перевала, «Галочка» медленно, с большой натугой тащила поезд. На перевале, в первом туннеле, Олекса закрыл регулятор.

Четырехосные пульманы, туго сжатые в единое целое, в тяжеловесный поезд, набирали скорость. За окном, в утреннем тумане, мелькали телеграфные столбы, отвесные стены межтуннельных выемок, ветвистые елки, закутанные в пухлые снега.

Вот и первый мост на четырех высоких быках.

Проскочили второй туннель, третий...

Андрей Лысак открыл глаза, посмотрел за окно.

Поезд на крутом повороте изогнулся в такую дугу, что показалась хвостовая тормозная площадка с кондуктором на ней, одетым в бараний тулуп. Теперь хорошо были видны колеса пульманов, окутанные дымом, брызжущие крупными искрами, как наждачные точила.

«Галочка» гулко пересчитывала пролеты мостов, грозно скрежетала на кривых. Все эти стуки и скрежеты со страшной силой отдавались в сердце Андрея Лысака. Нет, профессия горного машиниста слишком опасна, не по душе она Андрею. Надо удирать, пока не поздно.

Оглашая окрестные горы предупредительными гудками, «Галочка» с грохотом проносилась по

ущельям, по скалистому карнизу, вдоль Каменицы, по мостам. Микола Довбня почти не подбрасывал угля в топку. Изредка подкачивал воду в котел Иванчук. Бригада отдыхала, пока поезд не нуждался в паровозной тяге.

Отдыхал и Андрей Лысак, примостившись на инструментальном ящике, в уютном уголке, между теплым кожухом топки и стеной паровозной будки. Глаза его были закрыты, он блаженно улыбался. Андрей уже забыл о том, что он на паровозе. Он был в Мукачево, на Кировской улице, в доме № 24, около Вероны. Он живо представил себе, как в назначенный час эта красивая дивчина появится перед ним — в легком платье, светловолосая, смуглая от солнца и ветра, робкая и счастливая. Он возьмет ее за руку, и они пойдут по улице в центр города, на проспект Сталина, а потом — в парк, на стадион. Будут там гулять весь вечер, до поздней ночи.

Думы о Вероне, размеренный, спокойный перестук колес убаюкали Андрея. Он так крепко заснул, что кочегар Иванчук с трудом растолкал его:

— Эй, практикант, вставай, приехали!

Андрей открыл глаза, вскочил. Поезд стоял на равнине, на сортировочной станции. Вдали, поверх красных крыш вагонов, виднелись хорошо знакомые белоснежные стены верхних этажей яворского вокзала. Олекса Сокач и его помощник Микола Довбня осматривали паровоз.

Андрей сполоснул лицо водой из инвентарного чайника, утерся носовым платком, тщательно причесался, аккуратно заправил под форменную фуражку волосы и, расправив ладонью складки комбинезона, спустился на землю.

Олекса и Микола молча, с любопытством уста-

вились на практиканта, ждали, что он скажет, что сделает.

Андрей подал машинисту руку и, выдавив на лице дружескую, как ему казалось, улыбку, сказал:

— До свидания. Спасибо за науку.

Лысак отправился в город через вокзал. Купив в ресторане сигарет, выпив бутылку свежего московского пива и сто граммов водки, он вместе с потоком людей, прибывших с дачным ужгородским поездом, вышел на вокзальную площадь, пересек ее и не спеша, прохлаждаясь в густой тени деревьев бульвара, побрел домой, раздумывая, какой костюм и какую рубашку наденет, как проведет день до вечера. Несмотря на печальные результаты поездки, Андрей не унывал.

По бульварной брусчатке, помытой недавним дождем, прошумел ужгородский автобус, полный пассажиров. Им управлял молодой шофер с той кажущейся небрежностью, которая доступна только опытному и уверенному в себе водителю: локоть левой руки выставлен в окно, в углу рта — дымящаяся папироса, глаза больше смотрят на прохожих, чем на дорогу.

«Буду шофером»,— решил Андрей, провожая взглядом автобус.

— Олекса!..— закричала какая-то красивая девушка, высунувшись из окна автобуса и махая платком. На ней было белое платье в черный горошек. Густые пышные волосы, чуть растрепанные ветром, горели на солнце. Сверкали зубы в улыбке.

Андрей не сразу узнал в красавице Верону. Не сразу сообразил, что она окликнула его, что ему махала платком, ему улыбалась. Только минуту спустя до его сознания дошло, что ему надле-

жало делать. Размахивая фуражкой, он бросился за автобусом, закричал:

— Верона!.. Верона!..

Пробежав метров сто, Андрей остановился. Что он делает? Чем все это может кончиться?

Автобус повернул направо и, больше чем наполовину скрытый, остановился на углу проспекта. Верона, конечно, сейчас выскочит из машины и устремится навстречу... Олексе Сокачу.

Что же делать? Андрей огляделся по сторонам, выбирая наиболее краткий и удобный путь бегства. Пробежав поперек бульвара, он с сильно бьющимся сердцем, тяжело дыша, боясь оглянуться, ворвался в парикмахерскую.

— Побрить! — пробормотал он, опускаясь в кресло.

Пока мастер скоблил ему кожу, Андрей, втянув голову в плечи, украдкой поглядывал в зеркало, отражавшее кусок улицы и бульвара.

Девушка в белом в черный горошек платье, со светящимися волосами стояла под цветущими каштанами и с недоумением оглядывалась по сторонам.

Андрей вдруг подумал: «А что, если я выйду из своего укрытия, возьму Верону за руку и, глядя ей в глаза, скажу: «Я не Олекса Сокач. Я — Андрей Лысак...» Как она примет мои слова? А что, если улыбнется, опустит голову и произнесет робким шепотом: «Мне все равно, кто ты, раз я люблю тебя».

Андрей заерзал на кресле, попытался подняться. Но эта попытка была такой слабой, что мастер только спросил:

— Беспокоит?

— Нет, нет,— торопливо проговорил Андрей, и мысли его стали опять мрачными.

«Какой ты дурак! Зачем... ну зачем, скажи, назвался Олексой? Ведь ты ей понравился, ты, а не Олекса Сокач, не его имя. Теперь же, узнав, что ты самозванец, Верона испугается, убежит или милицию позовет».

Кляня себя, Андрей продолжал наблюдать за Вероной. Девушка все еще стояла под каштанами, не хотела верить, что обманулась, все еще ждала...

— Пожалста! — объявил парикмахер.

Андрей с трудом оторвался от кресла. Расплачиваясь, долго собирал по карманам мелочь. Уходя из парикмахерской, тщательно прилаживал перед зеркалом фуражку. Наконец, взявшись за ручку двери, осмелился взглянуть на бульвар. Вероны уже не было под каштанами. Андрей с облегчением вздохнул и вышел на улицу и тут наткнулся на своего благодетеля.

Дядя Любомир стоял одной ногой на тротуаре, другой — на ящике чистильщика обуви. Черноголовый, замурзанный и босой мальчишка из Цыганской слободки куском старой суконки наводил глянец на поношенные башмаки Крыжа.

Поспешно расплатившись с цыганенком, Крыж взял своего подопечного под руку:

— Здравствуй, Андрейка! Ну, как прошла твоя первая поездка? — спросил он, увлекая Лысака в тень бульварных каштанов.

— Плохо, дядя Любомир.

— Почему?

— Не для меня такая работа. Не понравился паровоз. Хочу перекантоваться на другую профессию.

Крыж так крепко стиснул руку Андрею, что тот скривился от боли и с удивлением посмотрел на благодетеля.

— Брось и думать об этом! Твое место на паровозе. Слышишь? Садись!

Они расположились на уединенной, скрытой молодой зеленью скамейке.

— Выполнил поручение?

— Какое? — В голосе и в глазах Андрея были робкое недоумение и растерянность, вызванные столь резкой переменой дяди Любомира. Всегда был таким добрым, тихим, услужливым, а теперь чужой и злой. Что с ним произошло?

— Ты уже забыл, какое я давал тебе поручение? Туннели!

— А!.. Все сделал. Вот.— Андрей достал из кармана записную книжку и передал ее Крыжу.

Злые морщины на бритом сухом и жестком лице Крыжа разгладились, и на губах показалась улыбка:

— Даже записал. Хорошо! Молодец! Спасибо! Надеюсь, записывал умело, не на глазах у всех...— Он поднял очки на лоб, насмешливо прищурился: — Помнишь, Андрейка, какую ты мне дал расписку, когда брал деньги?

— Помню. А почему вы сейчас спрашиваете об этом?

— Вот по этому самому.— Крыж похлопал ладонью по записной книжке.— Помнишь, ты написал: «Деньги получил за оказанную услугу». Так вот она, эта самая услуга.— Крыж опустил записную книжку во внутренний карман пиджака.— Еще раз спасибо! Теперь мы пока квиты. И дальше будем так же строго считаться. Помни, ни одна твоя услуга не останется неоплаченной.

Андрей онемело смотрел на дядю Любомира. Он уже догадался, с каким человеком свела его судьба, но боялся поверить себе, еще надеялся,

что ошибается. Он сказал, заискивающе улыбаясь:

— Дядя Любомир, вы здорово переплатили. Моя услуга не стоит таких денег. Любой паровозник выполнил бы ваше поручение рублей за тридцать, а вы мне уже тысячи отвалили.

— Овчинка сто́ит выделки. Я тебе тысячи отвалил, а мне отвалят втрое больше.

— Кто? — почти шепотом спросил Андрей и почувствовал, как леденеют руки, а язык становится тяжелым и пухлым.

— Кто, спрашиваешь? Мои старые друзья. Теперь они и твои друзья. Через недельку или чуть позже твоя записная книжечка будет лежать в несгораемом шкафу наших друзей, рядом с твоей распиской.— Крыж надвинул на глаза очки и через их выпуклые стекла холодно и властно посмотрел на Андрея.— Если вздумаешь кочевряжиться, переживать лишнее, то я...— Крыж извлек из внутреннего кармана край записной книжки.— Одним словом, надеюсь, что ты не дурак... Отныне будешь делать не то, что тебе хочется, а то, чего я потребую. Во-первых, я требую, чтобы ты прекратил посещать рестораны, бары, кафе, перестал пьянствовать и транжирить деньги. Ты не должен привлекать к себе внимание людей. В Яворе не любят гуляк. Ты будешь тихим, скромным и трудолюбивым рабочим. Да, обязательно трудолюбивым. Во-вторых, ты сейчас же пойдешь на Кировскую, к дому № 24, встретишься с Вероной Бук и скажешь ей, что ты обманул ее, назвавшись Олексой Сокачем. Не бойся, она простит тебя. Полюбила, потому и простит. В-третьих, ты отправишься к Олексе Сокачу и пригласишь его к себе домой, отпразднуешь с ним свою первую поездку. Мать уже подготовилась

к встрече. Ты целый вечер не будешь отходить от Олексы. Накачивай его вином и водкой и тверди одно: «Ах, как мне понравилось работать на комсомольском паровозе! Ах, каким я стал теперь крылатым, когда взлетел на Верховину!..» В-четвертых, ты напишешь примерно такое заявление в школу машинистов: «Уважаемый товарищ начальник! Я решил не возвращаться к вам. Попав на паровоз, я понял, что из меня получится бумажный машинист, если я годик не поработаю кочегаром и годик не похожу в шкуре помощника механика. Жизнь, мол, практика, труд — лучшая школа... Извините, мол, спасибо за гостеприимство, не поминайте лихом...» В-пятых, ты решительно изменишь свой приметный облик на обыкновенный. Рядовая прическа. Ширпотребовского покроя пиджак. Простая рубашка. Серый галстук. Парусиновые туфли. Самые дешевые сигареты. Приветливая, добрая улыбка... Улыбайся всем: и тем, кто тебе нравится, и тем, кого ненавидишь. Улыбайся тому, кто тебе полезен сегодня, и тому, кто тебе понадобится завтра или даже только через год. Вот пока и все. Довольно на сегодня.— Крыж озабоченно посмотрел на часы.— Перерыв кончился. Иду торговать книгами. До свидания, Андрейка!

Он похлопал Лысака по бледной, бескровной щеке и пошел по бульвару — в черном поношенном костюме, в старомодной шляпе, высокий, с худой, жилистой шеей, чуть прихрамывая на правую ногу.

Так Андрей Лысак, двадцатилетний юноша, перед которым когда-то было открыто столько дорог, ведущих к вершинам жизни, закончил свой кандидатский стаж и перешел в ранг агента вражеской разведки. Резидент дал ему кличку «Кра-

савчик». Андрей пока не знал об этом. Скоро узнает. Многое еще предстоит ему открыть горьких и страшных истин.

Захватив донесение лейтенанта Гойды и фотокопию с записной книжки Андрея Лысака, майор Зубавин вышел из своего кабинета и направился в конец коридора райотдела МГБ, в комнату, отведенную Шатрову на время его пребывания в Яворе. Переступив порог, Зубавин остановился в двери, изумленный и чуть-чуть растерянный. Он ожидал увидеть облаченного в мундир седоголового полковника Шатрова, а за столом сидел моложавый черноголовый человек в сером фланелевом костюме, в светлой рубахе, повязанной синим в белую горошину галстуком.

— Что, не узнали, Евгений Николаевич? — выходя из-за стола, спросил человек в сером костюме. Походка у него и голос были очень знакомые, шатровские.

— Не сразу узнал, товарищ полковник,— искренне ответил Зубавин.— Первый раз вижу вас в штатском. И потом, вы так изменили прическу, так умеете владеть мускулами лица и выражением глаз, что немудрено и не узнать.

— Да, с простодушной гордостью сказал Шатров,— когда-то я владел в совершенстве этим искусством перевоплощения. Когда-то! В далекой молодости. Пришлось даже в мундире белогвардейца, в штабе Деникина, щеголять.— Шатров поправил галстук, молодецки выпятил грудь.— Вот, решил сегодня тряхнуть молодостью.

— Понял! Хотите пойти в гости к каменщику Локотарю?

— Угадали! Есть какие-нибудь новости, Евгений Николаевич?

— Есть.

Зубавин положил перед полковником донесение Гойды и фотокопию. Шатров молча просмотрел и то и другое. Потом он, так же молча, выдвинул ящик письменного стола, достал лист плотной бумаги и, не глядя на майора, словно забыл о нем, начал быстро карандашом набрасывать какие-то загадочные фигурки. Кончив, он протянул рисунок Зубавину.

— Посмотрите, Евгений Николаевич, какая карусель получилась.— Шатров улыбнулся своей неповторимой, шатровской, улыбкой.— Мне эти каракули, признаюсь по совести, здорово помогают размышлять.

Зубавин склонился над столом, разглядывая рисунок, сделанный уверенной рукой. Впоследствии эти шатровские «каракули», сохранившиеся, между прочим, в деле 183/13, неоднократно дополнялись и уточнялись. В первоначальном виде они выглядели так:

Американский бык, увенчанный рогами в виде двух вопросительных знаков, конечно, «Бизон». Иностранец в широкополой шляпе и макентоше, выходящий из венского экспресса,— транзитный турист, он же связник разведцентра «Юг», легально зарегистрированный в контрольно-пропускном пограничном пункте как Фрэнк Билд. В центре рисунка на стопке книг расположился черный ворон с головой Любомира Крыжа. От него протянулся пучок нитей: к игральной карте, на которой изображена цыганка; к иголке с ниткой в руках Марты Стефановны; к нищему Батуре; к шоферской кабине грузовой машины; к «Москвичу», таранящему велосипедиста; к пы-

лающему в лесном овраге планеру, к огромной крысе, трусливо выглядывающей из своей норы, над которой прикреплена табличка с надписью: «Гвардейская, 9».

Много уже знали майор Зубавин и полковник Шатров об исполнителях операции «Горная весна» и их намерениях, но им не было еще известно о том, что особоуполномоченный «Бизона» уже благополучно проник в Явор и поселился в гостинице «Карпаты» и что в скором времени через границу СССР должен прорваться второй помощник Джона Файна, бандеровец Хорунжий, носящий подпольную кличку «Ковчег».

Солнечным майским утром на тихой Раховской улице, заросшей огромными каштанами, появился высокий пожилой, с военной выправкой человек, одетый в штатский костюм — серая поношенная пара, скромная шляпа, черные полуботинки. Это был полковник Шатров. Он разыскивал дом № 27 и, открыв железную калитку, вошел во двор. Сутулый, седоусый, с меднокожим лицом старик, греющий свои кости на солнцепеке, с удивлением смотрел на приближающегося к нему незнакомца. Шатров подошел, снял шляпу, поздоровался, спросил, здесь ли живет каменщик Славко Юрьевич Локотарь. Седоусый старик поднялся с садовой скамейки, ткнул себя в грудь коричневой морщинистой рукой и сказал глуховатым голосом, что он самый и есть Славко Юрьевич Локотарь, каменщик. Бывший каменщик, добавил он, и невеселая усмешка выступила под его легкими, необыкновенно чистыми и насквозь прозрачными усами, сделанными как бы из атласных ковыльных нитей. Глядя на эти усы и на эту

улыбку, Шатров вдруг понял, что все его опасения насчет того, сумеет ли он сговориться со стариком, оказались напрасными. Сговорится!..

Никита Самойлович явился сюда, на Раховскую, по весьма важному и очень деликатному делу. Собирая материалы о доме № 9 на Гвардейской, Зубавин выяснил, что строил его и перестраивал знаменитый на все Закарпатье каменщик Славко Локотарь.

Когда Зубавин доложил о результатах поисков полковнику Шатрову, тот сказал, что он сам сходит к Локотарю и попытается заполучить от него все данные о доме Крыжа. Шатров решил поступить так потому, что придавал большое значение фигуре «товарища Червонюка». Да, он уже точно знал, что на Гвардейской нашел себе убежище еще один — пожалуй, самый главный — посол «Бизона». Узнал он об этом следующим образом. Поскольку за Ступаком было установлено постоянное наблюдение, то Шатров и Зубавин в свое время были осведомлены о том, что замаскировавшийся под шофера лазутчик Ступак направился на грузовике лесоучастка якобы за дровами на Сиротскую поляну. Вооруженные мотоциклисты, сотрудники Зубавина, не включая фар, приглушив моторы, провожали Ступака в горы, до самой заброшенной штольни. Они прекрасно видели и даже ухитрились это зафиксировать на специальную пленку, как Ступак извлекал из штольни конвекторы, как таскал их на машину. Видели — и не помешали. Они позволили диверсанту погрузить взрывчатку и доставить ее в Явор, на Гвардейскую. Такова была их задача. Наблюдение, только наблюдение. В ту ночь, когда была доставлена взрывчатка в дом Крыжа, один из сотрудников Зубавина, дежуривший в густых

ветвях осокоря, бесшумно перебрался с дерева на крышу дома, опустил в дымоходную трубу на проводах специальный прибор, который записал на пленку чрезвычайно важный разговор между шофером Ступаком и его боссом, скрывавшимся под крылышком Крыжа.

Таким образом, Шатров и Зубавин в течение одной ночи вплотную подошли ко всем исполнителям бизоновского плана «Горная весна», захлестнули петлю вокруг них. Теперь уже не оставалось никаких сомнений ни у Зубавина, ни у Шатрова в том, что следует немедленно пресечь намерения вражеской агентуры и тайное следствие превратить в явное.

Не такое это простое дело — арест оголтелых врагов нашей Родины. Перед лицом возмездия за свои тяжкие преступления они готовы на самое ожесточенное сопротивление и на самоубийство, способны немало повредить следствию.

Зубавин и Шатров долго думали, как в течение одной ночи, без самой малой потери и осложнений, арестовать сразу всю группу диверсантов и шпионов. Можно было быть уверенным, что Ступак, Крыж, портниха Марта Стефановна, ее сын и нищий Батура будут арестованы без каких-либо осложнений. Но как взять живым «товарища Червонюка»? Позиция у него такая выгодная, что к нему невозможно без большого риска подступиться. Где он прячется? Из какого логова он начнет отстреливаться, когда в дом войдут сотрудники государственной безопасности? Войдя в дом к Любомиру Крыжу, надо безошибочно ориентироваться в его комнатах и закоулках даже в темноте, действовать стремительно и наверняка, не дать возможности «Червонюку» ни уйти, ни оказать сопротивление, ни застрелиться или при-

нять яд. Надо накрыть его внезапно, в тот момент, когда он менее всего настороржен. Этот босс с подложными документами на имя Червонюка потеряет девять десятых своей следственной ценности, если будет доставлен в органы безопасности трупом. Его надо обязательно взять живым. Пусть час за часом, день за днем рассказывает о черных делах своего штаба — разведцентра «Юг».

— Я к вам по делу, Славко Юрьевич,— начал Шатров.— Садитесь, прошу вас.

Старик опустился на скамейку. Шатров расположился рядом, раскрыл коробку папирос:

— Курите.

Каменщик толстыми, негнущимися пальцами взял папиросу, но не стал прикуривать.

— Я палю цыгарки только в красный день,— сказал он, улыбаясь из-под своих незапятнанных никотином атласных усов.

Шатров некоторое время молча дымил папиросой и раздумывал, как приступить к разговору. Старик не торопил его ни словом, ни взглядом, ни каким-либо движением. Он деловито чертил садовую землю ивовым прутиком и терпеливо ждал, когда гость скажет, зачем ему понадобился уже давно никому не нужный каменщик Локотарь.

— Славко Юрьевич,— начал Шатров,— говорят, вы на своем долгом веку построили не меньше тысячи домов. Говорят, чуть ли не половина Явора воздвигнута вашими руками.

Мутные, глубоко запавшие глаза каменщика посветлели, а на скулах выступили багровые пятна — старческий румянец, румянец радости.

— Лишнее вам наговорили, товарищ... не знаю, как вас звать-величать.

— Никита Самойлович.

— Половины Явора не наберется, Никита Самойлович, а за добрую четверть ручаюсь. Ужгородскую улицу я начал строить. Раховскую — тоже. На Московской все большие дома мои. Здание, где теперь Государственный банк, бывшая ратуша, театр, универмаг — тоже мои. Одним словом, все, что к небу рвется, Славко Локотарь сооружал. Только в тюрьму и в жандармерию ни одного кирпича не положил.

Шатров понял, что затронул в душе каменщика самую заветную струну — чистую гордость рабочего человека трудом своим. Старик говорил тихо, раздумчиво, с радостным изумлением глядя на широкие, темные, с окаменевшими мозолями руки, будто впервые понял, сколько сделано им, какой след оставлен на родной земле.

— Поверите,— продолжал Локотарь с улыбкой под усами,— иду по городу, а все дома, какие я вырастил, то с одной, то с другой стороны поглядывают на меня и вроде как бы выговаривают: остановись, Славко, полюбуйся на нас! Что ж, приходится уважить, останавливаться, любоваться. Поверите, ни одного дома нет в Яворе, какого б я стыдился. Каждый хозяин добрым словом вспоминает каменщика Славко.

— Вот и я хочу вас добрым словом вспоминать, Славко Юрьевич,— подхватил Шатров.— Пришел я просить вас построить мне дом.

— Что вы, Никита Самойлович! — Локотарь махнул рукой.— Какой я строитель! Я сейчас больше языком работаю, хвастаюсь. Отработались мои рученьки, добрый человек! — Голос Локотаря дрогнул, а глаза снова замутились.

— Ну, раз не можете строить, так хоть советом помогите, Славко Юрьевич.

— О, такая работа еще по моим силам! — оживился старик.— Спрашивайте!

Шатров достал из кармана пиджака лист бумаги и карандаш, приготовился записывать советы Локотаря:

— Имею «капитал» на три комнаты с кухней. Посоветуйте, Славко Юрьевич, какой из домов, построенных вами в Яворе, взять за образец?

— Какой? Сразу и не скажешь, надо подумать. Есть на Степной улице одно пригожее, по вашему капиталу здание. Дом номер семнадцать. Не запомнили, случаем?

— Дом номер семнадцать? Помню. Нет, этот не подходит.

— Ну, тогда что же вам посоветовать? На Степной еще есть кирпичный особняк с круглой верандой. На Гвардейской есть удачный домишко.

— На Гвардейской? Дом номер девять? Большие окна? Стены, увитые плющом? Этот дом мне нравится. Очень хороший. Значит, и его вы строили?

— Строил и перестраивал. Хозяин и теперь живой. Любомир Крыж. Был когда-то богатым человеком, не жалел денег и на стройку и на ломку.

— Сколько же комнат в доме?

— Было сначала три жилых и три подсобных: кухня, прачечная и кладовка. Теперь четыре: спальня, кабинет-библиотека, столовая и «сундук».

— «Сундук»? А это что такое?

— Четвертая комната. Я сделал ее во время войны из кладовой и прачечной. В ней Крыж свое добро прятал, когда тут хозяйничали разные грабители. Интересная комната — настоящий сундук, без окон и дверей.

— А как же в нее входить, если нет ни окон, ни дверей? — обыкновенным голосом, не очень заинтересованно, будто между прочим, спросил Шатров.

— Хоть она и глухая, как сундук, а войти и выйти из нее можно с двух сторон: из подвала, через люк, и через книжный шкаф в библиотеке. Дорого обошлась Крыжу эта комната: за работу хорошо заплатил и за то, чтобы никому не рассказывал в Яворе про этот сундук, тоже отвалил без всякой скупости.

— Ну, мне такая тайная комната без всякой надобности! — засмеялся Шатров.— Я не боюсь грабителей.

Все, что требовалось, Шатров уже получил. Он побеседовал с отставным каменщиком еще несколько минут и распрощался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Бандеровец Хорунжий, второй подручный Джона Файна, должен был перейти границу в самом сердце Карпат, в высокогорном глухом районе. Но непредвиденные обстоятельства изменили дальний и трудный маршрут. Он перешел границу в самом людном месте так, как еще никто до него не переходил: воспользовавшись наводнением.

Издавна, с незапамятных времен, жители равнинного Закарпатья испытывали к весенней Тиссе и другим горным рекам великое почтение, изрядно их побаивались и старались обосноваться как можно дальше от неверных берегов. Ужгород, Мукачево, Берегово недоступны половодью. Но такой город, как Вилкок, расположившийся у са-

мой излучины Тиссы, каждую весну опасается за свою судьбу, хотя и обнесен защитной дамбой.

Закарпатская низменность богата старыми руслами. Летом это безобидные илистые овражки, глухо заросшие кустарником. Весной по ним бешено мчатся талые горные воды — воскресшие реки, сметающие на своем пути деревья и дома неосмотрительных поселенцев. Но год на год не приходится. Чаще всего горные реки благополучно, без большого ущерба для людей выносят свои воды на равнину — в Тиссу.

Тот год был грозным для низменного Закарпатья. Зима в горах оказалась исключительно многоснежной, а весна затяжной, капризной: холодной и теплой, снежной и дождливой, солнечной и туманной. В первых числах мая в горах еще лежал снег и подмораживало. Настоящая весна наступила сразу, в одну ночь произошел перелом. Хлынул теплый ливень. Он растапливал снега в глубоких, затененных ущельях, на поднебесных хребтах, в глухих дебрях лесов. Верховина чернела, зеленела, становилась весенней. Прошел день, другой, третий, а ливень не утихал. С гор по каменистым ложам и прямо по косогорам стремительно понеслась верховинская вода. Вниз, в долины, надвигались весенние воды в таком количестве, будто на простор вырвалось море. Небольшие безобидные ручейки превратились в бурные потоки. Они понесли с гор песок, щебень, камни, а потом и каменные глыбы. Речушки, обычно мирно текущие по дну долин, разъяренно устремились к Тиссе; срывали мосты, топили сады, заносили песком и гравием поля, разрушали низко стоящие хутора, губили скот.

Страшной стала горная река, вырвавшись на простор равнины.

Тисса в первый же день половодья наполнилась до краев. Скоро вода разлилась поверх гребней дамб, прикрывающих равнину. Первая дамба рухнула напротив маленького советского городка Вилкок, и бурная Тисса устремилась в брешь, быстро заполняя собой огромное пространство. Образовалось настоящее море. Спасательные флотилии, организованные из рыбацких лодок, моторных катеров и плотов, двинулись в затопленный район. Десятки поездов, тысячи машин эвакуировали население из пунктов, которым угрожало наводнение.

Серьезное испытание выпало на долю жителей правобережной Тиссы. Но еще более угрожаемое положение создалось на левобережье. Украинцам сравнительно легко было отступать: в ближайшем их тылу поднимались карпатские предгорья, недоступные наводнению. Позади же венгров расстилалась необозримая Большая Венгерская низменность, где раздольно свирепствовала Тисса. Спастись можно было, только переправившись на правый высокий берег.

Первыми ринулись в туманную мглу тисского моря жители венгерского села Варош, расположенного у самой границы, напротив советского колхоза имени Ленина. Маяком им служили яркие огни колхозного Дома культуры и нагорные костры, полыхавшие всю ночь. Где-то посередине реки плоты гостеприимно встретил советский катер. Он взял на буксир тихоходные бревенчатые суденышки и пришвартовался с ними к правому берегу. Венгры нашли себе пристанище в хатах колхозников и в Доме культуры.

Среди спасенных венгерских землепашцев, их жен и детей находился и агроном Ференц Будаи, прибывший из Будапешта в село Варош по слу-

жебным делам за день до наводнения. Благополучно переправившись на самодельном плоту через Тиссу, он, пользуясь всеобщей радостной суматохой своих сограждан, вызванной теплой встречей на советском берегу, незаметно исчез. Ференц Будаи имел подложные документы. Бандеровец Хорунжий присвоил себе не только чужое имя, но и национальность. Подлинная фамилия «Ковчега» давно не употреблялась. Шефы иностранных разведок любят давать своим приметным агентам подобные высокопарные, загадочные клички.

В ту же ночь, тайно отделившись от общей группы спасенных, «Ковчег» начал действовать в одиночку. Как впоследствии выяснилось, он подружился с водителем грузовой машины Козловским, мобилизованным на вывозку населения из районов, которым угрожало наводнение. Вкравшись в доверие к Козловскому, он убил его и, забрав его документы и одежду, сел за руль мощного грузовика.

С этим «Ковчегом» и свела Алену Смолярчук пограничная судьба.

Вот как это произошло.

В ненастную полночь к глухим воротам пятой заставы подошла большая, крытая непромокаемым брезентом машина. Дежурный по заставе Волошенко, вызванный часовым, встревоженно вырос на пороге калитки и узким, длинным лучом электрического фонаря осветил грузовик: шоферскую кабину, кузов, номерной знак.

— В чем дело, водитель? Куда следуете? — грозно спросил Волошенко.

— Это я, Тарас! — раздался певучий женский голос, ничуть не смущенный негостеприимным окликом дежурного.

И вслед за этим из кабины грузовика на мокрую землю выпрыгнула, шурша одеждой, женщина.

Горный северный ветер, секущий холодным дождем, сорвал с белокурой головы женщины капюшон, отвернул длинные полы ее черного прорезиненного плаща, открыв ноги в высоких болотных сапогах и мужской ватник, перехваченный в талии солдатским ремнем.

Это была Алена, жена старшины Смолярчука. Волошенко сразу узнал ее по голосу, по тому, как она легко перескочила через большую лужу. Но он, однако, не спешил признаться, что опознал ее. Вид его был все такой же настороженно-суровый, а голос грозный:

— Кто вы такая? В чем дело?

— Это я, Тарас. Неужели не угадал? Добрый вечер!

И только после этого Волошенко смилостивился и решил узнать Алену.

— А, вот кто это! — Он опустил фонарь острием луча в землю, обрадованный тем, что посреди глухой, невеселой ночи наконец-то нашелся добрый повод пошутить, отвести душу.— Каюсь, не узнал сразу. Смотрю и думаю, что это за видение явилось перед моими очами? Вроде бы Аленушка. Но если это она, думаю, наша скромница, то почему стала такой царственной? «Это я!..» Хм! Так это ты сказала, Аленушка?

Алена засмеялась. Она отлично знала характер Волошенко: ни друга, ни недруга не пожалеет, посмеется над ним, была бы только маленькая к тому зацепка. Случись ему пожар тушить, и там, в огне, наверно, действовал бы с веселым словом, с шуткой, с прибауткой. Алена помахала рукой перед лицом Волошенко.

— Прекрати свои басни, Тарас! Не до них мне сейчас. Смолярчук на заставе?

— Прошу вас, гражданка, выбирать выражения. «Тарас»! Какой я вам Тарас, если я при исполнении служебных обязанностей! — Он резко сдвинул каблуки, приложил руку к козырьку фуражки: — Разрешите представиться во всем своем величии: дежурный по заставе рядовой Волошенко!

— Болтун ты, а не дежурный!

— Правильно,— неожиданно, широко ухмыляясь, согласился Волошенко.— Приветствую суровую товарищескую критику.— И уже другим, серьезным, деловым, тоном добавил: — Так, значит, мужем интересуешься? Смолярчук, на твое счастье, еще здесь, на заставе. Позвать?

— Позови. Скорее!

— Случилось что-нибудь?

— Ну да. Разве ты не знаешь? — Алена повернулась лицом в ту сторону, где резко снижались Карпаты и где небо раскалывали длинные, извилистые, как горные реки, молнии.— Наводнение. Тисса вышла из берегов.

— А!.. Уезжаешь на спасательные работы? Мобилизована? Хочешь проститься с мужем? Сейчас, сейчас позову твоего Андрея.

Размахивая электрическим фонарем, Волошенко хлопнул калиткой. С той стороны высокого забора донесся дробный цокот каблуков о каменные плиты, потом наступила тишина. Так было тихо, что Алена явственно слышала, как шумели в горах необыкновенно полноводные потоки, как жалобно стонали под свирепым ветром вершины деревьев, как дождевые струи барабанили о железную крышу казармы заставы, как ворчала дальняя, равнинная гроза. И вдруг все это — и

горные потоки, и гроза, и шум леса, и дождь — бесследно исчезло. Ничего больше не слышала Алена. Все заглушил новый звук, донесшийся со двора заставы. Кованые каблуки быстро-быстро пересчитывали каменные плиты — одну, другую... пятую... десятую... Алена перестала дышать. Кованые каблуки стучали все быстрее и быстрее. Алена уже не могла устоять на месте. Забыв обо всем на свете и чувствуя только приближение Андрея, она рванулась ему навстречу. Калитка распахнулась, и на ее пороге вырос Андрей Смолярчук. Он так спешил к ней, что забыл накинуть на плечи плащ, а на голову надеть фуражку. Высокий, плечистый, с могучей грудью, на которой сияли, отражая молнии, ордена и медали, встревоженный, остановился он на пороге калитки. Зорко вглядываясь в лицо жены, он старался угадать по его выражению, что случилось. Волошенко не сказал ему, чем вызвано внезапное, посреди ночи, появление Алены на заставе.

Алена как зачарованная смотрела на мужа. Пройдет год, десять, тридцать лет, вся жизнь промелькнет с ее большими радостями, и все равно никогда не забудется вот этот Андрей, каким видит она его сейчас.

— Аленушка!..— Он переступил порог калитки, протянул руки и обхватил жену за скользкие, мокрые плечи.— Ты чего? Дома что-нибудь?

— Ничего. Андрей, честное слово, ничего! — горячей скороговоркой произнесла она. Когда его руки перестали сжимать ее плечи, Алена добавила с усмешкой: — А ты, оказывается, пугливый! Вот не ожидала! Я думала, пограничник готов к любому происшествию.

«Я пограничник здесь, на границе, а дома...

дома я простой смертный»,— так хотел ответить Алене Смолярчук. Но только спросил:

— Что, соскучилась? Пришла проведать?

Алена оглянулась на часового: отстранив от себя мужа, сказала с безжалостной насмешкой:

— Смотри, какой наивный муж! Не дождешься, чтобы я к тебе на заставу в такой дождь зря бегала! Пришла сейчас в виде исключения... попрощаться.— Она засмеялась, стиснула его руки, прильнула к его груди лицом: не верь, мол, не верь моим словам!

Но он все-таки поверил.

— Попрощаться? — голос его прозвучал тихо, почти испуганно.

— Ну да. Мобилизована райкомом. Уезжаю на спасательные работы. Наводнение на равнине. Видишь, вот и машина ждет меня.

И тут только Смолярчук увидел за спиной жены черную громаду грузовика и понял, зачем Алена явилась сюда в такой неурочный час. Но и поняв, он не сразу примирился с тем, что она покинет его.

— С кем же ты едешь? — растерянно спросил он.

— Да вот с ними... с моей бригадой.— Алена повернулась к машине и кивнула на черный, крытый брезентом кузов.— Нас четырнадцать человек. Я назначена бригадиром.

— А что же ты там будешь делать? Где будешь жить? И вообще, как же это так? Мне ничего не сказали, не предупредили...

Алена задорно рассмеялась:

— Не беспокойся, Андрюша! Встретишь меня в таком точно виде, в каком провожаешь. До свидания!

— Постой, Аленушка!

Он продолжал крепко держать ее руки. Он хотел, чувствовала Алена, сказать ей что-то очень важное. Алена с нетерпением ждала этих слов, а он медлил, молчал. Так и стояли они под не утихающим ливнем, прижавшись друг к другу мокрыми от дождя лицами. Подумать только, неделю или две суждено им не видеться! Через год или через пять лет расставания, возможно, будут чаще и длительнее, но все они легче перетерпятся, чем это, первое. Тяжело разлучаться именно теперь, когда до конца присмотрелись друг к другу, когда загладили все заусеницы и шершавины характеров.

...Дождь усиливался. Там, далеко на равнине, где бушевала вышедшая из берегов Тисса, не утихал гром и полыхали яркие молнии. По одубевшей брезентовой крыше грузовика стекали черные струйки. Шофер включал и выключал подфарники, заводил и глушил мотор, а Смолярчук и Алена все еще прощались.

Загремела калитка, и на ее пороге с фонарем в руках, в широченной плащ-палатке на плечах показался Волошенко:

— А, вы все еще никак не расстанетесь!

Алена засмеялась, уперлась руками в грудь мужа, пытаясь оторваться от него. Он не отпускал ее, шептал:

— Так смотри же!

Волошенко направил луч фонаря прямо на старшину:

— Товарищ муж, имейте великодушие, отпустите свою жинку на волю, а то, видите, даже неодушевленный грузовик рычит от нетерпения и ярости.

Алена, наконец, вырвалась из объятий Смоляр-

чука, побежала к машине, размахивая дождевиком.

— До свидания, Андрей! — крикнула она, вскакивая на подножку грузовика.

Шофер отпустил педаль сцепления, дал газ, и машина резко, как застоявшийся конь, понеслась прочь от заставы, распарывая темноту двумя длинными мечами лучей. Смолярчук, Волошенко и часовой молча смотрели вслед сигнальным огням уходящей машины, и каждый, наверно, думал о том, что нельзя пересказать словами.

— Эх!..— воскликнул Волошенко.

Он надвинул на глаза фуражку, поскреб затылок, вздохнул и направился на заставу. Ушел и Смолярчук.

А часовой, обойдя заставу, вернулся к воротам и здесь остановился. Он посмотрел на то место, где недавно стояли Смолярчук и Алена, улыбнулся и пошел дальше...

Семь дней и ночей боролись люди с Тиссой. Ливни на восьмой день внезапно прекратились. К этому времени в горах растаял весь снег. Карпаты уже чернели и зеленели под весенним солнцем, светившим и гревшим так, будто ничего не случилось. На ясном небе от зари до зари не показывалось ни одного облачка. Спали, вошли в свои берега и посветлели бурные воды Тиссы. Иссякали с каждым часом горные потоки. На равнинных местах обнажились каменные глыбы, занесенные сюда из ущелий Верховины. Прибрежные поля, сады, дороги и деревенские улицы были густо, как градом, покрыты речной галькой. В стальных переплетах мостов, переброшенных через Тиссу, торчали застрявшие деревья с вымы-

тыми добела корнями: ивы, тополя, яблони, груши, орех.

Сколько бы еще натворила бед обезумевшая Тисса, если бы люди не преградили ей путь!

Как только спасательные работы были закончены, Алена откомандировала бригаду. Через день, отчитавшись перед главным штабом по борьбе с наводнением в проделанной работе, она и сама отправилась домой. Добиралась на попутной машине.

Незабываемы закарпатские дороги тех дней! Колонна за колонной, как журавли по весне, тянулись домой, в соседние области, грузовые машины: на Львовщину и Тернопольщину, в Дрогобыч и Станислав, в Черновицы и Кишинев. Проползли, сверкая белыми гусеницами, задрав к небу свои стрелы с ковшами, отлично поработавшие экскаваторы. Если б не они, не были бы воздвигнуты так быстро на пути Тиссы защитные дамбы. Мощные амфибии, управляемые солдатами, пронесли по закарпатским дорогам свои огромные, цвета хаки панцыри. Сколько людей они спасли! Проплыли друг за другом китообразные понтоны, погруженные на прицепы тягачей. Неисчислимые потоки людей, машин и скота перекатились по этим упругим понтонным телам. С песнями на устах, с лопатами на плечах покидали притисскую землю батальоны пехотинцев и саперов. Какие бои они выиграли!

Несчитанные полки добровольцев со всех городов Закарпатья, Прикарпатья, восточных и юго-западных областей Украины разъезжались по домам, увозя с собой выросшую веру в то, что люди-братья непобедимы, что они могут творить чудеса, недоступные разъединенным людям.

Машина, на которой Алена добиралась домой,

была тяжелый трехтонный вездеход с десятью массивными рубчатыми колесами, с буфером-тараном, с зарешеченными фарами, с букетиком первых подснежников, прикрепленных к боковому кронштейну рядом с круглым смотровым зеркалом. Этот грозно гудящий лесовоз, от которого шарахались на обочину все встречные машины, Алена остановила, подняв руку, на одном из перекрестков города Вилкок.

— Вы куда едете, товарищ водитель? — спросила Алена приветливо и чуть-чуть заискивающе, отдавая дань человеку, обладавшему счастливой возможностью доставить ее домой за два — три часа.

Водитель ответил не сразу. Он достал сигарету, помял ее темными, замасленными пальцами, чиркнул зажигалкой, пыхнул дымом. И только после этого он повернул голову к Алене и сощуренными, смеющимися, очень молодыми и очень черными, почти цыганскими глазами посмотрел на нее и в свою очередь спросил:

— А вы куда желаете ехать, товарищ пассажир?

— К Явору. Не по дороге нам?

— По дороге,— ответил водитель.— Садитесь. Милости прошу. Между прочим, нам было бы с вами по дороге, если бы вы решили ехать даже на Луну или на Марс,— веселой скороговоркой добавил он, распахивая дверцу кабины.

Последние слова водителя поколебали твердую решимость Алены быть дома как можно скорее. Она перестала улыбаться, насупила брови и отступила от лесовоза на обочину дороги. Нет, Алене не по дороге с таким уж очень любезным шофером. Пусть один едет, а она подождет другую попутную машину.

Шофер между тем, будто не замечая перемены в пассажирке, услужливо смахивал фуражкой пыль с пружинного сиденья и продолжал:

— Каждому человеку теперь по дороге с вами, товарищ спасатель. Вы ведь боролись с наводнением, спасали утопающих и терпящих бедствие. Не ошибся?

Произнося все это, водитель так хорошо посмотрел на Алену, так дружески улыбнулся, что ей стало стыдно, и она поспешила загладить свою вину: ответила ему щедрой, приветливой улыбкой:

— Рыбак рыбака видит издалека. Вы тоже спасатель? Не ошиблась?

— В самую точку угодили. Тысячу сто человек перевез из затопляемых районов в безопасные места. Тысяча сто сердец будут всю жизнь вспоминать меня добрым словом, желать здоровья и счастья. Садитесь скорее, не теряйте времени! — властным голосом сказал водитель.

Алена решительно расположилась в кабине рядом с шофером:

— Большое вам спасибо! Если бы вы знали, как я спешу домой!

— Пока еще не за что благодарить, товарищ... не знаю, как вас звать-величать. Путь у нас дальний: могу доставить вас на место в целости и сохранности, могу и против своей воли, конечно, без всякого умысла, в тартарары загнать.

— А вы постарайтесь ехать по своей воле, без всяких случайностей. Можно так?

— Что ж, надо постараться.— Он надвинул кепку на глаза, энергично кивнул: — Хорошо, доставлю вас, как доставил бы родную маму или... невесту. Как вас прикажете звать-величать?..

— Алена... Алена Ивановна Смолярчук. А вас... как ваша фамилия?

— Очень приятно познакомиться, Алена Ивановна. А меня зовут...— Он помолчал усмехаясь.— Меня хоть горшком зовите, только в печь не сажайте.

Алена засмеялась. Чрезмерная смешливость была ее давним грехом. Стоило ей услышать мало-мальски веселое слово, стоило какому-нибудь доморощенному артисту состроить забавную гримасу, как Алена разражалась искренним, долго не умолкающим смехом. Из-за смешливости иногда проистекали разного рода досадные недоразумения: при первом знакомстве Алену часто принимали за легкомысленную хохотушку. С бездумной простушкой все дозволено! Но как только недальновидные собеседники Алены пытались реализовать свое убеждение на практике, то получали такой отпор, что долго потом смущенно улыбались, качали головой: «Как ошибся! А ведь с первого взгляда казалась такой доступной». Подобные недоразумения были неприятны и Алене. Тем более, что она всегда считала виновницей этих недоразумений себя. Если бы сразу вела себя серьезно, если бы не хохотала от каждого веселого пустячка, никому бы, наверно, и в голову не пришло покушаться на нее. Алена много раз давала себе слово держаться с малознакомыми людьми, особенно с мужчинами, важно-холодно и всегда его нарушала.

Любуясь своей пассажиркой, водитель сказал:

— Опасный у вас смех, Алена Ивановна. Такой смех снится тем, кто мечтает о любви. Мне вот, например.

Алена не ожидала, что ее попутчик окажется таким речистым. В его больших черных глазах, красиво подчеркнутых густыми бровями и затененных мохнатыми тяжелыми ресницами, свети-

лись пытливый ум и большое любопытство. Лицо его, запыленное, измученное бессонницей, небритое, все-таки было красивым. Во внешнем его облике прежде всего бросалась в глаза опрятность. Кепка на голове старая, замасленная, с уродливо торчащим, как вороний клюв, козырьком, но волосы под ней чистые, тщательно зачесанные. Тесный потертый пиджак и клетчатая фланелевая рубашка обтягивают широкие плечи, но зато из-под обтрепанного рукава верхней рубашки виднеется пушистая кромка свежего трикотажного белья. Грязные руки уверенно и умело действуют рулем и рычагом переключения скоростей, но на ладонях нет мозолей, и ногти на пальцах аккуратно обрезаны.

Все это увидела Алена по своей привычке пристально вглядываться в людей, замечать в них такое, что подчас бывает незаметно другим.

Водитель закрыл глаза и с печальным выражением лица покачал красивой головой:

— Увы и ах! Не успел я, Алена Ивановна, несмотря на свои тридцать с гаком, испытать любовное счастье, оттого и боюсь вашего смеха.— Он достал из кармана пиджака «Верховину» и губами вытащил сигарету из пачки. Закурив, строго покосился на свою спутницу: — Сколько вам лет?

— Двадцать три исполнилось.

— Ну, а как вы насчет любви... мечтаете?

Алена сказала, что у нее нет нужды в такой мечте, ибо уже любит. Мужа любит. Водитель не был огорчен, не потерял к ней прежнего интереса.

— Вот оно что! Значит, вы, Алена Ивановна, замужняя женщина! — проговорил он с деланным шутливым разочарованием.— Если бы знал

такой прискорбный факт раньше, не посадил бы вас рядом с собой.

— Я могу исправить вашу ошибку. Остановите машину.

Шофер махнул рукой:

— Время — деньги. Остановка дорого обойдется. Сидите уж, хоть вы и замужняя. Значит, к родному мужу спешите? И долго вы с ним не виделись?

Перед лицом водителя возникло семь Алениных пальцев — пять на левой руке и два на правой.

— Семь месяцев?

Алена отрицательно покачала головой.

— Семь недель?

— Семь дней и ночей! — засмеялась Алена.

— О, полная неделя? И как же муж отпустил вас на такой срок?

— Попробовал бы не отпустить! — усмехнулась Алена.

Водитель бросил руль, замахал на Алену обеими руками, состроил такую гримасу, будто хлебнул какой-то горькой-прегорькой отравы:

— Нет, Алена, уже не завидую твоему мужу! Не по моему вкусу он выбрал себе жену. Знаешь, о какой я супруге мечтаю? Если я, предположим, скажу: «Маруся, пойдем или не пойдем сегодня в кино?», так она должна ответить: «Как хочешь, милый». Если я в другой раз спрошу у нее: «Маруся, имею я право сегодня один пойти в кино?», она опять должна, не поднимая очей, ответить: «Как хочешь, милый».

— Вот почему вы до сих пор только мечтаете о любви!

Алена засмеялась, и опять она показалась совсем-совсем доступной, бездумной простушкой.

Водитель смело любовался ею, раздумывая,

поцеловать сидящую рядом красавицу сейчас или потом, когда подвернется на дороге более удобное местечко.

Алена поняла это, догадалась, перестала смеяться и молча затаилась в углу кабины. На лице ее появилось крайне строгое, на какое только она была способна, выражение.

Уловка Алены не возымела своего должного действия. Водитель усмехнулся. «Ломается,— решил он.— Набивает себе цену. Что ж, поломаемся и мы». Он отвернулся от Алены, уставился на дорогу и не сводил с нее глаз. Выражение его лица стало обиженно-высокомерным, насмешливо-презрительным.

Эта маска на лице шофера вполне устраивала Алену. Постепенно она успокаивалась и все приветливее поглядывала за окно, на последние километры равнинной земли. Скоро, вон за той красной громадой лесхимзавода, за стальным железнодорожным мостом через Тиссу, начнется край Алены — родная Яворщина.

Некоторое время ехали молча по дороге, обсаженной яблонями. Было далеко видно вперед — на добрых два километра. Алена откинулась на спинку сиденья и наслаждалась полным душевным покоем, давно не испытываемым отдыхом, улыбаясь своим мыслям. Часа через два она, наконец, будет дома, обнимет отца и поцелует Андрея. Как они оба обрадуются ей, как воскликнут в один голос: «Приехала, приехала!» Андрей зажмет ее голову своими широкими шершавыми ладонями, поцелует в губы, оторвет ее сильными руками от пола, подбросит кверху, поймает и прижмет к груди.

— Что приуныла, молодуха? — развязно спросил водитель.

Ему надоело молчать и ждать.

Алена с неохотой оторвалась от своих мыслей, деланно сонными глазами повела на шофера и томно, будто борясь с дремотой, проговорила:

— Спать хочу. Неделю не спала по-человечески.

Через несколько секунд она поникла головой, закрыла глаза, якобы задремала. На самом же деле она бодрствовала, была настороже: в щелку неплотно прикрытых век зорко следила за опасным, настырным спутником.

Проехали километров пять. Шофер, не давая воли рукам, вел себя смирно и чинно, а потом ему стало совсем не до нежностей, потом произошло такое, что сразу затмило все женские страхи и «военные» хитрости Алены.

Машина шла по узкой долине, вернее — по просторному ущелью, вдоль берега Тиссы, навстречу ее течению, бок о бок с государственной границей: протяни руку — и ты коснешься подстриженной вершины легкой камышовой изгороди, обозначающей линию запретной пограничной зоны.

За небольшим населенным пунктом граница круто, под прямым углом от Тиссы, заворачивала в горы и уходила на Полонины, извиваясь по главным карпатским хребтам. Здесь, у выхода из пограничного района, был расположен контрольно-пропускной пункт. Все закарпатские шоферы, зная о его существовании, еще на дальних подступах к нему снижали скорость, не ожидая, пока шлагбаум перекроет дорогу.

Лесовоз на полной скорости выскочил из поселка и так же помчался дальше, хотя до контрольно-пропускного пункта уже оставалось едва ли двести метров. Милиционер, стоявший у под-

нятого шлагбаума, встревоженно смотрел на приближающуюся машину. Поняв, что она не намерена остановиться, он потянул веревку, перекрыл дорогу массивным полосатым брусом.

Ожидая резкого торможения лесовоза, Алена уперлась ногами в деревянные откосы, отгораживающие мотор от водительской кабины, и в то же время она инстинктивно из-под пушистых своих ресниц посмотрела на водителя. Лицо его уже не было ни добродушным, ни приветливым, ни высокомерно-насмешливым. Оно было страшным: на судорожно вздрагивающих щеках выступили белые, как бы соляные, пятна, губы закушены, в глазах злобная решимость. Алену поразила такая перемена ее спутника. Чем она вызвана? Через мгновение ей пришлось еще больше поразиться. Она увидела, как правая рука шофера стремительно опустилась в карман пиджака и наполовину вытащила оттуда большой пистолет черной вороненой стали, с рубчатой, косо поставленной рукояткой. «Что он делает? Зачем?» — подумала Алена. И тут же до ее сознания дошел тайный смысл этого самозащитного движения шофера. Только человек с нечистой совестью, чужой, враг, готовый убивать всякого, кто станет на его дороге, может так инстинктивно, потеряв над собой контроль, рвануться к оружию.

Шофер опустил пистолет на место, отдернул руку от кармана и, встревоженно покосившись на клюющую носом, якобы дремлющую Алену, резко нажал на тормозную педаль. Милиционер, не ожидая, пока машина остановится, вдруг почему-то махнул рукой, крикнул:

— Обознался! Следуй дальше!

Алена хотела крикнуть: «Постойте!», хотела выскочить из кабины, но милиционер уже поднял

шлагбаум, и лесовоз рванулся вперед. Набрав скорость, он помчался по дороге вдоль Тиссы. «Что же делать?» — попрежнему не открывая глаз, лихорадочно размышляла Алена. Впереди, на Верховине, на перевалах, уже нет ни пограничных, ни милицейских постов. Никто больше не остановит лесовоз. А что, если...

Алена осторожно из-под полуопущенных век покосилась на чуть оттопыренный карман водительского пиджака, прицеливаясь, рассчитывая, нельзя ли овладеть пистолетом так, чтобы этого не заметил шофер. Нет, нельзя: сразу почувствует, как только она полезет в карман. Какой же выход? Надо как-то отвлечь его внимание и, воспользовавшись этим, вырвать пистолет из кармана и сразу, молча, без всякого предупреждения, стрелять.

Только так. Если же она этого не сделает, если у нее не хватит решимости выстрелить, то это сделает он, отняв у нее пистолет. «Выстрелю»,— решила Алена.

Алена осторожно, сантиметр за сантиметром придвигалась к водителю. Он ничего не замечал, сосредоточенно глядя на дорогу. Алена тихонько, будто во сне, склонилась в его сторону. И когда она уже почти придвинулась к нему, когда подготовилась вырвать пистолет из кармана шофера, сильная рука сжала ее плечо и послышался насмешливый голос:

— Нос разобьешь, Алена Ивановна. Проснись!

Алена вынуждена была выпрямиться, встряхнуть головой и мило улыбнуться. Теперь в ее руках оставалось только одно оружие — хитрость.

— Извиняюсь. Угостите сигаретой, товарищ «Горшок», а то опять засну.

Она так нервничала, что теперь даже сигарета,

одного запаха которой она всю жизнь не переносила, не вызывала у нее отвращения. Уж если притворяться, так притворяться до конца! Алена мужественно дымила вонючей сигаретой, сквозь дым поглядывая на своего спутника. Но и этого ей показалось мало, чтобы усыпить его настороженность.

— А тебе, Алена, к лицу сигарета,— сказал водитель.— Давно куришь?

— С тех пор как вышла замуж. Муж приучил.

— А водку он приучил тебя пить?

Ужасаясь в душе тому, как чудовищно наговаривает на себя, Алена сказала:

— Водку я давно, еще до замужества, освоила.

— Так, может быть, выпьем? У меня есть.

— Нет, я уж потерплю. Дома водка лучше пьется. Заедем к нам — угощу.

План Алены был прост: завлечь «Горшка» в свой дом и, улучив момент, вызвать пограничников.

Темнело, когда громоздкий лесовоз осторожно, чтобы не свалить и не смять жидковатую ограду, с трудом протиснулся через узкие ворота и, сдержанно урча мощным мотором, въехал во двор лесника.

Отец Алены стоял на деревянном крылечке дома и, заложив руки в карманы своей старенькой кожаной куртки, дымя обугленной трубкой, с которой он никогда не расставался, с мрачным недоумением смотрел на нежданного и непрошенного гостя. Но, увидев выскочившую из кабины грузовика Алену, он сразу повеселел, оживился. Подняв над головой зеленую выгоревшую шляпу, улыбаясь, торопливо засеменил навстречу дочери.

Обнимая отца, Алена успела ему шепнуть три слова: «Сообщи на заставу». Он не понял, что

она сказала. Но, предупрежденный взглядом Алены, не переспросил. Она не стала рисковать и ничего больше не сказала ему, ожидая более удобной минуты.

Выдержка — далеко не последнее качество храброго и бдительного человека. Алена училась бдительности, храбрости и выдержке не по книгам, не по рассказам пришлых бывалых людей, действующих где-то там, в героическом далеке. Жизнь на границе, ежедневное общение с пограничниками и, наконец, то важнейшее обстоятельство, что она стала женой Андрея Смолярчука, задержавшего и обезвредившего сорок нарушителей границы,— все это выковало из нее бесстрашного солдата границы, надежно охраняющего тыл заставы и подступы к ней.

— Ты еще не спишь, тато? Удивительно,— смеясь, воскликнула Алена. Обернувшись к шоферу, стоявшему от нее в двух шагах, она сказала: — Это... это...— остановилась, лукаво улыбаясь,— мой друг и приятель. Зови его Горшком, но только в печь не сажай.

«Горшок» протянул леснику руку, отрекомендовался:

— Козловский. Не брат, и не сват, и даже не родственник знаменитого артиста. Просто так... Козловский.

Иван Васильевич пожал руку гостю и с радушием приветливого хозяина повел его в дом, показал умывальник, стоявший в прихожей, подал мыло, полотенце:

— Умывайтесь, а мы сейчас с дочкой ужин состряпаем. Ночевать у нас останетесь?

— У нас, тато, у нас! — донесся голос Алены.— Ты иди ложись, я сама с ужином управлюсь. Нет,

постой: спустись в подвал и достань плетенку с прошлогодним вином.

— Хорошо, иду.

Иван Васильевич долил рукомойник водой, набросил на плечи гостя расшитый красными петухами полотняный рушник и, шлепая по рассохшимся, скрипучим половицам разношенными башмаками, неторопливо удалился.

В соседней комнате его ждала Алена — большеглазая, бледная и решительная:

— Тато, это чужой человек. Вооружен. Предупреди Андрея.

Прост, естественен был старик в обращении с «Ковчегом». Ни взглядом, ни движением, ни голосом — ничем он не выдал своего глубокого беспокойства, вызванного странным появлением «друга Алены», тем не менее «Ковчег» пытливо посмотрел в сторону лесника, когда тот выходил из прихожей. В самом ли деле так добродушен старик? В подвал он пойдет или в другое место?

Никому не доверяя, всего боясь, всегда готовый встретить в самом сердечном человеке своего смертельного врага, чувствуя себя на советской земле чужим, «Ковчег» не мог не быть настороже даже здесь, где его так радушно приняли. Как только закрылась за лесником дверь, «Ковчег» бесшумно подскочил к ней и замер прислушиваясь. Но даже его чуткое, давно натренированное ухо не уловило слов Алены, сказанных «пограничным шепотом». Ничего не понял «Ковчег» и все-таки встревожился. Почему вдруг шепот? Что Алена сказала отцу? Не послала ли она его в милицию или к пограничникам?

«Ковчег» нащупал в кармане пистолет и распахнул дверь. Но отец и дочь уже спокойно стояли посреди комнаты, развертывая большую

холщовую скатерть и готовясь накрыть стол. «Фу, дурак! Чуть на рожон не попер со страху»,— усмехнулся «Ковчег» и вытащил руку из кармана.

— Спасибо,— сказал он вслух,— освежился на славу! Папаша, где же вино?

— Иду, иду!

Иван Васильевич взял фонарь, зажег свечу и старческой походкой побрел к выходу. «Ковчег» дымил сигаретой, с улыбкой смотрел на раскрасневшуюся Алену, домовито снующую по комнате с тарелками и стаканами от буфета к столу, но сам он был не здесь, а там, около лесника. Вот старик зашаркал своими разношенными башмаками по прихожей, вот неторопливо, осторожно, со ступеньки на ступеньку начал спускаться по деревянной лестнице крыльца. «Ковчег» тихо, незаметно для Алены, перевел дыхание. Все, кажется, в порядке. Разве так шел бы лесник, если б спешил к пограничникам?

— Далеко у вас подвал? — спросил он на всякий случай, чтобы окончательно успокоиться.

— Во дворе. А что? — Алена с веселым упреком посмотрела на гостя: — Не терпится выпить? Товарищ Козловский, вы рыбу вяленую, случаем, не любите? — неожиданно став серьезной, спросила она.

— Полюблю, если есть.

— Есть! Я сейчас.

Алена зажгла свечу и, неся ее впереди себя, легкой своей походкой, не оглядываясь, пошла к двери.

«Ковчег» снова насторожился. Нет, он ни на шаг не отпустит от себя эту кралю. Хоть она и простушка с виду, но кто знает, что у нее в голове!

— Ты куда, Аленушка?

— За рыбой.

— А где она у тебя?

Алена подняла лицо к потолку:

— На втором этаже.

— Я пойду с тобой! — Он взял свечу и, прикрывая ее ладонью, пошел за Аленой.

Они поднялись на второй этаж по узкой скрипучей лестнице и, пройдя крошечный коридорчик, вошли в просторную мансарду с низкой стеклянной дверью, за которой на веревке, на фоне звездного неба, висели распяленные лещи.

— Это что такое? — шумно изумился гость, оглядывая мансарду.— Куда я попал?

— Угадайте! Сроду не отгадаете.

Алена открыла дверь на балкон, сняла две крупные рыбины.

Гость тем временем, держа свечу высоко над головой, осматривал мансарду. Большую ее часть занимал верстак, заваленный столярными поделками, плотничьим и для резьбы по дереву инструментом. На глухой стене висели две трембиты. Они были так давно сделаны, столько послужили людям, что потемнели. Это была не чернота дряхлости, а благородная печать долголетия. В мастерской еще много было всякой всячины. Тут Иван Васильевич чинил ружья окрестным охотникам, снаряжал для себя патроны, делал дробь и пули, способные свалить старого кабана и медведя, вырезал из выдержанного дерева жбаны, шкатулки, футляры для часов, колдовал днями и ночами над громовицей: создавал пастушьи трембиты, наделял их силой звука, способной потрясти горы. Не было во всем Закарпатье лучшего мастера трембит, чем Иван Васильевич Дударь. Ни один пастух не осмелился утверждать,

что он способен заиграть на трембите лучше или хотя бы так, как Иван Васильевич. Больше сорока лет дул в свою трубу трембитный мастер и всегда выдувал одну и ту же мелодию — солнечную, весеннюю, праздничную, которая звучит один раз в году, в дни неповторимого «веснования», когда начинается «ход на Полонины», в дни, когда верховинцы наряжаются в лучшие свои одежды и гонят на альпийские луга маржину — овец, коров, коз, жеребят.

И дочь свою Алену Иван Васильевич научил выдувать из трембиты только одну эту песню, славящую весну.

— Ну, угадали? — Алена вернулась в мансарду, но дверь на балкон оставила открытой.

— Угадал. Твой отец делает трембиты.

— Правильно, делает трембиты. Да еще какие! Вот послушай.

И Алена так быстро сняла со стены одну трембиту, так молниеносно вскинула ее над головой грозным раструбом в сторону открытой балконной двери и звездного неба, что «Ковчег» не успел даже пошевелиться, слово произнести.

Зажмурившись, во всю силу своих молодых легких трубила Алена, призывая на помощь пограничников, всех отважных верховинцев и прежде всего мужа, Андрея Смолярчука. Он в первые же дни их совместной жизни, уходя ночью на заставу, сказал Алене: «Не нравится мне твоя лесная избушка — на отшибе стоит...» Алена ответила ему с улыбкой, шутя: «Я позову тебя трембитой, если мне будет плохо». Он с радостью и всерьез подхватил ее слова: «Правильно! В случае чего, труби и труби во всю ивановскую!»

И вот она трубила. Как никогда, звучно гремела пастушья трембита, сделанная из громо-

вицы. По всем яворским горам и долам, проникая во все колыбы лесорубов, катился ее гром. Дребезжали стекла в окнах и балконной двери. Вибрировал железный инструмент на верстаке. Расплескивалась вода в ковшике. Звуковые волны перекатывались по бревенчатым стенам, по пихтовым доскам пола. Тряслись щеки у «Ковчега», расширялись и расширялись зрачки.

— Да ты что... что ты? — заикаясь, с перекошенным от ужаса лицом закричал «Ковчег», хватая трембиту и отдирая ее от губ Алены. Рука его, опущенная в карман пиджака, сжимала пистолет, готовая надавить на спусковой крючок и выпустить в молодую женщину все девять пуль.

Если бы Алена не улыбнулась в это мгновение беспечно и простодушно, если бы она не взъерошила волосы на голове «Ковчега», не видать бы ей белого света.

— Чего ты испугался, товарищ Козловский? — искренне удивилась она.

— Да я не испугался, а просто так... оглушила...— «Ковчег» достал дрожащими руками сигареты, прикурил от свечи.— Всю Верховину разбудила!

— Не бойся, верховинцы умеют крепко спать. Пойдем.

Они спустились вниз; она шла впереди, а он со свечой — позади. Вернулись в ту комнату, где был накрыт к ужину стол. Тарелки, стаканы, вилки, ножи, закуски на месте, а вина до сих пор нет.

— Где же отец? — «Ковчег» откровенно подозрительно посмотрел на хозяйку.

— И правда, где же это он? Я сейчас...— Алена

стремительно... пожалуй, слишком стремительно направилась к двери. Выдержка, так верно и долго служившая Алене, вдруг изменила ей.

— Постой! — приказал «Ковчег».

Алена не остановилась и не оглянулась. Она побежала. «Ковчег» бросился ей наперерез. Она поняла, что сейчас, сию секунду он схватит ее, сомнет, растопчет, задушит. Нет как будто уже никакого спасения Алене. Есть! Вот оно — громоздкий, вырезанный из мореного дуба, каменно-массивный, старый-престарый стол. Алена подскочила к нему и с бешеной силой, которая до сих пор никогда не просыпалась в ней, опрокинула его и бросила к ногам врага. «Ковчег» чуть-чуть замешкался перед этим неожиданным препятствием. Алене этого было достаточно: она успела выскочить в прихожую и устремилась к наружной двери. «Ковчег» бежал за ней сле-

дом, он швырнул ей вдогонку тяжелый табурет, потом выстрелил, а она мчалась вперед. Подбежав к двери, она толкнула ее плечом, выскочила на крылечко, перемахнула через перила.

Родная верховинская земля была под ногами Алены, родное карпатское небо сияло вечерними звездами над ее головой, плотная горная темнота обступала ее со всех сторон, густой лес призывал ее к себе, обещая надежный приют под своим гигантским добрым крылом.

Через несколько минут к дому лесника примчался Смолярчук. Его сопровождали Тюльпанов и Витязь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Витязь был поставлен на горячий след Козловского. Овчарка устремилась в лес, обогнула главную лесосеку по склону горы и, петляя по зарослям над правым берегом потока, спустилась к автомобильной дороге, по которой лесовозы транспортировали буковые и сосновые кряжи. Здесь овчарка заметалась из стороны в сторону, заскулила, след пропал!

Обследовав на всякий случай местность и не найдя следа, пограничники побежали вниз по щебенистой дороге, которая

лежала узкой полоской по самому берегу кипящего пеной, заваленного камнями потока.

— Машина! — проговорил, останавливаясь, Тюльпанов.

В самом деле, свет автомобильных фар заскользил по вершинам деревьев, и послышался натужный на крутом подъеме звук мотора лесовоза. Скоро из-за поворота выполз тупоносый грузовик с белым зубром на боковине капота.

Смолярчук поднял руку. Грузовик остановился.

— Товарищ водитель, какой-нибудь лесовоз встретили?

Шофер распахнул дверцу кабины, достал пачку сигарет, улыбнулся:

— Добрый день, товарищ старшина! Вы что ж, не узнаете? Всегда по фамилии меня называли, а сейчас...

— Здравствуйте, товарищ Шуба,— не отвечая на улыбку шофера и с трудом переводя дыхание, сказал Смолярчук.— Я спрашиваю: машину какую-нибудь встретили?

Водитель сразу стал серьезным — видимо, поняв, что старшине не до разговоров.

— Было такое дело, встречали. Проехал Микола Василько на лесовозе номер десять-двенадцать. Порожняком, без леса, с прицепом.

— Один?

— Нет, с пассажиром в кабине.

— Пассажир — мужчина? Знакомый вам или чужой?

— Мужчина. Кажется, новый техник из лесхоза. А может, и не он, не ручаюсь.

— Разворачивайтесь! Быстрее! — сказал Смолярчук.— Будем догонять!

— Слушаюсь, товарищ старшина,— охотно от-

кликнулся веснушчатый, с огненно-рыжими волосами шофер.— Садитесь!

Развернувшись, Шуба на полной скорости погнал машину вниз.

Дорога скоро вырвалась из тесного ущелья на простор и здесь разветвлялась: налево — на Поддубье, и дальше, на лесозавод, вправо — на Журавлиную поляну, в малолюдные места. Шофер направил лесовоз на Поддубье.

— Стой! — попросил Смолярчук.

Шуба остановился.

— Почему вы повернули налево? — спросил старшина.

— А куда же? Василько поехал на лесозавод. Другой дороги ему нет.

— А его пассажиру? Для него дорог много...

Старшина вылез из кабинки и осмотрел развилку. Дорога на Журавлиную поляну была плохо накатана, не твердая, еще покрытая лужами недавно прошедшего дождя. Смолярчук без труда по двойному следу шин определил, что здесь несколько минут назад прошел лесовоз с прицепом.

— Поехали направо! — сказал Смолярчук, влезая в кабину.

Грохотала на крутых поворотах мощная машина Шубы. Мелькали придорожные деревья, нависшие скалы, откосы то одной, то другой горы. Поворот следовал за поворотом. Тюльпанова, расположившегося в кузове, резко кидало на виражах.

Смолярчук одной рукой держался за скобу, прикрепленную к приборному щитку, другой прижимал к себе Витязя. Собака, как и люди, была охвачена тревогой.

Шуба и Смолярчук настороженно, молча вглядывались в дорогу.

Из-за очередного поворота показалась встречная машина.

Не ожидая приказания, Шуба остановил свой грузовик. Остановился и встречный. Высунувшись из кабины, Смолярчук спросил:

— Откуда?

— Верховинские, товарищ старшина.

— По дороге машины встретили?

— Одну, если не считать вашу.

— Лесовоз?

— Да. Какой-то сумасшедший, будто с цепи сорвался.

— С прицепом?

— Так точно.

— В кабине есть пассажир?

— Нет. Один шофер.

— Это верно? Не ошибся?

— Не слепой, товарищ старшина. Все видел ясно, как вот вас.

— Знакомый шофер?

— Нет, незнакомый. Машина здешняя, а водитель чужой.

— В серой кепке? В черном пиджаке? Шея платком повязана? — спросил Шуба.

— Вроде бы так.

Шуба перевел взгляд на Смолярчука.

— А куда же подевался Василько? Что с ним сталось?

— Поехали! — резко сказал Смолярчук.

И опять загудел тяжеловоз Шубы. Спуск продолжался. Дорога тянулась по узкому карнизу, по самому краю обрыва.

Впереди за поворотом оказалось какое-то препятствие. Шуба резко затормозил. Смолярчук

ударился головой о стекло. От неожиданного толчка Тюльпанов покатился по дну кузова.

У переднего буфера лесовоза поперек дороги был развернут прицеп с номерным знаком 10-12.

Отбросив его с дороги на обочину, Шуба и пограничники понеслись дальше. Спуск скоро кончился. Дорога на крутом взлете врезалась в узкое темноватое ущелье. По его дну бежала бурная речушка.

Чуть выше потока, на дамбе, облицованной циклопическими камнями, блестели хорошо накатанные рабочие рельсы узкоколейки. Автомобильная дорога шла еще выше, по скалистому карнизу. Склоны ущелья были крутыми, суровыми, в мшистых валунах, с черными пнями, выжженными пожаром, без единой зеленой лужайки.

Почувствовав за собой погоню, «Ковчег» решил перехитрить пограничников. Не снижая скорости лесовоза, он открыл дверцу кабины, вытащил до отказа рычажок ручного газа и соскочил на землю. Машина некоторое время продолжала движение по прямой. Но дорога круто свернула влево. Передние колеса машины, вращаясь по инерции, повисли в воздухе, затем лесовоз клюнул носом, перевернулся и с грохотом полетел в ущелье.

«Ковчег» побежал, но не вперед по дороге, а назад. Метров через сто он свернул влево и пропал в густом кустарнике. Мимо него пронеслась машина с пограничниками.

Увидя разбитую машину в пропасти, Шуба остановился, а Смолярчук и Тюльпанов сразу же бросились вниз. Острые ребра скал, уступы, засиженные птицами, отшлифованный временем и ветрами гранит, замшелая стена и, наконец, дно ущелья. Здесь у подножия дамбы, по которой

проходила узкоколейка, дымились искореженные остатки лесовоза.

Невдалеке послышался пронзительный сигнал маломощного локомотива. Из-за поворота показался небольшой, в несколько платформ, поезд, груженный лесом. На одной из платформ в узкой щели между бревнами с пистолетом наготове, тяжело дыша, затаился «Ковчег». Из своего укрытия он видел, как пограничники и овчарка спускались вниз по опасному откосу пропасти, и вздохнул с облегчением.

Весело постукивая колесами, поезд спускался по ущелью. Впереди показался небольшой городок.

Пограничники тем временем, мрачные и злые, стояли у обломков машины.

— Надо обыскать местность,— сказал Смолярчук.

Витязь взял след, оставленный нарушителем на подступах к пропасти, и потащил старшину по дороге, потом через кустарник на склоне горы привел к узкоколейке. Собака здесь закружилась на месте.

— След потерялся,— объявил Смолярчук.— Нарушитель уехал на поезде.

И снова лесовоз, управляемый Шубой, помчался по дороге над ущельями. Смолярчук сидел в кабине. Тюльпанов стоял наверху, в кузове. Ветер хлестал ему в лицо, высекал из глаз слезы. Тюльпанов терпел, смотрел прямо вперед.

Узкоколейная дорога оборвалась у выхода из ущелья. Поезд, только что спустившийся с гор, стоял под эстакадой лесного склада. Заскрежетав тормозами, машина с пограничниками остановилась. Смолярчук с собакой устремился на поиски следа...

«Ковчег» был уверен, что надежно оторвался от преследователей. Он неторопливо шел по оживленной улице верховинского городка.

Густой поток людей вынес его к воротам рынка.

Многолюден, ярок и шумлив был праздничный базар. Тут и верховинцы в живописных нарядах, и скромно одетые долишане, продающие овощи и фрукты, и цыгане-жестянщики, и виноградари, выстроившиеся в особый ряд со своими бутылями и бочонками вина. «Ковчег» прошел сквозь базарную толпу. Остановился он перед ларьком, в котором пожилой верховинец из лесорубов или бывших пастухов и девочка-подросток, должно быть его внучка, торговали кустарными изделиями: резной деревянной посудой, вышивками, домашней выработки сукнами, одеждой, привычной для закарпатских горцев, шляпами с перьями.

— Эй, хозяин! — окликнул «Ковчег» продавца.— Дай-ка мне вон тот кожушок и жениховскую шляпу. Да поскорее! Не терпится! — Он подмигнул, улыбнулся: — Еду свататься к одной государыне...

«Ковчег» надел кожушок, достал из кармана деньги, бросил их на прилавок. Получив сдачу, он, торопясь поскорее уйти, сунул под кожушок кепку и скрылся в базарной толпе.

Продавец верховинских изделий проводил покупателя внимательным взглядом.

— Поторгуй тут одна, Мария,— сказал он девочке,— а я скоро вернусь.

Пробираясь сквозь толпу, он прошел вслед за подозрительным покупателем, не теряя его из виду, но и не приближаясь к нему. Он видел, как

этот странный человек купил подержанный велосипед, потом корзину, приторочил ее к багажнику и поехал с базара в сторону Рахова.

Витязь провел Смолярчука и Тюльпанова через весь город к воротам рынка. Пограничники и овчарка легко проложили себе дорогу через базарную толчею.

Увидев пограничников, продавец кустарных изделий бросился к ним.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросил он.

— А что? — неопределенно сказал Смолярчук.

— Не человека в серой кепке, в черном пиджаке, с повязанной шеей?

— А где вы такого видели?

— Купил у меня зеленую шляпу, сердак и уехал на велосипеде вон в ту сторону.— Старик махнул рукой на северо-восток, на Раховское шоссе.— Полчаса не прошло.

Дорога на выходе из города была почти сплошь забита возвращающимися с базара закарпатцами. Вереница велосипедистов. Подводы. Автомобили. Пешеходы. В этом потоке и затерялся «Ковчег». Он ехал на велосипеде и почти не выделялся из общей массы. Оглянувшись, чтобы поправить корзину, он увидел невдалеке грузовик с пограничниками.

Лесовоз Шубы продвигался медленно. Смолярчук пристально всматривался в людей, идущих по левой обочине дороги. Тюльпанов контролировал правую сторону. Шуба вертел головой туда и сюда, не пропуская ни одного человека, каждому заглядывал в лицо. Проехали по мосту, переброшенному через небольшую речушку, и скрылись.

«Ковчег» спрятался под тем самым мостом, через который только что проехали пограничники. Он сидел в тени под железобетонной опорой и делал вид, что моет свой запыленный велосипед. Потом он выбрался снова на шоссе и поехал назад, в сторону города, свернул на боковую малолюдную проселочную дорогу. Не снижая скорости, проскочил железнодорожный переезд и скрылся на крутом подъеме за поворотом каменистой узкой дороги. Сторож, охранявший переезд, проводил безразличным взглядом велосипедиста.

Пограничники тоже вернулись назад. Проехав километров пять в сторону города и не найдя велосипедиста в зеленой шляпе, Смолярчук понял, что направился по ложному следу: не мог враг за такое короткое время далеко уйти. Наверно, он избрал себе не эту главную, очень людную дорогу, а какую-нибудь поглуше. Какую же? Не одна, а десять проселочных дорог ответвлялись от асфальтированного шоссе налево и направо. Куда свернул лазутчик? Какой путь показался ему наиболее выгодным?

Смолярчук, как это делал много раз в борьбе с врагом, поставил себя на его место. Нет, вот этот проселок он не избрал бы: ведет к небольшому населенному пункту, где люди хорошо знают друга друга и сразу могут заметить чужого. И этот вот проселок невыгоден: надо проезжать охраняемый мост. А вот этот, пожалуй, соблазнителен. Закрыт с двух сторон садами. И, главное, ведет к железной дороге, где можно воспользоваться поездом. Не сюда ли ринулся враг? Да, конечно, только сюда должен пойти изворотливый, предусмотрительный лазутчик.

— Поворачивай направо,— сказал Смолярчук шоферу.

Исследовав проселок, пограничники нашли на нем свежие следы велосипедных шин. Конечно, это могли быть следы и не велосипедиста в зеленой шляпе, можно ошибиться, но Смолярчук попросил ехать дальше.

Подъехали к железнодорожному переезду и остановились: дежурный закрыл шлагбаум, пропуская в сторону границы длинный товарный поезд.

Смолярчук и Тюльпанов, соскочив с машины, присели на корточки, зорко проглядывали обе стороны железнодорожной насыпи: не появится ли на ней из ближайших кустарников тот, кого они ищут, не попытается ли воспользоваться поездом.

Простучал колесами о рельсы последний вагон. Дежурный по переезду, морщинистый безусый человек, вложил желтый флажок в кожаный футляр и повернулся к Смолярчуку:

— Куревом не богаты, товарищ?

Угостив железнодорожника папиросой, Смолярчук спросил:

— Не проезжал здесь дядька на велосипеде?

— В зеленой шляпе? Туды подался.— Сторож показал в направлении гор.

Водитель вышел из машины.

— На моем «буйволе» дальше не проедешь, сказал он с сожалением, обращаясь к пограничникам.— Желаю удачи!

— Спасибо, товарищ Шуба,— поблагодарил Смолярчук и спросил у сторожа: — Телефон в исправности?

— В исправности.

Сообщив на заставу о своем местонахождении и направлении преследования, Смолярчук простился с Шубой и по крутой, узкой дороге напра-

вился в горы. Менее чем через километр дорога превратилась в тропку и круто полезла кверху. Здесь следы велосипедных шин пропали. Смолярчук обыскал с помощью Витязя прилегающую к тропе местность и скоро нашел в лесной чаще брошенный велосипед, а также заметил отчетливые отпечатки больших, хорошо знакомых башмаков.

— След, Витязь, след!

Витязь протащил Смолярчука сквозь бурелом, по каменным завалам.

Тюльпанов, как он ни тренировал себя бегать на дальние дистанции, не смог угнаться за старшиной, отставал все больше и больше и, наконец, потерял его из виду.

Смолярчук и Витязь, идя по следу нарушителя, подбежали к густой елке, одиноко стоявшей на поляне. Собака бросилась к ветвистому темному дереву, встала на задние лапы. Смолярчук понял, что враг затаился на дереве, что готов оттуда нанести ему смертельный удар. Он резко отпрянул назад. Но не успел отбежать, раздался выстрел...

Смолярчук упал лицом вперед, вытянув руки, словно пытаясь схватить врага.

Прошлогодняя листва и влажный мох, никогда не знавший солнечного света, приняли в свою прохладную мягкую постель обессилевшее грузное тело старшины. Зеленый мох набухал горячей кровью пограничника и чуть дымился на прохладном воздухе.

Оставляя позади себя широкую красную полосу, Смолярчук, уже теряя сознание, прополз несколько метров и замер.

Сорок раз старшина Смолярчук вставал на тайном пути нарушителей границы, задерживал их, преследовал тех, кто пытался удрать, уничтожал

сопротивляющихся, и всегда с риском для собственной жизни, но всегда удачно, не теряя ни одного волоса со своей головы. На сорок первый раз не повезло. И не потому, что допустил ошибку в преследовании. Сорок первый нарушитель границы оказался, видимо, самым опасным, хитрым, изворотливым...

Увидев, что преследующий его пограничник перестал шевелиться и стонать, что собака теперь для него безопасна, «Ковчег» спрыгнул с дерева на землю и, выстрелив в овчарку наугад, скрылся в густом лесу. Пуля пронеслась мимо собаки.

Витязь натянул поводок, намотанный на руку неподвижного инструктора, рванулся в ту сторону, где исчез ненавистный ему человек. Он так был разъярен, что ему удалось протащить по земле тяжелое тело Смолярчука на несколько метров. Поводок зацепился за сучок сосны, поваленной бурей. Витязь взвился на задние лапы, лаял, хрипел, захлебывался от злости, но не мог больше продвинуться ни на шаг. Тогда он подбежал к неподвижному Смолярчуку, вцепился зубами в гимнастерку, стараясь оторвать пограничника от земли. Долго пытался Витязь поднять своего друга. Разорвал гимнастерку, но так ничего и не добился. Обессилев от ярости, не находящей себе выхода, положил голову на передние лапы и заскулил.

В это мгновенье и вырос вдруг перед ним Тюльпанов. Витязь вскочил, бросился солдату на грудь, лизнул в лицо, радостно завизжал.

Не обращая внимания на собаку, Тюльпанов опустился на колени, приложил ухо к груди Смолярчука. Жив, жив! Перевязав старшину, Тюльпанов подложил ему руку под голову, бережно поднял с земли. Чуть-чуть открылись глаза Смо-

лярчука, еле-еле пошевелились бескровные, синие губы.

— Преследуй! — едва слышным шепотом приказал он.

— А как же вы?

— Преследуй! — повторил Смолярчук и закрыл глаза.

Тюльпанов снял с запястья руки старшины поводок и властно, по-хозяйски скомандовал:

— След, Витязь!..

Овчарка устремилась вперед. Тюльпанов бежал за ней, не укорачивая поводка. О, теперь он не отстанет даже от Витязя!

На пути преследования, около высокой металлической фермы, у начала воздушной канатной дороги, выросли два лесоруба-верховинца в своих белых, расшитых цветной шерстью кожушках.

— Туда, туда, в долину подався! — дружно, в один голос закричали они, размахивая цапинами: палками с металлическими наконечниками — орудием лесорубов.

Тюльпанов спросил, как был одет этот человек и давно ли он здесь пробежал. Лесорубы сказали, что прошло порядочно времени, не меньше получаса, а то и больше. Одет же он приметно: в белый сердак и темные штаны. На голове зеленая шляпа, на ногах тяжелые ботинки на толстой подошве.

Глядя вниз, на темный островерхий еловый лес, скрывающий крутые склоны горы вплоть до подошвы, Тюльпанов подумал, что этим труднопроходимым лесом, по всей вероятности, мчится теперь нарушитель, как затравленный зверь.

И он уже успел далеко удрать за то время, пока Тюльпанов перевязывал рану старшине, и опять пробивается к большой дороге, к людям.

Надо догнать его, пока он не растворился в толпе.

Тюльпанов решил воспользоваться канатной дорогой. Рабочие помогли ему и Витязю надежно устроиться в подвесной люльке. Поблагодарив лесорубов, Тюльпанов сказал им, что в лесу на поляне, под старой елкой, лежит раненый Смолярчук.

— Найдите его, окажите помощь.

— Все сделаем, не беспокойся.

Медленно проплыла, раскачиваясь на стальных тросах, над глубокой пропастью, над верхушками деревьев подвесная люлька.

Через тридцать минут она остановилась на равнине, над эстакадой лесного склада химзавода. Тюльпанов и Витязь спустились на землю. Что же делать дальше? Как без следа искать нарушителя?

Еще сверху Тюльпанов заметил на дальних подступах к шоссе пешеходный мост через реку. Нарушитель, конечно, не останется там, в лесу, он снова будет пробиваться к людям, в город. Значит, обязательно пройдет мост, его никак нельзя миновать, он здесь единственный. Там, у моста, на этой стороне реки, и надо встречать нарушителя.

Тюльпанов не ошибся в своих предположениях.

...На деревянном узком мосту, на котором вдвоем не разойтись, появился плотный, кряжистый человек в гуцульском сердаке и шляпе.

Пробежав по мосту, нарушитель кинулся в прибрежные заросли ивняка, где притаился Тюльпанов.

— Руки вверх! — скомандовал пограничник.

Нарушитель поднял руки, но тотчас же метнулся в сторону, прыгнул в реку и скрылся под водой. Быстрое течение подхватило шляпу и понесло ее вниз.

— Не уйдешь! — зло сказал Тюльпанов.

Он снял веревку, приторочённую к ремню, привязал к ней камень, метнул вверх. Веревка с камнем на конце несколько раз обвилась вокруг толстого сука сосны. Оттолкнувшись от берега, Тюльпанов перелетел чуть не через всю реку. Он прыгнул на мелководье недалеко от того места, где мгновением позже вынырнул нарушитель.

Увидев пограничника, «Ковчег» устремился

к лесному берегу, к спасительным зарослям ивняка.

Тюльпанов настиг его на берегу и, несмотря на бешеное сопротивление, одолел, связал по рукам и ногам. Отдышавшись, Тюльпанов достал ракетный пистолет, выстрелил вверх.

По проселочной дороге скоро примчалась машина с пограничниками — солдатами пятой заставы и капитаном Шапошниковым. Она остановилась у реки, перед Тюльпановым.

Шапошников подошел к нарушителю, молча посмотрел на него.

— Где Смолярчук? — спросил он, оборачиваясь к Тюльпанову.

— Ранен...

...Старшина, окруженный лесорубами, перевязанный, лежал под елкой. Неожиданно послышался лай собаки. Смолярчук узнал голос Витязя и улыбнулся бледными, искусанными губами.

На опушке густого ельника показались Тюльпанов и Шапошников. Смолярчук приподнялся на руках и с радостью смотрел на приближающихся боевых друзей.

На другой день на заставе во всех подробностях обсуждались путешествие Алены с «Козловским», борьба с ним Смолярчука и Тюльпанова.

Вот тогда-то Волошенко и окрестил Алену «Громовицей».

Доброе то имя, которое дали тебе родные, когда ты появился на свет,— но в тысячу раз лучше и дороже то имя, которое получил ты от людей, служа им, не щадя своей жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Задержанный нарушитель границы был передан органам государственной безопасности. Его ввели в кабинет Зубавина со связанными руками, без шляпы, мокрого с ног до головы, в изорванной одежде.

Да, внешний его вид был жалок, но в глазах сверкала угрюмая злоба. Никакого намека на подавленность, страх и раболепие.

Шатров молчал, с ненавистью и брезгливостью разглядывая человека, присвоившего документы шофера станиславской автобазы.

— Важный гусь! — усмехнулся Зубавин.

Козловский был убит два дня назад ударом ножа в грудь. Труп его был найден в лесу, в березовой поленнице. Убийца так торопился, что оставил в карманах пиджака шофера письмо на имя Козловского, пропуск в автобазу и сберегательную книжку. По этим документам Зубавин установил личность убитого, его профессию и место работы.

О том, что пограничники после длительного преследования задержали «шофера Козловского», Зубавин и Шатров узнали по телефону от генерала Громады. И они сейчас же решили, что это и есть убийца Козловского. Еще не видя его, готовясь к встрече с ним, Зубавин и Шатров задали себе ряд важных вопросов. Кто он такой, этот молодчик, всадивший нож по самую рукоятку в грудь шоферу? Откуда взялся? Судя по серии его поступков, вплоть до бешеного сопротивления пограничникам, явился с той, западной, стороны, имеет специальную шпионскую подготовку. Если это так — а это безусловно так,— чье задание он выполняет? Не «Бизон» ли его

хозяин? Не имеет ли он отношение к операции «Горная весна»?

Зубавин, как правило, допрашивал государственных преступников сразу же, непосредственно после ареста, пока те еще не успевали освоиться со своим новым положением. И чаще всего именно этот первый допрос определял потом весь ход следственного процесса. Если сейчас удастся установить, что «Козловский» послан в Явор «Бизоном», то девять десятых задачи будет выполнено.

Зубавин кивком головы отпустил конвой и, подойдя к арестованному, достал из кармана нож, перерезал крепкие узлы веревки.

— Благодарю вас, майор,— Хорунжий усмехнулся, растирая опухшие, посиневшие запястья.

Зубавин указал ему на стул:

— Садитесь.

— Еще раз благодарю.— Хорунжий сел. Положив руки на колени, он насмешливо-злыми глазами выжидательно поглядывал то на майора, то на полковника: дескать, я готов к любому допросу, начинайте.

Зубавин занял свое место в кресле, положил перед собой чистый лист бумаги и спокойно посмотрел на откровенно наглое, враждебное лицо арестованного:

— Фамилия?

Хорунжий скривил губы в презрительной усмешке:

— Майор, вам не надоело задавать одни и те же вопросы всем вашим клиентам?

— Фамилия? — не повышая голоса, не меняя выражения лица, терпеливо повторил Зубавин.

— Запишите хоть горшком, только... в камеру смертников не сажайте.

Переглянувшись с Шатровым, Зубавин вышел из-за стола, почти вплотную приблизился к арестованному. Все силы его души и ума были направлены сейчас на то, чтобы зафиксировать малейшее изменение выражения лица и глаз убийцы Козловского. Следил за врагом и Шатров.

— Слушайте, «Горшок», зря вы храбритесь,— сказал Зубавин.— Стены здесь прочные, толстые, и ваших речей не услышат ни «Бизон», ни «Черногорец».

Длинные пушистые ресницы Хорунжего дрогнули, зрачки увеличились.

Зубавину и Шатрову стало ясно, что в их руки попал не простой лазутчик, а доверенный Артура Крапса и Джона Файна. Как бы теперь «Горшок» ни отпирался, какие бы легенды ни сочинял — это не поможет ни ему, ни его сообщникам. Рано или поздно, не сейчас, так через неделю, он будет приперт к стене и вынужден сказать правду.

Зубавин вернулся к столу:

— Как вас все-таки записать? «Горшком» или... настоящую фамилию вспомните?

Арестованный молчал. Опустив голову, он сосредоточенно разглядывал лужу, натекшую с его мокрой одежды. Зубавин терпеливо ждал, мерно постукивая наконечником ручки по настольному стеклу. Шатров улыбался.

— Какое наказание следует за убийство человека?— не поднимая головы, спросил «Горшок».— Если не ошибаюсь, расстрел? Да, вы меня расстреляете за одно только убийство шофера. Какой же мне смысл быть с вами откровенным? Не все ли равно покойнику, как вы его назовете — щукой или лебедем? Короче говоря, майор и полковник, я не буду отвечать на все ваши вопросы

ни сейчас, ни завтра, ни через месяц.— Арестованный откинулся на спинку стула, театрально скрестил руки на груди и закрыл глаза.

— Что ж, это ваше право. Но я уверен, что вы скоро, очень скоро откажетесь от молчания. Увидев Любомира Крыжа, вам обязательно захочется поговорить.

«Горшок» не открыл глаз, не изменил своего каменно-неподвижного положения.

Шатрову стало ясно, что сегодня уже бесполезно тратить время и энергию на разговор с этим «Горшком». Он сказал:

— Евгений Николаевич, прекратите допрос и вызывайте конвой.

Когда арестованного увели, Зубавин достал из сейфа папку с надписью «Горная весна» и, глядя на полковника, спросил, не пора ли пресечь действия всей преступной группы и тайное следствие сделать явным. Вопрос был не из легких, на него нельзя было ответить сразу, без тщательного анализа обстановки.

Надолго задумались Зубавин и Шатров. Да, теперь как будто вся компания в сборе, теперь почти до конца ясно распределение ролей среди этой шайки. Резидент, конечно,— Любомир Крыж. Все остальные — рядовые агенты. Гадальщица из Цыганской слободки, портниха с Железнодорожной и слепой нищий — простые информаторы. Шофер Ступак и этот «Горшок» — диверсанты. Один только человек из этой компании представляет пока загадку — Андрей Лысак. Какова его роль в операции «Горная весна»? Безусловно, она не ограничивается только шантажом помощника начальника станции Горгули и сбором данных о туннелях. Андрею Лысаку, должно быть, дано еще какое-то важное задание. Какое же?

Судя по тому, что Андрей Лысак не захотел возвращаться во Львов, в школу машинистов, судя по тому, как начал он ухаживать за Олексой Сокачем и как прилип к комсомольскому паровозу, можно ожидать, что задумал пробраться в бригаду, обслуживающую заграничную линию. Не собирается ли Крыж сделать Лысака своим почтальоном, связником, тайно перевозящим через границу директивы разведцентра и шпионские сведения?

Зубавин и Шатров с каждым днем всем больше и больше открывали тайных троп, ведущих к «Горной весне», все ближе подступали к главным исполнителям этой «сверххитроумной» операции. И вот, когда они уже готовы были замкнуть кольцо окружения вокруг яворского центра лазутчиков, случилось такое, что едва не погубило плоды их длительного, терпеливого труда. Это произошло не по вине Зубавина и Шатрова. Виновником оказался Тарас Волошенко, повар пятой заставы.

В один из своих выходных дней Тарас Волошенко и рядовой Тюльпанов, с разрешения начальника заставы, сели на мотоцикл и отправились на Верховину, в ущелье Трубное, где бурно клокотал на камнях прозрачный до дна поток, богатый форелью. Волошенко любил и умел охотиться на эту благородную, неуловимую для новичка обитательницу горных рек. Обычно он возвращался на заставу с увесистой связкой узкомордых пятнистых рыбин. Но на этот раз он вернулся с пустыми руками. Его охоте неожиданно помешал шофер Ступак, проезжавший мимо.

Ступак начал свой рейс с Черного потока.

В этот день он получил приказ возить лес не на станцию погрузки, а на строительную площадку гидростанции, расположенную в среднем течении реки Каменицы. Нагрузив лесовоз сосновым корабельным кругляком, он направился по назначению. Проезжая мимо дома Ивана Дударя, застопорил машину, забежал на минуту в свою мансарду, достал из-под кровати запыленные старые сапоги, отодрал кожаную стельку, извлек из пустотелого каблука кассету с микропленкой, зарядил фотоаппарат, вмонтированный в портсигар, и торопливо спустился вниз. В прихожей он увидел Алену. Она была в ситцевом платье, в переднике, волосы повязаны темным платком. В ее руках был ворох домотканных цветных половиков, которые она собиралась вытряхивать.

— Доброе утро, Аленушка! — Ступак приветливо взмахнул руками и чуть ли не до самого пола поклонился молодой хозяйке.

— Доброе! Что это вы дома в рабочий день? — изумилась Алена.

— Проезжал мимо, как не зайти домой за сигаретами? На гидростанцию лес везу. Срочный рейс.

— На гидростанцию? — обрадовалась Алена. — И я с вами поеду. Хочу строительство посмотреть. Можно?

Просьба Алены не понравилась Ступаку, и он не сумел этого во-время скрыть, чуть-чуть запоздал.

— Вы не хотите, чтобы я поехала с вами? — огорчилась Алена. – Ну и не надо.

— Что вы, Аленушка! Пожалуйста, поедем. Только предупреждаю: не ручаюсь ни за свою, ни за вашу жизнь. Да! Все время буду на вас смотреть, а не на дорогу, и могу свалиться в пропасть.

Алена засмеялась, махнула на шофера платком, сорванным с головы:

— Ну вас, насмешник! Поезжайте без меня.

— Правильно решили, Аленушка. Растрясло бы ваши нежные внутренности, укачало на крутых поворотах. Будьте здоровы!

Ступак выскочил на улицу, забрался в кабину лесовоза и двинулся в горы, вверх по течению Каменицы. Он впервые попал на эту важнейшую дорогу и жадно оглядывался вокруг. Шоссе лежало у самой воды, на каменистом левом берегу реки. Чуть выше, на вырубленном карнизе ущелья, блестели хорошо накатанные рельсы железной дороги. Когда Ступаку повстречался воинский эшелон, он остановил лесовоз, вышел из кабины, достал портсигар, сфотографировал ряд длинных большегрузных платформ, на которых стояли какие-то громоздкие машины, наглухо укрытые брезентом. Это могли быть танки новейшей марки, атомные пушки или еще что-нибудь такое, чем особенно интересовался «Бизон».

В таком вот положении, лицом к проходящему поезду, с портсигаром в руках, с сигаретой в зубах, и увидел Тарас Волошенко шофера Ступака. Он и Тюльпанов сидели на другом берегу Каменицы, в тени кустарника, за большим валуном: маскировались, чтобы не заметила их сквозь прозрачную толщу воды осторожная, пугливая форель.

— Узнаешь этого красавца? — шепотом спросил Волошенко, толкая своего товарища.

— Как же! Твой «закадычный» приятель: «свой в доску, дюже свой».

— Он самый. Обрати внимание, какими он глазами смотрит на воинский поезд. Как гипноти-

зер... А что это блестит в его руках? Ну-ка, Тюльпанов, дай бинокль...

Ступак бросил сигарету, положил в карман портсигар, скрылся в кабине и поехал дальше. Лесовоз медленно, осторожно взбирался по крутой, извилистой дороге. Каменица становилась все шире, а отвесные скалы ущелья раздвигались, открывая небо.

Впереди, на повороте, где река упиралась в крутую гору, показался большой железнодорожный, недавно построенный мост, в некоторых местах еще не была снята с бетонных устоев опалубка. Подъехав к мосту, Ступак остановил лесовоз.

Волошенко и Тюльпанов, следовавшие за лесовозом на почтительном расстоянии, тоже остановились. Маскируясь в придорожном кустарнике, они наблюдали за «своим в доску».

— Интересно, что он будет здесь делать? — спросил Волошенко, поднимая к глазам бинокль.

Ступак вышел из кабины грузовика. В его руке покачивалось пустое ведро. Набрав в речке воды, он поставил ведерко на землю, достал портсигар и, став лицом к мосту, прикурил сигарету от зажигалки.

— Закурил,— сказал Волошенко, опуская бинокль.

— И все? — Тюльпанов был разочарован.

— Нет, не все. Потерпи.

Покурив, Ступак взял ведро, повернулся к машине, открыл капот, снял пробку радиатора и начал доливать воду. Но так как радиатор был полон, то вода проливалась на землю. Это сейчас же заметил Волошенко.

— Где пьют, там и льют,— усмехнулся он.— Для отвода глаз из пустого в порожнее перели-

вает. На вот, посмотри.— Волошенко протянул Тюльпанову бинокль.

Лесовоз двинулся дальше. Мотоцикл с пограничниками осторожно следовал позади, то держась в тени деревьев, то скрываясь за скалистыми поворотами.

Ступак не подозревал о том, что за ним следят. Беспечно насвистывая, он продвигался вперед.

Лесовоз прошумел по новой щебеночной дороге, недавно пробитой на крутом склоне узкого ущелья, и за ближайшим поворотом открылась высокая водосливная плотина, еще не потерявшая цвета свежего бетона. Ступак снизил скорость, достал портсигар, закурил. Он сфотографировал плотину, гидростанцию и подступы к ним.

Дорога круто взбиралась кверху. Ступак с глубочайшей заинтересованностью, замаскированной небрежной позой уверенного в себе водителя, оглядывался вокруг. Ему было приказано в разведцентре сфотографировать гидростанцию и подступы к ней во всех раккурсах.

Плотина подпирала длинное узкое озеро, сдавленное с двух сторон, с юга и севера, лесистыми горами. На темносиней поверхности водохранилища не было ни единой морщинки, как на отшлифованном мраморе, и тянулось оно далеко-далеко, вглубь Карпат. Лесовоз некоторое время шел по самому берегу высокогорного искусственного озера,— тень машины бесшумно скользила, как черный парус, по прозрачной до дна пятнадцатиметровой толще воды.

Шоссе разветвлялось: главная дорога уходила в горы, к перевалам, а подсобная — на склад

лесных материалов. Ступак направил машину к разгрузочной эстакаде.

Четыре молодых грузчика, в домотканных куртках и шароварах, в кожаных сыромятных постолах, сидели на обескоренном буковом бревне и, разложив на коленях узелки с домашней снедью, завтракали.

Ступак остановил возле них машину, снял кепку:

— Здоровеньки булы, карпатские морячки! Ну, как на вас действует климат нового моря?

— Ничего,— ответили грузчики.— Живем теперь, как рыба в воде.

— Оно и видно с первого взгляда.— Ступак спустился к озеру, зачерпнул из него ладонью, приложился к воде губами.— Хоррроша! — крякнул он, повернувшись к грузчикам. —Лучшей не пил ни в Альпах, ни на Балканах, ни в Дунае, ни в Берлине. Богатырская вода! Советская вода!

Утирая рукавом комбинезона губы, достал портсигар и еще раз, теперь с другой, восточной, стороны, сфотографировал плотину и гидростанцию.

Волошенко и Тюльпанов, затаившись в кустарнике, на обочине верхней, главной дороги, наблюдали за шофером лесовоза.

— Опять закурил! — усмехнулся Волошенко.— Интересно! Как увидит важный объект, так ему сразу курить хочется. Можешь, товарищ Тюльпанов, объяснить с научной точки зрения этот таинственный рефлекс?

— Могу. Он, наверно, специально надрессирован изучать важные объекты.

— Согласен! А какое твое мнение насчет портсигара? Не кажется тебе, что это не только портсигар, но и фотоаппарат?

— Фотоаппарат?

— Хорошо бы подержать в руках этот портсигар, прощупать его пульс. Как, Тюльпанов, не возражаешь?

Лесовоз тем временем разгрузился над эстакадой и медленно поднимался по дороге, проложенной на территории гидростанции. Выехав на магистраль, он прибавил скорость и покатил по карнизу каменной горы над водохранилищем. Ступак уже был равнодушен к красотам «карпатского моря»: он сделал все, что ему надо. Довольный собой, он весело вглядывался в шоссе и насвистывал «Нам не страшен серый волк, серый волк». Обогнув Красные скалы, он увидел на дороге, за крутым поворотом, двух пограничников, которые катили под гору мотоцикл, пытаясь завести его с хода. Ступак резко затормозил. Приветливо улыбаясь, вышел из кабины:

— Здорово, земляки!

— Здоровья желаем,— смущенно ответил Волошенко, вытирая струящийся по лицу пот.

— Значит, на эфтом самом месте! Опять не работает твой мучитель?

— Как видишь. Поехали водохранилищем любоваться и, не доехав, испустили дух, повернули оглобли.

Ступак щелкнул портсигаром, предложил папиросы пограничникам.

Бросив портсигар на подножку лесовоза, Ступак достал из-под шоферского сиденья ключи, отвертку, запасные свечи и приступил к ремонту мотоцикла.

Никелированный, отражающий солнце портсигар притягивал к себе Волошенко. Он тихонько, бочком, полагая, что делает это незаметно для

шофера, приблизился к портсигару, взял его и начал лихорадочно осматривать.

Меняя свечи в цилиндрах мотоцикла, Ступак заметил, что пограничник заинтересовался его портсигаром. Это его страшно встревожило, но он не подал виду.

Увлеченный своим исследованием, Волошенко нажал кнопку портсигара, и тот звучно щелкнул, что привело пограничника в страшное смущение.

— Что, моя игрушка понравилась? — оторвавшись от мотоцикла, беспечно улыбаясь, спросил Ступак.

— Да, интересная штуковина. Люблю сюрпризы. Не продашь?

— Что вы! Разве друзьям продают? Бери так. Дарю.

Волошенко украдкой переглянулся с Тюльпановым. Оба недоумевали.

— Подарков не принимаю,— сказал Волошенко.— Но временно этой диковинной штуковиной могу попользоваться, перед девчатами покрасоваться.

— Что ж, красуйся. Бери... Готова твоя кляча, заводи! — Ступак отошел от мотоцикла, вытирая ветошью замасленные руки.

— Беру. Смотри не терзайся. Верну в целости и сохранности.— Волошенко опустил в карман портсигар и, оседлав мотоцикл, толкнул ногой стартовую педаль. Мотор сразу же и ритмично заработал.— Ну и колдун ты, земляк! Большущее тебе спасибо! Будь здоров, расти большой. А насчет игрушки ты все-таки не беспокойся. Счастливо оставаться!

Волошенко помахал рукой и уехал. Тюльпанов

сидел на багажной решетке, держась за ремень своего товарища.

Минут через пятнадцать, отъехав на значительное расстояние, Волошенко сбавил скорость, свернул на обочину и остановился.

— Исследуем,— сказал он, доставая подарок Ступака.— Не терпится.

Разобрали портсигар на части, до последнего винтика, и не нашли того, на что надеялись. Это был не фотоаппарат, а самый настоящий портсигар-зажигалка.

В кармане Ступака всегда лежало два портсигара: один обыкновенный, а другой,— с вмонтированным в него фотоаппаратом. Поняв, что пограничники всерьез заинтересовались им, он подсунул им безобидный портсигар. Перестанут ли пограничники теперь интересоваться им? Ступак был слишком опытным лазутчиком, чтобы обманывать себя. Нет, конечно, не перестанут. Если уж он вызвал у них подозрение, то рано или поздно они постараются докопаться до его сердцевины. Плохо складывается дело. Очень плохо. Надо предупредить «Креста» и удирать за границу.

С тех пор как Ступак появился в Яворе, за ним было установлено постоянное наблюдение. И поэтому его встреча с пограничниками не могла остаться неизвестной для Зубавина и Шатрова, не могла их не встревожить. Сейчас уже нельзя было оставлять на воле лазутчика. Он должен быть арестован и как можно скорей.

...Выжимая из лесовоза все, на что тот был способен, Ступак спустился в Явор. На окраине города, перед шлагбаумом железнодорожного

переезда, машина была остановлена. Автоинспектор, проверяя документы, нашел, что путевка неправильно оформлена, и пригласил шофера в будку дежурного по переезду, чтобы составить акт. Ничего не подозревая, Ступак пошел вслед за автоинспектором. Перешагнув порог будки, он очутился лицом к лицу с вооруженным синеглазым майором.

— Вы арестованы,— объявил Зубавин.

На первом же допросе шофер Ступак рассказал, что он Дубашевич, что нелегально перешел границу, что послан в Явор разведцентром «Юг» в качестве подручного Джона Файна, что уже связался с ним через Любомира Крыжа.

Зубавин и Шатров решили арестовать всех исполнителей плана «Бизона».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

После полудня в магазин Книготорга вошел запоздавший покупатель, последний покупатель дня. Многих коренных жителей Явора Крыж хорошо знал. Человека, перешагнувшего порог магазина, он видел впервые. В другое время, в разгар торговли, будь у прилавка народ, Крыж не обратил бы особого внимания на него. Сейчас же он с интересом рассматривал его и, развлекаясь, гадал, кто он такой. «Учитель или библиотекарь,— решил Крыж,— из бывших офицеров». Этот покупатель был ростом высок, плечист, с военной выправкой, бросающейся в глаза, несмотря на штатский костюм. Добродушное мягкое лицо чисто, вдоль и поперек посечено тонкими морщинами. Взгляд светлых глаз удивительно спокойный, доверчивый, давно, повидимому, привыкший смотреть на мир беспечно, по-

детски. Крыж невольно, от нечего делать, обратил внимание и на крупные, сильные руки покупателя, на его узловатые пальцы, на одном из которых желтело старинное обручальное кольцо.

Крыж почтительно склонил голову, приветливо улыбнулся и спросил, чем он может быть полезен.

— Есть у вас учебник Булаховского «Введение в языкознание»?

«Да, он самый, учитель!» — усмехнулся Крыж, довольный своим умением распознавать людей. Вслух он сказал:

— Пожалуйста, есть. Платите.

Пока Крыж заворачивал книгу в бумагу, покупатель заплатил деньги в кассу и вернулся к прилавку с чеком. Он передал чек Крыжу, сказал «спасибо» и шепотом добавил: «Имею поручение от «Бизона». Приду вечером. Ждите».

Вернувшись после работы домой, Крыж немедленно посвятил своего шефа в то, что ему сказал шепотом покупатель учебника «Введение в языкознание». Это сообщение оказалось неожиданным для Файна, и оно неприятно поразило его. «Черногорец» с тревогой спросил себя, кто он такой, этот новый посол «Бизона». Если это «Ковчег», то почему полез к глубоко законспирированному резиденту, куда ему строжайше запрещено и нос показывать? Нет, это не «Ковчег». Кто же? Джон Файн хорошо знал характер своего шефа. Недоверчивый, подозрительный, склонный к перестраховке, «Бизон» решил, очевидно, послать в Явор контролера. «Что ж, пусть контролирует, милости просим!» — с озлоблением подумал Файн.

Как только стемнело, он положил в карманы два пистолета, запасные обоймы к ним, пристег-

нул к поясу пару гранат, пощупал вшитую в воротничок рубашки ампулу с мгновенно действующим ядом и, предупредив хозяина явки, отправился через запасный выход своего тайного убежища в сад, встречать незваного и нежданного гостя. В двух шагах от калитки росла густая рощица сирени. В ее серых зарослях и затаился в засаде Файн. Отсюда ему прекрасно будет видно, как гость войдет во двор, как направится к дому, как постучит в окно. Именно это «как» и скажет Файну, надеялся он, с кем ему придется иметь дело. «Черногорец» считал себя разведчиком необыкновенным. Он был уверен, что наделен способностью разгадывать самые сокровенные мысли и чувства человека по его внешнему поведению. Если гость окажется не послом «Бизона», а подставным лицом, если приведет за собой «хвост», то Файн не будет застигнут врасплох — проложит себе дорогу огнем пистолета и гранат.

Прошел час, другой, третий, а гостя не видно и не слышно. Он появился чуть ли не в полночь, когда на Гвардейской установилась сонная тишина. Файн ожидал каждую минуту и все-таки проглядел, не успел заметить, откуда и как он возник. Вошел он в калитку уверенно, как к себе домой, бесшумно. По гравийной дорожке, ведущей к дому, скользил так, что ни один камешек не заскрежетал под его ногами, ни одна ветка не пошевелилась над головой. Приблизившись к крайнему окну, он поцарапал ногтями по стеклу. Входная дверь сейчас же распахнулась, и ночной гость пропал в темной утробе дома.

Файн вылез из заросли сирени и направился к тайному входу в свое убежище. Через несколько минут он стоял у наружной стены до-

машней библиотеки и сквозь глазок, вделанный в книжную полку, приступил к тщательному изучению чрезвычайного посла «Бизона». Нет, его лицо ничего не сказало Файну. Ни разу не видел его ни в штабе разведцентра, незнаком с ним и по фотографии. «Откуда ты взялся? — прислушиваясь к разговору Крыжа с неизвестным, размышлял Файн.— Что ты до сих пор делал? Как тебе удалось завоевать доверие подозрительного «Бизона». Какое ты приказание получил от шефа?»

Ночной гость и хозяин говорили по-русски.

— Раздевайтесь, пожалуйста, садитесь,— суетился Крыж.— Есть и пить желаете?

— Желаю,— улыбнулся гость, отчего его морщинистое лицо сразу помолодело.— И даже очень. Буду вам благодарен, если хорошо покормите и преподнесете добрую чарку.

— Я сейчас, сейчас все приготовлю. Располагайтесь, отдыхайте. Простите, как вас...

— Кучера Степан Степанович. Постойте, Крыж, не уходите. Я могу потерпеть десять минут. Садитесь. Поговорим.

Крыж покорно сел, положив руки на колени и внимательно глядя на гостя.

— Вас, конечно, встревожило мое появление,— начал Кучера.— Вы не совсем уверены, с кем имеете дело.

— Что вы, Степан Степанович!

— Ну-ну, не притворяйтесь, это лишнее.

Кучера говорил на прекрасном русском языке, без всякого акцента, с чуть заметной певучестью, характерной для южан. Серые узкие его глаза спокойно смотрели на Крыжа, а на губах была сдержанная, снисходительная улыбка. Руки его тем временем умело разряжали патрон, из-

влеченный из ствола пистолета. Вытащив пулю, Кучера острием булавки осторожно достал из патрона тщательно сложенную шелковую бумажку и положил ее перед Крыжем:

— Собственноручное письмо шефа. Читайте.

Резидент бережно развернул высочайшее послание. Убористым почерком, по-английски «Черногорцу» и «Кресту» предписывалось безоговорочно выполнять любые приказы «предъявителя сего, моего особоуполномоченного». Крыж вслух, нарочито громко прочитал письмо «Бизона», чтобы слышал его шеф, «товарищ Червонюк».

Прочитав, он пытливо посмотрел на «подателя сего», потом перевел взгляд на бумажную полоску, которую держал в руках. Особоуполномоченный понял значение этого взгляда:

— Что, удивлены? Как, мол, такое архисекретное послание не зашифровано? Не было в этом нужды, дорогой Любомир Васильевич. В случае серьезной опасности я бы выстрелил из пистолета и сжег письмо вместе с порохом. Это во-первых. А во-вторых, нет еще в мире такого шифра, которого нельзя разгадать.— Ночной гость достал пачку сигарет с изображением коричневого верблюда, закурил.— Ну, Любомир Васильевич, верительные грамоты вручены, теперь извлекайте на свет божий вашего квартиранта. Где он? Зовите его сюда.

Крыж молчал, нерешительно топтался на месте.

— Зовите, Любомир, не стесняйтесь.

Крыж не двигался.

Не поднимаясь с кресла, особоуполномоченный протянул руку, постучал костяшками пальцев в стену:

— Я жду вас, товарищ Червонюк, выходите!

Портрет Тараса Шевченко сместился вправо,

распахнулась потайная дверца, и в темном квадрате показалась голова Файна. Он молча спрыгнул вниз, на пол библиотеки, кивком головы поздоровался с Кучерой и, подойдя к Крыжу, выхватил из его рук письмо «Бизона». Читал его долго и внимательно. Изучал, а не читал. Все это время особоуполномоченный спокойно сидел в кресле, курил и холодными, властными, чуть сощуренными глазами смотрел на мрачного Файна.

Крыж перекладывал книги с полки на полку, изо всех сил стараясь не показать, что ему интересно, во что же выльется эта встреча двух его хозяев, старого и нового.

Гость тихонько толкнул Крыжа локтем и, тыча себе в рот пальцем, выразительно пожевал губами: давай, мол, скорее ужин!

Крыж понял, что его выпроваживают, и поспешил удалиться. Позванивая на кухне тарелками и стаканами, он жадно прислушивался к разговору в библиотеке.

— Ну, все в порядке? — спросил особоуполномоченный, когда Файн поднял голову от письма «Бизона».

Файн надменно, вызывающе ответил:

— Не понимаю, что вы подразумеваете под этим словом «порядок».

Кучера засмеялся:

— Не догадываетесь? Ах, какой тугодум! — Он поднялся, подошел к Файну, дружески положил ему на плечо руки, сказал по-английски: «Не обижайтесь на меня, сэр. Я исполняю волю шефа и свой долг. Так что поскорее пусть уляжется в вашей душе обида, и начнем деловой разговор. Верните пока мой мандат».

Файн слушал Кучеру с закрытыми глазами, стиснув зубы. По выговору особоуполномоченного

он старался понять, откуда он, из какой части их страны. Как будто с севера.

— Пожалуйста, я готов. Начинайте свой деловой разговор.

Файн бросил письмо «Бизона» на стол, опустился в кресло.

— Я — «Кобра»,— тихо, вполголоса, уже по-русски сказал гость и улыбнулся так, будто произнес: «Я — ангел».

— Вы — «Кобра»?! — Файн побледнел и невольно отшатнулся всем корпусом назад.— О, тогда все понятно! Вопросов больше не имею. Их не задают Службе безопасности [1]. Я вас слушаю.

— Я разрешаю вам один вопрос. Спрашивайте. Ну!

Файн молчал, не поднимая глаз на собеседника и царапая ногтями полированную поверхность стола. «Кобра» нагловато смотрел на него и ждал. Файн упорно молчал. «Кобра» осторожно выпростал руку из-под длинного рукава, посмотрел на часы, перевел взгляд на окна, закрытые изнутри ставнями, на портрет Тараса Шевченко, потом — на входную дверь.

— И даже на один вопрос не решитесь? — спросил он.— Хорошо, тогда я скажу, что больше всего вас мучает. Вас интересует, чем вызвана моя командировка сюда?

Файн кивнул головой.

— С удовольствием отвечаю. Шеф недоволен вами, «товарищ Червонюк». Больше того: он разъярен.

— Чем же? — испуганно встрепенулся Файн.— Мы действовали до сих пор точно по плану.

---

[1] Служба безопасности — специальный отдел, тайно контролирующий деятельность сотрудников разведки.

— Это вам только кажется, сэр! — с почтительной издевкой вставил «Кобра».

— Почему же только кажется? Мы благополучно, без всяких потерь, прорвались через границу. Мы закрепились, как было предусмотрено. Мы активно действуем. Мы почти у финиша.

— Вот именно — у финиша! — усмехнулся «Кобра» и опять посмотрел на часы.— Не так у вас все благополучно, как вам рисуется, Джон Файн.

— Тише, ради бога! — зашептал «Черногорец» и со страхом посмотрел на дверь, ведущую в кухню.— Крыж не знает, что я...

— Поздно осторожничаете, Файн,— не понижая голоса продолжал «Кобра».— Как вы думаете, знают советские органы безопасности о существовании плана операции «Горная весна»?

— Что вы! Если бы знали, тогда мы не сидели бы с вами здесь...

— Знают, Файн! Знают! — решительно перебил собеседника «Кобра».— И не только о плане знают. Майору Зубавину известно, когда, где и как Дубашевич перешел границу, где и как он легализовался.

— Не может быть! — На выпуклом лбу Файна выступила густая сыпь пота, скулы и губы залила трупная синева.— Не может быть! — повторил он.

«Кобра» невозмутимо продолжал:

— Майору Зубавину известно, что Крыж — настоящий резидент, а «Гомер» — подставной.

— Чудовищно! Это же полный провал!

— Да, провал,— согласился «Кобра».— Майору Зубавину также известно, что на Гвардейскую, в дом Крыжа, в ночь на пятницу доставлено четыре конвектора со взрывчаткой. Майор Зубавин

в курсе того, что в тайнике Крыжа прячется «Черногорец», он же Джон Файн, бывший руководитель агентурного направления «Тисса».

— Вы шутите, «Кобра»! — Файн попытался выдавить улыбку на своем изуродованном страхом лице.— Не верю! Не верю! До сегодняшнего дня я не замечал никаких признаков того, что мы открыты. Нет, нет! Вы плохо шутите, «Кобра». Не понимаю, зачем это вам понадобилось?

— Потом, на досуге, поймете. Впрочем, вряд ли вы способны на это!

Файн так был потрясен, растерян, подавлен, что пропустил мимо ушей последние слова «Кобры». Он заискивающе смотрел на особоуполномоченного и страстно умолял его скорее, сию же минуту, прекратить пытку, иначе... иначе он сойдет с ума.

Из кухни донесся какой-то грохот, звон разбитой посуды. Файн вздрогнул.

— Не беспокойтесь о Крыже. О себе подумайте.— «Кобра» медленно поднялся и, пристально глядя на потерявшего голову «Черногорца», не спеша подошел к нему, положил тяжелые ладони на плечи.— Все кончено. Джон Файн, ваша песенка спета!

Файн попытался вскочить, но сильные руки крепко обхватили его так, что затрещали ребра и грудная клетка. И в то же мгновение он увидел на пороге кухни людей с оружием в руках. Файн все понял и прекратил сопротивление.

«Кобра» был Никита Самойлович Шатров. Настоящий «Кобра» не был арестован. В тот день, как он проник в Явор, к Зубавину пришел парикмахер яворской гостиницы «Говерло» и за-

явил, что полчаса назад собственноручно брил и подстригал одного старого своего знакомого, крупного гестаповца, известного тем, кого он пытал, под именем «Ян, Черная Рука». В годы войны этот каратель и палач наводил ужас на жителей Львова. Несмотря на то, что с тех пор прошло много лет, несмотря на то, что Ян изменил свою внешность, парикмахер сразу же узнал его. Брея палача, он боялся, как бы тот в свою очередь не узнал свою бывшую жертву. Не узнал. Слишком много людей, замученных и полузамученных, прошло через его руки, всех не упомнишь.

Гестаповец вышел из парикмахерской и, взяв у портье ключ от 72-го номера, поднялся на гостиничном лифте на третий этаж...

Через час Зубавин и Шатров нагрянули в гостиницу, но «Кобры» там уже не было: он исчез бесследно, поняв, вероятно, что открыт. Позже Шатров получил из Москвы разведданные о «Кобре». Из этих данных стали известны причина появления «Кобры» в Яворе и его роль в операции «Горная весна».

Когда Шатров решился проникнуть в дом Любомира Крыжа под личиной «Кобры», он прекрасно понимал, чем рискует. Малейшая оплошность с его стороны или даже неправдоподобие взятой на себя роли могли стоить ему жизни. Но слишком важно было взять Файна живым и невредимым, и потому Шатров рискнул не раздумывая.

Батура ранним утром, до начала занятий в штабе авиасоединения, вышел на свой нищенский пост — угол Кировской и Ужгородской.

Молча, терпеливо выстояв положенное время под каштаном и собрав дань с офицеров, идущих на работу, он решил отправиться завтракать в закусочную к Якову. Надвинув на голову старенькую черную шляпу, чувствуя в карманах приятную тяжесть серебра и медяков, он пошел по Ужгородской. Не успел он пройти и двадцати шагов, как его нагнала большая легковая машина. Она остановилась около него, и седоголовый человек в сером костюме, сидящий рядом с шофером, распахнул дверцу и сказал:

— Садитесь, гражданин Батура, подвезем.

— Спасибо, я пешком, мне недалеко.

— Садитесь! — властно повторил человек.

Кто-то, стоящий на тротуаре позади Батуры, осторожно взял его за локоть и легонько толкнул к машине:

— Садитесь без всякой церемонии. Поживее!

У «Гомера» оборвалось сердце. Еще не было произнесено ни одного страшного слова, еще не сказано было, что он арестован, а он уже понял, что все пропало. Его затошнило, ноги отяжелели, отказались служить. Он и хотел бы сесть в машину, но не мог двинуться с места.

— Садитесь! — тихо, вполголоса повторил человек, стоявший за спиной Батуры.

— Зачем?.. Когда? — пробормотал «Гомер».— Я... Я...

— Вы арестованы.

— Арестован? — с такой искренностью изумился нищий, что ему мог бы позавидовать гениальный актер.— За что? Вы ошиблись, товарищ. Моя фамилия Батура. Игнат Батура. Я — слепой. Нищий.

— Вот именно вы нам и нужны, гражданин Батура. Садитесь!

Батура сдался. Первый раз в жизни он ехал на легковой машине, и та везла его в тюрьму.

Десять минут спустя машина остановилась на Горной улице. Когда вошли в дом, где жил Батура, полковник Шатров выложил на стол ордера на арест Батуры и на обыск.

В квартире нищего были найдены шифры и коды, приспособления для тайнописи, оружие, золото, валюта и большая сумма советских денег.

— Откуда у вас все это, гражданин нищий? — усмехаясь, спросил Шатров.

Батура молчал. Он лихорадочно соображал, как вести себя на допросе, что сказать и о чем умолчать. О том, что служил «Бизону», придется обязательно рассказать, но изо всех сил надо скрывать, что назначен резидентом.

Шатров собрал в чемодан все, что уличало Батуру в шпионской деятельности, захлопнул крышку и поднял глаза на «Гомера»:

— Почему молчите, мистер резидент? Строите план самообороны?

Батуру вдруг прорвало. Произнося слова бешеной скороговоркой, упав на колени, скрестив на груди руки, он исповедовался перед Шатровым. Да, агент. Но только агент, простой агент. Подслушивал разговоры офицеров, больше ничего. Нет, нет, он ничего решительно не сделал как резидент. Батура клялся именем своей матери, божился, плакал, умолял, просил верить ему. Шатров оборвал его исповедь. Эта фигура не представляла для него особого интереса. «Гомер» не может сказать больше, чем знал, так как был использован «Бизоном» вслепую.

В тот же майский день, ранним утром, другая закрытая машина, принадлежащая яворскому райотделу МГБ, отправилась на Железнодорожную.

Марта Стефановна Лысак еще была в постели, когда в ее дом вошли майор Зубавин и сопровождающий его оперативный работник. Их появление не вызвало никакой тревоги у бывшей монашенки: они были в штатском. Приехали мужья заказчиц, подумала черная Мария.

— Пани Марта спит,— сказала она, — и не скоро встанет. Приезжайте после обеда.

— После обеда у нас не будет времени,— улыбнулся Зубавин.— Разбудите свою пани Марту.

— Что вы, да разве можно! Не буду. Утром мы никого не принимаем.

— А нас все-таки вам придется принять. Будите, иначе это сделаем мы! — чуть повысив голос, сказал Зубавин.

Мужские голоса разбудили хозяйку. Дверь спальни распахнулась, и сама Марта Стефановна во всем своем великолепии предстала перед Зубавиным. На ее дородные плечи был накинут атласный, с черными драконами халат, из-под которого виднелась длинная, с кружевами рубашка. На ногах — лакированные, без задников, на фетровой подошве комнатные босоножки. Патентованные папильотки запутались в волосах хитроумной прически. Толстощекое, одутловатое лицо, с мешками под глазами, еще хранило на себе жирные следы ночной косметики. Губы, сжигаемые в течение многих лет губной помадой, сейчас были натурального цвета — сине-пепельные, как у утопленницы.

— В чем дело, Мария? — хриплым со сна го-

лосом, скорее мужским, чем женским, завопила Марта Стефановна.— Зачем ты впустила этих людей? Ты же знаешь, что я начинаю принимать только после обеда. Проводи панов на улицу и растолкуй им, что нехорошо...

Зубавин достал ордер на арест и, держа его в руках и глядя на портниху, очень спокойно и очень вежливо спросил:

— Марта Стефановна Лысак?

«Венера» насторожилась.

Невозмутимо-уверенное выражение лица незнакомого человека, его властные синие глаза, полные презрения, его тихий, вежливый голос не предвещали ничего доброго. «Наверно, фининспектор». Марта Стефановна прикинула в уме, сколько тысяч ей будет стоить этот неприятный визит. Вздохнув с сожалением, она решила раскошелиться. С такими, по всему видно, скупиться опасно.

— Да, я Марта Стефановна Лысак,— сказала она и, по давней привычке, кокетливо улыбнулась.— Садитесь, пожалуйста. Мария, кофе!

Бывшая монашенка проворно метнулась к кухонной двери, но ее остановил Зубавин:

— Выходить из дома никому не разрешается до тех пор, пока будет происходить обыск.

— Обыск? — Марта Стефановна так раскрыла глаза, что, казалось, они готовы были выскочить из орбит. — У меня обыск? Почему? Какое вы имеете право посреди бела дня вторгаться к одинокой, беззащитной женщине? Я буду жаловаться, я...

Зубавин положил ордера на стол:

— Вы арестованы, гражданка Лысак... Товарищ Борисов, приступайте к обыску.

— Арестована? Я? — взвизгнула «Венера».— За что?

Прямо глядя в переполненные ужасом глаза портнихи, обрамленные черным шнурочком выщипанных бровей, и отчетливо, чеканно выговаривая каждое слово, Зубавин сказал:

— Вы привлекаетесь к ответственности за преступную деятельность в пользу иностранной разведки.

— Какую деятельность? Не выдумывайте! Вы ошиблись. Я — портниха. Слышите, портниха...

— И помощница Крыжа,— перебил Зубавин.

«Венере» следовало бы после этих слов сразу присмиреть, но она не унимала силы утробного своего голоса, упорно продолжала играть роль оскорбленной невинности. С подобным притворством Зубавину приходилось сталкиваться много раз. Он уже досконально знал от Крыжа, чем и как она ему помогала. Известна была ему и ее кличка, и потому он не вытерпел и рассмеялся:

— Не тратьте напрасно порох, гражданка. Одевайтесь. Советую выбрать платье поскромнее,— добавил он насмешливо.— В тюрьме не найдется ценителей вашего портновского таланта... Мария,— обернувшись к бывшей монахине, сказал Зубавин,— принесите своей пани какое-нибудь платье.

— Я сама.— Марта Стефановна ринулась к двери спальни.

— Не беспокойтесь, гражданка, вам подадут все, что требуется. Садитесь, отдыхайте. Можно даже закурить. Мария, захватите и любимые сигареты пани.

«Все знает. Пропала моя головушка, пропала!» — думала Марта Стефановна, дымя сигаре-

той и сквозь табачный дым и слезы оглядывая свою квартиру, полную чудесных, дорогих вещей, которые натаскала сюда в течение всей жизни. «Кому все это достанется,— думала она,— кто будет жить в этом доме? А доллары, зарытые в яме на винограднике! Неужели так и не придется ими попользоваться? А любимый Андрюша? Что будет с ним?»

Оперативный сотрудник вышел из соседней комнаты и прервал размышления Марты Стефановны. В его руках был небольшой фибровый чемоданчик.

— Магнитофон, товарищ майор. Заграничной работы.

Зубавин кивнул и посмотрел на портниху:

— Укажите место, где вы спрятали доллары, полученные от Крыжа.

— Доллары? Какие доллары? Никаких долларов я не получала от Крыжа. Нет и не было у меня долларов.

— Продолжайте обыск, товарищ капитан,— приказал Зубавин.

По случаю базарного дня в Яворе «Кармен» покинула Цыганскую слободку до восхода солнца. Ее пришлось разыскивать по базарным закоулкам, куда она на всякий случай забивалась с теми, кто хотел заглянуть с помощью засаленных карт гадальщицы в свое будущее.

Сотрудник МГБ, капитан, одетый в форму сержанта милиции, задержал «Кармен» под предлогом того, что она нарушает порядки, установленные на рынке, и отправил в ближайшее отделение, где ее дожидалась машина с Киевской.

Последним был взят Андрей Лысак. Его арест был поручен лейтенанту Гойде. Всю ночь и весь тот день, когда были репрессированы Файн, Крыж и другие исполнители «бизоновского» плана, Андрей Лысак был в дальней поездке. Вернулся в Явор сумерками и, попрощавшись с бригадой, заспешил домой, предвкушая обильный обед и хорошую выпивку. Сойдя с паровоза, он увидел на подъездных станционных путях Василия Гойду. На всякий случай Андрей приветливо помахал рукой другу Олексы Сокача и заискивающе улыбнулся:

— Здорово, Вася! Как поживаешь? Олексу пришел встречать?

— Нет, тебя,— ответил Гойда.

— Меня? Не выдумывай! Не дожил я еще до такой высокой чести! Иди обрадуй Олексу.

Лысак дружески подтолкнул Гойду к паровозу, но парень не двинулся с места. Он взял Лысака под руку.

— Я серьезно говорю: тебя встречаю. Поехали скорее, нас ждут.

— Кто ждет? Куда надо ехать? На чем?

— На машине. Поехали, там все узнаешь.

— А выпивон?..— беспечно спросил Лысак.

— Будет, будет! И такой, брат, что на всю жизнь запомнишь!

Сели в машину, поехали. Шофер был в штатском, он не привлек внимания Лысака. До самой Киевской Лысак не понимал и не догадывался, что произошло. И только когда «Победа» неожиданно круто свернула вправо и въехала в глухой просторный двор райотдела, ему сразу стало все ясно. Он побледнел, но еще пытался улыбаться:

— Куда ты меня привез, Вася?

Гойда опустил руку в карман, кивнул на подъезд и ледяным голосом, сквозь зубы бросил:

— Пошел вперед, паршивец!

— Вася!..

— Без разговоров! Ну!

Спотыкаясь, оглядываясь на конвоира, все еще не теряя надежды на то, что Гойда шутит, что ничего страшного еще не случилось, Лысак поднялся наверх.

— Направо! — скомандовал Гойда.— Стой! — Он чуть приоткрыл дверь, обитую поверх войлока черной лакированной клеенкой.— Разрешите, товарищ майор? — Он подтолкнул Лысака через порог, вошел вслед за ним в кабинет Зубавина и доложил о том, что приказание выполнено: государственный преступник Андрей Лысак арестован и без всяких происшествий доставлен в райотдел.

Майор Зубавин молча кивнул головой и внимательно посмотрел на Лысака.

— Двадцать лет — и уже государственный преступник,— сказал он печально и поморщился, словно от какой-то страшной внутренней боли.— Садитесь!

Андрей Лысак плюхнулся на ближайший стул и со страхом глядел на майора, готовый выполнить все, что тот потребует. Нерассуждающая покорность, страх, трусость, малодушие, беспомощность владели им.

Зубавин вышел из-за стола, сел рядом с Андреем Лысаком и протянул руку, чтобы положить ее парню на плечо. Но тот не понял движения майора и отшатнулся от него. Красное его лицо исказила уродливая гримаса.

— А-а-а-а! — замычал, завыл, заскулил он голосом зверя, лапу которого прихватил капкан охотника.

Зубавин переглянулся с лейтенантом Гойдой. Гойде было и стыдно, и противно, и больно смотреть на этого шкодливого, потерявшего человеческий облик выродка.

Зубавин все-таки положил руку на плечо Андрея Лысака, ему было искренне жаль его.

— Как же это случилось? Как вы, двадцатилетний юноша, дошли до жизни такой?

— Товарищ майор, я все расскажу, все! — воскликнул Лысак, в припадке признательности прикладываясь к руке Зубавина дрожащими, солеными от слез губами. Он благодарил майора за неожиданную жалость к себе. Даже и ей он обрадовался.

— Ну, рассказывайте, я слушаю.

Лысак действительно рассказал всю историю своих взаимоотношений с Крыжем. Он с жаром проклинал тот день и час, когда связался с ним. Он раскаивался, беспощадно осуждал себя и мать, которая баловала его деньгами с малых лет и, сама того не заметив, втянула его в преступную жизнь. Зубавин терпеливо выслушал Лысака, но в протокол допроса записал самое существенное, имеющее значение для следствия.

Для следствия важно было сейчас же, при первом допросе, выяснить, что, где, когда и как должен был сделать завербованный Лысак. Зная это, Зубавин мог бы твердо судить, все ли им меры приняты, чтобы полностью провалился план операции «Бизона». Преследуя эту цель, он выделил для себя ту часть показаний Лысака, где говорилось о том, что Крыж послал на паровоз своего подшефного с далеко идущими намере-

ниями. «Какие же именно намерения были у Крыжа?» — спросил Зубавин. К Лысаку должен был подойти железнодорожник, молодой мадьяр, и, улучив удобный момент, завязать с ним специальную беседу.

— А по каким приметам он узнал бы, что именно вы являетесь доверенным лицом «Креста», что именно с вами надо завязать специальную беседу?

Андрей Лысак на этот вопрос Зубавина ответил так:

— В верхнем кармане моего комбинезона должен был быть букетик горных фиалок.

— Понятно. А по каким приметам вы должны были опознать своего собеседника?

— На его голове черный берет, а на указательном пальце правой руки — толстое кольцо с камнем в виде игральной карты.

— О чем вы должны были беседовать с этим молодым мадьяром? — спросил Зубавин.— Вам это известно?

— Да. Я слово в слово запомнил пароль. Венгерский железнодорожник должен был подойти ко мне и, улыбаясь, снять с головы берет и сказать по-русски и по-мадьярски: «Здравствуйте, товарищ». Я должен был ответить ему только по-русски: «Здравствуй». Потом он угощает меня венгерской сигаретой, а я его — советской. Прикурив, он спрашивает: «Какая у вас, в Советском Союзе, погода?» Я отвечаю: «Такая же, как и у вас, хорошая».

Андрей Лысак замолчал, робко взглянул на майора Зубавина, ожидая увидеть на его лице злую усмешку.

— Дальше,— сказал Зубавин.

Лысак продолжал:

— Потом он должен был сказать мне, куда положил посылку.

— Что за посылка?

— Этого я не знаю. И вообще... я больше ничего не знаю. Все рассказал.

— Хорошо. На сегодня довольно.

Зубавин отправил Андрея Лысака в камеру предварительного заключения. Некоторое время он молчал раздумывая. Потом вдруг спросил, обращаясь к лейтенанту Гойде:

— Завтра как будто отправляется в свой первый заграничный рейс комсомольский паровоз Олексы Сокача?

— Да, товарищ майор.

— А мог бы Сокач выполнить одно наше деликатное поручение?

— Понял, товарищ майор. Олекса Сокач все сделает. Ручаюсь.

— Ну, если так, пригласите Сокача к нам для беседы.

— Есть пригласить Сокача для беседы! — Гойда лихо повернулся на каблуках, рванулся к двери, исчез.

Пока Гойда разыскивал по всему Явору своего друга, Зубавин приказал срочно доставить к нему из тюрьмы Любомира Крыжа. Его привезли через полчаса. Он вошел в кабинет впереди конвойного — руки за спиной, сутулый, в черном пиджаке, чернолицый, в темной рубашке без галстука, с глубоко запавшими глазами, небритый, постаревший лет на двадцать. Он угрюмо, исподлобья взглянул на майора и остановился у порога с опущенной головой.

Зубавин отпустил конвоира, а Крыжу указал на ближайший стул:

— Садитесь и рассказывайте, мистер бывший резидент, зачем вы завлекли в свою шайку Андрея Лысака.

Крыж поднял голову и с удивлением посмотрел на майора:

— А больше ничего вас не интересует? Только этот щенок? Я решил рассказать все, решительно все, что знаю.

— Чему же мы обязаны такой словоохотливости?

Крыж быстро, не задумываясь, не медля ни секунды, ответил:

— Я слишком опытен и умен, осмеливаюсь сказать, чтобы не понять, в какое безвыходное положение попал. И потом... тюремная жизнь не для меня.

— Понимаю. Нервы.

— Да, не скрою, я спешу к финишу. Пожил, хватит... Пусть как можно скорее приходит конец. Одним словом, я не буду ни в чем запираться. Расскажу все, даже то, что мог бы легко скрыть. О, история моей жизни поучительна! Родился я в знаменитом поместье...

Зубавин нетерпеливым взмахом руки остановил Крыжа:

— Вашу историю жизни потом расскажете. Сейчас отвечайте пока на вопросы. Зачем вам понадобился Андрей Лысак?

— Я хотел сделать из него хорошего связника.

— И для этой цели послали в бригаду Олексы Сокача?

— Да, именно с этой целью. В свой первый же заграничный рейс Лысак должен был связаться в Тиссаваре с агентом разведцентра и доставить нам в Явор важную посылку.

— От кого эта посылка?

— Мой квартирант говорил, что из разведцентра, от «Бизона».

— Каково ее содержание?

— Если верить «товарищу Червонюку»,— усмехнулся Крыж,— то «Бизон» решил послать нам какую-то новинку — портативную мину замедленного действия и страшной разрушительной силы.

— Для какой цели?

— Взорвать большой мост на Тиссе или какой-нибудь туннель.

— При каких обстоятельствах должен был встретиться Лысак с агентом разведцентра? Явка? Пароль?

Крыж рассказал слово в слово то, что уже было известно Зубавину от самого Лысака. Записав показания Крыжа, Зубавин отправил его в тюрьму и пошел к полковнику Шатрову.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Галочка» медленно прошла контрольный пост. У окна паровозной будки стоял Олекса Сокач. В верхнем кармашке его комбинезона синел букетик горных фиалок.

У свежепобеленной будки, в солнечном проеме распахнутых дверей стояла стрелочница с медным начищенным рожком в руках. В ее русые волосы тоже были вплетены горные фиалки.

— Куда едешь, Олекса?

Сокач сдержанно, неопределенно помахал рукой.

— В какую часть света? — допытывалась стрелочница.— В Карпаты?

Сокач отрицательно покачал головой.

— В Румынию?
— Нет.
— В Чехословакию?
— Гадай дальше.
— К польской границе?
— Не угадала!
— Ага, знаю — Венгрия?
— Ах, какая ты умная!

Фыркая паром в отводную трубку тормозного насоса, «Галочка» прошла мимо стрелочницы.

Олекса сжал паклю в тугой комок и, смеясь, бросил в девушку, целясь в ее русую голову:

— Держи, Анна, и мой букет!

Она перехватила паклю на лету и, пробежав несколько шагов, вернула подарок в раскрытое окно будки паровоза:

— Приколи своей невесте!

«Галочка» осторожно, на самом малом пару, покатилась к восточным воротам станции.

Еще не скрылась из глаз русоголовая стрелочница с медным рожком, а Сокач уже забыл о ней. Даже если б на месте Анны стояла сама Ганна-Терезия, то и тогда бы она не закрыла приманчивые дали этого чудного дня.

Впереди по ходу паровоза, за осокорями-великанами, за водокачкой, за входным семафором, за Тиссой, лежала Большая Венгерская равнина. Справа, на фоне чехословацких земель, подернутых маревом, возвышались красные корпуса и высокая труба кирпичного завода. Позади, на северо-западе, поднимались многоярусные Карпатские горы — сначала небольшие, почти холмы, потом выше и выше, все ближе к небу. Слева, поверх черных и красных крыш вагонов, медленно тянулись южные склоны предгорья Карпат, сплошь покрытые виноградниками. С юго-востока,

от Трансильванских Альп, вереница за вереницей, летели дымчатые, веселые, с косыми солнечными линиями тучи.

С юга, с Большой Венгерской равнины, струились теплые воздушные массы, нагретые у берегов Атлантического океана.

С юго-запада, со стороны Словакии, шагало бесчисленное войско, одетое в зеленые и бело-розовые одежды — яблони, груши, абрикосы, черешни. Во главе их стояли осокори-великаны.

И только на севере, где-то в поднебесье, наверное в районах Высоких Бескид, все еще была настоящая зима. Там сияли белоснежными вершинами горы.

Взглянув на снежные горы, Сокач сейчас же забыл о них. Он видел только весну и ее одну чувствовал.

«Галочка» прошла выходные стрелки и, повинуясь рожку стрелочника, вернулась на четвертый путь, где стоял готовый к отправке состав пульманов, груженных коксом, рудой и чугуном в слитках.

Кондукторская бригада начала принимать поезд.

Главный с откровенным любопытством посмотрел на молодого механика, как бы спрашивая глазами: неужели ты, такой молокосос, поведешь за границу поезд?

К паровозу подошел капитан пограничных войск.

— Прошу паспорта,— сказал он.

Олекса, кочегар и помощник спустились на землю, вручили пограничнику свои новенькие паспорта. Тот внимательно посмотрел их и молча удалился по направлению к станции.

— Что такое? — встревожился Иванчук.— Почему не вернул?

— Зарегистрирует и вернет. Такой порядок.— Олекса говорил уверенно, спокойно, словно ему уже сто раз приходилось пересекать границу.

Тем временем кондукторская бригада приняла поезд. Главный получил поездные документы и аккуратными пачками складывал их в свою кожаную сумку. Осмотрщик автоматических тормозов написал справку о том, что все тормоза в порядке, и выдал ее главному. На путях появился смуглолицый, в красной фуражке дежурный по станции. Ажурная рука семафора поднялась кверху. Таможенники сделали свое дело. Стрелочница подготовила дорогу маршруту.

А пограничника все нет и нет.

Наконец к паровозу подошел и оператор с маршрутом и вручил его Сокачу. В путевой телеграмме было сказано, что дежурный венгерской станции Лайош ожидает к себе советский поезд № 733 в составе семидесяти шести осей.

Все, решительно все готово, а пограничника...

Вот он! В руках у него стопка темнокрасных книжек. Лицо капитана теперь было добрым, приветливым — лицо человека, исполнившего святой долг. Он быстро роздал паспорта движенцам и паровозникам и, сдержанно, одними глазами, улыбнувшись, приложил руку к козырьку зеленой фуражки.

Главный кондуктор дал свисток. Сокач почти в то же мгновение откликнулся протяжным, веселым гудком.

Далеко-далеко разнесся голос «Галочки» — по тихой солнечной долине, вверх и вниз по Тиссе, по предкарпатским предгорьям, по границе.

Знаменитая равнина большой тисской долины

ложилась под колеса «Галочки». Позади, в Карпатах, всего в двух часах езды отсюда,— туннели, пробитые в скалах, головокружительные мосты, грохочущие по камням речушки, буковые леса, водопады, еловые горы, окутанные облаками, туман и дождь, а здесь — неоглядная морская ширь колхозных полей, теплое, почти жаркое солнце, безветрие, тишина весеннего дня. Справа, вдоль железнодорожного полотна, тянулись то черные, с рубчатыми следами гусениц трактора, огородные массивы, то зеленеющие поля озимых. Слева через окно помощника видны луга, а за ними молодые и старые сады.

Из-за деревьев показалась изумрудная линия дамбы, прикрывающая долину от наводнений. Это уже граница. Владения колхоза «Заря над Тиссой».

На травянистых откосах дамбы паслось разноцветное стадо коров. Трактор, сияя на солнце гусеницами, пахал землю. В древнем русле Тиссы, на приволье теплых дождевых вод, резвилось стадо гусей. Тут же, засучив штаны, белоголовые мальчишки ловили рыбу самодельными сетями. Осокори-великаны, уже зеленые от подножия до вершины, возвышались за дамбой, их густые тени лежали почти у самого берега Тиссы. Галчиные стаи лакомились в пограничных садах прошлогодней падалицей.

Еще один небольшой поворот железнодорожного полотна — и на паровоз начала надвигаться громада стального моста, переброшенного через Тиссу.

Там, посередине реки, и проходит государственный рубеж.

Олекса Сокач, Иванчук, Довбня, кондуктор, поездной мастер — все, кто вел поезд, молча

всматривались в медленно приближающуюся границу.

Граница!.. Грань государства. Еще в далекие-далекие времена начали люди «рубеж рубить и грань гранить». Русский от немца, немец от француза, болгарин от турка отгораживались горами и пустынями, реками и болотами, лесами и степями, штыками и пушками, вековой смертельной враждой. И только меч и кровь, огонь и разорение на время стирали границу между народами. Мир был редким и недолгим гостем на всех государственных границах земного шара. Никакой народ ни в какую эпоху не мог протянуть через границу другому народу руку дружбы, братства и соединить свои усилия в борьбе за лучшую жизнь. Много сот лет назад китайцы воздвигли на своих границах Великую стену, существующую и поныне. Но еще выше этой стены, еще неприступнее стали национальные перегородки в умах людей. Немецкие завоеватели считали свои западные и восточные границы пределом, краем, концом «культурного, организованного, идеально сложенного германского мира». Турецкие поработители тоже считали, что «идеал прекрасного заключен лишь в пределах их мусульманского мира». Японские самураи чувствовали себя на своей земле самыми «великими людьми». Испокон веков уж так повелось: англичанин кичился перед французом, испанец — перед португальцем, итальянец — перед греком. Все они вместе презирали желтокожих и чернокожих, у индийцев, мавров, корейцев, негров, китайцев власть имущие в свою очередь воспитывали ненависть к белокожим. Непроходимые границы, «межи да грани, ссоры да брани» вдоль и поперек разрезали земной шар и людские сердца. Из поколе-

ния в поколение передавалось человеку это чувство границы, черты раздела.

И отец, и дед, и прадед Олексы Сокача, и все их предки жили под чужеземным гнетом. В течение тысячи лет, от Арпада, вождя мадьярских племен, вторгнувшихся в 898 году в Закарпатье, до фашистского фюрера Хорти, правители Венгрии угнетали закарпатских украинцев. Кому принадлежали лучшие закарпатские земли? Венгерским графам и баронам. Чьи села располагались на самых удобных местах, большей частью на равнине, вблизи рек? Венгерских кулаков. Куда шли налоги? В венгерскую казну. На каком языке заставляли учиться украинских детей? На венгерском. На каком языке разговаривали ужгородские, мукачевские, хустские судьи, чиновники, полицейские? На венгерском. Чьи плети и пули усмиряли непокорных украинцев? Венгерские. Память Олексы Сокача до сих пор, уже против его воли, хранила песни, легенды, басни и были, в которых проклинались вековые поработители.

Так было до тех пор, пока венгерский народ не взял власть в свои руки и не был положен конец национальному гнету.

Все ближе и ближе мост. Пограничники один за другим покидали тормозные площадки вагонов. Соскочив на землю, они торопливо, словно готовясь к парадному смотру, оправляли на себе ремни, гимнастерки, воротнички, фуражки и молча, со строгим и торжественным выражением лиц провожали поезд, идущий уже по самому краю советской земли.

Иванчук приложил руку к козырьку фуражки:

— До свидания, зеленая гвардия!

Паровоз поравнялся с деревянным грибом, в тени которого стоял пограничник. Это уже по-

следний часовой. Рядом с ним, в двух шагах,— красно-зеленый четырехгранный бетонный столб. Он медленно уходил назад. Сиял в лучах солнца герб из нержавеющей стали.

Поезд окунулся в прохладный туннель моста, под которым далеко внизу протекала полноводная, все еще мутная от дождей и горных вод Тисса. Олекса потянул за рычаг свистка. Стальные фермы моста, как струны гигантского орга́на, повторили голос «Галочки». Сотни голубей выпорхнули из своих гнездовий на вершине моста. Разделившись на стаи, они летели вдоль поезда, сопровождая его вплоть до венгерского берега.

Иванчук поднял к небу гладко выбритый, разделенный ложбинкой подбородок:

— Почетный эскорт.

Пограничный столб с гербом Венгерской Народной Республики. Белый катер у дощатого причала. Полосатая будка пограничной стражи. Часовой в огромном картузе и табачного цвета мундире, в шароварах навыпуск, в черных начищенных ботинках. Водокачка. Поворотный круг. Депо. Станция Тиссавара.

Венгерская земля. Такая же, как и украинская,— зеленая, обогретая солнцем.

Другая форменная одежда на венгерских железнодорожниках — стального цвета, с красными узкими погонами, другой звучит язык, но сколько и здесь, за границей, родного советскому сердцу! Железная арка у здания вокзала, под которой проходят все поезда восточного направления, увита цветами, лентами. По всей дуге арки тянется алый транспарант с надписью на венгерском и русском языках: «Привет народам Советского Союза — друзьям венгерского народа!» В центре арки два флага — кумачовый и красно-

бело-зеленый,— скрещенные над гербами СССР и Венгерской Народной Республики.

Поезд вошел в ширококолейный парк и остановился на четвертом пути. Сейчас же после проверки паспортов пограничной стражей на подножку паровоза вскочил высокий и худощавый железнодорожник венгр.

Олекса невольно посмотрел на руки венгра. На его пальцах не было никаких колец и на черноволосой голове не красовался берет — она была не покрыта. Подняв кверху лицо, энергичное, молодое, белозубое, с черной полоской усов на пухлой губе, он быстро, вперемешку, то по-венгерски, то по-русски, то по-украински, то опять по-венгерски, проговорил:

— Ио напот киванок! (День добрый!). И локомотив новый и механик новый. Хороший локомотив, таких еще не было в Тиссаваре. Дуже добре! Как тебя зовут?.. Олекса? Розумию. По-мадьярски — Шандор. А я — Золтан Сабо. Пали!

Венгр угостил Олексу и его бригаду сигаретами. Все закурили и, улыбаясь, некоторое время молча смотрели друг на друга. Венгр пристально посмотрел на букетик горных фиалок в кармане Сокача.

— Золтан, вы составитель? — спросил Олекса на таком чистейшем венгерском языке, что Сабо изумленно раскрыл глаза и воскликнул:

— Шандор, ты знаешь мадьярский? Молодец! Я рад, что мы вместе с тобой будем работать.

— Хорошо будем работать или так себе? — спросил Олекса.

— Хорошо, Шандор! Только хорошо! Как у вас. Я — эльмунгаш. Передовой рабочий.

— Если так, готовь мне настоящий поезд. Большой, тяжеловесный. Не меньше ста осей.

— Сто осей? — Правая рука Золтана, несшая ко рту сигарету, остановилась на полпути. Внимание Олексы привлек указательный палец Золтана — на нем уже сияло толстое кольцо с камнем в виде игральной карты.— Сто осей!! — с восхищением проговорил венгр.— Не вытянешь!

— Вытяну!

— О, Шандор!.. — Золтан достал из кармана черный берет, хлопнул им об пол паровозной будки.— Я сейчас же побегу к Лайошу, нашему секретарю, и все ему расскажу. Жди меня, Шандор! Да, какая у вас в Яворе погода?

— Такая же, как и у вас, хорошая,— быстро ответил Олекса.

— Очень хорошо! Так жди меня, Шандор!

Не признавая ступенек паровозной лестницы, венгр спрыгнул на землю и, водрузив берет на голову, скрылся под вагонами.

Весть о том, что советский машинист вызвался постоянно водить за Тиссу тяжеловесные поезда, быстро разнеслась по станции. Интерес к этому событию был вполне естественен и закономерен для железнодорожников станции Тиссавара. На перевалочной базе тиссаварцы перегружали с поездов широкой колеи на узкоколейные троллейбусы из Москвы, тюбинги для будапештского метро, самоходные запорожские комбайны, молотилки Ростсельмаша, люберецкие жатки, челябинские и сталинградские тракторы, станки «Красного пролетария», слитки донецкого чугуна, горловские врубовые машины для горного бассейна Печ, сложнейшие агрегаты для Сталинвароша, кокс и руду, марганец и автомобили.

Только богатый, щедрый друг, друг на всю жизнь, мог посылать все это.

Был обеденный час.

К девятому пути, откуда должен был уйти за Тиссу тяжеловесный состав, вышло почти все рабочее население станции.

Больше всего людей было в голове поезда, у первого вагона, куда должен был подойти паровоз. Железнодорожники в стального цвета обмундировании и огромных картузах. Русые, черные, золотистые головы девушек. Босоногие, в перекрещивающихся помочах мальчишки. Слесари в замасленных комбинезонах. Землекопы в помятых шляпах и жилетах поверх рубах, с засученными рукавами. Пограничники с карабинами и в табачных штанах навыпуск. Плотники в кожаных фартуках. Рыбаки со жгутами сетей на плечах и трубками в зубах...

Десятки, сотни глаз, полные любопытства, дружеского внимания и одобрения, смотрели на паровоз «ЭР 777-13», медленно подходивший на девятый путь со стороны восточных ворот станции.

В толпе, собравшейся провожать поезд, в ее первом ряду Сокач увидел составителя Золтана Сабо.

— Ну как, Шандор, не страшно? — спросил Золтан Сабо, кивая на состав, хвост которого пропадал где-то у западных ворот станции.— Не раздумал? — добавил он, сверкая белой полосой зубов и пощипывая свои усики.

Олекса ответил не сразу, он изо всех сил старался быть спокойным, не раскрыть, о чем думал. А думал он о Золтане Сабо: «Какой притворщик! Как он ловко маскируется!»

Золтан Сабо по-своему понял сдержанность

Сокача. Ему показалось, что советский механик не уверен в себе. Выражение озабоченности, тревоги и даже разочарования показалось на лице составителя.

— Конечно, не раздумал,— поспешил сказать Олекса.— Что за вопрос!

— Дай руку, Шандор! — Золтан широко размахнулся, с веселым звоном шлепнул ладонью по ладони Сокача и вручил ему овальную медную пластинку с латинскими штампованными буквами.— Получай нашу гарантийную марку! — Мою! Автоматчиков! Вагонных мастеров! Грузчиков! Всех рабочих и служащих станции Тиссавара.— Тихо, шепотом он добавил: — Посылка на дне тендера, под водой.— Он еще раз размахнулся и ударил Олексу ладонью по ладони: — Пойдем принимать поезд!

Олекса и Золтан быстро, словно стараясь обогнать друг друга, шли вдоль состава.

Один — высокий, широкоплечий, плотный, русоголовый, с опущенными ресницами, с застенчивым выражением очень юного и очень красивого лица. Другой — высокий, сутулый, верткий, скрывающий свою худобу огромными ватными плечами безукоризненно сделанной форменной тужурки, с приглаженными, напомаженными волосами, с модными усиками, с откровенно хвастливым выражением лица: «Смотрите, смотрите, с кем я иду... И вы знаете, что он собирается совершить? Чудо! А кто его организовал? Я, Золтан Сабо. Да, представьте, я! Можете меня поздравить».

После осмотра поезда они вернулись к паровозу. Народу заметно прибавилось. Появился даже оркестр с новенькими белыми трубами. Над толпой развевались трехцветный национальный

флаг и советский красный. На земле лежали велосипеды, брошенные так небрежно, словно они уже никогда не могли понадобиться их владельцам. В кузове грузовика стояли пионеры в темно-синих с белой полоской шапочках, в белых рубашках с синими галстуками, узлы которых были перехвачены красными кольцами. В руках у каждого пионера — трехцветный флажок с изображением кирки. Мальчики и девочки подняли их над головами и дружно приветствовали Сокача:

— Элоре, пайташок!

Олекса по смыслу возгласа — «Вперед, друзья!» — и по его торжественному звучанию понял, что это боевой клич пионеров.

— Все в порядке? — подойдя к паровозу, спросил главный.

Десятки людей молча, глазами, беспокойным выражением лиц, повторили этот вопрос.

Сокач кивнул головой и поднялся на паровоз.

— Что делается, что делается!..— взволнованно пробормотал Иванчук.— Как в нас верят! Да если мы не вытянем такую махину на подъем и растянемся, так это же будет позор на весь мир.

Сокач посмотрел на кочегара, потом — на манометр, на водомерное стекло. Воды и пара в котле было достаточно. В топке бушевало белое пламя. Воздушный насос работал нормально.

Гул на путях затихал. Праздничная толпа придвинулась к паровозу. Сотни людей ждали, как «ЭР 777-13» тронет с места такой необыкновенно длинный и тяжелый поезд, как поведет его на подъем, к мосту через Тиссу, в СССР.

Автоматчик выдал справку о тормозах. Начальник станции собственноручно вручил путевую телеграмму из Явора. Главный дал свисток.

Над толпой затрепетали платки, кепки, шляпы,

трехцветные флажки. Духовой оркестр грянул марш. Посыпалась дробь пионерских барабанов. Юные голоса закричали: «Элоре, пайташок!» И все это было вдруг заглушено гудком паровоза. Что это был за гудок! Мощный и нежный. Протяжный и в то же время резкий, как вспышка молнии. Ликующий и властно зовущий.

— Ишь, как запела наша «Галочка»! — проговорил Иванчук.— Гимн, а не гудок.

— Гудок как гудок,— проворчал Сокач.

Сжав зубы так, что скулы окаменели, он отпустил реверс вперед на все зубья и осторожно открыл регулятор на малый клапан. Состав тронулся легко, плавно. Длинная линия автоматического сцепления растягивалась равномерно, почти без всякого грохота.

Сокач внимательно следил за выхлопами в трубу. Они были редкими, напряженными, полнозвучными. В них, в этих выхлопах, чувствовалась уверенная сила паровых машин, действующих в строгом соответствии с возможностями ходовой части и рельсового пути.

Выхлопы в трубу стали чаще, менее напряженными, почти свободными.

И только теперь Олекса перевел дыхание, вытер мокрый лоб, выглянул в окно.

С земли донеслось певучее, тонкоголосое:

— Элоре, пайташок!

Поезд пошел мимо пионеров, мимо брошенных велосипедов.

Вырвавшись на простор, Сокач открыл регулятор на большой клапан, а реверс подтянул до четвертого зуба.

Локомотив теперь шел на самом экономичном ходу: с минимальным расходом пара и топлива. Несмотря на это, скорость не снижалась.

Все ближе и ближе Карпатские горы. Скорость нарастала. Пятьдесят, пятьдесят пять, шестьдесят километров... Телеграфные столбы мелькали один за другим. Хлебные поля сливались в сплошной зеленый массив.

На той стороне пограничного моста, на правом берегу Тиссы, Олекса по знаку пограничников остановил поезд. Из рощицы, зеленеющей у основания железнодорожной насыпи, вышла группа военных и штатских. Среди них Олекса узнал майора Зубавина и своего друга, лейтенанта Гойду.

Олекса спустился с паровоза на землю.

— Ну как? — с тревогой спросил Зубавин.

— Поручение выполнено, товарищ майор. Посылка на дне тендера, под водой.— Олекса не мог сдержать гордую, радостную улыбку.

— Спасибо, товарищ Сокач! — Зубавин крепко пожал руку разведчику-добровольцу.

Василь Гойда между тем молча, деловито расстегнул ворот рубашки, снял пиджак, расшнуровал ботинки. Оставшись в одних трусах, он спросил, обращаясь к Зубавину:

— Разрешите нырнуть, товарищ майор?

— Ныряйте. Да осторожнее.

Гойда полез на тендер, полный угля и воды. Опустив ноги в люк и держась руками за его железную крышку, он медленно, с силой втягивая в легкие воздух, стал погружаться в темную холодную воду. Когда вода дошла ему до подбородка, он разжал руки и нырнул. На стальном днище тендера он скоро нащупал упругий резиновый, должно быть, герметически закрытый ящик небольшого размера. Ориентируясь на светлое пятно люка, он благополучно поднялся на

поверхность, держа «посылку» над головой. Пять или шесть пар рук подхватили ее.

Через пять минут Олекса получил разрешение следовать дальше, в Явор.

Хорошо было мчаться на юг, от подножия прохладных гор, с севера на юг,— к Тиссе, к жаркой равнине... Шире и шире, все приманчивее была весенняя земля, все прозрачнее воздух. Стоило подняться еще чуть-чуть выше, хотя бы туда, где пел жаворонок,— и сразу бы ты увидел далеко на западе Будапешт, а на юге — Сегед и Балканские горы, а еще левее — Трансильванские Альпы.

Хорошо мчаться и теперь, с юга на север, от равнины к подножию Карпат, навстречу белоснежным вершинам гор... Прохладнее становится воздух. Вырастают холмы, рощи. Новые и новые горы поднимаются на горизонте. Звонче поют колеса на стыках рельсов. Небо, такое недоступное там, на равнине, теперь все ближе и ближе к земле, небо Закарпатья, небо Родины.

Ровно в тринадцать часов поезд № 777 прошел под пограничной аркой станции Явор.

Медленно, как океанский теплоход, проплыл дворец вокзала, отделанный гранитом и мрамором, с бемскими стеклами в дубовых дверях и окнах.

Поезд шел тише и тише. Не доходя метра три до контрольного столбика, он остановился.

— Эй, механик, где ты там? — донесся снизу, с земли, знакомый голос.

Олекса выглянул в окно. У паровоза стоял бритоголовый, с красным и мокрым лицом инженер Мазепа.

— Как у тебя с углем? — тяжело дыша и ласково трогая свою лысину, спросил он.— Еще на рейс хватит?

— Если в Венгрию или в Чехословакию поеду, то хватит туда и обратно.

— А воды?

— Немного надо добавить, кубиков пять.

— Топка не зашлакована?

— Почистим, пока воду будем брать.

— Больше я ничего не спрашиваю. А буксы и подшипники и весь паровоз, конечно, в идеальном порядке?

— Вроде бы так,— скромно ответил Сокач.

— Вот и хорошо. Поведешь пражский поезд с делегатами Всемирного конгресса сторонников мира.

На главном пути станции Явор уложено четыре рельсовых пути: два узкоколейных — для заграничных поездов, и два ширококолейных — для советских. Сюда и были поданы вагоны пражского экспресса, расцвеченные национальными флагами СССР, Китая, Кореи, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польши и других стран.

Олекса поставил «Галочку» во главе поезда задолго до отправления. Стоя у окна, он не сводил глаз с дубовой двери досмотрового зала, откуда должны были выходить на посадку делегаты Всемирного конгресса сторонников мира.

Первыми показались китайцы в своих синих куртках и черных мягких фуражках. Их было, как подсчитал Олекса, сорок четыре человека. Два рослых, широкоплечих юноши несли огромное алое полотнище с белыми иероглифами. Олекса, конечно, не знал китайского языка, но он без

труда догадался, что было начертано на китайском знамени. Мир и дружба! Долой войну! Да здравствует победа свободолюбивых народов!.. То есть то, что написано на знамени каждой делегации.

Тысячи яворцев, стоявших на перроне вокзала, проводили гостей бурными аплодисментами и приветственными криками. Китайцы, все как один улыбаясь, ответили дружным возгласом: «Мир и дружба! Мир и дружба!»

Олекса неистово, изо всех сил хлопал в ладоши. Как он любил сейчас этих смуглолицых, чуть-чуть желтокожих и черноволосых солдат мира, как гордился ими, какие все они для него родные...

Ему хотелось соскочить с паровоза, обнять каждого. Олексе казалось, что китайцы до сих пор — хотя со времени войны прошло немало лет — овеяны дымом сражений, и на их лицах ему виделся отсвет великой победы на Янцзы, в Пекине, под Нанкином, в Шанхае.

Один китаец — небольшого роста, плотный, широкий в плечах, с большой, наголо остриженной головой, черноглазый, с очень морщинистым лбом и белозубой улыбкой — отделился от группы своих товарищей, проследовавших в вагон, и побежал к паровозу.

— Шань-го! — проговорил он с восхищением, любуясь «Галочкой».— Красавица! — добавил он на хорошем, хотя и не без акцента, русском языке.— Ты механик? — спросил он, снизу вверх глядя на Олексу.

Олекса кивнул и спустился на землю.

— Я тоже механик. Из Харбина,— сказал китаец, протягивая руку.— Здорово, суляньжень тунчжи! Понимаешь? — Китаец похлопал Олексу

по плечу, и его белые зубы стали видны все, вплоть до коренных.— Это значит: здравствуй, советский товарищ!

Олекса был счастлив, что китаец подошел к его паровозу, что оказался таким разговорчивым, простым, веселым.

— Здравствуй, китайский товарищ! Как вас зовут?

— Го Ше-ду. А тебя, суляньжень тунчжи?

— Олекса Сокач. Когда же вы успели так здорово научиться русскому языку, Го Ше-ду?

— Язык Ленина очень легкий, очень хороший язык! — ответил китаец. — У нас в Харбине много русских людей. Десять лет я работал с Иваном Ивановичем Орловым. Шань-го! Хороший человек. Настоящий орел! Похож на тебя. Нет, ты похож на него.

Китаец засмеялся, заметив, как густо покраснел и смутился «суляньжень тунчжи».

Пограничник, стоявший недалеко от паровоза, приложил руку к козырьку, напомнил китайскому товарищу, что посадка заканчивается и что поезд скоро отправится.

Го Ше-ду пожал руку Олексе и пошел к своему вагону.

Капитан-пограничник вручил бригаде заграничные паспорта, главный кондуктор дал свисток, и Олекса бережно сдвинул легкий поезд с места и, не торопясь, на самом малом пару, повел его на юго-запад, к советско-чехословацкой границе.

Тысячная толпа яворцев загудела, замахала руками, шляпами, фуражками, платками.

Делегаты конгресса, стоя у открытых окон, отвечали на приветствия яворцев.

Олекса прибавил пару. Поезд набрал полную скорость и вырвался за станционные стрелки.

Мягко постукивая по рельсам, покатился по равнине.

Каменица, широкая, в плоских берегах, совсем уже не похожая на горную реку, бежала рядом, справа. На ее гладкой поверхности лежали синие, с вкрапленными блестками серебра тени предвечернего неба. На западе, куда мчался поезд и куда несла свои отяжелевшие воды Каменица, горело багровое море заката. Оттуда, из этого солнечного моря, вдруг возникла пограничная арка, увитая зеленью и кумачовой лентой. На ленте было написано по-русски и по-чешски: «В наш век все дороги ведут к коммунизму». За пограничной аркой выстроились сотни словацких девушек в белых платьях, простоволосых, с букетами цветов, поднятых над головами. Еще дальше виднелась и первая чехословацкая станция с хорошо приметной крышей, выложенной белой и черной шашкой.

Олекса передвинул регулятор на малый клапан. Поезд миновал зелено-малиновые пограничные столбы и тихо пошел по чехословацкой земле, вдоль живой, цветущей изгороди: красивые, приветливые девушки плотными шеренгами стояли по обе стороны железной дороги, на зеленом фоне бескрайних озимых хлебов, под зоревым небом.

Олекса отвечал на приветствия словацких девушек с таким сердечным ликованием, словно только он и его бригада были первопричиной этого чудесного праздника братства.

Александр Остапович Авдеенко
ГОРНАЯ ВЕСНА. Повесть

Редактор *Т. П. Ковалевская*
Художник *Ю. П. Ребров*
Технический редактор *Е. Н. Слепцова*
Корректор *Р. П. Сусликова*

Сдано в набор 30.12.55 г.
Подписано к печати с матриц 23.6.56 г.
Формат бумаги $70 \times 92^1/_{32}$ — 15 печ. л.
17,55 усл. печ. л. 18,922 уч.-изд. л.
Г-24145
Военное Издательство
Министерства Обороны Союза ССР
Москва, Тверской бульвар, 18
Изд. № 1/9214. Зак. № 319

2-я типография имени К. Е. Ворошилова
Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР
Ленинград, 65, почтовый ящик № 343

Цена 6 р. 30 к.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 104, Тверской бульвар, 18, Управление Военного Издательства.

Цена 6 р. 30 к.

А. АВДЕЕНКО – ГОРНАЯ ВЕСНА